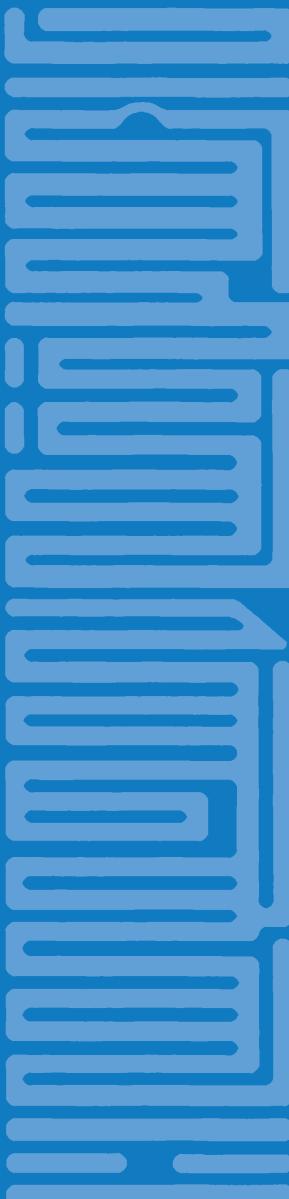

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

Т. 17
№ 2
2025

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2025. Т. 17. № 2

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издаётся с 2002 г.

Журнал «Монголоведение» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная цель издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru
Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ №. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,

Ethnology and Anthropology);

Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор

канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундужузов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пүрбэев**, Институт языкоznания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия,
г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова

Редактор: Т. А. Михалева

Верстка: А. Н. Когданов

Ответственный секретарь: И. Б. Манджиева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

A. Alimaa, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);

B. V. Bazarov, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);

A. T. Bayanova, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);

A. Birtalan, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);

I. V. Bulgutova, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);

L. S. Dampilova, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);

S. V. Dzhundzhuzov, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);

C. Humphrey, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);

R. M. Khaninova, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);

N. Khishigt, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);

L. V. Kuras, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);

V. N. Mushaev, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);

D. N. Muzraeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);

U. B. Ochirov, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);

K. V. Orlova, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);

A. M. Plekhanova, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);

G. Ts. Pyurbeev, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);

A. D. Tsendina, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);

N. L. Zhukovskaya, Dr. Sc. (History), Mikluho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);

G. M. Yarmarkina, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Editor: T. A. Mikhaleva

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: I. B. Mandzhieva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Жуковец О. Ю., Склярова Е. К., Камалова О. Н., Хаджиева Б. М. Монголия и «казиатской вопрос» в викторианской внешней политике Британии 198

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Минасян Е. Г., Крючков И. В., Ганаланян Т. А., Мхоян А. Х. Участие армян в боях на Халхин-Голе 211

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Бахчинян А. Г., Бахчинян Г. Г., Степанян Г. С. Фишенкджян (Фчнкджян) А. А. Армянский поэт XIII в. о монголах 224
Митруев Б. Л. О грамоте Панчен-ламы Лобсанг Еше, данной калмыкам 235

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Махачкеева Г. В. О традиционных играх, забавах и развлечениях бурят Предбайкалья (на примере аларских бурят) 254
Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Люди и (языковые) ландшафты в теории и практике социолингвистики (на примере Улан-Батора) 275

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Чимитдоржсева Г. Н. Редупликация и / или парные слова в монгольских языках: дискуссия к вопросу о статусе (краткий обзор) 294
Сарангэрэл Равжир. Лексемы, обозначающие черный и белый цвета, в монгольском языке: когнитивно-семантический подход 315
Есенова Г. Б., Есенова Т. С., Манджисева Т. В. Калмыцкое слово в русскоязычных средствах массовой информации Республики Калмыкия 341
Ярмаркина Г. М. Приемы воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их отражение в синхронических русских переводах XVII–XVIII вв. Часть 2 360
Кукаanova A. D., Кукаanova B. B. Нейросетевые модели грамматического анализатора для калмыцкого языка: опыт обучения 371

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Садалова Т. М., Янжиндулам В. Сюжетные мотивы в эпосах «Майдай-Кара» и «Бум-Эрдени» 391

C O N T E N T

GENERAL HISTORY

- Zhukovets O. Y., Sklyarova E. K., Kamalova O. N., Khadzhieva B. M.* Mongolia and the “Asian Issue” in British Victorian Foreign Policy 198

NATIONAL HISTORY

- Minasyan E. G., Kryuchkov I. V., Ghanalanyan T. H., Mkhoyan H. Kh.* Participation of Armenians in the Battles of Khalkhin Gol 211

SOURCE STUDIES

- Bakhchinyan H. G., Bakhchinyan A. G. Stepanyan G. S. Fishenkjian (Fchnkjian) A. A.* 13th Century Armenian Poet about the Mongols 224
Mitruiev B. L. The Charter Bestowed by Panchen Lama Palden Yeshe upon the Kalmyks 235

ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

- Makhachkeeva G. V.* About Traditional Games, Amusements and Entertainments of the Buryats of the Pre-Baikal Region (using the example of the Alar Buryats) 254
Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L. People and (linguistic) Landscapes in the Theory and Practice of Sociolinguistics (the case of Ulaanbaatar) 275

LINGUISTICS

- Chimitdorzhieva G. N.* Reduplication and / or Paired Words in Mongolian Languages: Discussion on the Status Issue (a Brief Overview) 294
Sarangerel Rayjir. Lexemes Denoting Black and White Colors in Mongolian: a Cognitive-Semantic Approach 315
Esenova G. B., Esenova T. S., Mandzhieva T. V. Kalmyk Word in the Russian-Language Mass Media of the Republic of Kalmykia 341
Yarmarkina G. M. The Techniques of Influencing the Addressee in the Business Letters of Khan Ayuka on “Todo Bichig” (“Clear Letter”) and their Reflection in the Synchronized Russian Translations of the 17th–18th Centuries. Part 2 360
Kukanova A. D., Kukanova V. V. Neural Network Models of Grammar Parser for the Kalmyk Language: Training Experience 371

FOLKLORE STUDIES

- Sadalova T. M., Yanjindulam Victor.* On Plot Motifs in the Epics “Maadai-Kara” and “Bum-Erdeni” 391

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 198–210, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-198-210

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(*Mongolian Studies*)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(410)

UDC 94(410)

Монголия и «азиатской вопрос» в викторианской внешней политике Британии

Ольга Юрьевна Жуковец¹,
Елена Константиновна Склярова²,
Ольга Николаевна Камалова³,
Белла Магомедовна Хаджисеева⁴

Mongolia and the “Asian Issue” in British Victorian Foreign Policy

Olga Yu. Zhukovets¹,
Elena K. Sklyarova²,
Olga N. Kamalova³,
Bella M. Khadzhieva⁴

¹ Государственный морской университет им. адмирала Ф. Ушакова (д. 93, пр. Ленина, 353918 Новороссийск, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

0009-0004-4338-9236. E-mail: seal[at]mail.ru

² Южный Федеральный университет (д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор Dr. Sc. (History), Professor

0000-0002-0751-5838. E-mail: affina18[at]mail.ru

³ Ростовский государственный медицинский университет (д. 29, Нахичеванский переулок, 344022 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат философских наук, доцент Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

0000-0002-4379-8927. E-mail: kamalovaolga[at]mail.ru

⁴ Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова (д. 17, пр. Бульвар Дудаева, 366007 Грозный, Чеченская Республика)

кандидат исторических наук, преподаватель Cand. Sc. (History), Professor

0000-0002-6702-8804. E-mail: magbella[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Жуковец О. Ю., Склярова Е. К., Камалова О. Н., Хаджиева Б. М., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Zhukovets O. Y., Sklyarova E. K., Kamalova O. N., Khadzhieva B. M., 2025

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена политике Британии в отношении Монголии в эпоху королевы Виктории. В парламенте Британии Монголия рассматривалась как объект колониальной экспансии в контексте «азиатского вопроса». Данная проблема не изучалась комплексно в свете обоснования необходимости экспансии Монголии для викторианской внешней политики. Вторжение не было реализовано Британией, поскольку Монголия не имела выхода к морю, необходимого для осуществления военно-морского вторжения, создания торговых центров. Все эти проблемы заставляют историков выявлять истоки многовековых противоречий Британии и Монголии, преемственности их внешней политики. Цель исследования — выявление места Монголии в викторианской внешней политике в контексте «азиатского вопроса». *Задачи* исследования предполагают рассмотрение особенностей развития Монголии в свете формирования внешней политики Британии, а также роли парламента и географов в планах экспансии. *Материалы и методы.* Исследование предпринято на основе документов британского парламента, вводимых в научный оборот впервые, а также документов личного происхождения и печати Британии. *Выводы.* Научные и военно-разведывательные исследования Монголии координировались парламентом и Королевским географическим обществом Британии для укрепления границ Британской Индии, торговли и противостояния России в Азии.

Ключевые слова: Монголия, Китай, Индия, Великобритания, Россия, внешняя политика, международные отношения

Для цитирования: Жуковец О. Ю., Склярова Е. К., Камалова О. Н., Хаджиева Б. М. Монголия и «азиатский вопрос» в викторианской внешней политике Британии // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 198–210. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-198-210

Abstract. *Introduction.* The article examines Britain's policy towards Mongolia in the era of Queen Victoria. Mongolia was studied in the British parliament as an object of colonial expansion in the context of the “Asian Issue”. These problems were not considered comprehensively in historiography in the context of justifying Mongolia's expansion and its necessity for Victorian foreign policy. The invasion was not implemented by Britain, as Mongolia did not have access to the sea necessary for naval invasions and the creation of trade centers. All these problems force historians to identify the origins of the centuries-old contradictions between Britain and Mongolia, and the continuity of their foreign policy. The purpose of the study is to identify Mongolia's place in Victorian foreign policy in the context of the “Asian Issue”. The objectives of the study include consideration of the peculiarities of Mongolia's development in the context of the formation of British foreign policy, as well as the role of parliament and geographers in expansion plans. *Materials and methods.* The research is based on parliamentary documents, which are being put into scientific circulation for the first time, as well as documents of personal origin and the British press. *Conclusions.* Scientific and military intelligence research in Mongolia was coordinated by the parliament and Royal Geographical Society of Britain to strengthen the borders of British India, trade and opposition to Russia in Asia.

Keywords: Mongolia, China, India, Great Britain, Russia, foreign policy, international relations

For citation: Zhukovets O. Y., Sklyarova E. K., Kamalova O. N., Khadzhieva B. M. Mongolia and the “Asian Issue” in British Victorian Foreign Policy. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 198–210. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-198-210

1. Введение

Военно-разведывательные операции и экспансия стран Азии стали частью внешней политики Британии в эпоху королевы Виктории. Британия стремилась расширить свое влияние на территории «*Индии, Китая, Канады, в Индийском и Тихом океане, Черном, Белом и Балтийском морях. В парламенте отмечалось, что Азия содрогнулась от британского присутствия*» [Склярова, Максименко 2024: 142]. Монголия также стала объектом пристального внимания правительства, парламента и Королевского географического общества Британии в контексте «азиатского вопроса», который касался в том числе и Тибета [Волкова и др. 2025], и Китая [Жуковец и др. 2024].

Особенности колониальной политики Британии являются предметом дискуссий историков мира. В британской историографии первые исследования, посвященные Монголии, были опубликованы после экспедиции офицера Ост-Индской компании Т. Форсайта [Forsyth 1875: 24, 108]. История Монголии, ее географические особенности стали известны в Британии благодаря Королевскому географическому обществу, основанному в 1830 г., и его члену Э. Иствику [Eastwick 1911: 838]. В труде И. Барроу отражена деятельность разведки Британии, связанной с составлением карт Азии [Barrow 2003: 27]. Независимость Монголии являлась предметом субъективных англо-американских исследований, подчеркивавших, что страна была «буфером между Китаем и СССР» в период крушения династии Цин [Bruun, Odgard 1996: 2], при этом упускалось, что Монголия, как Китай и другие страны Азии, могла стать объектом экспансии Британии еще в эпоху королевы Виктории.

В России первые исследования Монголии были проведены благодаря Русскому географическому обществу, основанному в 1845 г. Именно оно направило Н. М. Пржевальского в Монголию. В 1879 г. Королевское географическое общество Британии наградило его золотой медалью за вклад в «*знания о Центральной и Восточной Азии*», и экспедиции в «*неисследованные части Монголии*» [Notes 1889: 431–432]. Описана была Монголия затем и в исследованиях П. К. Козлова [Козлов 1911]. «Выдающийся путешественник» прошел по степям, горам и пустыням этой страны. Во время его экспедиции в Монголию приезжали «археологи С. Теплоухов, Г. Боровка, геохимик Б. Попынов» [Житомирский 1989: 7–9]. В 1910 г. по приглашению Королевского географического общества Британии он ездил в Лондон с лекциями о Монголии, был награжден золотой медалью этого общества. По мнению М. И. Гольмана, в XIX в. Монголия исследовалась в странах Запада «*в контексте истории кочевых народов*» [Гольман 1988: 41–44]. Е. Г. Сакович считает, что монголоведение прошло несколько этапов развития, начиная с 1950-х гг., когда из ветви синологии, каковым оно было с момента зарождения во Франции и Германии в XVIII в. и до середины XX в., оно превратилось в самостоятельную научную дисциплину [Сакович 2018: 67]. По мнению британских [Hopkirk 2001: 165] и российских [Сергеев 2012: 49] ученых, экспансия Азии рассматривается как часть «Большой игры» России и Британии.

Необходимо отметить, что Монголия в эпоху королевы Виктории была объектом исследования Королевского географического общества Британии не только в свете истории кочевых народов, но и как объект колониальной экспансии. Материалы парламентских дебатов по этому вопросу, а также ряд документов, отражающих планы Британии в контексте «азиатского вопроса», использованы

в историографии фрагментарно, часть целей и преемственность ее внешней политики остаются недостаточно рассмотренными.

Цель данного исследования заключается в выявлении места Монголии в контексте «азиатского вопроса» во внешней политике Британии в эпоху королевы Виктории.

2. Материалы и методы исследования

Исследование предпринято на основе изучения материалов парламентских дебатов, документов личного происхождения, периодической печати Британии, а также отчетов экспедиций русских географов. Их анализ позволил представить образ Монголии, ее место при формировании колониальной политики в британском парламенте в контексте «азиатского вопроса». На основе материалов парламентских дебатов, вводимых в научный оборот впервые, а также при применении историко-генетического, институционального и сравнительного методов исследования доказано, что в эпоху королевы Виктории военно-разведывательные действия и научно-комерческие исследования Монголии проводились и финансировались Королевским географическим обществом, которое совместно с парламентом следило за научными исследованиями и военными действиями России.

3. «Азиатский вопрос» в викторианской внешней политике и парламенте Британии

В эпоху королевы Виктории в парламенте Британии «азиатский вопрос» считался «многогранным», он имел несколько аспектов — «русский, азиатский, англо-индийский и религиозный» [Hansard's 1873: 819]. В ту пору шло становление тихоокеанской политики Британии [Жуковец и др. 2024: 476]. Объектом колониальной политики Британии уже являлись Афганистан, Бирма, Гонконг, Китай, Непал, Персия, Тибет, Туркестан. Параллельно происходило расширение территории России в Азии путем присоединения Кокандского ханства, установления протектората над Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, что вызывало обеспокоенность Британии. Эти события стали частью «Большой игры» — соперничества между Британией и Россией за господство в Азии [Hopkirk 2001: 165]. Борьба шла за территории в Азии, в которой две империи использовали военные, разведывательные и дипломатические методы.

Востоковед Э. Иствик, желая привлечь внимание правительства Британии к положению дел в Азии, отмечал, что «азиатский вопрос достиг той стадии, когда любая отсрочка его урегулирования невозможна» [Hansard's 1873: 818]. Он побывал в Индии, Китае, Гулистане [Eastwick 1852: 431–432], на Кавказе и Каспийском море, в Ашураде и Астрabadе, прошел вдоль границ государств Хорасан и Герат [The Economist 1865: 675–676]. Э. Иствик родился в англо-индийской семье, получил образование в университете Оксфорда, поддерживал контакты с консультантами России в Азии [Eastwick 1911: 838]. Участвуя в обсуждении «азиатского вопроса» как член Королевского Географического общества и депутат парламента (от консервативной партии), он отмечал его практическое значение для Британии и указывал, что «за полтора столетия Россия оказала мощное влияние на Европу, распространив свое владычество в центр континента», что «из трех рас, составлявших великий русский народ,

две — угорская и тюркская — были азиатскими» [Hansard's 1873: 818]. Россия расширила свои владения на юге до 40-й параллели, определив российской территорией Бухарское и Кокандское ханства. Новые территории России он называл «новой русской провинцией» [Hansard's 1873: 818].

В парламенте следили за внешней политикой России в Азии, где долина р. Яксарта перешла в ее владение. В 1866 г. русский отряд под командованием генерала Д. И. Романовского взял «крепость Джизак», в 1867 г. отвоевал Худжанд у Бухары. Вся долина р. Окс была «поглощена Россией, границы которой продвинулись с 40-й по 38-ю параллель» [Hansard's 1873: 819]. С 1866 г. Россия на юге граничила с Персией и Афганистаном, а также «продвинулась к Великой Китайской стене» [Hansard's 1873: 819].

Опасения парламента вызвала депеша министра иностранных дел России князя А. М. Горчакова, направленного в 1864 г. «представителям России при иностранных дворах». В ней он заявил, что «Чемкенд „для русских предел, до которого они обязаны продвигаться, и на котором должны остановиться“. Но завоевания возобновились, а русское наступление вообще никогда не останавливалось» [Hansard's 1873: 830], даже когда князь писал депешу, которая была образцом дипломатического письма, указав на «судьбу каждой страны, имевшей варварских соседей — США в Америке, Франции в Алжире, Голландии в своих колониях, Англии в Индии. Было желательно успокоить ревность Англии, Франции и Германии» [Hansard's 1873: 830].

Офицер Ост-Индской компании Т. Форсайт, посетив Азию [Rapson 1900: 33], в отчете, опубликованном Министерством иностранных дел, отмечал, что население этого региона разнообразно, указывая на «монголов, калмыков, маньчжуров, ногайцев» [Forsyth 1875: 81]. На заседании Королевского географического общества отмечалось, что Т. Форсайт и А. М. Горчаков указали, что готовы сохранить границу Тянь-Шаня, обязуясь не продвигать русские войска в Туркестан. Анализировались заседания Географического общества Санкт-Петербурга, где отмечалось, что «большая территория Восточного Туркестана теперь независима от Китая», и это позволит ей оставаться нейтральным регионом, который «может оказаться источником прибыльной торговли для России и Англии», а также для «налаживания торговли между Британской Индией и Восточным Туркестаном» [Murchison 1870: 317].

В Британии предпочитали, чтобы Россия была отделена от Индии непрходимой пустыней Центральной Азии. Представители Британии пересекли Инд, продвинулись к Кабулу и Герату, «чтобы с помощью войны создать барьер» [Hansard's 1873: 838]. Первая англо-афганская война началась с вторжения британцев в Афганистан «вследствие их недовольства его ориентацией на Россию» [Hansard's 1873: 839]. Подчеркивалось, что у Британии с Афганистаном установлены отношения, «несовместимые с превращением его в нейтральную территорию», она «посыпала оружие и деньги эмиру Афганистана, чтобы он мог одержать победу» [Hansard's 1873: 840]. Политика Британии, по мнению Э. Иствика, заключалась в тезисе «плыть по течению, уповая на пророчество, засунув руки в карманы, с видом отдохни и будь благодарен», но он надеялся, что никто не скажет, что «переговоры, с затянувшейся болтовней о нейтральных зонах, воображаемых сферах влияния представляли собой политику. Не каждую страну можно сделать нейтральной, а говорить об Афганистане

как о нейтральной зоне было все равно, что просить ирландца тихо посидеть между воюющими сторонами» [Hansard's 1873: 840].

В Британии тщательно анализировали российскую прессу, а также кадровый состав, тактику и стратегию армии. Цитировались сведения из журнала «Русское обозрение», указанного пример, о том, что генерал «*А. Абрамов отправлен с экспедицией к озеру Искандер-Куль, в Фарап, Магиан, Киштуд, Фалгар, Фан, Матчу, Янган*», где он низложил вождей этих мест, объявив местным жителям, что они будут «*освобождены от налогообложения*» [Hansard's 1873: 832–833]. В Лондоне следили за событиями в Азии, отмечая, что «*русские непрерывно наступали, и не только в Центральной Азии, а генерал М. Г. Черняев продвинулся на 70 миль к югу от Ташкента*», что в 1865 г. «*новоприобретенные территории русских Императорским указом преобразованы в провинцию Туркестан*», что 22 апреля 1866 г. из форта Перовск на Яксарте «*прибыл первый пароход с подкреплением, а вскоре пришел другой, доказав, что река Яксарт судоходна*» [Hansard's 1873: 830].

Депутат Э. Иствик высказывался в парламенте по отношению к России «*с уважением к Великой державе, которая иногда была союзником Британии*», отмечая при этом, что «*русские основали форт Верный, оккупировали Заилийский регион в 800 милях от Петропавловска, то есть от их первоначальной базы операций. Он стал столицей Великой Орды киргизов, а 118 000 человек стали подданными России*» [Hansard's 1873: 827–828].

Члены парламента боялись наступления России в Азии, считая, что страны, с которыми Британия установила коммерческие отношения, «*не должны подвергаться посягательствам России*» [Hansard's 1873: 831]. Продвижение за пределы определенной параллели, например Самарканда, рассматривалось как «*недружественный акт, который требовал от Британии принятия мер*» [Hansard's 1873: 831].

4. Образ Монголии в парламенте Британии в эпоху королевы Виктории

История Монголии была тщательно изучена и представлена в парламенте Британии, где обсуждался даже период, когда монголы завоевали Русь, удерживая ее в течение столетий. Изложение исторических фактов не всегда соответствовало действительности. По мнению Э. Иствика, «*вторжение монголов оказало влияние на события в Центральной Азии в XIX в.*»; завоевания «*монгольского императора Чингис-хана были самыми грандиозными*», а из четырех частей, на которые была разделена его огромная империя после его смерти, то, что досталось наследнику, было «*значительной частью Центральной Азии*» [Hansard's 1873: 821]. Э. Иствик сообщал, что империя Чингис-хана была огромной, и впоследствии на ее территории были образованы четыре ханства: Казанское, Астраханское, Крымское, Кипчакское; правители этих «*монгольских ханств наложили на Россию систему рабства*», что продолжалось до 1480 г., когда «*Золотая Орда, или Астраханский лагерь*» были уничтожены царем Иваном III, ногайскими татарами Крыма и гетманом казаков. «*В течение трех столетий монголы порабощали Россию, а в течение следующих трех столетий Россия подчиняла себе монголов*» [Hansard's 1873: 821].

Об истории «*калмыков и монгольской расы*» также сообщалось в парламенте. Отмечалось, что в 1703 г. предводитель калмыков Аюка с большим числом

представителей этого народа переправился из Центральной Азии и поселился в России (что не соответствовало реальным фактам — при хане Аюке Калмыцкое ханство достигло расцвета, а официальной датой добровольного вхождения калмыков в состав России принято считать 1609 г. [История Калмыкии 2009: 265]). Во время дебатов говорилось также, что в том же 1703 г. Хивинский хан присягнул русскому царю; в 1732 г. султан Малой Орды киргизских казаков, как и каракалпаки, присягнул на верность императрице Анне; а Кяхтинский договор 1728 г. о разграничении и торговле между Россией и империей Цин добавил земли к обширной территории, которая была присоединена к России по всей ширине Азии до Берингова пролива [Hansard's 1873: 825].

Э. Иствик представил в парламенте и период воцарения Екатерины II, указав преувеличенные данные, сообщая о том, что в 1771 г. «калмыки численностью 400 000 человек пытались бежать из России и вернуться в Центральную Азию» [Hansard's 1873: 824]. Но Россия вместо того чтобы «ослабить свою власть над этой частью монгольской расы, преследовала их в степи, где киргизы почти полностью их уничтожили... Кайнарджийский договор 1774 г. проложил путь к поглощению третьего монгольского ханства — Крыма» [Hansard's 1873: 824]. В конце XVIII в. Россия «готовилась к новым завоеваниям в Центральной Азии» [Hansard's 1873: 824].

В парламенте указывали, что народ Азии «должен быть лишен преимущества хорошего правительства, потому что в интересах Британии иметь в качестве соседа варварские племена, а не цивилизованную нацию» [Hansard's 1873: 849]. Отмечалось, что история якобы не знала примера «более фанатичных правительств, униженных и угнетаемых людей, чем те, что были в этих ханствах, что показывало, до какой деградации может довести тирания в сочетании с фанатизмом. В интересах человечества могло быть поглощение Россией этих стран, хотя результатом могло стать превращение России в Великую державу в Центральной Азии. Правление России принесло бы этим странам такую же большую пользу, как английское правление в Индии» [Hansard's 1873: 849]. При этом подчеркивалось, что «нужно быть справедливыми к России, так же, как она, казалось, была расположена к Британии, которая никогда не отказывалась ни от пяди территории, приобретенной в Индии» [Hansard's 1873: 849].

5. «Дипломатическая паутина» и политическая география в викторианской внешней политике

Для исследования стран Азии в Британии и России были созданы научные общества. Королевское географическое общество Британии следило за работой Русского географического общества. В 1857 г. при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России драгоманом был назначен Н. В. Ханыков. Он направил Великому князю Константину записку, обосновав возможность снаряжения ученой экспедиции в Азию [Семенов 1896: 307]. Для освоения Азии в странах Европы и России была введена должность драгомана, который выполнял функции переводчика и посредника, входил в состав дипломатических и торговых представительств.

Н. В. Ханыков был известен в парламенте Британии как «выдающийся дипломат, человек науки», который с восемью учеными был отправлен с миссией в Герат [Hansard's 1873: 828]. Он исследовал Хорасан, русло р. Окс.

Его командировки координировали Министерство народного просвещения и Азиатский департамент Министерства иностранных дел России. Результаты исследований были удостоены медали Парижского географического общества. В 1874 г. появился труд, посвященный Курдистану, подготовленный по поручению Русского географического общества и опубликованный во Франции [Ханыков 1977]. Королевское географическое общество наградило Н. М. Пржевальского [Notes 1889: 432] и П. К. Козлова золотой медалью за исследования Монголии [Гольман 1988: 41–44].

Особый интерес парламента и Королевского географического общества Британии вызывала Джунгария. На заседаниях парламента докладывалось, что в XIII в. ойраты добровольно вошли в состав империи Чингис-хана в качестве союзников, что после распада Монгольской империи и покорения монголов маньчжурами ойраты (среди которых калмыки, джунгары, хошуты), «*некогда единый монголоязычный народ*»¹, создали три государства — Джунгарское, Калмыцкое и Хошутское ханства, что центрами расселения ойратов впоследствии стали Китай (Синьцзян, Цинхай) и Монголия (западные аймаки). На заседании Королевского географического общества его президент, геолог Р. Мерчисон, отмечал, что в 1869 г. «*русские предприняли ряд экспедиций в Центральную Азию, а новые карты должны быть уточнены и сопоставлены*» [Murchison 1870: 310].

В Британии изучали историю Золотой Орды, а также географические особенности Монголии, Алтая, Джунгарии. Горы Алтая, расположенные на границе России, Китая и Монголии (включая современные Баян-Ульгийский и Ховдский аймаки), являясь важной частью Центральной Азии, вызывали особый интерес. Т. Форсайт в отчете Министерству иностранных дел отмечал особое географическое расположение Джунгарии, непроходимость гор Алтая в Монголии [Forsyth 1875: 24, 108].

Как географ Э. Иствик был знаком с историей Монголии, Китая, Джунгарии, Туркестана. В парламенте он подчеркивал значение Джунгарии, отмечая, что после экспедиции генерала А. К. Абрамова произошла еще одна «*аннексия Джунгарии*». По словам Э. Иствика, правитель Джунгарии и соперник императора — Китая Чевенг (Цэван Рабдан) — правил с 1700 г. многими территориями, начинавшимися с озера Балхаш, даже завладев на время Тибетом и Бухарой; он якобы потребовал в жены дочь китайского императора, но получив отказ, в течение многих лет вел войну с Китаем. В 1759 г., в период правления других джунгарских правителей, китайцы вновь «*завоевали Джунгарию*». Кульджа была «*аннексирована русскими в 1871 г., восстановив суверенитет над калмыцким народом, который ранее мигрировал в Россию и вернулся в Джунгарию*»²» [Hansard's 1873: 833].

В парламенте отмечали, что «*российская граница продлена на 200 миль к югу и стала совпадать с границей Кашигара*» по всей протяженности, что «*Русские продвинулись на восток, прошли маршем от Кяхты на 200 миль к югу и овладели Ургой с 2 000 человек*» [Hansard's 1873: 834]. Сообщалось, что монгольский город был оккупирован, потому что «*дунгане, мусульманские повстанцы Китая, захватили бы его и препятствовали торговле. Монголия*

¹ Вопрос о том, являлись ли ойраты единым этносом или этнокультурной общностью, является дискутируемым в историографии.

² Имеется в виду Центральная Азия.

была готова подчиниться Российской империи, что привело бы к тому, что российская граница дошла бы до Великой Китайской стены» [Hansard's 1873: 834], что вызвало опасения парламента Британии.

Город Урга, расположенный в долине р. Туул, в XIX в. был пунктом русско-китайской караванной торговли. После подписания российско-китайского Пекинского трактата (договора) 1860 г. и правил сухопутной торговли во Внешней Монголии в 1862 г. там была разрешена торговля русских купцов. Это привело к открытию в 1863 г. в Урге консульства России, здание которого стали охранять казаки [Буксгевден 1902: 310].

В ходе заседания парламента 22 апреля 1873 г. сообщалось, что «караван с военным эскортом пересек территорию между Джунгарией и Ургой, предвещая аннексию. На Дальнем Востоке, в Амурской области, наблюдалась активность русских. Консул Британии в Ньючанге сообщил, что встретился с группами русских, проводивших исследования в Маньчжурии, которые сказали, что раскопали достопримечательности, свидетельствующие, что эти регионы в былые века принадлежали России» [Hansard's 1873: 834]. Британцы считали, что «русские притворились, будто нашли археологические доказательства по истории монголов, чьими преемниками они были и чьей исконной страной владели, как, например, „Великий лес около реки Онон, где родился и держал двор Чингиз, взимая дань с князей России и ханов Центральной Азии“» [Hansard's 1873: 834].

Онон — река в северо-восточной Монголии и Забайкалье, составляющая Шилки, впадающей в р. Амур, берет свое начало в горах Монголии, в восточной части нагорья Хэнтэй, у подножия горы Бурхан-Халдун. Э. Иствик подчеркивал, что, занимая значительную территорию Монголии, Онон «не судоходна, здесь разводили лошадей, коров, овец и верблюдов» [Hansard's 1873: 835].

В парламенте подчеркивалось, что в 1871 г. в Джунгарии проводились операции по оккупации Кульджи, которая до восстания была китайским городом. В 1869 г. русские заняли пункт к востоку от Каспия, на северном берегу Атрека, имея уже четыре точки продвижения к востоку от Каспия. Это форт Александровский (на севере), Красноводск (на юг), поселение в устье Атрека, которое называется Чикишляр, и остров Ашурада (на юге), недалеко от персидского города Астрабад. Отмечалось, что Чикишляр был важен для Британии, поскольку русские намеревались прощупать путь к северу от Атрека. В 1872 г. русские заключили торговый договор с правителем Восточного Туркестана Атальк Гази, который «не содержал ничего противоречащего интересам Британии, оставляя возможность заключить договор с Британией, увеличив товарооборот» [Hansard's 1873: 859].

Э. Иствик подчеркивал, что «руководители в Центральной Азии смотрели на Россию как на азиатскую державу, подобную им самим, зная, что ее политика, как и их собственная, была политикой аннексии» [Hansard's 1873: 838]. С одной стороны, руководители в Центральной Азии «относились к России со страхом, сопротивляясь продвижению, а с другой — считали, что успех России предопределен, соглашались с ее триумфом. Это был факт, который он услышал из уст жителей Центральной Азии», чем и объяснялось «добровольное подчинение стольких диких племен России» [Hansard's 1873: 838]. Для нейтралитета Афганистана предлагалось, чтобы р. Окс стала бы пограничной линией, пересекать которую ни одна из держав не должна была позволять пересекать своим войскам.

Э. Иствик подчеркивал, что идея «нейтральной зоны растворилась в воздухе», и он вообще боялся прикасаться к бумагам, «опасаясь смахнуть какую-нибудь дипломатическую паутину» [Hansard's 1873: 840–841].

В парламенте звучали предостережения от «перехода через страшную долину Верхнего Окса», где целые «караваны были погребены под лавиной», и объяснялось, чтобы «попасть в осиное гнездо афганцев, карабкаясь вверх по склону Гиндукуша, можно лишь ползти на четвереньках, и то с помощью проворных альпинистов» [Hansard's 1873: 844]. Каспийские ворота, «парадная дверь из Индии, стояли нараспашку» [Hansard's 1873: 844].

Депутат Дж. Дафф поднимал в парламенте вопрос «о роли политической географии» во внешней политике Британии, а также о расхождении во мнениях по пограничному вопросу между Министерствами иностранных дел Британии и России. «Британия располагала лучшими средствами информации о малоизвестной стране в верховьях Окса, чем русские» [Hansard's 1873: 862]. Для Британии по коммерческим причинам было важно, чтобы «горящий дом не завалил один из торговых выходов» [Hansard's 1873: 863]. Дж. Дафф считал, что наиболее важными для Британии являются Хелат, Афганистан, Непал, Бирма, Тибет и Восточный Туркестан, которые, находясь «в законной сфере Британии, принадлежат сфере её торговли» [Hansard's 1873: 863]. Он подчеркивал, что солидарен с теми, кто говорит, что Британия «должна следить и знать каждый шаг продвижения России», а лучший совет содержится «в испанской пословице: „Пусть нападает тот, кто хочет, а сильный ждет“» [Hansard's 1873: 862–863].

6. Заключение

Инфраструктура монголоведных исследований в Британии начала формироваться не в XX в., а еще в эпоху королевы Виктории. Монголия стала объектом внешней политики Британии и ее Королевского географического общества в контексте «азиатского вопроса», который имел практическое значение для укрепления границ Британской Индии. Российский аспект вопроса связан с усилением России, которая, в отличие от Британии, укрепляла свои границы в Азии путем присоединения Коканда, установления протектората над Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, завоеваний долин рек Яксарта, Окса, Онона. Русские исследовали Искандер-Куль, куда в 1870 г. была предпринята экспедиция для вводорения порядка на территориях, враждовавших с бухарским эмиром. В парламенте докладывалось, что русские, развивая русско-китайскую торговлю, укрепили позиции в Урге; Россия расширила влияние в Зайлийском регионе, Фарапе, Магиане, Киштуде, Фалгаре, Фане, Ягнане; после Пекинского договора в Монголии была разрешена сухопутная торговля купцов России, в Урге открылось консульство, здание которого охраняли казаки. Британия боялась наступления России в Азии, особенно там, где были установлены британские коммерческие связи. Азиатский аспект означал борьбу за страны Азии, в которой две империи использовали военно-разведывательные и научные методы. Британия вела экспансию Афганистана, Бирмы, Индии, Китая, Непала, Тибета, Хелата и Туркестана, находившихся в сфере ее торговли. В интересах Британии было иметь в качестве соседа «варварские» племена, но идея нейтральной зоны не реализовалась. Англо-индийский аспект означал стремление Британии расширить вокруг Индии свои колонии, отделив Россию непроходимой пустыней, создав

с помощью войны барьер. Объектами изучения Британии стали Джунгарское, Калмыцкое, Хошутское ханства и народы, их населявшие (монголы, ногайцы, маньчжуры, ойраты), а также Алтай, Тянь-Шань, Туркестан, реки Забайкалья, впадающие в Амур. Независимый от Китая Восточный Туркестан был нейтральным, но мог стать источником прибыльной торговли для Британии и Британской Индии. Империя и завоевания Чингис-хана вызывали восхищение британцев, а расширение России на востоке рассматривалось как угроза ее превращения в Великую державу Азии. Географические общества и Министерства иностранных дел двух стран координировали эти процессы, изучая Монголию и ее народы. Итогом их исследовательской деятельности становились географические карты, которые постоянно уточнялись. Особый интерес представляли судоходные реки, горы Алтая, расположенные на границе Монголии, включая территории Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков. Опасения Британии были связаны с тем, что Монголия могла подчиниться России, и это привело бы к тому, что граница России дошла бы до Китая. Политическая география, дипломатическая паутина, возможности товарооборота определяли викторианскую внешнюю политику по отношению к Монголии, экспансия которой не реализовалась, поскольку страна не имела выхода к морю, необходимого для осуществления военно-морского вторжения Британии.

Литература

- Буксгевден 1902 — *Буксгевден А. Пекинский договор 1860 г. // Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Порт-Артур: Новый край, 1902. 239 с.*
- Волкова и др. 2025 — *Волкова Д. В., Склярова Е. К., Топчий И. В., Горбунова Л. Н. Тибетский вопрос во внешней политике Великобритании (1858–1904): методы экспансии и финансирование // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 2. С. 297–310. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-297-310*
- Гольман 1988 — *Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в. М.: Наука, 1988. 218 с.*
- Жуковец и др. 2024 — *Жуковец О. Ю., Склярова Е. К., Гумиева М. А. «Экспедиция в Китай»: коррупция и становление тихоокеанской политики Великобритании в первой половине XIX в. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 476–488. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488*

References

- Buksgevden A. *The Pekin Treaty of 1860. Russian China. Essays on Russia's Diplomatic Relations with China. Port Arthur: Novy Krai, 1902. 239 p. (In Russ.)*
- Volkova D. V., Sklyarova E. K., Topchiiy I. V., Gorbunova L. N. *The Tibetan Question in British Foreign Policy, 1858–1904: Expansion Methods and Funding Sources. Oriental Studies. 2025. Vol. 18. No. 2. Pp. 297–310. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-297-310*
- Golman M. I. *Studying the History of Mongolia in the West of the 13th–mid-20th Centuries. Moscow: Nauka, 1988. 218 p. (In Russ.)*
- Zhukovets O. Yu., Sklyarova E. K., Gutieva M. A. *‘The Expedition to China’: Corruption and Shaping of British Pacific Policy in the Early-to-Mid Nineteenth Century. Oriental Studies. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 476–488. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-476-488*

- Житомирский 1989 — Житомирский С. В. Исследователь Монголии и Тибета П. Козлов. М.: Знание, 1989. 192 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 1. Элиста: Изд. дом «Герел», 2009. 848 с.
- Козлов 1911 — Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото. СПб.: Тип. тов-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1911. 109 с.
- Сакович 2018 — Сакович Е. Г. Инфраструктура монголоведных исследований в Великобритании и США // Народы и религии Евразии. 2018. № 4(17). С. 65–71.
- Семенов 1896 — Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества. Т. I. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1896. С. 307–326.
- Сергеев 2012 — Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2012. 454 с.
- Склярова, Максименко 2024 — Склярова Е. К., Максименко М. А. Внешняя политика Британии в эпоху королевы Виктории: санкции и международные отношения. Ростов н/Д; Таганрог: ЮФУ, 2024. 161 с.
- Ханыков 1977 — Ханыков Н. В. Записки по этнографии Персии / пер. с фр. Е. Рассадиной; отв. ред. В. Трубецкой. М.: Наука, 1977. 152 с.
- Barrow 2003 — Barrow I. Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, 1756–1905. New Delhi; Oxford: Oxford University Press, 2003. 212 p.
- Bruun, Odgard 1996 — Bruun O., Odgard O. Mongolia in Transition: Old Patterns. New Challenges. London; New York: Routledge, 1996. 260 p.
- Zhytomirsky S. V. Researcher of Mongolia and Tibet P. Kozlov. Moscow: Znanie, 1989. 192 p. (In Russ.)
- History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 vol. Vol. 1. Elista: Gerel Publishing House, 2009. 848 p.
- Kozlov P. K. A Russian Traveler in Central Asia and the Dead City of Khara Khoto. St. Petersburg: N. Ya. Stoikova, 1911. 109 p. (In Rus.)
- Sakovich E. G. The Infrastructure of Mongolian Studies in Great Britain and the USA. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2018. No. 4(17). Pp. 65–71. (In Russ.)
- Semenov P. P. The History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg, 1896. Vol. 1. Pp. 307–326. (In Russ.)
- Sergeev E. Y. The Big Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia. Moscow: Association of Scientific Publications of the KMC, 2012. 454 p. (In Russ.)
- Sklyarova E. K., Maksimenko M. A. The Foreign Policy of Great Britain in the Era of Queen Victoria: Sanctions and International Relations. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University, 2024. 161 p. (In Russ.)
- Khanykov N. Notes on the Ethnography of Persia. E. Rassadina (trans.); V. Trubetskoy (ed.). Moscow: Nauka, 1977. 152 p. (In Russ.)
- Barrow I. Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, 1756–1905. New Delhi, Oxford: Oxford University Press, 2003. 212 p. (In Eng.)
- Bruun O., Odgard O. Mongolia in Transition: Old Patterns. New Challenges. London, New York, 1996. 260 p. (In Eng.)

- Eastwick 1852 — *Eastwick E. B.* The Gulistan or, Rose-Garden of Shekh Muslihud-Din Sadi of Shiraz. London: Trübner&C°, 1852. 355 p.
- Eastwick 1911 — Eastwick E. // Encyclopædia Britannica. Vol. 8. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. 838 p.
- Forsyth 1875 — *Forsyth T. D.* Report of a Mission to Yarkund in 1873, Under Command of Sir T. D. Forsyth: With Historical and Geographical Information Regarding the Possessions of the Ameer of Yarkund. Calcutta: Foreign Department Press, 1875. 573 p.
- Hansard's 1873 — Hansard's Parliamentary Debates. 1873. 3-rd Series. 22 April. Vol. 215. C. 818–877. (2071 columns).
- Hopkirk 2001 — *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. Oxford: Oxford University Press, 2001. 562 p.
- Murchison 1870 — *Murchison R.* Address to the Royal Geographical Society // Proceedings of the Royal Geographical Society of London. 1870. Vol. 14. № 4. Pp. 287–332.
- Notes 1889 — Notes // Popular Science Monthly. 1889. № 34. P. 431–432.
- Rapson 1900 — *Rapson E. J.* Forsyth, Thomas Douglas // Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 1900. Vol. 20. Pp. 33–34.
- The Economist 1865 — The Economist. 1865. P. 675–676.
- Eastwick E. B. The Gulistan or, Rose-Garden of Shekh Muslihud-Din Sadi of Shiraz. London, 1852. 355 p. (In Eng.)
- Eastwick E. In: Encyclopædia Britannica. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 8. 838 p. (In Eng.)
- Forsyth T. D. Report of a Mission to Yarkund in 1873, Under Command of Sir T. D. Forsyth: with Historical and Geographical Information Regarding the Possessions of the Ameer of Yarkund. Calcutta: Foreign Department Press, 1875. 573 p. (In Eng.)
- Hansard's Parliamentary Debates. 1873. 3-rd Series. 22 April. Vol. 215. Pp. 818–877. (2071 columns). (In Eng.)
- Hopkirk P. The Great Game: on Secret Service in High Asia. Oxford: Oxford University Press, 2001. 562 p. (In Eng.)
- Murchison R. Address to the Royal Geographical Society. Proceedings of the Royal Geographical Society of London. 1870. Vol. 14. No. 4. Pp. 287–332. (In Eng.)
- Notes. Popular Science Monthly. 1889. No. 34. Pp. 431–432. (In Eng.)
- Rapson E. J. Forsyth, Thomas Douglas. Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 1900. Vol. 20. Pp. 33–34. (In Eng.)
- The Economist. 1865. Pp. 675–676. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 211–223, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-211-223

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(517)

UDC 94(517)

Участие армян в боях на Халхин-Голе

Эдик Гарегинович Минасян¹,
Игорь Владимирович Крючков²,
Тигран Айкович Ганаланян³,
Айк Хачатурович Мхоян⁴

Participation of Armenians in the Battles of Khalkhin Gol

Edik G. Minasyan¹,
Igor V. Kryuchkov²,
Tigran H. Ghanalanyan³,
Hayk Kh. Mkhoyan⁴

¹ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. А. Манукяна, 0025 Ереван, Армения)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

Yerevan State University (1, A. Manukyan St., 0025 Yerevan, Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department

 0000-0003-3206-6103. E-mail: eminasyan[at]ysu.am

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой

North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department

 0000-0002-1224-1341. E-mail: igoru5[at]yandex.ru

³ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. А. Манукяна, 0025 Ереван, Армения)

кандидат исторических наук, доцент

Yerevan State University (1, A. Manukyan St., 0025 Yerevan, Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0009-4231-9216. E-mail: tghanalanyan[at]ysu.am

⁴ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. А. Манукяна, 0025 Ереван, Армения)

кандидат исторических наук, доцент

Yerevan State University (1, A. Manukyan St., 0025 Yerevan, Armenia)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-7242-277X. E-mail: mxoyanhayk[at]ysu.am

Аннотация. Введение. Статья посвящена участию армян в боях на Халхин-Голе в 1939 г. в составе Красной Армии. Цель статьи — осветить эпизоды участия армян в этих сражениях, а также деятельность Егише Асцатряна в Монголии в 1939 г. и позже во время Великой Отечественной войны. *Материалы и методы.* Были изучены российские и армянские архивы, опубликованные мемуары Георгия Константиновича Жукова и особенно подробно — Егише Асцатряна, что имело важное значение для данной работы. В некоторые вопросы ясность была внесена в процессе изучения официальных периодических изданий того времени, таких, как «Правда» и «Советская Армения». Несмотря на скучность первоисточников, связанных со многими событиями, предпринята попытка реконструировать общую картину участия армян в битве на Халхин-Голе с использованием историко-критического метода. *Результаты и выводы.* По меньшей мере два десятка армян, призванных из различных населенных пунктов СССР (преимущественно из Советской Армении и Нагорного Карабаха), отличились в сражениях на Халхин-Голе, проявив примеры храбрости. Они были награждены различными медалями и орденами. Е. Асцатрян принял активное участие в организации тылового обеспечения во время сражений 1939 г. Позднее он работал советником правительства Монгольской Народной Республики. Он также сыграл решающую роль в снабжении войск во время Маньчжурской операции 1945 г.

Ключевые слова: битва на реке Халхин-Гол, МНР, СССР, Советская Армения, Великая Отечественная война, Георгий Жуков, Красная Армия, Япония, Маньчжурия

Для цитирования: Минасян Э. Г., Крючков И. В., Ганаланян Т. А., Мхоян А. Х. Участие армян в боях на Халхин-Голе // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 211–223. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-211-223

Abstract. Introduction. This article focuses on the participation of Armenians in the battles of Khalkhin Gol in 1939 as part of the Red Army. The article aims to clarify the episodes of Armenian participation in these battles and to shed light on the activities of Yegishe Astsatsryan in Mongolia during 1939 and subsequently during the Second World War. *Materials and Methods.* Russian and Armenian archives were studied, which allowed the reconstruction of the roles of individual military figures. The published memoirs of Georgy Zhukov, and especially those of Yegishe Astsatsryan, are also of significant importance for this work. Official periodicals of the time, such as "Pravda" and "Soviet Armenia," helped clarify certain issues. Despite the scarcity of primary sources related to many events, an attempt to reconstruct the general picture of Armenian participation in the battles of Khalkhin Gol using the historical-critical method, is made. *Results and Conclusions.* At least two dozen Armenians conscripted from various settlements of the USSR (predominantly from Soviet Armenia and Nagorno-Karabakh) distinguished themselves in the battles of Khalkhin Gol, demonstrating examples of bravery. For this, they were awarded various medals and orders. Ye. Astsatsryan played an important role in organizing rear services during the 1939 battles. Later, he worked as an advisor to the government of the Mongolian People's Republic. He also played a crucial role in supplying troops during the 1945 Manchurian Operation.

Keywords: battles on the Khalkhin Gol River, MPR, USSR, Soviet Armenia, Great Patriotic War, Georgy Zhukov, Red Army, Japan, Manchuria

For citation: Minasyan E. G., Kryuchkov I. V., Ghanalanyan T. H., Mkhoyan H. Kh. Participation of Armenians in the Battles of Khalkhin Gol. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 211–223. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-211-223

1. Введение

Военные события на Халхин-Голе привлекали внимание многочисленных исследователей [Гольман 2013: 102–111; Катасонова 2021: 13–34; Орлова 2024; Цыбенов, Батунаев 2013: 46–55], тем не менее остаются вопросы, требующие дальнейшего изучения. Участие армян в боях на Халхин-Голе, в отличие от событий Великой Отечественной войны, не изучалось, и эта тема рассматривается впервые.

В этой статье мы постараемся раскрыть не только героические подвиги армянских военнослужащих, сражавшихся в составе Красной Армии против японцев вместе с армией Монгольской Народной Республики (далее — МНР) и. Особое внимание уделяется деятельности армянского инженера Егише Асцатряна, который в те годы был командирован в Монголию для участия в строительстве оборонительных сооружений, создании промышленной инфраструктуры, снабжении монгольской армии и советской Красной Армии необходимыми боеприпасами.

Хотя имеющаяся информация ограничена, а описания отдельных героических поступков зачастую полноценно трудно проверить (поскольку документы по представлению к военным наградам являются особым источником, в котором акцентируется роль награждаемого в событиях) и часто нет других первоисточников, которые позволили бы проверить факты, тем не менее попытка реконструировать участие армян в боях на Халхин-Голе нами была предпринята.

2. Материалы и методы

Были изучены российские и армянские архивы, опубликованные мемуары Георгия Константиновича Жукова и особенно подробно — Егише Асцатряна, что имело важное значение для данной работы. В некоторые вопросы ясность была внесена в процессе изучения официальных периодических изданий того времени, таких, как «Правда» и «Советская Армения». Несмотря на скудость первоисточников, связанных со многими событиями, предпринята попытка реконструировать общую картину участия армян в битве на Халхин-Голе с использованием историко-критического метода.

3. Участие армян в боях на Халхин-Голе

В разгром японско-маньчжурских войск в битве на Халхин-Голе свой вклад внесли и сыны армянского народа в составе советской Красной Армии. Около двух десятков армян (сведения о которых были установлены, хотя могут быть и другие участники), призванных в армию из Советской Армении, Нагорно-Карабахской автономной области и других населенных пунктов Советского Союза, оказывали помощь монголам, наряду с другими народами СССР сражаясь против японских войск. Многие из них погибли, проявив храбрость, были похоронены в братских могилах на Халхин-Голе, посмертно удостоившись правительенных наград и медалей, некоторые числились пропавшими без вести, а кому-то позднее суждено было участвовать в Великой Отечественной войне.

В битве против японско-маньчжурской армии в составе советско-монгольских вооруженных сил отличился героизмом и личной отвагой майор **Николай Григорьевич Петросянц**, 1903 г. р., уроженец села Сардарашен Степанакертского района Нагорного Карабаха, командир 1-го кавалерийского полка [Герои

[Халхин-Гола: 27](#)¹. Он участвовал в битве на Халхин-Голе от начала до конца. Уже к концу мая отличился при отражении атак противника. 3 июня Н. Г. Петросянц со своим отрядом начал атаку на правый фланг японско-маньчжурской армии, поддержанную бомбардировкой советской авиации и артиллерийским огнем, вынудив противника отступить. Подобные внезапные и дерзкие штурмы он предпринял и в середине июня, когда советские войска дважды вынуждали противника перейти к обороне в районе переправы через реку Халхин-Гол. За личное мужество и изобретательность, проявленные в ходе этих военных операций, за выполнение важных тактических задач он был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды [Ведомости Верховного Совета СССР 1939: 4; Японско-маньчжурская провокация 1939: 2].

30 июня 1939 г. отважный командир с небольшой группой предпринял дерзкое и отчаянное нападение на форпост противника «Улан-Худук» на автомобиле, захватив радиостанцию, документы большой важности, содержащие военные секреты — карты и различную информацию о планируемых атаках, численности войск и техники, а также другую информацию. Среди захваченных им документов были Приказ № 532, изданный командующим Квантунской армией генералом К. Уэта 20 июня, и Приказ № 165, изданный командующим 23-й пехотной дивизии генералом Камацубарой, касающийся атаки японско-маньчжурских войск на реке Халхин-Гол 1 июля [Герои Халхин-Гола: 27; Японско-маньчжурская провокация 1939: 2; Японцы не успокаиваются 1939: 4]. За планирование таких смелых и дерзких военных операций и проявленные мужество и отвагу майор Николай Григорьевич Петросянц Указом Президиума Верховного Совета СССР 29 августа 1939 г. был награжден Орденом Ленина [Указ Президиума 1939: 2]. Он отличился героизмом в разгроме японско-маньчжурских сил у восточной части горы Байн-Цаган с 3 по 5 июля, а также во время общего наступления советско-монгольских войск с 20 по 30 августа. За храбрость и командирские качества, проявленные в этих боях, он был награжден медалью «XX лет РККА» [Ведомости Верховного Совета СССР 1939: 4]. Вскоре Н. Г. Петросянцу было присвоено воинское звание подполковника, и он был назначен командиром Кубанского казачьего Северо-Донецкого полка. В первые дни Великой Отечественной войны, 25 июня 1941 г., отражая превосходящие силы противника во время бомбардировки немецкой авиацией, командир кавалерийского полка героически погиб [Герои Халхин-Гола: 27; РГВА. Ф. 37838. Оп. 3. Д. 344. Л. 256].

Артем Карапетович Погосов, батальонный комиссар (позднее генерал-майор) 11-й танковой бригады, действовавшей под командованием М. П. Яковлева, был участником победоносного сражения на Халхин-Голе, произошедшего с 3 по 5 июля 1939 г. [Герои Халхин-Гола: 28]². Все танкисты 11-й танковой бригады,

¹ Николай Григорьевич Петросянц — майор, инструктор 8-й кавалерийской дивизии Монгольской народно-революционной армии (МНРА). Призван в 1918 г. Единецким РВК Молдовы. Погиб 25 июня 1941 г. во время бомбардировки полковых позиций немецкой авиацией в районе Сокулка — Гродно. На момент гибели был командиром 94-го Кубанского казачьего Северо-Донецкого полка 6-й Кубанско-Терской казачьей Чонгарской Краснознаменной ордена Ленина и ордена Красной Звезды дивизии имени Буденного 6-го кавалерийского корпуса им. И. В. Сталина в звании подполковника.

² Артем Карапетович Погосов — член ВКП(б) с 1929 г. Родился в 1904 г. в г. Святой Крест (Сурб Хач) Ставропольской губернии. Призван в 1926 г. Награжден орденами: два ордена Ленина (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1942 г., от 13 июня 1952 г.), три ордена Красного Знамени (Указы Президиума Верховного

включая тех, кто находился под командованием Артема Погосова, продолжали мощные фланговые атаки на противника в течение трех дней напряженных боев, уничтожая упорно сопротивлявшихся японцев, которые пытались развернуть танковые резервы с правого берега реки. Это внезапное и мощное наступление танковой бригады заставило остатки вражеских войск броситься к речной переправе, которая была взорвана самими японскими саперами, опасавшимися прорыва советских танков [Жуков 1986: 196–198].

Тактическое мастерство и военный талант батальонного комиссара Артема Погосова ярче всего проявились в битве на Халхин-Голе в ходе советско-монгольских наступательных операций с 20 по 30 августа, направленных на уничтожение японско-маньчжурских сил. Комиссар и начальник политотдела 6-й танковой бригады проделал большую работу по укреплению морального духа личного состава при подготовке своей бригады к решающему наступлению и разгрому японской армии. Он также пнаходил возможность уделить время тыловым службам бригады (обеспечение боеприпасами, продовольствием, связью и т. д.).

Активно участвуя в деятельности руководства партийной организацией, он одновременно блестяще командовал военными операциями. 20 августа 1939 г. Артем Погосов, возглавляя танковую атаку, штурмовал со своей бригадой противника в направлении реки Халхин-Гол, где советские танки нанесли главный удар по его флангам. 6-я танковая бригада, первоначально встретив ожесточенное сопротивление, не смогла полностью переправиться через реку Халхин-Гол и участвовала в боях лишь частью своих сил. Однако в результате смелых действий, предпринятых Артемом Погосовым и другими командирами и танкистами, переправа и сосредоточение бригады были полностью завершены к концу дня. 23 августа танковая бригада под командованием А. К. Погосова пошла в решительную атаку и прорвала оборону противника. За ними последовали механизированные части и монгольская кавалерия. Возглавляя танковую атаку бригады, А. К. Погосов проявил упорство, последовательность и изобретательность. Именно за мужество и личную отвагу, проявленные в ходе советско-монгольских наступательных операций, проведенных с 20 по 30 августа 1939 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г. он был награжден орденом Красного Знамени [РГВА. Ф. 37838. Оп. 3. Д. 344. Л. 256], а через некоторое время — юбилейной медалью «Халхин-Гол», учрежденной Монгольской Народной Республикой.

В битве на Халхин-Голе также отличился личной храбростью, отвагой и мужеством **Аршак Корюнович Карапетян**, 1912 г. р., служивший в отряде связи 149-го стрелкового полка 36-й мотострелковой дивизии [РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 34. Л. 241]¹. В ночь на 24 июля 1939 г. он остановил приближающуюся Совета СССР от 17 ноября 1939 г., 5 ноября 1946 г., 30 декабря 1956 г.), два ордена Отечественной войны 1-й степени (Приказы Военного совета 2-го Украинского фронта № 120/н от 5 июля 1944 г., 6 апреля 1985 г.), Красной Звезды (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1944 г.); медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и юбилейными медалями, знаком «Халхин-Гол» (МНР). Генерал-майор с 1953 г. Уволен в запас в 1961 г. Жил в Москве. Умер 22 марта 1989 г.

¹ Аршак Корюнович Карапетян — член комсомола, 1912 г. р., красноармеец, телефонист, рота связи 149-го стрелкового полка 36-й мотострелковой дивизии. В ночь на 24 июля 1939 г. криком остановил приближающуюся вражескую группу, направлявшуюся к штабу. Несмотря на болезнь, не покинул свой пост, героически остановив их своим огнем. В этом бою получил тяжелое ранение. Приказом Президиума

вражескую группу, пытавшуюся проникнуть в штаб. Прямыми огнем он нанес значительные потери противнику, но и сам был тяжело ранен. А. К. Карапетян Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г. был награжден орденом Красного Знамени за храбрость, проявленную в битве на Халхин-Голе, и за отличное выполнение воинского задания [РГВА. Ф. 37837. Оп. 3. Д. 34. Л. 241].

В героической хронике битвы на Халхин-Голе запечатлен ряд армянских офицеров, которые Указами Президиума Верховного Совета СССР за личное мужество также были награждены орденом Красного Знамени. Одним из них был младший лейтенант **Грачик Саакович Григорян**, командир подразделения, родившийся в Тифлисе в 1915 г. [Герои Халхин-Гола: 9]¹. Со своим небольшим отрядом он активно участвовал в советско-монгольских наступательных действиях с 3 по 5 июля 1939 г. и в операции по окружению и разгрому японско-маньчжурских сил, начавшейся 20 августа. Его отряд внезапной атакой 4 июля 1939 г. вызвал панику на японском левом фланге и вынудил противника отступить в районе горы Байн-Цаган, а 21 и 22 августа в ходе общего штурма окружил небольшую вражескую группу и уничтожил ее до того, как основные силы начали атаку. В обоих случаях младший лейтенант Грачик Григорян проявил инициативу и отвагу, как и подобает храброму командиру при выполнении боевых заданий. Указом Президиума Верховного Совета СССР 29 августа 1939 г. он был награжден орденом Красного Знамени [Указ Президиума 1939: 2].

Среди участников битвы на Халхин-Голе был лейтенант **Михаил Меликссетович Атаян**, 1917 г. р., уроженец села Тог Нагорного Карабаха, призванный в армию в 1938 г. Он участвовал в битве на Халхин-Голе от начала до конца. Его отряд в ходе общего наступления 20 августа, действуя на правом фланге советско-монгольских войск, сумел обойти хорошо вооруженный отряд противника, нанес удар с тыла, окружив его, а затем с 23 по 30 августа силами советско-монгольского отряда помог в его полной ликвидации [Герои Халхин-Гола: 3]².

В числе отличившихся в боях на Халхин-Голе армянских офицеров был **Яков Ефимович Арделян**, который, будучи политруком, проводил большую работу по политическому воспитанию и поддержанию боеготовности бойцов своего отряда. Выполняя важное воинское задание во время общего наступления 30 августа, он участвовал в ликвидации одного из отрядов противника, за что Указом Президиума Верховного Совета СССР 17 ноября 1939 г. был награжден орденом Красного Знамени [Герои Халхин-Гола: 3]³. Он также принимал уча-

Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г. награжден орденом Красного Знамени за бой в районе Халхин-Гола в составе 1-я армейской группы.

¹ Грачик Саакович Григорян — младший лейтенант, 1915 г. р., Тифлисская область. Награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 г.).

² Михаил Меликссетович Атаян — красноармеец. Родился в 1917 г. в с. Тох Елизаветпольской губернии, Армения. Призван в 1938 г. Касум-Измайловским РВК Азербайджанской ССР, повторно в 1943 г. Черкасским ГВК Киевской области. Участник боев в районе реки Халхин-Гол и на фронтах Великой Отечественной войны. Ранен 4 февраля 1944 г. Награжден орденами: Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г.), Отечественной войны 2-й степени (Указ от 12 марта 1944 г.), Красной Звезды (Указ от 22 сентября 1944 г.), Александра Невского (Указ от 1 апреля 1945 г.), медалью «За победу над Германией». Уволен в запас в звании гвардии лейтенанта.

³ Яков Ефимович Арделян — старший политрук. Родился в 1909 г. в Первомайске

стие в Великой Отечественной войне, но в 1944 г. во время военных действий по освобождению Европы в ходе боев по разгрому Будапештской группировки противника пропал без вести.

За мужество, личную отвагу и находчивость, проявленные при окружении и разгроме противника в ходе наступательных операций советской и монгольской армий с 20 по 30 августа, младший командир **Самвел Назарович Мирзоян** [Герои Халхин-Гола: 23]¹ и красноармеец **Григорий Степанович Слободян** [Герои Халхин-Гола: 32]² Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены орденами Красного Знамени. Еще трое храбрых бойцов за активное участие в тех же операциях и за проявленный героизм при окружении и разгроме вражеских войск были награждены медалями «За отвагу». Это были лейтенант **Владимир Тарасович Геворкянц** [Герои Халхин-Гола: 8]³, младший командир **Степан Акимович Тисканян** [Герои Халхин-Гола: 35]⁴ и младший командир **Христофор Ашотович Елазян** [НАА. Ф. 688. Оп. 5. Д. 559. Л. 12–13]. Последний родился в Канакере (Ереванская губерния) и был призван в Красную Армию в 1937 г. Участвуя в битве на Халхин-Голе, он проявил храбрость, оказывая помощь раненым. 17 ноября 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «За отвагу». Участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен в 1943 г. Награжден орденом Красной Звезды (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1968 г.), демобилизован в 1955 г. в воинском звании капитана медицинской службы [НАА. Ф. 688. Оп. 5. Д. 559. Л. 12–13; Герои Халхин-Гола: 5].

Известно, что в ходе советско-монгольских наступательных операций с 20 по 31 августа ожесточенное сопротивление японско-маньчжурских сил было преодолено с большим трудом, и вся группировка была полностью окружена. Больше недели, и день и ночь бои велись везде: на холмах, в глубоких низинах и зыбучих песках. Хотя в ходе общих штурмов японские позиции и укрытия вскрывались и уничтожались, некоторые из них оставались незамеченными. Внезапно открывая огонь из тыла штурмующих, враг лишал жизни многих солдат советской и монгольской армий. Среди них были армянские солдаты и офицеры, которые, сражаясь с врагом до конца, обеспечили окончательный разгром окруженных японско-маньчжурских сил, но героически пали на монгольской земле, и похоронены в братских могилах.

В числе этих стяжавших себе бессмертие был младший командир **Михаил Ервандович Асатуриян** [Герои Халхин-Гола: 3]⁵. Он родился в 1915 г. в Аб-

Одесской области. Участник боев в районе реки Халхин-Гол и на фронтах Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г.).

¹ Самвел Назарович Мирзоян — младший командир. Награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г.).

² Григорий Степанович Слободян — красноармеец, 1916 г. р. Награжден орденом Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г.).

³ Владимир Тарасович Геворкянц — лейтенант. Награжден медалью «За отвагу» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г.).

⁴ Степан Акимович Тисканян — младший командир. Награжден медалью «За отвагу» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1939 г.).

⁵ Михаил Ервандович Асатуриян — младший командир, 149-й мотострелковый полк, 36-я мотострелковая дивизия, 1915 г. р., Сухумский район, Абхазская АССР. Призван

хазии, погиб в битве на Халхин-Голе 20 августа, в первый день наступления советско-монгольских войск, и был похоронен в братской могиле в районе боев.

30 августа, в предпоследний день героического сражения на Халхин-Голе, погиб и был похоронен в братской могиле в районе боев храбрый армянин, младший командир **Мартирос Герасимович Мартиросян** [Герои Халхин-Гола: 22; НАА. Ф. 688. Оп. 20. Д. 25. Л. 13–14]¹.

В августовском героическом сражении на Халхин-Голе **Василий Иванович Каракян** [Герои Халхин-Гола: 17]². Он погиб вследствие засады противником, был похоронен в братской могиле в районе боев. Еще один армянин, красноармеец **Аарон Наапетович Овсепян** [Герои Халхин-Гола: 25]³, также отличился безудержной храбростью в битве на Халхин-Голе в ходе общего советско-монгольского наступления 24 августа. Получив тяжелое ранение при штурме высот у горы напротив реки, он скончался и был похоронен в братской могиле на высоте 752 м.

Среди участников героического сражения на Халхин-Голе был младший командир **Вагаршак Суренович Нагашян** [Герои Халхин-Гола: 24]⁴, активно участвовавший в наступательных операциях, проводившихся советско-монгольской армией с 20 по 30 августа, в окружении и разгроме вражеских сил. В победный день сражения был объявлен пропавшим без вести.

Левон Григориевич Дадаян [Герои Халхин-Гола: 9]⁵, храбрый сын Нагорного Карабаха, также был участником героического сражения на Халхин-Голе в 1939 г. Он погиб 28 августа при разгроме окруженной вражеской группировки, в ходе перестрелки с засевшим в засаду противником.

31 августа, в последний день героического сражения, младший командир **Богоршак Суренович Богосян** [Герои Халхин-Гола: 5]⁶ был внесен в список пропавших без вести в битве на Халхин-Голе. Со своим небольшим взводом он сражался храбро во время окружения противника 26 августа.

Перед самым началом общего наступления советской и монгольской армий 20 августа погиб **Степан Кириллович Оганезов** [Герои Халхин-Гола: 25]⁷.

Сухумским РВК. Погиб в бою на реке Халхин-Гол 20 августа 1939 г. Похоронен в братской могиле № 15 в районе боя.

¹ Мартирос Герасимович Мартиросян — младший командир, 169-й батальон особого назначения, 5-я мотострелковая бригада, 1915 г. р., село Карабаба, Зангисарский район, Армянская ССР. Призван Зангисарским РВК. Погиб в бою на реке Халхин-Гол 30 августа 1939 г. Похоронен в братской могиле в районе боя.

² Василий Иванович Каракян погиб в бою на реке Халхин-Гол в августе 1939 г. Похоронен в братской могиле в районе боя.

³ Аарон Наапетович Овсепян погиб 24 июля 1939 г. Похоронен в братской могиле в районе боя.

⁴ Вагаршак Суренович Нагашян — младший командир, батальон особого назначения, 7-я мотострелковая бригада. Пропал без вести в бою на реке Халхин-Гол 31 августа 1939 г.

⁵ Левон Григориевич Дадаян — красноармеец, 24-й мотострелковый полк, 30-я медицинская дивизия, 1917 г. р., село Гунскол, Мартунинский район, Нагорно-Карабахская АО, Азербайджанская ССР. Погиб в бою на реке Халхин-Гол 28 августа 1939 г. Похоронен в братской могиле на дивизионном кладбище.

⁶ Богоршак Суренович Богосян — младший командир, 7-я мотострелковая бригада. 1916 г. р., станция Гурнайская, Рязанский район, Краснодарский край. Призван Белореченским РВК. Пропал без вести в бою на реке Халхин-Гол 31 августа 1939 г.

⁷ Степан Кириллович Оганезов — красноармеец, 149-й мотострелковый полк,

Проявив готовность выполнить боевое задание, он получил тяжелое ранение в голову во время боя с самураями и скончался 19 августа 1939 г. в военном госпитале, был похоронен в братской могиле при этом же госпитале. **Мнацакан Галустович Хатламаджян** [Герои Халхин-Гола: 39]¹, 1917 г. р., также погиб до начала общего наступления, 20 августа, храбро сражаясь, и был похоронен в местной братской могиле.

4. Деятельность Егише Асцатряна в Монголии

Выдающийся армянский инженер, государственный и политический деятель Егише Асцатрян также внес свой вклад в разгром врага в битве на Халхин-Голе. В своих мемуарах «XX век в вихре жизни (Воспоминания, события и лица), Книга II, Ереван, 2011» [Асцатрян 2011] он приводит подробную информацию не только о ходе битвы, но и о большой организационной работе, которую его группа проделала по материально-техническому обеспечению советско-монгольских войск, укреплению оборонительных сооружений, строительству военных объектов и зданий, а также другой строительной деятельности. В них он также рассказывает о встрече с Маршалом Г. К. Жуковым, командующим советской армией в Монголии, и о полученных от него указаниях и заданиях.

Г. К. Жуков в своих мемуарах подчеркивал, что «вопросы материально-технического обеспечения советско-монгольских войск были одними из главных трудностей. Все необходимое для боя и жизни войск приходилось подвозить на расстояние 650–700 км...» [Жуков 1986: 222]. Деятельность инженерной группы Е. Асцатряна была чрезвычайно значима в решении этих и других проблем.

Одной из важнейших задач, которую взял на себя Е. Т. Асцатрян, была разработка угольных месторождений [Асцатрян 2011: 153–154]. В связи с этим специальным решением Советского правительства была сформирована и направлена в распоряжение Г. К. Жукова, командующего Халхин-Гольским фронтом, группа из 124 специалистов. Руководителем этой группы был назначен Николай Ноздрин, а главным инженером — Егише Асцатрян [Асцатрян 2011: 154]. В своих мемуарах он пишет: «Проработав несколько дней со специалистами штаба и геологических организаций и снова прибыв в Улан-Батор с фронта, мы подробно обсудили с Г. К. Жуковым, где необходимо и возможно в короткие сроки построить угольные шахты и организовать добычу угля для удовлетворения растущих потребностей Советской и Монгольской армий и народного хозяйства в условиях военного времени» [Асцатрян 2011: 155].

Под руководством главного инженера были приложены большие усилия для увеличения объемов добычи угля. Угольная шахта, расположенная в 45 км к востоку от столицы, в районе Налайх, ежегодно производила 100–110 тонн угля. Благодаря проведенной в короткий срок работе она начала производить в 1,5 раза больше угля. Остальные угольные шахты было решено строить в районах восточной прифронтовой зоны [Асцатрян 2011: 156].

В дни битвы на Халхин-Голе группа, возглавляемая Егише Асцатряном, провела большой объем работ по снабжению советской и монгольской армий

36-я мотострелковая дивизия. Получил тяжелое ранение в голову в бою на реке Халхин-Гол 19 августа 1939 г., скончался в армейском госпитале.

¹ Мнацакан Галустович Хатламаджян — красноармеец, 1917 г. р. Погиб в августе 1939 г. в бою. Похоронен в братской могиле на реке Халхин-Гол.

необходимыми топливом и материально-техническими средствами. В ходе подготовительных работ он активно участвовал в строительстве инженерных укреплений, возведении зданий для воинских частей вместо монгольских юрт, а также строительстве жилых зданий для монгольского населения и правительства. После окончания сражения на Халгин-Голе, в октябре 1939 г., 124 советских специалиста стали работать в системе Министерства промышленности и строительства Монголии, а угольные шахты, машины и другое имущество, построенные и эксплуатировавшиеся в условиях военного времени, были переданы монгольской стороне в собственность [Асцатрян 2011: 159–160].

Е. Т. Асцатрян вновь был назначен на должность главного инженера. Он проработал в Монгольской Народной Республике 8 лет. Под его руководством в сложных условиях были успешно реализованы задачи по полному и бесперебойному обеспечению топливом нужд народного хозяйства и армии. В результате умело организованной интенсивной работы в 1940 г. добыча угля в Монголии увеличилась более чем в 3 раза по сравнению с 1939 г. [Асцатрян 2011: 160].

В 1940 г. Е. Т. Асцатрян был назначен на должность правительского советника по промышленности и строительству МНР [Асцатрян 2011: 161]. Он координировал все промышленные предприятия МНР, находившиеся в подчинении министерства, такие, как, например, крупный диверсифицированный промышленный комплекс с его кожевенными, хромовыми, мехообрабатывающими, обувными, войлочными, суконными, шорными и седельными фабриками, энергетический комплекс, механические, ремонтные и деревообрабатывающие заводы, предприятие по производству строительных материалов, железная дорога Улан-Батор – Налайх, горнодобывающий трест с подчиненными ему угольными шахтами, геологическая организация, строительный трест с его инфраструктурой, проектный институт, ремесленное производство и т. д. [Асцатрян 2011: 165].

За особые заслуги в развитии промышленного и строительного секторов страны Е. Т. Асцатрян был награжден орденом Трудового Красного Знамени МНР [Асцатрян 2011: 180].

Е. Т. Асцатрян, в своих мемуарах касаясь темы помощи, оказанной МНР Советскому Союзу во время Великой Отечественной войны, отмечал: «*Правительство МНР на следующий же день после начала войны заявило, что оно готово свято выполнить свои обязательства по договору о взаимопомощи, заключенному между правительствами СССР и МНР, и оказать любую помощь Советскому Союзу в Великой Отечественной войне, которую навязал ему германский фашизм. <...> В МНР, прежде всего на механическом заводе и в ремонтных мастерских крупных объектов, начали внедрять и производить необходимые количества запасных частей для технологического оборудования заводов, которые поступали из Советского Союза, поскольку их производство было прервано из-за войны. Массово начали внедрять и производить ряд товаров и материалов, таких как сукно, трикотаж и галантерея, шубы, упряжь, известье, черепица, алебастр и другие важные материалы и товары для удовлетворения местных потребностей. Организация производства мясомолочной продукции полностью удовлетворяла внутренние потребности и даже экспортировалась в Советский Союз» [Асцатрян 2011: 183]¹.*

¹ О деятельности Е. Т. Асцатряна в годы войны см., например: [Российско-монгольское 2008: 133–137].

В годы войны из Монголии в СССР отправлялись большие объемы мясного скота, лошадей, кавалерийского снаряжения, зимней одежды, обуви и других припасов.

Под непосредственным руководством Е. Т. Асцатряна как во время Халхин-Гольской, так и во время Маньчжурской наступательных операций было организовано материально-техническое снабжение Советской армии, а также строительство военных объектов и инженерных укреплений. В своих мемуарах Е. Т. Асцатрян рассказывает о встречах с Маршалом Р. Я. Малиновским, командующим Забайкальским фронтом [Асцатрян 2011: 194]. После войны, до конца 1946 г., Е. Т. Асцатрян продолжал свою работу в МНР в качестве правительского советника по промышленности и строительству. Его вклад в социально-экономическое развитие МНР был настолько существенным, что он был награжден не только монгольскими орденами Трудового Красного Знамени и «Полярной Звезды», но и двумя правительственные Почетными грамотами, подписанными маршалом и премьер-министром Х. Чойбалсаном, и несколькими медалями [Асцатрян 2011: 258].

В 1947 г. он переехал в Советскую Армению, где продолжал занимать высокие партийные и государственные должности. Под его руководством с 1947 г. по 1950 г. осуществлялось строительство ереванского завода «Каназ» и Алюминиевого завода. Впоследствии он занимал должности первого секретаря Ленинского районного комитета Коммунистической партии Армении (далее —КПА), секретаря Ереванского окружкома, заведующего отделом промышленности и транспорта ЦК КПА, председателя Армянского Совнархоза, заместителя председателя Совета Министров Армении, секретаря ЦК КПА, председателя Комитета партийно-государственного контроля и председателя Госснаба. Он был депутатом нескольких созывов высших законодательных органов Советского Союза и Советской Армении, а также делегатом съездов Коммунистических партий Советского Союза и Советской Армении. Е. Т. Асцатрян скончался 3 декабря 2008 г.

5. Выводы

В победу советско-монгольских войск над японско-маньчжурскими войсками в битве на Халхин-Голе сыны армянского народа, наряду с представителями других народов СССР, внесли свой достойный вклад. В военных операциях участвовали два десятка молодых армян, призванных из Советской Армении, Нагорно-Карабахской автономной области, а также других городов и регионов Советского Союза. Многие из них, храбро сражаясь, были похоронены в братских могилах на Халхин-Голе, посмертно они были удостоены правительственные наград. Некоторые из них числятся пропавшими без вести. Кто выжил в тех боях, участвовали в Великой Отечественной войне. За участие в боях на халгин-Голе восемь человек были награждены орденом Красного Знамени, а трое — медалью «За отвагу».

Известный армянский инженер, государственный и политический деятель Егише Асцатрян не принимал личного участия в боях на Халхин-Голе в 1939 г., но под его непосредственным руководством были организованы строительство угольных шахт и добыча необходимого количества угля в районах, прилегающих к фронту, для обеспечения топливом нужд советской и монгольской армий. Помимо этого, он проводил большую работу по открытию полезных ископаемых и их использованию для нужд армии. Он также смог организовать

широкомасштабную помощь советско-монгольской армии в ходе осуществления Маньчжурской операции и окончательного разгрома Японии в августе 1945 г.

Таким образом, сыны армянского народа активно участвовали в боях на Халхин-Голе, золотыми буквами вписав свои имена в анналы этой героической битвы по разгрому японско-маньчжурских оккупантов. Е. Т. Асцатрян, занимаясь инженерной и строительной деятельностью, решал вопросы материально-технического снабжения советской и монгольской армий, приближая, наряду с другими героями, окончательный разгром и капитуляцию Японии, также он внес значительный вклад в социально-экономическое развитие МНР.

Источники

- НАА — Национальный архив Армении. National Archive of Armenia.
РГВА — Российский государственный Central State Archive of the Soviet Army.
военный архив.

Литература

- Асцатрян 2011 — *Асцатрян Е. Т. XX век. В вихре жизни (Воспоминания, события и лица)*. Кн. II. Ереван: Зангак, 2011. 352 с.
- Ведомости Верховного Совета СССР 1939 — Ведомости Верховного Совета СССР. 29 сентября 1939 г. № 33. 4 с.
- Герои Халхин-Гола — Герои Халхин-Гола. Биографии и портреты [электронный ресурс] // URL: <https://knigiimperii.1bb.ru/viewtopic.php?id=190> (дата обращения: 26.05.2025).
- Гольман 2013 — Гольман М. И. Российская и зарубежная историография о событиях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: Взгляд на события из XXI века: сб. ст. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 102–111.
- Жуков 1986 — Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 7-е изд. В 3 тт. Т 1. М.: Агентство печати «Новости», 1986. 303 с.
- Катасонова 2021 — Катасонова Е. Л. Советская и российская историография о событиях на реке Халхин-Гол // Победа на Халхин-Голе: В поисках исторической правды / под ред. А. С. Железнякова, Е. Л. Катасоновой. М.: ИВ РАН, 2021. С. 13–34.
- Astsatryan Ye. 20th Century. In the Whirlwind of Life (Memoirs, Events, and Faces), Book 2, Yerevan, 2011. (In Arm.)
- Vedomosti of the Supreme Council of the USSR. 1939. September 29. No. 33. 4 p. (In Russ.)
- Heroes of Khalkhin-Gol. Biographies and Portraits. Available at: <https://knigiimperii.1bb.ru/viewtopic.php?id=190> (accessed: 26 May 2025) (In Russ.)
- Golman M. I. Russian and Foreign Historiography on the Events in Khalkhin-Gol, Khalkhin-Gol: A View on Events from the 21st Century. In: Collection of Articles. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. Pp. 102–111. (In Russ.)
- Zhukov G. K., Memoirs and Reflections. In 3 volumes, Vol. 1, 7th ed. M.: “Novosti” Press Agency Publishing House, 1986. 303 p. (In Russ.)
- Katasonova E. L. Soviet and Russian Historiography on the Events on the Khalkhin-Gol River, Victory at Khalkhin-Gol: In Search of Historical Truth. A. Zheleznyakov, E. Katasonova (eds.); Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. M.: Institute of Oriental Studies (RAS), 2021. Pp. 3–34. (In Russ.)

Sources

- НАА — Национальный архив Армении. National Archive of Armenia.
РГВА — Российский государственный Central State Archive of the Soviet Army.
военный архив.

References

- Асцатрян 2011 — *Асцатрян Е. Т. XX век. В вихре жизни (Воспоминания, события и лица)*. Кн. II. Ереван: Зангак, 2011. 352 с.
- Ведомости Верховного Совета СССР 1939 — Ведомости Верховного Совета СССР. 29 сентября 1939 г. № 33. 4 с.
- Герои Халхин-Гола — Герои Халхин-Гола. Биографии и портреты [электронный ресурс] // URL: <https://knigiimperii.1bb.ru/viewtopic.php?id=190> (дата обращения: 26.05.2025).
- Гольман 2013 — Гольман М. И. Российская и зарубежная историография о событиях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: Взгляд на события из XXI века: сб. ст. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 102–111.
- Жуков 1986 — Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 7-е изд. В 3 тт. Т 1. М.: Агентство печати «Новости», 1986. 303 с.
- Катасонова 2021 — Катасонова Е. Л. Советская и российская историография о событиях на реке Халхин-Гол // Победа на Халхин-Голе: В поисках исторической правды / под ред. А. С. Железнякова, Е. Л. Катасоновой. М.: ИВ РАН, 2021. С. 13–34.
- Astsatryan Ye. 20th Century. In the Whirlwind of Life (Memoirs, Events, and Faces), Book 2, Yerevan, 2011. (In Arm.)
- Vedomosti of the Supreme Council of the USSR. 1939. September 29. No. 33. 4 p. (In Russ.)
- Heroes of Khalkhin-Gol. Biographies and Portraits. Available at: <https://knigiimperii.1bb.ru/viewtopic.php?id=190> (accessed: 26 May 2025) (In Russ.)
- Golman M. I. Russian and Foreign Historiography on the Events in Khalkhin-Gol, Khalkhin-Gol: A View on Events from the 21st Century. In: Collection of Articles. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. Pp. 102–111. (In Russ.)
- Zhukov G. K., Memoirs and Reflections. In 3 volumes, Vol. 1, 7th ed. M.: “Novosti” Press Agency Publishing House, 1986. 303 p. (In Russ.)
- Katasonova E. L. Soviet and Russian Historiography on the Events on the Khalkhin-Gol River, Victory at Khalkhin-Gol: In Search of Historical Truth. A. Zheleznyakov, E. Katasonova (eds.); Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. M.: Institute of Oriental Studies (RAS), 2021. Pp. 3–34. (In Russ.)

- Орлова 2024 — Орлова К. В. Монгольская Народная Республика и Япония накануне событий на р. Халхин-Гол // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 934–942. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942
- Российско-монгольское 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док. в 2 ч. Ч. II. М.; Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 328 с.
- Указ Президиума 1939 — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР начальствующего политического, руководящего состава, красноармейцев Рабоче-Крестьянской Красной Армии и работников госпиталей // *Правда*. 1939. 30 августа. № 240(7925). С. 2–3.
- Цыбенов, Батунаев 2013 — Цыбенов Б. Д., Батунаев Э. В. Современные военные историки Монголии о событиях на реке Халхин-Гол // Халхин-Гол: Взгляд на события из XXI века. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 46–55.
- Японско-маньчжурская провокация 1939 — Японско-маньчжурская провокация продолжается (ТАСС) // Советская Армения. 1939. 14 июля. № 162(5663). С. 2.
- Японцы не успокаиваются 1939 — Японцы не успокаиваются (ТАСС) // Советская Армения. 1939. 6 августа. № 183(5683). С. 4.
- Orlova K. V. Mongolian People's Republic and Japan in Advance of the Khalkhin Gol Incident. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 5. Pp. 934–942. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942
- Russian-Mongolian Military Cooperation (1911–1946): Collection of Documents in 2 parts. P. 2. M.; Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2008. 328 p. (In Russ.)
- Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR on Awarding Orders and Medals of the USSR to Commanding Political, Leading Personnel, Red Army Soldiers of the Workers' and Peasants' Red Army and Hospital Workers. *Pravda*. 1939. August 30. No. 240 (7925). Pp. 2–3. (In Russ.)
- Tsybenov B. D., Batunaev E. V. Modern Military Historians of Mongolia on the Events on the Khalkhin-Gol River. In: Khalkhin-Gol: A View on Events from the 21st Century. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2013. Pp. 46–55. (In Russ.)
- Japanese-Manchurian Provocation Continues (TASS). *Soviet Armenia*. July 14. 1939. No. 162 (5663). (In Russ.)
- The Japanese do not Calm Down (TASS). *Soviet Armenia*. August 6. 1939. No. 183 (5683). (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 224–234, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-224-234

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930 (517.3)

UDC 930 (517.3)

Армянский поэт XIII в. о монголах 13th Century Armenian Poet about the Mongols

Генрик Григорьевич Бахчинян¹,
Арцви Генрикович Бахчинян²,
Геворг Срапионович Степанян^{3,4},
Ани Аведисовна Фишенкджян (Фчнкджян)⁵

Henrik G. Bakhchinyan¹,
Artsvi G. Bakhchinyan²,
Gevorg S. Stepanyan^{3,4},
Ani A. Fishenkjian (Fchnkjian)⁵

¹ Независимый исследователь (д. 7, кв. 9, ул. Эстонакан, 0038 Ереван, Республика Армения)

доктор филологических наук

Dr. Sc. (Philology)

 0009-0007-9705-701X. E-mail: helinemuradyan[at]rambler.ru

² Институт истории Национальной академии наук (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

² National Academy of Sciences, Institute of History (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-8637-6946. E-mail: artsvi[at]yahoo.com

³ Институт истории Национальной академии наук (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

³ National Academy of Sciences, Institute of History (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

⁴ Ереванский государственный университет (д. 1, ул. А. Манукяна, 0025 Ереван, St., 0025Yerevan, Armenia)

Армения)

доктор исторических наук, профессор

⁴ Yerevan State University (1, A. Manukyan Ave., 0025Yerevan, Armenia)

Dr. Sc. (History), Professor

 0009-0000-7536-6777. E-mail: sasun-07[at]mail.ru

⁵ Институт истории Национальной академии наук (д. 24/4, пр. Маршала Баграмяна, 0019 Ереван, Республика Армения)

научный сотрудник

⁵ National Academy of Sciences, Institute of History (24/4, Marshal Baghramyan Ave., 0019 Yerevan, Republic of Armenia)

Research Associate

 0009-0000-0476-8816. E-mail: fishenkjianani[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Бахчинян Г. Г., Бахчинян А. Г.,
Степанян Г. С.,
Фишенкджян (Фчинкджян) А. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Bakhchinyan H. G., Bakhchinyan A. H.,
Stepanyan G. S.,
Fishenkdzhan (Fchnkjian) A. A., 2025

Аннотация. Введение. Выдающийся армянский поэт XIII в. Фрик неоднократно обращался в своих стихотворениях к различным аспектам монгольской реальности. Его жизнь пришлась на период господства монгольского государства Хулагуидов, в состав которого входила значительная часть Армении. Когда монгольский историк Баярсайхан Дащондог, а также некоторые армянские авторы исследовали упоминания о монголах в армянских источниках, их внимание было сосредоточено преимущественно на исторических сочинениях. Между тем такие источники, как поэзия, остаются недостаточно изученными. В этом контексте впервые анализируются произведения Фрика в связи с историей монголов. Цель исследования — проанализировать упоминания о монголах в поэзии Фрика, включая термины, упоминания исторических личностей и событий. Это позволит реконструировать отдельные аспекты монгольского господства, отраженные в средневековых армянских источниках. **Материалы и методы.** Исследование основано на поэтическом наследии Фрика, обладающем как художественной, так и исторической ценностью. Его упоминания о монголах рассматриваются в контексте исторических событий и интерпретируются с учетом мнений последующих исследователей. **Результаты.** В молодости Фрик занимался масасом (массовыми поставками), был масасчи, быстро разбогател, но впоследствии потерял свое состояние. Он был хорошо знаком с монгольскими чиновниками, чьи имена приводил в своих стихах наряду с другими деталями монгольской деятельности. Произведения Фрика, в первую очередь его историческое стихотворение «Об Аргун-хане и Буге» (1289), представляют собой ценный первоисточник для изучения монгольского правления в Армении, особенно периода власти династии Хулагу. Его поэзия дает уникальное представление о монгольской администрации и ее влиянии на армянское общество, тем самым дополняя наши знания о монгольских реалиях средневековья.

Abstract. *Introduction.* Medieval Armenian sources are essential for studying various aspects of Mongolian historical realities, including administration, language, ethnography, religion, and key figures, while Mongolian historian Bayarsaykhan Dashdondog has extensively examined Armenian historical works on the Mongols, other types of sources, such as poetry, remain underexplored. In this context, the works of the eminent 13th-century Armenian poet Frik are analyzed for the first time in relation to Mongol history. Frik lived under the rule of the Ilkhanate, governed by the Mongol House of Hülegü, which controlled much of Armenia. His life and works were profoundly shaped by this political reality. The purpose of this article aims to collect and analyze all Mongol-related references—figures, terms, and events—found in Frik's poetry. By doing so, it reconstructs aspects of Mongol rule as reflected in medieval Armenian sources. **Materials and methods.** The study is based on Frik's poetic heritage, which holds both artistic and historical significance. His references to the Mongols are examined in the context of historical events and interpreted using insights from subsequent scholars. **Results.** In his youth, Frik was engaged in *masas*—a trade supplying the Mongol military with weapons, equipment, and horses. Although this business initially brought him considerable wealth, he later fell into poverty due to persecution by corrupt Mongol officials who oppressed those involved in the *masasa* trade (*masaschi*). Frik's historical poem “About Arghun Khan and Bugha” (1289), along with his other works, serves as a valuable primary source for studying Mongol rule in Armenia, particularly under the House of Hülegü. His poetry offers unique perspectives on Mongol administration and its impact on Armenian society, complementing our knowledge of a number of Mongolian realities of the Middle Ages.

Ключевые слова: Фрик, поэзия, тата-**Keywords:** Frik, poem, Tatar-Mongols, Hungarians, state, Mongol rule in Armenia, Masas, Argun, Buga.

Аргун, Буга

Для цитирования: Бахчинян Г. Г., **For citation:** Bakhchinyan H. G., Bakhchinyan A. G. Степанян Г. С., Фи- chinyan A. G. Stepanyan G. S., Fishenk- шенкджян (Фчинкджян) А. А. Армянский поэт XIII в. о монголах // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 224–234. DOI: [\(Elista\). 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 224–234. \(In Russ.\). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-224-234](https://doi.org/10.22162/2500-1523-2025-2-224-234)

1. Введение

Древняя поэзия нередко дополняет исторические источники. Обилие сведений о монголах в средневековых армянских источниках — хорошо известный факт, который уже подвергался изучению историков [Dashdondog 2011; Шахназарян и др. 2024]. Между тем такие источники, как некоторые средневековые поэтические произведения, остаются недостаточно исследованными. Вопрос, в частности, касается творчества одного из наиболее значительных и самобытных представителей армянской поэзии XIII в. — Фрика¹.

Согласно вероятным расчетам литературоведа М. М. Абегяна, Фрик родился «в начале татарского вторжения», т. е. в 1236 г. [Абегян 1970: 290]. Скончался он в глубокой старости, предположительно в начале XIV в. Его родиной, или основным местом жительства, по мнению историка А. Г. Ованисяна, было Ани, которое было завоевано монголами в 1236 г. [Ованисян 1955: 116–117].

Таким образом, вся жизнь поэта прошла на фоне расширения монгольского государства, охватившего значительную часть Армении в составе Ильханата Хулагуидов. Это обстоятельство оставило глубокий след как в его биографии, так и творчестве².

2. Поэзия Фрика как источник о монголах

В молодости Фрик, как он сам свидетельствует в ряде своих стихов, накопил огромное богатство, был охвачен золотой лихорадкой и часто обогащался лиходейским путем. Он занялся одним из самых прибыльных дел в период монгольского господства — масасом, т. е. массовыми поставками³. Это был ежегодный контракт с монгольским военным управлением на поставку определенного количества оружия, снаряжения и лошадей. Исполнители такого контракта назывались масасчи [Ованисян 1955: 22; Жамкочян 1958: 196]⁴. Эти люди вовлекали в свое дело некоторых богатых людей как партнеров — ортахов, с которых брали проценты или долю прибыли. По косвенным свидетельствам Фрика, масасчи-ортахи были армянами.

¹ Некоторые аспекты данной темы были исследованы Г. Г. Бахчиняном: [Бахчинян 2020].

² Одно из последних исследований о Фрике [Pifer 2021].

³ Многие армянские дворянские семьи заключали союзы с монголами, обменивая свою лояльность и военное участие на налоговые льготы и земельные наделы, см.: [Armenia 2018: 84].

⁴ До работы А. Г. Ованисяна о масас и масасчи высказывались совершенно ошибочные мнения [Фрик 1952: 102–104, 662; Абегян 1970: 307–308].

По мнению А. Г. Ованисяна, Фрик «принадлежал к числу тех людей, которые были связаны с масасчи-ортахами» [Ованисян 1955: 34]. Согласно мнению А. Г. Жамкочяна, «Фрик был одним из ортахов масасчи, то есть одним из тех богатых людей, которые давали деньги в долг с процентами одному из масасчи» [Жамкочян 1958: 202].

«Пока не завершился период монгольских походов, — пишет А. Г. Ованисян, — военные поставки имели жизненно важное значение для ханов, и военное управление стремилось к регулярной организации и функционированию масас» [Ованисян 1955: 23]. Таким образом, «поставщики оружия, лошадей и снаряжения для монгольской армии, или масасчи, особенно в начале, зарабатывали большие деньги» [Жамкочян 1958: 196]. Именно в этот период, в 1260-х гг., молодой Фрик, став масасчи, значительно обогатился.

Как во времена расцвета масас, так и позже Фрик побывал в разных регионах Армении: «...он провел свою жизнь, путешествуя по дорогам татарских летних и зимних стоянок. Это обстоятельство напрямую относится к Южному Кавказу, указывая на периодические передвижения монгольской армии или дворца» [Ованисян 1955: 113–114].

После того как дело масас пережило свой расцвет, оно постепенно пришло в упадок, что проявилось в августе 1284 г., когда на трон Ильханидов взошел хан Аргун (1250/1255 или 1259–1291) — ильхан государства Хулагуидов (1284–1291; старший сын Абаги-хана, внук Хулагу), окруживший себя жестокими и грабительскими чиновниками, такими, как даругачи (сборщик налогов) Буга Чинксан¹. Именно в этот период Фрик написал свои знаменитые строки в переводе В. Я. Брюсова:

Теперь еще труднее нам, когда татарин² сел на трон,
Всех обделил он, и воров поставил господином он [Поэзия Армении 1916: 184].

«Когда внешние завоевания прекратились, — продолжает А. Г. Ованисян, — открывая дорогу феодальным внутренним войнам и династическим заговорам, решаемым с помощью виселицы или яда, дело масас стало средством финансовых злоупотреблений <...> Во времена военной администрации Буги происходили огромные фальшивые сделки с помощью баратов (расписки). В руках масасчи сосредоточились нечестные богатства. За недопоставленные оружие и лошадей они выдали фальшивые расписки» [Ованисян 1955: 23].

К таким махинациям вынужден был прибегать и сам Фрик, выполнивший функции масасчи. В одном из стихотворений он называет себя достойным адского огня, так как сам также обогатился, составляя фальшивые бараты. Он оценивает свою деятельность, как в целом институт масаса, крайне негативно [Бахчинян 2021: 177]. Поэт строго осудил масасчи (включая и себя), поскольку они были ослеплены жаждой богатства и стали причиной множества бедствий [Бахчинян 2021: 293–194].

«Спустя некоторое время, — пишет А. Г. Жамкочян, — когда масасчи большие не могли ничего получить от государства, многие богатые, с которыми они вели дела или давали деньги с процентами, отказывались дальше материально

¹ Титул Чинксан[к] происходит от китайского *ch'eng hsiang* ‘канцлер’, дарованный Великим Ханом [Dashdondog 2011: 199].

² В армянских источниках монголы чаще всего именуются татарами.

помогать масасчи. А те, кто уже отдал все свое состояние масасчи, надеясь получить деньги, указанные в баратах, оставляли свои дела и присоединялись к их бродяжничеству» [Жамкочян 1958: 197–198]. В числе тех, кто попал в это бродяжничество, был и Фрик, который о себе и своих спутниках писал:

*Не осталось гор и полей,
которые бы масасчи не топтали [Бахчинян 2021: 293].*

«Так как бараты были написаны на территории областей, — продолжает А. Г. Жамкочян, — и с управляющими этих областей было нелегко получить деньги, масасчи и их спутники, на условиях оплаты и пропитания, брали вооруженные отряды у того или иного монгольского принца, хана или эмира. Для того чтобы расплатиться с этими отрядами и прокормить их, спутники масасчи были вынуждены не только продавать или закладывать свои имения, но и брать кредиты у ростовщиков под высокий процент» [Жамкочян 1958: 198]. Вследствие этого масасчи и их спутники-ортаки лишились богатства, имущества, оказались под тяжестью долгов и залогов. Это происходило начиная с 1269 г. и продолжалось как минимум двадцать лет — до 1289 г. [Ованисян 1955: 27, 87].

3. «Об Аргун-хане и Буге»

Фрик упомянул эти двадцать лет, связанные с масас, и лишения, которые пережили масасчи, а также свои страдания в историческом стихотворении «Об Аргун-хане и Буге» 1289 г., где он также отметил: «Прошли годы, но следов масас не осталось,пути исчезли» [Бахчинян 2021: 295]. В 1289 г., однако, Фрик еще не был охвачен отчаянием. Был казнен Буга Чинксан, восставший против хана Аргуна, который был главным врагом масасчи. Хотя поэт осуждал масасчи, попавших в ловушку жажды богатства (в том числе и себя), он все же считал, что Бог после жестокого наказания простил их, а теперь наказывает их врагов:

*Господь снова сжался,
истребил тех, которые желали зло масасчи [Бахчинян 2021: 294].*

Вдохновленный всем этим, он призвал всех масасчи собраться и молить Бога, чтобы Он заставил монгольского правителя помочь масасчи-ортакам, оказавшимся в жалком положении и проклинающим власть, избавиться от своих долгов:

*Сколько есть масасчи, пусть все соберутся,
чтобы молить Господа Бога, чтобы Он показал Аргун-хану,
что слезы, пролитые ортаками, — не во благо [Бахчинян 2021: 294].*

Аргун-хан приказал своим новым чиновникам позаботиться о том, чтобы были выплачены долги масасчи-ортаков. Однако эта проблема не могла быть решена, поскольку государство не могло погасить колоссальные суммы долгов. Поэтому с этого момента многие масасчи-ортаки, включая и Фрика, полностью обанкротились. Его законно и незаконно заработанное богатство перешло к монгольским чиновникам, о чем он пишет в следующих строках:

*Я собрал много богатств,
но оно стало имуществом татар [Бахчинян 2021: 219].*

Наделав долгов, Фрик вынужден был заложить даже своего сына («Его произведения отражают жестокие реалии прямого монгольского правления: он сообщает, что бремя долга заставило его отдать собственного сына в

заложники» [Russell 2021: 646]. Филолог Тирайр, рассматривая эту ситуацию [Фрик 1952: 21–26], приводит свидетельство армянского историографа XIII в. Киракоса Гандзакеци о том, что монголы у «всех тех, кто не мог вернуть долг, забирали их детей в качестве долгов» [Гандзакеци 1909: 349, 360].

Как отметил А. Г. Жамкочян, «Фрик, лишившись своего дома и заложив своего сына, все равно не избавился от долгов. Согласно существующему закону, долговые агенты должны были забрать Фрика как несостоятельного должника и использовать его как раба или продать» [Жамкочян 1958: 219].

Установленные монголами порядки и отношения, которые причинили поэту немало страданий, естественно, нашли широкий отклик в его творчестве. Как видно из приведенных примеров, отклик действительно был. В этом контексте особенно выделяется уже упомянутое историческое стихотворение «Об Аргун-хане и Буге». Здесь Фрик живо описал не только страдания масасчи-ортахов (включая и свои) и осудил их, но и историческое событие сквозь призму своей личной трагедии.

Как мы упоминали, в 1284 г. на трон Хулагуидов (Ильханидов) взошел сын Абаги-хана (1265–1282) — Аргун (правил до 1291 г.). В 1289 г. против него был организован заговор, во главе которого стоял Буга вместе со своим братом Арухом. Он был вождем одного из самых многочисленных монгольских племен — Джелайр, которое прибыло на Ближний Восток. В ходе борьбы за трон в 1284 г. Буга оказал исключительные услуги Аргуну: заручившись поддержкой большинства эмиров, разгромил хана Тагудар-Ахмеда (1282–1284) и его сторонников, освободил из заключения Аргуна, посадив его на трон. В благодарность за эти исключительные услуги Аргун пожаловал Буге высокий титул «чинксана» и сделал его главным распорядителем всех дел в своем государстве и командующим армией [Гандзакеци 1909: 204].

Заговор, организованный Бугой, провалился, он был разоблачен и в начале 1289 г. вместе с соратниками был приговорен к казни [Ованнисян 1955: 20]. Монгольская исследовательница Баярсайхан Дащондог сообщает: «Сам Буга стал жертвой внутреннего заговора при дворе Ильханидов и был предан Джушикбом, двоюродным братом Аргуна, и был казнен в январе 1289 года» [Dashdondog 2011: 199]. Это событие и стало основанием для создания исторического стихотворения Фрика.

Представив это событие, Фрик выразил свою симпатию к Аргун-хану и ненависть к Буге¹, он «копировал монгольского даругачи как источник великих страданий и лишений по всей Армении» [De Nicola 2016: 230]. На это было несколько причин. Первая из них заключается в том, что Аргун-хан проводил благоприятную по отношению к христианам политику². По словам армянского историографа XIII в. Степаноса Орбеляна, он был «очень любящим христиан и церковь» [Орбелян 1910: 425; Ованнисян 1957: 251].

Другой причиной было то, что Фрик, как человек средневековья, считал приемлемым только законного, т. е. наследственного царя, которого он считал

¹ На это указывает также Баярсайхан Дащондог: «Великий армянский поэт Фрик в своей поэме „Об Аргун-хане и Буге“ очень ясно выразил свою симпатию к Аргуну. По его словам, Аргун, сын Чингисида, был избран Богом, которого никто не может победить» [Dashdondog 2011: 199].

² Известно, что папа Римский выразил благодарность Аргуну за его защиту римской, несторианской, греческой и армянской церквей, а также францисканских миссий на его территориях [Stopka 2017: 178].

богоизбранным, богопредначертанным. Поэтому, обращаясь к Буге, который не был наследником «Чанкыз хана» (Чингис-хана), он сказал:

*О, Буга! Как ты осмелился предать Богом установленного царя?
которого все христиане усердно молили у Бога?
Бог поставил Аргун-хана... [Бахчинян 2021: 292].*

Следовательно, «кто восстанет против царей, тот сам придет к гибели» [Бахчинян 2021: 292].

Еще одна причина заключалась в том, что Буга, как мы уже отмечали, был заклятым врагом масасчи, тогда как монарх стремился позитивно решить проблемы масасчи [Бахчинян 2021: 294]. Также следует добавить, что поэт осудил Бугу и за то, что тот был неблагодарным и жадным, он не удовлетворился полученными большими наградами и высокими должностями. Кстати, в стихотворении «Против Фалака (Судьбы)», написанном в начале правления Аргуна, Фрик, как видим, выражает недовольство монгольским царем, у которого высокие посты занимали такие воры и грабители, как Буга [Бахчинян 2021: 313]. Другими словами, он изменил свое отношение к Аргуну, убедившись, что тот был не защитником христиан, а жестоким угнетателем.

По словам поэта, Аргун-хан с помощью праведного Бога наказал изменника Бугу и его брата Аруха, а также их соратников.

*Господь низверг с небес на землю Чинксан-Бугу и Аруха
и всех вождей, которые вместе замыслили совет [Бахчинян 2021: 292].*

4. Другие монгольские исторические лица в стихотворении «Об Аргун-хане и Буге»

Фрик также прямо упоминает несколько других предателей, которые тоже подверглись заслуженному наказанию. Одним из них был Джалаледдин:

*Остался лишь Джалаладдин¹,
который наносил удары, подобные клещам.
Господь усмирил его безумный взгляд,
и его дом, и имущество были рассеяны [Бахчинян 2021: 293].*

А. Г. Жамкочян отмечает: «Джалаледдин — везир Аргун хана, саип-казначей двора. Монгольского государства Джалаледдин Семани. Будучи одним из ближайших людей Буги, он также был заподозрен в участии в заговоре, был отстранен от должности в июне 1289 года, а 7 августа того же года подвергся смертной казни. Джалаледдин Семани, являясь непосредственным ответственным и распорядителем всех дел Монгольского государства, вместе с Бугой был одним из тех, кто всячески препятствовал масасчи...» [Жамкочян 1958: 205].

Таким же был беззаконный и нечестивый Чуши-туман. «Да разрушит его Бог, чтобы его народ был уничтожен» [Бахчинян 2021: 293]. По уточнению А. Г. Жамкочяна, здесь Туман — не собственное имя, а воинский титул, и речь идет об эмире Чуши [Жамкочян 1958: 206]. Мы считаем, что туман — это командир десяти тысяч в монгольской армии². Кстати, Фрик также упоминает в другом контексте монгольскую денежную единицу «туман» [Бахчинян 2021: 294], которая была равна 10 000 деканам.

¹ Так в источнике.

² Туман, исходя из своего основного военного значения, мог мобилизовать 10 000 солдат [Dashdondog 2011: 121].

Среди казненных предателей Фрик также упоминает Софи, который был высокопоставленным персидским чиновником, уволенным из монгольского двора [Жамкочян 1958: 206]:

*Цареубийца, богоненавистник,
дерзкий и бесстыдный тот пес Софи,
Пусть столько кричит и бегает от двери к двери,
пока не падет в пропасть [Бахчинян 2021: 294].*

В этих и подобных фрагментах Фрик в духе и стиле народных эпических произведений выражает свою ненависть к хулагуидским властям и свою удовлетворенность справедливым и заслуженным наказанием их.

В данном историческом стихотворении Фрик также упоминает Султан-Агу: «Султан-ага узнал об этом (заговоре), и тогда твои дела тебя погубили» [Бахчинян 2021: 292] и Султан-Эудечи: «Один из знаменитых монгольских эмиров и личный враг Буги. Он был первым, кто обнаружил заговор Буги и арестовал его» [Жамкочян 1958: 207]. В стихотворении упомянуты и другие монгольские чиновники, такие, как Тачар, Кучан, Сададолин [Бахчинян 2021: 294]. Тачар, по А. Г. Жамкочяну, это эмир Тагачар, один из самых верных старших эмиров Аргун-хана, активно участвовавший в подавлении заговора Буги. Кучан, один из старших эмиров Аргун-хана, после заговора Буги был назначен правителем монгольской столицы Тавриз и ее региона, был казначеем короля. Сададолин (Саададоле, Саад-Эд-Дола) в июне 1289 г. был назначен визирем и казначеем-саипом дивана вместо отстраненного Джалаляддина Семани. Фрик упоминает также другого монгольского казначея (*саипа дивана*) в стихотворении «Против Фалака»: «О саипе диване скажем, что он ограбил всю страну» [Бахчинян 2021: 314]. Это Шамседдин Мухаммед Джувейни, «который был саипом дивана при ханах Хулагу (1256–1265), Абага и Тагудар-Ахмед. Армянские источники обычно называют его Саипом Диваном по его должности. Используя свою высокую должность, он совершал большие финансовые злоупотребления и приобретал обширные земли в различных частях государства... Он также имел крупные владения в Армении» [Жамкочян 1958: 208]. По вероятной гипотезе А. Г. Ованнисяна, «Фрик знал этого саипа дивана еще с Ани, где в 1263 году этот человек упоминается среди господ города... В строках о саипе диване Фрик выражает не только личную, но и всеобщую глубокую ненависть к этому печально известному властителю Эльханов, вероятно, особенно к Анийским гражданам, которые многократно подвергались продаже» [Ованнисян 1955: 116–117].

5. Этнонимы в творчестве Фрика

Ранее мы указывали, что Фрик называет монголов татарами¹. Заметим, что под *татарами* он имеет в виду монгольское племя, которое приняло ислам и постепенно стало доминирующим в Хулагуидском государстве². Поэт также

¹ Армянские источники называют монголов также лучниками (народом лучников), хотя это выражение также использовалось в отношении сельджуков [van Ginkel et al. 2004: 43]. «Татарами называли монголов многие христианские и мусульманские авторы; именно это название чаще всего используется в арабских источниках. Однако на самом деле татары были степным племенем, уничтоженным Темучином в его ранние годы» [Stewart 2001: 39].

² Позже этим именем стали называть современных татар, а также некоторые другие тюркоязычные народы, включая азербайджанцев (кавказских татар).

упоминает монголов в форме «мугал», имея в виду монгольское племя, которое приняло христианство. В знаменитом стихотворении «Жалоба» поэт упоминает эти племена рядом, противопоставляя их:

*Один — татар тортгомский,
один — мугал из Хатая* [Бахчинян 2021: 326].

Татары были названы *тортгомскими*, так как считались потомками Тортгома, внука Ноя. Мугалы же считались монголами, пришедшими из Хатая (Китая): в XIII–XIV вв. монголы правили Китаем.

Мугалов Фрик упоминает также в стихотворении, где он представляет различные народы своего времени. Там говорится: «*Мугал отрекается от своих сыновей*».

В своих произведениях Фрик также упоминает зимовники монголов в Агванге, а также *нах* и *насити* [Бахчинян 2021: 149], нарядные одежды феодалов Монголии [Ованнисян 1955: 6]. Кроме того, он упоминает также известного монголам легендарного христианского священника Иоанна [Бахчинян 2021: 293]¹.

Наконец, стоит отметить, что в своем произведении «Жалоба» поэт имеет в виду монголов, когда, отвергая Бога, который не замечает страданий армян, говорит:

*Власть в руках беззаконных,
которые ведут бесценного пленника,
сколько церквей они разрушат,
сколько оскверненных мечетей построят,
сколько вдов возьмут в плен
и сколько осиротят христианских детей* [Бахчинян 2021: 328].

Таким образом, в своем творчестве Фрик выразил страстное стремление к лучшему национальному будущему и освобождению от власти монголов. Как отмечает М. М. Абегян, Фрик является «*проповедником стремления к лучшему национальному будущему желанием освободиться от татарского гнета*» [Абегян 1970: 319].

6. Заключение

Живя в эпоху монгольского господства в Армении, поэт Фрик, сотрудничая с монголами, был хорошо знаком с этим народом и некоторыми особенностями их жизни. Монголы у Фрика называются «*мугалы*» и «*татары*», причем под последним он подразумевал племя, принявшее ислам.

В его поэзии упоминаются термины, связанные с монгольским правлением (названия административных должностей, одежды), а также ряд исторических личностей. Таким образом, монгольские реалии, развернувшиеся в Армении, где прошла жизнь Фрика, нашли художественное отражение в его творчестве, особенно в его историческом стихотворении «*Об Аргун-хане и Буге*», которое является важным источником для изучения истории монгольского государства Хулагуидов.

Как представитель завоеванного народа Фрик критически высказывался о монгольском господстве и косвенно выражал стремление к освобождению от него.

¹ И *насити*, и священника Иоанна упомянул также жившего в том же веке Марко Поло [Polo 2011: 79, 158].

Источники

Бахчинян 2021 — *Бахчинян Г. Г. Поэтическое наследие Фрика. Тексты и исследование*. Ереван: ВМВ-принт, 2021, 444 с. (На арм.)

Гандзакеци 1909 — *Гандзакеци Киракос. История армян*. Тифлис: тип. Н. Г. Аганян, 1909. 420 с. (На арм.)

Орбелян 1910 — *Орбелян С. История провинции Сисакан*. Тифлис: тип. Н. Г. Аганян 1910. 618 с. (На арм.)

Поэзия Армении 1916 — *Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней / ред., вступ. очерк и примеч. В. Брюсова*. М.: Изд. Московского Армянского комитета, 1916. 523 с.

Фрик 1952 — *Фрик*. Сборник. Составил архиепископ Тирайр. Нью-Йорк: Армянский филантроп. общий союз, Фонд Мелконяна, 1952. 756 с. (На арм.)

Polo 2011 — *Marco Polo. Le dévissement du monde*. Paris: La découverte, 2011. 554 p.

Литература

Абегян 1970 — *Абегян М. М. Сочинения*. Т. IV. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1970. 636 с. (На арм.)

Бахчинян 2020 — *Бахчинян Г. Г. Монгольские реалии в жизни и творчестве Фрика // Арменоведение в Монголии. Мат-лы междунар. конф*. Ереван: ВАРМ, 2020. С. 28–42. (На арм.)

Жамкочян 1958 — *Жамкочян А. Г. Историко-филологические наблюдения о Фрике и его стихах // Историко-филологический журнал*. 1958. № 1. С. 194–244. (На арм.)

Ованисян 1955 — *Ованисян А. Г. Фрик в историческом свете*. Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1955. 122 с. (На арм.)

Ованисян 1957 — *Ованисян А. Г. Фрагменты страниц армянской освободительной мысли*. Т. 1. Ереван: АН Армянской ССР, 1957. 524 с. (На арм.)

Armenia 2018 — *Armenia: Art, Religion, and Trade in the Middle Ages*. New York: Metropolitan Museum of Art, 2018. 351 p.

Sources

Bakhchinyan H. *The Poetic Heritage of Frik. Texts and Research*. Yerevan, VMV-Print, 2021. 444 p. (In Arm.)

Gandzaketsi Kirakos. *History of the Armenians*. Tiflis: N. G. Aganyan, 1909. 420 p. (In Arm.)

Orbelian Stepanos. *History of the Province of Syunik*. Tiflis: N. G. Aganyan, 1910. 618 p. (In Arm.)

Poetry of Armenia from Ancient Times to the Present Day. V. Bryusov (ed., intro essay, notes). Moscow: Moscow Armenian Committee, 1916. 523 p. (In Russ.)

Frik. *Collected Works*. Archbishop Tirair (comp.). New York: Armenian Philanthropic General Union, Melkonian Fund, 1952. 756 p. (In Arm.)

Marco Polo. *Le dévissement du Monde*. Paris : La Découverte, 2011. 554 p.

Literature

Abegyan M. *Works*, Vol. 4. Yerevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1970, 636 p. (In Arm.)

Bakhchinyan H. *Mongolian Realities in the Life and Works of Frik*. In: *Armenian Studies in Mongolia. Proceedings of the International Conference*. Yerevan: VARM, 2020. Pp. 28–42. (In Arm.)

Jamkochyan H. *Historical and Philological Observations on Frik and His Poems*. *Historical-Philological Journal*. 1958. No. 1. Pp. 194–244. (In Arm.)

Hovhannisan A. *Frik in the Historical Context*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1955. 122 p. (In Arm.)

Hovhannisan A. *Fragments from the Pages of Armenian Liberation Thought*. Vol. 1. Yerevan, 1957. 524 p. (In Arm.)

Armenia: Art, Religion, and Trade in the Middle Ages. New York: Metropolitan Museum of Art, 2018. 351 p. (In Eng.)

- Dashdondog 2011 — *Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Leiden; Boston: Brill: 2011. 267 p.
- De Nicola 2016 — De Nicola B. (editor). *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden: Brill, 346 p.
- Pifer 2021 — *Pifer M. Kindred Voices: A Literary History of Medieval Anatolia*. Yale, Yale University Press, 2021. 320 p.
- Russell 2021 — *Russell J. Poets, Heroes, and their Dragons. Armenian and Iranian Studies 2. Vol. 1*. Leiden: Brill, 2021, 817 p.
- Шахназарян и др. 2024 — *Шахназарян А. И., Мелконян А. А., Крючков И. В., Худанян А. О. монголы в армянских рукописных источниках XIII–XIV вв. // Монголоведение. Т. 16. № 4. С. 694–704. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-694-704*
- Stewart 2001 — *Stewart A. D. The Armenian kingdom and the Mamluks: War and Diplomacy During the Reigns of Het'um II (1289–1307)*. Leiden: Brill, 2001. 215 p.
- Stopka 2017 — *Stopka K. Armenia Christiana: Armenian Religious Identity and the Churches of Constantinople and Rome (4th–15th Century) / transl. by T. Bałuk-Ulewiczowa*. Kraków: Jagiellonian University Press, 2017. 368 p.
- van Ginkel et al. 2004 — *van Ginkel J. J., Murre-van den Berg H. L., van Lint T. M. Redefining Christian Identity: Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam*. Leuven: Peeters, 2004. 420 p.
- Dashdondog B. *The Mongols and the Armenians (1220-1335)*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 267 p. (In Eng.)
- De Nicola Bruno (ed.). *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. Leiden: Brill, 2016. 346 p. (In Eng.)
- Pifer M. *Kindred Voices: A Literary History of Medieval Anatolia*. Yale: University Press, 2021. 320 p. (In Eng.)
- Russell J. *Poets Heroes, and their Dragons. Armenian and Iranian Studies 2. Vol. 1*. Leiden: Brill, 2021. 817 p. (In Eng.)
- Shahnazaryan A. I., Melkonyan A. A., Kryuchkov I. V., Khudanyan H. H. *Mongols in Armenian Manuscript Sources of the 13th–14th Centuries. Mongolian Studies (Elista)*. 2024. Vol. 16. Is. 4. Pp. 694—704. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-694-704
- Stewart A. D. *The Armenian Kingdom and the Mamluks: War and Diplomacy During the Reigns of Het'um II (1289–1307)*. Leiden: Brill, 2001. 215 p. (In Eng.)
- Stopka K. *Armenia Christiana: Armenian Religious Identity and the Churches of Constantinople and Rome (4th–15th Century)*. T. Bałuk-Ulewiczowa (transl.) Kraków: Jagiellonian University Press, 2017. 368 p. (In Eng.)
- Van Ginkel J. J., Murre-van den Berg H. L., van Lint T. M. *Redefining Christian Identity: Cultural Interaction in the Middle East since the Rise of Islam*. Leuven: Peeters, 2004. 420 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 235–253, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-235-253

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(*Mongolian Studies*)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47)

UDC 94(47)

**О грамоте Панчен-ламы Лобсанг
Еше, данной калмыкам**

Бембя Леонидович Митруев¹

**The Charter Bestowed by Panchen
Lama Palden Yeshe upon the Kalmyks**

Bembya L. Mitruev¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8,
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
Российская Федерация)

младший научный сотрудник, кандидат
исторических наук

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8,
Ilyshkin St., 358000 Elista, Russian Feder-
ation)

Junior Research Associate, Postgraduate
Student

 0000-0002-1129-9656. E-mail: [bemitrouev\[at\]yahoo.com](mailto:bemitrouev[at]yahoo.com)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Митруев Б. Л., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Mitruev B. L., 2025

Аннотация. Введение. В Калмыцком ханстве и у ойратов в Джунгарском ханстве имелось немало грамот, выданных Далай-ламами и Панчен-ламами в разные исторические периоды. Эти документы имели важное религиозное значение, но также они представляли собой социально значимые акты. В данном исследовании рассматривается одна из таких грамот, данная Пятым Панчен-ламой Лобсангом Еше (1663–1737). Цель статьи — введение в научный оборот и подробный анализ ранее не публиковавшегося оригинала грамоты Пятого Панчен-ламы, хранящейся в Калмыкии, в роду богдахн, сопоставление ее с автобиографическими источниками тибетских иерархов и свидетельствами российских востоковедов конца XIX – начала XX вв. Кроме того, в статье предлагаются реконструкция контекста вручения грамоты, предположительно переданной представителям калмыцкого посольства

Abstract. Introduction. In the Kalmyk Khanate and among the Oirats of the Dzungarian Khanate, there were many charters issued by the Dalai Lamas and Panchen Lamas in different historical periods. These documents had not only important religious significance, but also represented socially significant acts. This study examines one of these letters, granted by the Fifth Panchen Lama Lobsang Yeshe (1663–1737). The purpose of the article is to introduce into scientific circulation and analyze in detail the previously unpublished original letter of the Fifth Panchen Lama, kept in Kalmykia in the family of Bogdakhn, as well as to compare it with the auto-biographical sources of Tibetan hierarchs and the testimonies of Russian orientalists of the late 19th – early 20th centuries. In addition, the article proposes a reconstruction of the context of the presentation of the diploma, presumably handed over to the representatives of the Kalmyk embassy of Ayuka Khan during their stay in Tibet in 1680–1682. The following sources served as *materials*:

Аюки-хана во время их пребывания в Тибете в 1680–1682 гг. *Материалами* послужили следующие источники: (1) оригинал грамоты, хранящейся в Калмыкии; (2) архивные фотографии, сделанные А. М. Позднеевым; (3) автобиографии Далай-лам и Панчен-лам, биография Пятого Далай-ламы, содержащие сведения о посольстве Аюки-хана; (4) устные свидетельства современных хранителей реликвий. В исследовании приводятся полный перевод и транслитерация тибетского и ойратского текстов грамоты, описываются ее формальные особенности, включая используемые печати и стили письма. *Методология* включает сравнительно-исторический и текстологический анализ с привлечением семиотического подхода к изучению печатей, применяемых в тибетских документах. *Результаты*. Статья уточняет роль грамоты как акта номинального подданства и формы институциональной связи между калмыцким родом и тибетским монастырем Тashi Lhunpo. Особое внимание уделяется связям калмыцкого хурула Раши Lhunbo с тибетским монастырём Тashi Lhunpo, а также сакральным реликвиям, поныне хранящимся в роду богдахн.

Ключевые слова: Панчен-лама Лобсанг Еше, тибето-калмыцкие отношения, грамота, Йогацари-цорджи, Раши Lhunbo

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4)

Для цитирования: Митруев Б. Л. О грамоте Панчен-ламы Палден Еше, данной калмыкам // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 235–253. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-235-253

(1) the original of the charter, kept in Kalmykia; (2) archival photographs taken by A. M. Pozdneev; (3) autobiographies of the Dalai Lamas and Panchen Lamas and the biography of the Fifth Dalai Lama, containing information about the embassy of Ayuka Khan; (4) oral testimonies of modern keepers of relics. The study provides a complete translation and transliteration of the Tibetan and Oirat texts of the letter, describes its formal features, including the seals used and writing styles. The *methodology* includes comparative historical and textual analysis involving a semiotic approach to the study of seals used in Tibetan documents. *Results*. The article clarifies the role of the letters as an act of nominal citizenship and a form of institutional connection between the Kalmyk family and the Tibetan monastery of Tashi Lhunpo. Special attention is paid to the connections of the Kalmyk khurul Rashi Lhunbo with the Tibetan monastery of Tashi Lhunpo, as well as sacred relics still preserved in the Bogdakhn family.

Keywords: Panchen Lama Lobsang Yeshe, Tibetan-Kalmyk Relations, Diploma, Yogatsari-Tsorje, Rashi Lhunbo

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name "Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China" (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Mitruev B. L. The Charter Bestowed by Panchen Lama Palden Yeshe upon the Kalmyks. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 235–253. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-235-253

1. Введение

Культурно-религиозные связи между Тибетом и Калмыцким ханством существовали с самого образования Калмыцкого ханства. Согласно традиции, калмыцкие ханы, дабы легитимизировать свою власть среди равных им нойонов, должны были не только обрести достаточную силу и власть, но и заручиться авторитетом Далай-ламы Тибета, ради чего в Тибет отправлялись посольства. В биографиях различных воплощений Далай-лам сохранились сведения об этих калмыцких посольствах [Митруев 2024а; Митруев 2024б]. Так, Аюка-хан, один из виднейших ханов Калмыцкого ханства, получил в 1697 г. ханские титул и печать от Далай-ламы VI Цангъянг Гьяцо (1683–1706) [Митруев 2024: 74].

В состав его посольства входили как сами калмыцкие нойоны, пожелавшие побывать в Тибете, так и их посланники. К примеру, внучатый племянник Аюки-хана Арабджур и его мать посетили Тибет и оставались там в течение долгого времени [Митруев 2024а: 72]. Из биографии Далай-ламы VII Келсанг Гьяцо (1708–1757) нам известны имена нойонов, отправивших своих посланников к Далай-ламе и имена самих посланцев [Митруев 2024а: 140–141].

Подобные посольства посещали Тибет вплоть до 1771 г., когда большая часть калмыков, покинув пределы Российского государства, отправилась в цинский Китай. После этого примерно на 135 лет связь между Калмыцким ханством и Тибетом прервалась [База-багши 1897: 122]. Вновь калмыцкие паломники стали отправляться к Далай-ламе лишь в конце XIX – начале XX вв. Некоторые из них оставили после себя записки о своем путешествии, так, например, сохранились повествования База-багши Менкеджуева, Овше Мучкиновича Норзунова, Пурдаш-Очира Джунгруева, Дамбо Ульянова, Нарана Эренценовича Уланова и др.

Участники посольств совершали подношения Далай-ламам и Панчен-ламам Тибета и в ответ получали различные подарки, в том числе печати и грамоты. Одна из таких грамот от Далай-ламы XIII сохранилась в Калмыкии [Бакаева 2019: 917–919].

Схожие грамоты хранятся в библиотеке монастыря Гандантэгчэнлинг в Улаан-Баторе. Эти уникальные грамоты, принадлежавшие ойратам Западной Монголии, относятся к эпохе ойратского завоевания Тибета. Дарованы они были Далай-ламой, Панчен-ламой и оракулом Нечунгом. Грамоты написаны на тибетском и калмыцком языках — скорописным тибетским письмом и каллиграфическим ойратским «ясным письмом» Зая-пандиты Огторгуйн Далая — на кусках желтого шелка. В начале и конце каждой грамоты изображены несколько божеств буддийского пантеона и приложены печати Далай-ламы и Панчен-ламы с легендой, записанной квадратным письмом Пагба-ламы¹ [Ринчэн 1966: 65].

Кроме того, в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН, в личном фонде Алексея Матвеевича Позднеева (1851–1920), среди различных материалов хранится папка с документами под шифром: фонд № 44, опись № 1, единица хранения № 120, на которой имеется надпись: «Фотографии и оттиски монгольских и тибетских текстов со счетом за их изготовление». В ней содержится сделанные востоковедом А. М. Позднеевым фотографии трех грамот, среди которых имеется рассматриваемая в данном исследовании грамота Панчен-ламы (см. факс. 1) [Сабрукова 2013: 237; Sabrukova 2015: 78]. Вероятно, эти снимки были сделаны А. М. Позднеевым в Богдо Далай-ламин хурule в ходе

¹ Квадратное письмо было создано Пагба-ламой (тиб. 'phags pa bla ma; 1235–1280) в 1268 г.

обследования им калмыцких хурулов Астраханской, Ставропольской губерний и Области Войска Донского в 1910 г.

2. История рукописей

Оригинал данной грамоты, дарованной Панчен-ламой, до сих пор хранится в семье Муева Хактыра Дыджеевича (г. р. 1935), уроженца пос. Магна Троицкого улуса¹ Калмыцкой АССР, жителя пос. Хар-Булук Целинского района Республики Калмыкия. Грамота была передана ему по наследству от отца — Муева Дыджа Шантаевича (1881–1973), уроженца пос. Магнан-Богдахн (Богдакин) Калмыцкой степи, представителя одного из старших ветвей рода богдахн. Согласно свидетельству Х. Д. Муева, кроме этой грамоты, его отец длительное время хранил и другие реликвии рода богдахн: статую Четвертого Панчен-ламы (см. фото 2), фотографию Пурдаш-Очира Джунгруева (см. фото 1) и грамоту, пожалованную последнему Далай-ламой XIII (факс. 1) в одну из его двух поездок в Тибет, совершенных в 1898–1900 гг. и 1902–1903 гг.

В марте 1955 г. Д. Ш. Муевым все святыни рода богдахн, за исключением грамоты Панчен-ламы, были переданы Сарангову Трофиму Боевичу, наследнику Кавликова Касяра, принадлежавшего к более старшей ветви рода богдахн. Ныне они хранятся у Сарангова Валерия Трофимовича (г. р. 1955), который с 2018 г. является председателем Богдахинского хурула.

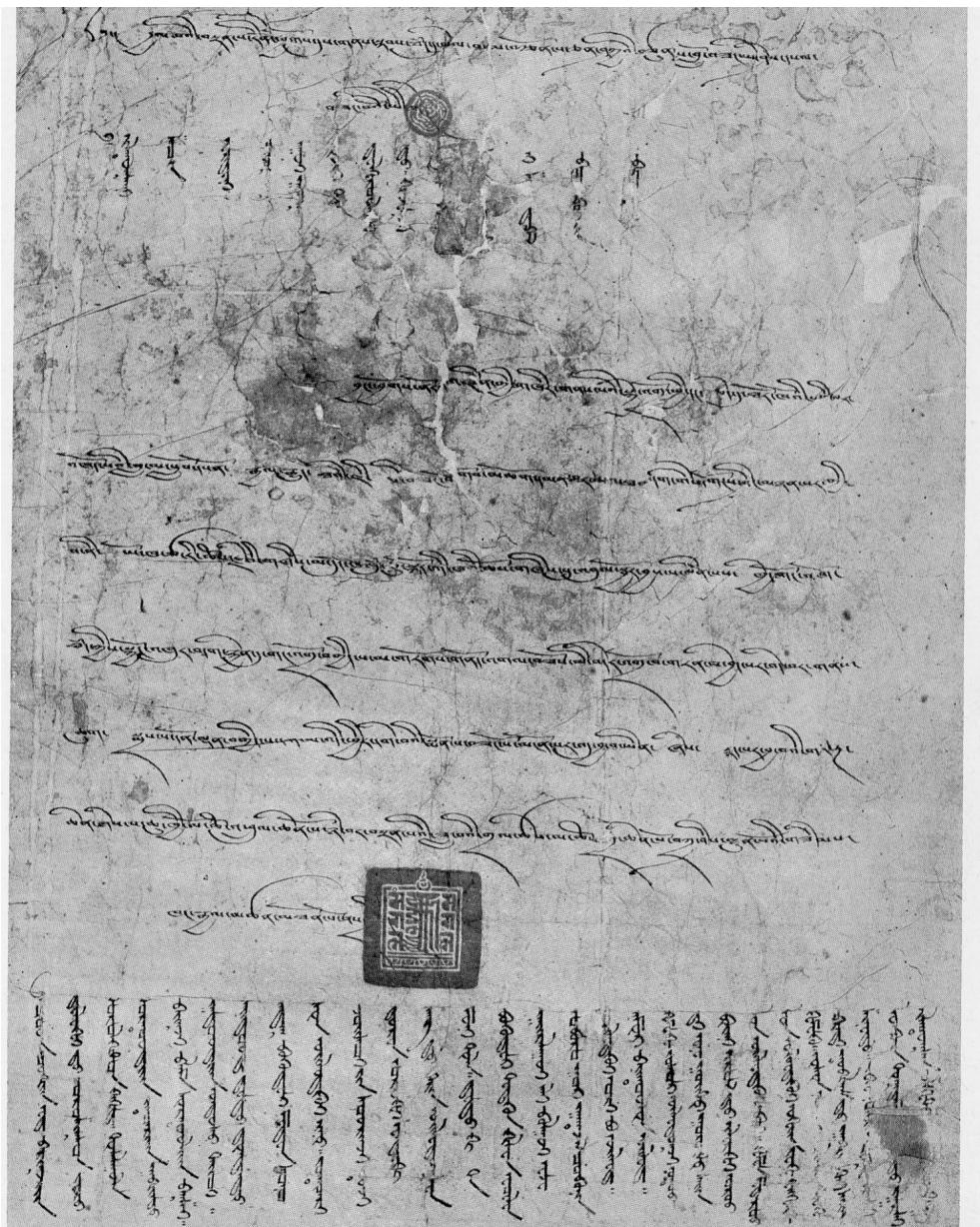
Пурдаш-Очир Джунгруев, также известный как Пурдаш-багши, был настоятелем (багши) Богдо Далай-ламин Большого хурула Раши Лхунбо. Согласно имеющимся сведениям, Д. Ш. Муев получил упомянутую грамоту непосредственно от П.-О. Джунгруева. Однако, как удалось установить, хранящийся в настоящее время в семье Х. Д. Муева документ на самом деле является грамотой Пятого Панчен-ламы Лобсанг Еше (1663–1737). Вероятно, грамота Далай-ламы XIII впоследствии была утрачена. Тем не менее сохранилась ее фотография, сделанная А. М. Позднеевым, предположительно, в 1910 г. Кроме того, П.-О. Джунгруеву были пожалованы печати — либо одна, либо две, аналогичные тем, которые получил База Менкеджуев в ходе своего путешествия в Тибет. Скорее всего, грамота Панчен-ламы, запечатленная А. М. Позднеевым, была передана П.-О. Джунгруеву во время одного из его тибетских паломничеств.

Фотография грамоты Панчен-ламы, а также ее транслитерация, перевод тибетского и ойратского текстов были опубликованы С. С. Сабруковой² [Сабрукова 2013: 239–240; Sabrukova 2015: 81–83]. Полученное изображение оригинала грамоты³ позволило уточнить ее текст, выявить исторический источник, содержащий сведения о посольстве, в ходе которого эта грамота была получена, также стало возможным предложить более точную интерпретацию ее содержания. В связи с этим в настоящей работе публикуются собственная транслитерация и перевод грамоты, выполненные автором.

¹ 24 января 1938 г. согласно постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного комитета (ВЦИК) за счет разукрупнения Центрального улуса был образован Троицкий улус Калмыцкой АССР с центром в с. Троицкое.

² Автор выражает благодарность за предоставленное изображение Светлане Санджиеевне Сабруковой.

³ Автор выражает благодарность за предоставление фотографии грамоты Болдыревой Элзяте Иисновне.

Факс. 1. Фотография грамоты Панчен-ламы, сделанная А. М. Позднеевым
[Facs. 1. Photograph of the Panchen Lama's charter, taken by A. M. Pozdneev]

В отличие от грамоты Далай-ламы XIII, упомянутой выше, данная грамота написана на бумаге, а не на желтом шелке (см. факс. 2). Размер грамоты 40 x 63 см¹.

Грамота разделена на две части. Под вводной частью стоит печать Панчен-ламы с изображением морской раковины. Изображение этой печати встречается и на других его документах [Schuh 2018: 177, 329]. Ниже следует основной текст грамоты, под которым стоит большая печать Панчен-ламы — гъядам (тиб. *rgya dam*), размером 3,8 x 3,8 (внутреннее поле — 2,7 x 2,7) см, встречающаяся и на других документах Панчен-ламы [Schuh 1981: 20–21; Schuh 2018: 329]. У

¹ Автор выражает благодарность хранителю грамоты за полученные сведения о ее размерах и размерах статуй, а также Явановой Герле Улановне.

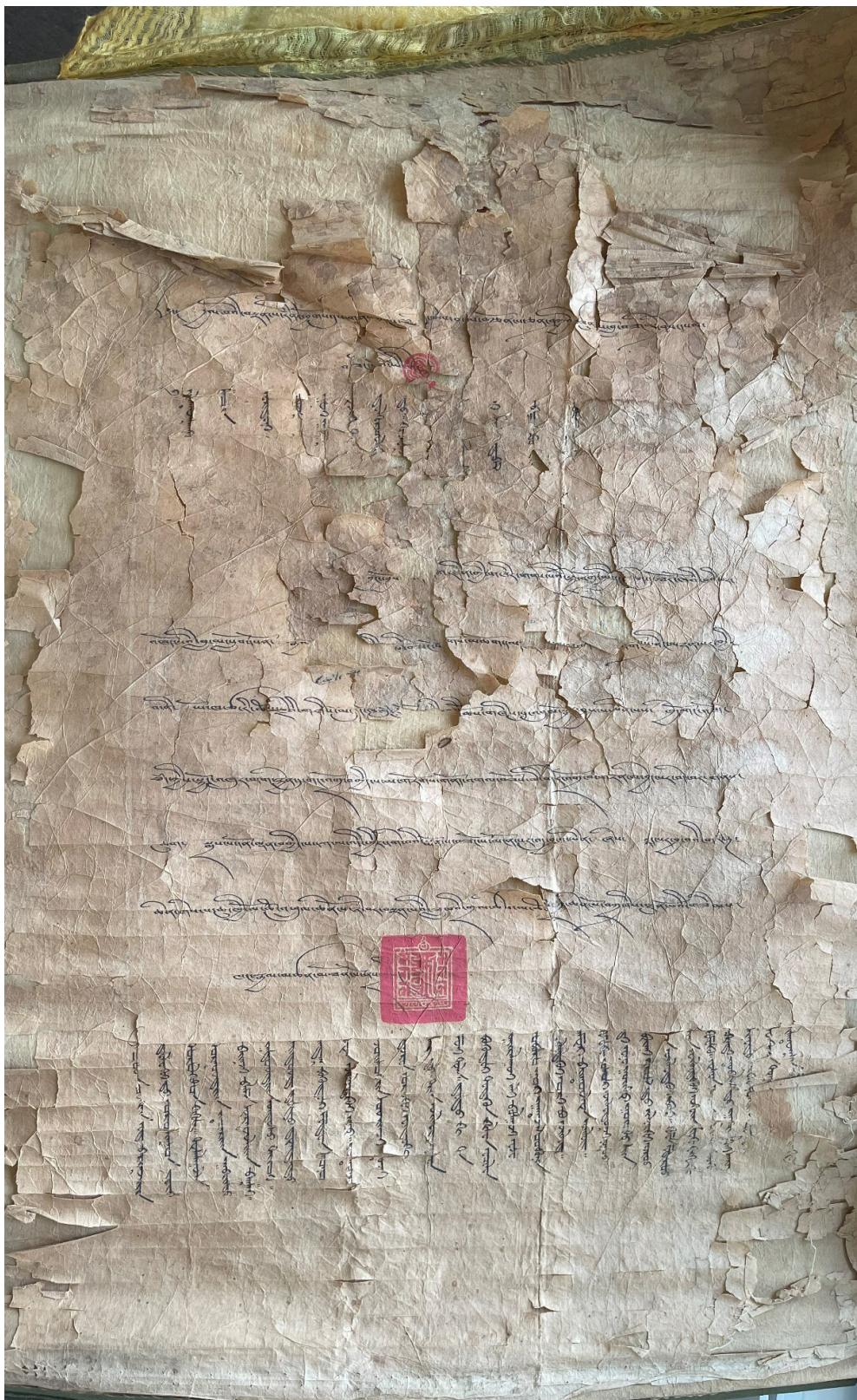
Фото 1. Фотография Пурдаш-Очира Джунгруева, сохранившаяся в роду богдахн
[Photo 1. Photo of Purdash-Ochir Dzungruev, preserved by the Bogdakhins]

Панчен-ламы была еще одна схожая печать, размером 8,7 x 8,7 (6,7 x 6,7) см, которая отличает способом изображения лепестков лотоса под знаком Калачакры, называемом «Десятисильный» (тиб. *rnam bcu dbang ldan*) [Schuh 1981: 20–21]. Эта большая печать Панчен-ламы рассмотрена нами в другом исследовании [Митруев, Гедеева 2021: 37–38]. Наличие данной печати позволяет утверждать, что воплощения Панчен-лам уже в XVII в. владели этой печатью.

3. Транслитерация и перевод рукописей

Тибетский текст написан полууставом, называемым *цугтунг* (тиб. *tshugs thung*)¹. Калмыцкий перевод грамоты, написанный «тодо бичиг» («ясном

¹ Тибетское письмо делится на учен (тиб. *dbu can*), или устав, и умэ (тиб. *dbu med*), или полуустав. В полуустав в свою очередь входят виды письма: *цугринг* (тиб. *tshugs ring*), *цугтунг* (тиб. *tshugs thung*), *цугчунг* (тиб. *tshugs chung*), *цугкьюг* (тиб. *tshugs 'khyug*) и *кьюйиг* (тиб. *'khyug yig*).

Факс. 2. Оригинал грамоты Панчен-ламы
[Facs. 1. The original charter of the Panchen Lama]

письме»), вероятно, был нанесен позднее калмыцким переводчиком. Так как калмыцкий перевод практически буквально следует тибетскому тексту, поэтому ниже приводится только перевод с тибетского оригинала.

Перевод

Грамота шакьясского монаха Лобсанг Еще Пелсангпо, усердствующего в распространении учения Победоносного во всех временах, направлениях и обстоятельствах. (Малая красная печать с легендой в виде раковины).

Следующее представляется для понимания и слышания пребывающих на земле северного направления живых существ в общем, а в особенности находящихся в торгутской земле лам, наставников, тайджи ханского рода, благородных людей и всех прочих высших, низших и средних [людей]:

Так как около тридцати семейств из владения Йогацари-цорджи были переданы сюда, в это религиозное владение, вы все, находящиеся наверху, как основополагающее условие для защиты и покровительства позвольте [им] перемещаться куда бы они не отправились, и ни в коем случае не чинить вреда, препятствовать и не создавать ни малейшего неудобства, а позволить счастливо пребывать. У тех, кто исполнит сказанное, в этой и следующих жизнях исполнятся добродетельные благие пожелания. Эти слова были написаны в [первый тибетский] месяц «Явления чудес» года Воды-Собаки, называющегося «Большой барабан» (1682 г. — Б. М.) в резиденции «Высокий штандарт победы» великой религиозной школы [монастыря] «Таши Лхунпо».

Тибетский текст

Пропущенные слова восстановлены в квадратных скобках []. Знак равенства = обозначает перенос части слова на другую строку.

1. rgyal ba'i bstan pa rin po che phyogs dus gnas skabs thams cad du spel ba la
brtson pa can shA kya'i btsun pa blo bzang ye shes dpal

2. bzang po'i yi ge

3. byang phyogs nor 'dzin gyi gzhir gnas pa'i skye 'gro spyi dang ched du thor
kho'i sa'i char

4. 'khod pa'i bla ma slob dpon/ rgyal rgyud tha'i ji mi bzang sogs mchog dman
bar pa mtha' dag gis dgongs shing mnyan par bgyi

5. ba ni/ yo kha tsa ri chos rje'i gzhis ma dud kha sum cu skor 'di kha'i chos gzhis
su 'bul sbyor byas pa yin pas/ khyed gong 'khod

6. thams cad kyis skyong 'khur bdag rkyen du gang 'gro bgyid pa ma gtogs gnod
'gal bzos mi bder 'gro ba gtan ma byed par bde bar gnas

7. chug/ smras pa don ldan bgyid pa dag la 'di phyir dge ba'i smon pa bzang po
mngon par 'du bya ba yin/ zhes snyad par bya ba'i gtam rnnga/

8. chen zhes pa chu khyi la cho 'phrul chen po nye bar bstan pa'i zla ba'i gral
tshes la chos gra chen po bkra shis lhun po'i gzims

9. khang rgyal mtshan mthon po nas bris// (Большая красная печать с легендой
в виде монограммы Калачакры)

Ойратский текст

ilayuqsani šajin erdeni züg [čaq] axui xamuq učir-tan delgereröülekü-dü :
kičiyenküi [šaky-a-yin toyin lobzang] i ši dpal bzang po-yin bičig [:]

zöün zügiyin ed bariqčiyn delekei-dü orošiqson yerü törölkütön kigēd: tuslaxulā
toryoudiyin yazariyin xabiyādu bayiqči blama suryuuliyin bayši: xādoudiyin ündüsü
tayiji: sayidoud dēdü dundudu adaq bügündēr meden sono=sun üiledküi inu: yoγacarı

coyisji-yin sourinči yuči düren örükei endeki sang-du barin üyiledüqsen müni tula: dēdü-ki ta bügüdēr tedkün kilen ezelen xayiralaxui ali bolxui-ēče öbörö xor xaycal zobonin üyiledküi ori bü üyiled: amur bayıγoulun üyiled: kemēbe yosör üyiledüqçi noγou=di ene xoyitu xoyitu sayin buyani iröl-dü ilerkei orou=lun üyiledküi bui: kemēn medröü=lün üyiledküi ügeyin yeke kenggerge kemēkü: usun noxoi jiliyin yeke pradi xubilyān-du xabiya-tai sarayın şinedü: yeke nomiyin zeqse raşı lunboyin tuqdam[iyin]-du xarsi ilayuqsan bilgetü [ündür-tü bičibe]: :

4. Причины, обстоятельства получения грамоты

В тексте грамоты говорится, что она написана в месяц «Явления чудес» (тиб. *cho 'phrul zla ba*), т. е. в первый месяц согласно тибетскому календарю, когда Будда явил чудеса в Шравости, и в год, называющийся «Большой барабан» (санскр. *Dundubhi*; тиб. *rnga chen*), по-другому — в год Воды-Собаки, что соответствует 1682 г. В шестидесятилетнем цикле тибетского календаря каждый год, помимо названия элемента и животного, имеет свое название и на санскрите, и на тибетском языке.

Из автобиографий Пятого¹ Панчен-ламы Лобсанг Еше (тиб. *blo bzang ye shes*) и Пятого Далай-ламы Нгаванг Лобсанг Гьяцо (тиб. *nga dbang blo bzang rgya mtsho*; 1617–1682), а также продолжения автобиографии Далай-ламы V, написанной Деси Сангье Гьяцо (тиб. *sde srid sangs rgyas rgya mtsho*; 1653–1705) мы знаем, что в 1680–1682 гг. обоих иерархов посетило посольство Аюки-хана (1669–1724). Вероятно, эта грамота была выдана Панчен-ламой Лобсанг Еше именно тогда.

Вот что сказано в автобиографии Пятого Панчен-ламы «Ясное изложение деяний шакьясского монаха Лобсанг Еше „Ожерелье сияющих белым светом лун“» о посольстве Аюки-хана:

‘Затем в Новый год года Железа-Обезьяны (1680 г. — Б. М.) [Панчен-лама] занял место во главе рядов празднества первого дня [нового года]. Вместе с монахами Храма защитников [Панчен-лама] поднес Владычице Трех Миров² субстанции самайи³, субстанций подношений, торма и прочие подношения, как приготовленные на самом деле, так и созданные умом. Вместе с этим прибыли посланники тантрического монастыря, относящегося к Галдан Тенджин Бошогту, [посланники] торгутского Аюки, Тенджин Хошорчи левого фланга и множество прочих владельцев, а также сын Ачиту Цордже Пончунгва, [они] поднесли прекрасные дары, вследствие чего

¹ Существует две традиции подсчета воплощений Панчен-ламы. Согласно первой, после того как Далай-лама V признал Лобсанг Чокы Гьялцена, настоятеля монастыря Таши Лхунпо, воплощением Будды Амитабхи, ему был присвоен титул «Панчен-лама» (тиб. *paN chen bla ma*). «Панчен» — это сокращенная форма Пандита Ченпо, что означает «Великий пандита» или «Великий ученый». Таким образом, Лобсанг Чокы Гьялцен стал первым Панчен-ламой. Согласно второй традиции, трем предыдущим настоятелям Таши Лхунпо посмертно был присвоен титул Панчен-ламы, что сделало Лобсанга Чокы Гьялцена четвертым в линии преемственности. Первые три воплощения следующие: Кхедруб Гелек Пелсанг (тиб. *mkhe grub dge legs dpal bzang*; 1385–1438), Сонам Чогланг (тиб. *bsod nams phyogs glang*; 1439–1504) и Энсапа Лобсанг Додруп (тиб. *dben sa pa blo bzang don grub*; 1505–1568).

² Владычица Трех Миров (тиб. *srid gsum bdag mo*) — имя одной из форм Палден Лхамо Ремати.

³ Субстанции самайи (тиб. *dam rdzas*) — различные субстанции, благословленные мантрой.

была создана великолепная благая связь. [Панчен-лама] порадовал гостей, таких, как перечисленные выше, пиршеством¹ [blo bzang ye shes 2014: 108].

Вероятно, эти же посланники торгутского Аюки посетили и Далай-ламу V в 1681 г. В автобиографии Далай-ламы V Лобсанг Гьяцо «Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии „Парча из дукулы²“» сказано:

‘Одннадцатого числа седьмого тибетского месяца года Железа-Птицы (1681 г. — Б. М.), называемого «Дурной ум» (тиб. *blo ngan*; санскр. *durmati*), [Далай-лама] встретился с сыном Бокар-дайчина Церингом и его четырьмя людьми; халхаским Далай-хутугту, эмчи Джамба Джамцо, посланниками Галдан Тендин Боншогту-хана — Габан-Джамцо, Эрке-тайджи и Ёндон-Раши; посланниками халхаского Дзасагту-хана, Далай-хунтайджи, Сэцэн-джинона, Бинту-дайчина, Дайчин-Чокура и торгутского Аюки; настоятелем монастыря Танаг Тубтен³, перерожденцем Кхарааг, ламами монастырей Лходрак Тashi-Чо-линг, Кьюрлунг Къямпхуг⁴ и Цоме⁵, а также владельцами из Хор Дзамара⁶. Новоприбывшие совершили подношения чая, серебра, тканей, лошадей и прочего’⁷ [blo bzang rgya mtsho 2018: 364–365].

Это же посольство посетило Далай-ламу снова два месяца спустя:

‘Девятого числа <...> девятого тибетского месяца <...> года Железа-Птицы (1681 г. — Б. М.), называемого «Дурной ум» <...> [Далай-лама] даровал угожение чаю посланникам Галдан Боншогту-хана и торгутского Аюки’⁸ [blo bzang rgya mtsho 2018: 368].

¹ *de nas lcags spre gnam lo gsar du tshes pa'i dga' ston gyi gral dbur phyin te mgon khang pa rnams dang lhan cig srid gsum bdag mor dam rdzas spyan gzigs mchod gtor sogs dngos bshams yid sprul gyis mchod cing / de thog dga' ldan bstan 'dzin spo shog thu khung [=khang] gi sngags pa grwa tshang dang / thor kho A yu She/g.yon du [=ru] bstan 'dzin kho shor chi sogs dpon khag mang po'i mi sna dang / a phyi thu chos rje'i sras dpon chung ba 'byor nas legs skyes bzang po byung bas rten 'brel phun sum tshogs pa byung zhing / de dag gis mtshon mgon rnams dga' ston gyis mnyes par byas* [blo bzang ye shes 2014: 108]. Здесь и далее перевод с тибетского Б. Л. Митруева.

² Дукула (санскр. *dukūlam*) — тканый шелк, шелковая одежда, очень красивая одежда вообще [Apte 1890: 569].

³ Танаг Тубтен Намгьял-линг (тиб. *rta nag thub bstan rnam rgyal gling*) — монастырь в провинции Цанг.

⁴ Кьормолунг Кхъмпа дацанг (тиб. *skyor mo lung khyams pa grwa tshang*) — монастырь в местечке к западу от Лхасы.

⁵ Цоме Пхунцок-линг (тиб. *mtsho smad phun tshogs gling*) — монастырь в Толунг Дечен Дзонге (тиб. *stod lung bde chen rdzong*), недалеко от Лхасы.

⁶ Долина возле озера Тенгри-нор [Дугаров 1983: 36].

⁷ *blo ngan zhes pa lcags bya lo <...> hor zla bdun pa'i <...> tshes bcu gcig la bo dkar da'i ching gi bu tshe ring can bzhi/ khal kha da la'i khu thug thu/ em chi byams pa rgya mtsho/ dga' ldan bstan 'dzin bo shog thu khang gi mi sna ngag dbang rgya mtsho/ er khe tha'i ji/ yon tan bkra shis/ khal kha ja sag thu rgyal po/ da la'i hung tha'i ji/ che chen ji nong / bin+du da'i ching / da'i ching cho khur/ thor god A yu khe rnams kyi mi sna/ rta nag thub bstan mkhan po/ kha rag sku skye/ lho brag bkra shis chos gling / skyor lung khyams phug mtsho smad gsum gyi bla ma/ hor rdza dmar dpon rnams dang phrad/ gsar 'byor rnams gyis ja dngul gos dar rta sogs byin/* [blo bzang rgya mtsho 2018: 364–365].

⁸ *blo ngan zhes pa lcags bya lo <...> hor zla bryad pa'i <...> tshe dgur <...> dga' ldn bstan 'dzin bo shog thu khang dang thor god A yu khe'i mi sna sogs la ja gral btang/* [blo bzang rgya mtsho 2018: 368].

Вероятно, это же посольство упоминается в «Продолжении биографии Далай-ламы V», написанной Деси Санье Гьяцо:

‘Второго числа двенадцатого тибетского месяца <...> года Железа-Птицы (1681 г. — Б. М.) <...> [я] (т. е. Далай-лама. — Б. М.) даровал благословение дланью <...> двум Цордже, посланникам Бошогту-хана Цогсог Рабджамбе и двум его людям, Рабджамбе Дагпа Осеру с людьми и [другим] паломникам, посланникам торгутского Аюки, Бэроцзаны¹, Дурбет-тайджи, Мунгу Чин-батура и Дунхур Шаврона², Галдан Дайчина³<...>, а также окружению из трехсот монгольских подданных. Простолюдинам была дарована [возможность] лицезреть лик [Далай-ламы]⁴ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009: 280].

Вполне возможно, что это посольство находилось в Тибете как минимум до 1682 г. Это было последнее посольство торгутского Аюки, которое встретилось с Далай-ламой V, скончавшимся в двадцать пятый день второго тибетского месяца 1682 г. [Shakabpa 2010: 370]:

‘Семнадцатого числа <...> (первого тибетского месяца) <...> года Воды-Собаки (1682 г. — Б. М.), называемого «Большой барабан» (тиб. *rnga chen*; санскр. *dundubhi*) <...> [Далай-лама] дал аудиенцию и угощение чаем <...> посланникам Бошогту-хана, прибывшим ранее и все еще пребывающим, как прежде, а также вновь прибывшим Цогсог Рабджамбе, Шаджину, посланнику Шакур-ламы Ойдубу, посланнику Солом-Церена⁵ Будари⁶, посланнику Ухере-тайджи Дзоригту, посланнику Рабджамба Цордже Хатан Хошучи, посланнику Данджин-хунтайджи Эрке-Омбо, посланнику торгутского Аюки и прочим’ [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009: 328].

Хотя в выдержках из данных работ подробно не перечисляются имена посланников, из самой грамоты становится известным, для кого она предназначалась. В ней говорится о том, что около тридцати семейств из Калмыцкой степи из владения Йогацари-цорджи, были переданы во владение монастырю

¹ Третий сын Дорчже Далай-хунтайджи — второго сына Гуши-хана [Дугаров 1983: 67].

² Четвертое воплощение Дунхур Хутугты Догью Гьяцо (тиб. *stong 'khor hu thug thu mdo rgyud rgya mstho*; 1640–1683 гг.).

³ Четвертый сын Дорчже Далай-хунтайджи — второго сына Гуши-хана [Дугаров 1983: 67].

⁴ *lcags bya <> zla bcu gnyis pa'i tshe gnyis la <...> chos rje gnyis/ bo shog thu khang gi mi sna tshogs gsog rab 'byams pa can gnyis/ 'grul sdebs rab 'byams pa grags pa 'od zer can dang / thor khod a yo khi/ bai ro tsa na/ dur sbod tha'i ji/ mung gu ching pA thur/ stong 'khor zhabs drung dga' ldan da'i ching sogs kyi mi sna/ <...> sog dmangs sum brgya skor bcas pa'i ngo bo rnams la phyag dbang dang/ byings la zhal mjal stsal/* [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009: 280].

⁵ Один из тринадцати сыновей дербетского тайши Далай-Батара. Солом-Церен умер примерно в 1688 г. Вероятно, после посольства 1683–1684 гг. он сам собирался в Тибет, так как в 1687 г. послы Солом-Церена в Москве сообщали о его намерении совершить туда паломничество [Тепкеев 2018: 113].

⁶ Возможно, это Будари-зайсанг Кашка, бывший посланником Аюки-тайши к царю Алексею Михайловичу [Посольские книги 2003: 83].

⁷ *rnga chen zhes pa chu khyi <...> tshes bcu bdun la <...> bo shog thu rgyal po'i mi sna sngon nas 'byor pa'i sngar bzhin yin pa dang gsar 'byor tshogs gsog rab 'byams pa/ sha byin/ shag skor bla ma'i mi sna dngos grub/ bsod nams tshe ring gi mi sna bud+d+ha ri/ u khe re tha'i ji'i mi sna jo rig thu/ rab 'byams pa chos rje'i mi sna kha thang kho shor chi/ bstan 'dzin hung tha'i ji'i mi sna er ge dbon po/ thor khod a yu Shi'i mi sna sogs la mjal kha ja gral gnang* [sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009: 328].

Таши Лхунпо в Тибете, принадлежавшему Панчен-ламе. Обращаясь ко всем властям имущим, Панчен-лама просил позволить этим семействам беспрепятственно кочевать, где они пожелают, ни в коем случае не чинить им вреда или малейших неудобств, дав возможность счастливо пребывать. Мы считаем, что эти семейства были переданы во владение монастырю Таши Лхунпо в Тибете номинально, т. е. они были переданы в религиозное подчинение с целью установления институциональной связи и создания условий для основания хурула в Калмыцком ханстве. На самом же деле эти семейства остались в Калмыцкой степи и были причислены к одноименному хурулу Богдо Далай-ламин Большой хурул Раши Лхунбо¹.

Вероятно, причина того, что монастырь Далай-ламы в Калмыцкой степи получил название монастыря Таши Лхунпо, который традиционно считается принадлежащим Панчен-ламе, заключается в том, что он был основан Далай-ламой I Гендун Друпом (тиб. *dge 'dun grub*; 1391–1474).

В тексте грамоты сказано, что она была написана в личной резиденции Панчен-ламы «Высокий стандарт победы» (тиб. *gzims khang rgyal mtshan mthon po*) монастыря Таши Лхунпо в провинции Цанг в Тибете.

Основываясь на тексте грамоты и извлечениях из биографий Далай-ламы и Панчен-ламы, невозможно сделать однозначный вывод, путешествовал ли Йогацари-цорджи в Тибет лично или туда был отправлен лишь его посланник. Однако А. М. Позднеев пишет, что Йогацари-цорджи (тиб. *yo kha tsa ri chos rje*) «владыка дхармы² йогачари³», упомянутый здесь, отправился в 1681 г. в Тибет к Далай-ламе V за благословением на открытие Большого хурула Далай-ламы, известного также как Богдо Далай-ламин Большой хурул Раши Лхунбо [Позднеев 1910: Л. 125–127]⁴. Согласно легенде, монастырь был первоначально основан в Тибете и переведен в Калмыцкое ханство ханом Аюкой и дербетовским нойоном Монко-Тэмуром (согласно другим сведениям, Солон-Церен тайши) [Позднеев 1910: Л. 125]. В нем хранились следующие реликвии: грамота Далай-ламы V и его одежда, субурган с мощами Будды, подаренный этим Далай-ламой; статуи тибетской работы, изображавшие Будду Шакьямуни, Далай-ламу, Майтрею, Атишу, Зеленую Тару, Цонкапу, Манджушри, а также статуя Четвертого Панчен-ламы Лобсанг Чокьи Гьянцена (1567–1662), настоятеля монастыря Таши Лхунпо; и грамота, дарованная им хурулу (см. фото 2) [Позднеев 1910: Л. 126]. Мы думаем, что рассматриваемая здесь грамота Панчен-ламы является той самой, о которой писал А. М. Позднеев. Грамота Далай-ламы хранилась в этом хуруле до начала XX в. [Доржиева 2007: 43].

Мы полагаем, что статуя Четвертого Панчен-ламы Лобсанг Чокьи Гьянцена и

¹ Раши Лхунбо — калмыцкое произношение названия монастыря Таши Лхунпо (тиб. *bkra shis lhun po*) в Центральном Тибете.

² Цорджи (калм. *сөрж*; тиб. *chos rje*) — буквально «владыка дхармы», одна из высших ламских должностей; руководитель объединенных служб в монастыре или храме, управляющий делами монастыря.

³ Йогачари или йогачарин (санскр. *yogācārin*) — тот, кто придерживается философской школы йогачара или занимается йогической практикой.

⁴ Здесь и далее Докладная записка Министру внутренних дел П. А. Столыпину с отчетом о командировке А. М. Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и области войска Донского цитируется по работе Э. П. Бакаевой, где она опубликована [Бакаева 2019: 38–39].

ступа¹ (калм. *сүврһн*) с мощами Будды, ныне хранящиеся в Богдахинском хуруле, находящемся в поселке Хар-Булук Целинского района Республики Калмыкия, и есть те самые статуя и ступа, о которых писал А. М. Позднеев.

Высота статуи 21 см, ширина 15,5 см, длина 17,5 см. Высота ступы 22 см, размер основания 10 x 10 см. На задней стороне ее основания на тибетском языке написано (см. фото 3): *paN chen thams cad mkhyen pa blo bzang chos kyi rgyal mtshan dpal bzang po'i sku 'dra phyag gnas (=nas) ma la na to*. ‘Склоняюсь пред статуей всеведущего Панчен Лобсанг Чоки Гьянцен Пелсангпо, благословленной ячменными зернами’.

На правом боку статуи выгравирована неполный перевод с тибетского на русский язык: «Бокдо гегянъ знатный монахъ редкий всеведущий разумъ законоведецъ».

К сожалению, из-за того, что в 2024 г. статуя была заново покрыта золотом, надписи видны очень неясно. Исходя из орфографии, использованной в ней, можно утверждать, что она была нанесена до реформы русской орфографии 1918 г.

Надпись на тибетском языке поддерживает гипотезу о том, что это и есть та самая статуя, о которой писал А. М. Позднеев. Мы склонны думать, что она была дарована Панчен-ламой вместе с грамотой в 1681 г.

В Богдахинском хуруле также хранятся и другие реликвии из Тибета: статуя Ваджрадхары (тиб. *rdo rje* ‘chang; высота 9 см, ширина 4 см, длина 6 см) и рог носорога (см. фото 6). Однако до сих пор не известно, как и когда они попали в хурул.

Название построенного в 1994 г. Богдахинского хурула связано с названиями Богдахинского аймака и одного из калмыцких родов — богдахн, или богдын-шабинеры (послушники, ученики Богдо Далай-ламы). Он считался родом, приписанным к Богдо Далай-ламин Большому хурулу Раши Лхунбо. Богдын-шабинеры ведут свой род от представителей зависимого населения, переданного калмыцкими ханами и нойонами в дар самому Далай-ламе при основании хурула, и считавшихся подданными верховного иерарха. Таким образом, находившийся в Хар-Булуке Богдахинский хурул является заново восстановленным Богдо Далай-ламин Большим хурулом Раши Лхунбо.

Согласно «Положению об управлении калмыцким народом» 1847 г., Лама калмыцкого народа был вынужден сократить число штатных хурулов в Малодербетовском улусе надлежало упразднить восемь хурулов, в 1856 г. вследствие чего был официально закрыт хурул Далай-ламы. Духовные лица, служившие в этом монастыре, были причислены к ульдючиновскому хурулу, а также к малому хурулу Джал-тайши (родовому для группы арганер-барун) в северной части Малодербетовского улуса [Позднеев 1910: Л. 125]. В «Ведомости о хурулах, духовенстве и хурульных учениках по северной части Малодербетовского улуса», составленной в 1883 г., сведения о хуруле Раши Лхунбо отсутствуют, так как он числился закрытым. Но в 1906 г. он был вновь открыт со штатом в 36 духовных лиц [Бакаева и др. 2015: 39]. Существовал еще один хурул, носивший название Раши Лхунбо, — Бага-Бурульский хурул донских калмыков [Бакаева и др. 2015: 91].

¹ Автор выражает благодарность Бакаевой Эльзе Петровне за предоставленные изображения.

Фото 2. Статуя Четвертого Панчен-ламы Лобсанг Чокы Гьялцена
[Photo 2. Statuette of the Fourth Panchen Lama Lobsang Chokyi Gyaltsen]

Фото 3. Надпись на тибетском языке на задней стороне основания статуи Панчен-ламы
[Photo 3. The inscription in Tibetan on the back of the statue of the Panchen Lama]

Фото 4. Выгравированная на русском языке надпись на правой стороне основания статуи Панчен-ламы
[Photo 4. The inscription engraved in Russian on the right side of the statuette of the Panchen Lama]

Фото 5. Ступа, сохраненная богдахинцами
[Photo 5. The stupa, preserved by the Bogdakhins]

Фото 6. Статуя Ваджрадхары и рог носорога, сохраненные богдахинцами
[Photo 6. The statue of Vajradhara and the horn of a rhinoceros, preserved by the Bogdakhins]

5. Грамота Панчен-ламы

В тибетском тексте грамоты использованы тибетские сокращения, называемые *кунг-йиг* (тиб. *skung yig*), например, слово «драгоценный» (тиб. *rin po che*) написано в сокращенной форме так же, как и слово «все» (тиб. *thams cad*). Кроме того, использовано поэтическое название Земли — «Хранительница богатства» (санскр. *Vasundharā*; тиб. *nor 'dzin*), переведенное на калмыцкий *ed bariqči*.

Интересно отметить, что тибетское «северное направление» (тиб. *byang phyogs*) переведено как «западное направление» (оир. *zöün zügiyin*), что было более понятно для калмыков. Это могло быть как ошибкой переводчика, так и следствием того, что в конце XVII в. после распада «Союза четырех ойратов» торгуты откочевали на запад, к р. Иртыш [Сабрукова 2013: 239].

В ойратском тексте присутствует описка: так, слово *хоуиту* (тиб. *phyir*), «в следующей» [жизни] повторено дважды.

6. Заключение

Настоящее исследование вводит в научный оборот ранее не публиковавшийся оригинал грамоты Пятого Панчен-ламы Лобсанг Еше, сохранившийся в Калмыкии, и представляет ее текстологический и историко-контекстуальный анализ. На основании тибетских автобиографических источников и архивных материалов была реконструирована картина пребывания в Тибете калмыцкого посольства Аюки-хана в 1680–1682 гг., в ходе которого, как предполагается, и была вручена данная грамота.

Особое внимание уделяется связи рода богдахн с монастырем Таши Лхунпо и калмыцким хурулом Раши Лхунбо, а также сохраненным реликвиям, среди которых — статуя Четвёртого Панчен-ламы и ступа с мощами Будды. Их передача и многовековое хранение в родовой среде свидетельствуют не только о сакральной ценности данных объектов, но и о глубинной укорененности буддийской традиции в социальной структуре калмыцкого общества. Грамота, как форма номинального подданства и инструмент сакральной легитимации, демонстрирует, каким образом религиозные документы становились частью политической и культурной коммуникации между Тибетом и Калмыцким ханством.

То, что эти реликвии смогли сохраниться на протяжении столетий, пережив Первую мировую войну, революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны, депортацию 1943 г. и иные драматические повороты истории, свидетельствует о стойкости культурной памяти калмыцкого народа. Их сохранение есть акт сопротивления забвению, стремление передать память о сакральном прошлом следующим поколениям.

Источники

blo bzang ye shes 2014 — *blo bzang ye shes. shA kya'i dge slong blo bzang ye shes kyi spyod tshul gsal bar ston pa 'od dkar can gyi phreng ba* («Ясное изложение действий шакьясского монаха Лобсанг Еше „Ожерелье сияющих белым светом лун“»). Том 1 (stod cha) // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. Pp. 417. (На тиб.)

blo bzang rgya mtsho 2018 — *blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam gsum pa* (= «Игра обманчивых проявлений этой жизни монаха из Сахора Нгаванг Лобсанг Гьяцо, изложенная в виде биографии „Парча из дукулы“». Том 3) // rgyal dbang lnga pa

Sources

blo bzang ye shes. shA kya'i dge slong blo bzang ye shes kyi spyod tshul gsal bar ston pa 'od dkar can gyi phreng ba. (stod cha) // sku phreng lnga pa blo bzang ye shes kyi rnam thar. paN chen sku preng rim byon mdzad rnam. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2014. 417 p. (In Tib.)

blo bzang rgya mtsho. za hor gyi ban+de ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i 'di snang 'khrul ba'i rol rtsed rtogs brjod kyi tshul du bkod pa du kU la'i gos bzang las glegs bam gsum pa rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs. Vol. 7. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2018. 373 p. (In Tib.)

ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (= Собрание сочинений Пятого Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 7. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2018. 373 c. (На тиб.)

sde srid sangs rgyas rgya mstho 2009 — *sde srid sangs rgyas rgya mstho*. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam gsum pa'i 'phros bzhi pa («Четвертый том — продолжение третьего тома „Внешней обычной биографии Доброго коренного учителя Нгаванг Лобсанг Гьяцо „Парча из дукулы“». Т. 4) // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum (Собрание сочинений Пятого Далай-ламы Далай-ламы) // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 8. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2009. 559 c. (На тиб.)

Shakabpa 2010 — *Shakabpa W. D. One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet*. Vol. 1 / by Tsepon Wangchuk Deden Shakabpa; translated and annotated by Derek F. aher. (Tibetan studies library. Vol. 23). Leiden, Boston: Brill, 2010. 574 p. (На англ.)

Литература

Apte 1890 — Apte Vaman Shivaram. The Practical Sanskrit-English dictionary containing appendices on Sanskrit prosody and important literary and geographical names of ancient India. Poona: Shiralkar & Co., 1890. 1048 p.

Schuh 1981 — *Schuh D. Grundlagen tibetischer Siegelkunde Eine Untersuchung über tibetische Siegelaufschriften in „Phags-pa-Schrift* // *Monumenta Tibetica Historica*. Abteilung III: Diplomata et epistolae. Band 5. Sankt Augustin: VGH Wissenschaftsverlag, 1981. 383 p. (На нем. яз.).

sde srid sangs rgyas rgya mstho. drin can rtsa ba'i bla ma ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i thun mong phyi'i rnam thar du kU la'i gos bzang glegs bam gsum pa'i 'phros bzhi pa // rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i gsung 'bum // ser gtsug nang bstan dpe rnying 'tshol bsdu phyogs sgrig khang gis bsgrigs / Vol. 8. Beijing: krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2009. 559 p (In Tib.)

Shakabpa W. D. One Hundred Thousand Moons: an Advanced Political History of Tibet. Vol. 1 / by Tsepon Wangchuk Deden Shakabpa; F. Maher (trans. and annot.). Tibetan Studies Library. Vol. 23. Leiden, Boston: Brill, 2010. 574 p. (In Eng.)

References

Apte Vaman Shivaram. The Practical Sanskrit-English Dictionary Containing Appendices on Sanskrit Prosody and Important Literary and Geographical Names of Ancient India. Poona: Shiralkar & Co., 1890. 1048 p. (In Eng. and in Sanskrit)

Schuh D. Fundamentals of Tibetan Seal Science A Study on Tibetan Seal Inscriptions in 'Phags-pa script. In: *Monumenta Tibetica Historica*. Division III: Diplomas and Letters. Vol. 5. Sankt Augustin: VGH Wissenschaftsverlag, 1981. 383 p. (In Germ.)

- Schuh 2018 — Schuh D. Ein Katalog von Siegelabdrücken aus der Zeit der dGa'-ldan pho-brang-Regierung in Tibet (A catalogue of seals from the time of the dGa'-ldan pho-brang Government in Tibet) // *Zentralasiatische Studien*. 2018. № 47. Pp. 111–436. (На нем.)
- Sabrukova 2015 — Sabrukova S. Examples of Buddhist Letters from A. M. Pozdneev Archive Collection // *Written Monuments of the Orient*. 2015. № 2. Pp. 77–84.
- База-багши 1897 — Сказание о хождении в тибетскую страну Мало-дербетского База-бакши / калмыцкий текст, с пер. и примеч., сост. А. Позднеевым. СПб.: Фак. Вост. яз. Петерб. ун-та, 1897. [4], XVIII, 260 с.
- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П. Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников)*. *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Бакаева и др. 2015 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц. Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: Сакральные объекты*. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 231 с.
- Дорджеева 2007 — *Дорджеева Г. Ш. Багша Пурдаш — Очир Джунгрев* // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. науч. тр. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 43–47.
- Дугаров 1983 — *Дугаров Р. Н. Дэбтэр-чжамцо — источник по истории монголов Куку-нора* / отв. ред. Ш. Б. Чимитдоржиев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. 94 с.
- Митруев 2024а — *Митруев Б. Л. Биографии тибетских буддийских иерархов как источник по истории государственно-религиозных отношений: сведения о посольствах российских калмыков в Тибет*. Монография [Текст] / Б. Л. Митруев; отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 216 с.; илл.
- Schuh D. A Catalogue of Seals from the Time of the dGa'-ldan Pho-brang Government in Tibet. *Zentralasiatische Studien*. 2018. No. 47. Pp. 111–436. (In Germ.)
- Sabrukova S. Examples of Buddhist Letters from A. M. Pozdneev Archive Collection. *Written Monuments of the Orient*. 2015. No. 2. Pp. 77–84. (In Eng.)
- The Legend of the Baga Derbet Baza-bakshi's Travel to the Tibetan Country. A. Pozdneev (kalmyk text, transl. and annotate.) St. Petersburg: Fac. East. Languages, Petersburg University, 1897. [4], XVIII, 260 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic Identity of the Kalmyks and Confessional Ties with Tibet: a Case Study of Some Little-Known Sources. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enhchimeg Ts. Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2015. 231 p. (In Russ.)
- Dordjiev G. S. Bagsha Purdash — Ochir Dzungreuv. In: Problems of National and World History: Collection of Scientific Papers. Elista: Kalmyk University, 2007. Pp. 43–47. (In Russ.)
- Dugarov R. N. Debter-Zhamtso — a Source on the History of the Mongols of Kukunor. Sh. Chimitdorzhiev (ed.). Novosibirsk: Nauka, SB RAS, 1983. 94 p. (In Rus.)
- Mitruev B. L. Biography of Tibetan Buddhist Hierarchs as a Source on the History of State-Religious Relations: Information about the Embassies of Russian Kalmyks in Tibet. Elista: KalmSC RAS, 2024. 216 p. (In Russ.)

- Митруев 2024б — *Митруев Б. Л. Сведения из тибетских источников о титуле Дайчин Аюки-хана* // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 158–189. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-158-189
- Митруев, Гедеева 2021 — *Митруев Б. Л., Гедеева Д. Б. Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей* // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. № 4. С. 23–43.
- Позднеев 1910 — *Позднеев А. М. Докладная записка Министру внутренних дел П. А. Столыпину с отчетом о командировке А. М. Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и области войска Донского. Петербург, 1910* // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 590. Д. 146. 141 л.
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: Джангар, 2003. 316 с.
- Ринчен 1966 — Ринчэн. Ойратские переводы с китайского // *Rocznik Orientalistyczny*. Т. XXX (1). Warszawa, 1966. Pp. 61–73.
- Сабрукова 2013 — *Сабрукова С.С. Образцы буддийских грамот из коллекции архивных материалов А. М. Позднеева* // *Письменные памятники Востока*, 1(18), 2013. С. 236–241.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время*. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Mitruev B. L. Ayuka's Title of Daichin Khan: Examining Tibetan-Language Sources. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 1. Pp. 158–189. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-158-189
- Mitruev B. L., Gedeeva D. B. Seals on Kalmyk Business Documents of the 17th–18thCenturies. as a Source for the Study of Kalmyk-Tibetan Relations. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 4. Pp. 23–43. (In Russ.)
- Pozdneev A.M. Memo to the Minister of Internal Affairs P. A. Stolypin with a Report on the Business Trip of A. M. Pozdneev to the Kalmyk Uluses of the Astrakhan and Stavropol Provinces and the Region of the Don Army. Petersburg, 1910. Manuscript Department of the Russian National Library. F. 590. D. 146. 141 p. (In Russ.)
- Embassy Books on Russia's Relations with the Kalmyk Khanate 1672–1675. N. Rogozhin., M. Batmaev (comps.). Elista: Dzhangar, 2003. 316 p. (In Russ.)
- Rinchen. Oirat Translations from Chinese. *Yearbook of Oriental Studies*. Vol. 30 (1). Warsaw, 1966. Pp. 61–73. (In Russ.)
- Sabrukova S. Examples of Buddhist Letters from A.M. Pozdneev Archive Collection. In: *Written Monuments of the Orient*. 2013. No. 1(18). Pp. 236–241. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Ayuka Khan and his Time. Elis- ta: KalmSC RAS, 2018. 366 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 254–274, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-254-274

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39(571.53)

UDC 39(571.53)

О традиционных играх, забавах и развлечениях бурят Предбайкалья (на примере аларских бурят)

Галина Виссарионовна Махачкеева¹

¹ Независимый исследователь (кв. 11, д. 24, ул. Мокрова, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук

 0000-0002-7558-9302. E-mail: [ecoprint\[at\]inbox.ru](mailto:ecoprint[at]inbox.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Махачкеева Г. В., 2025

About Traditional Games, Amusements and Entertainments of the Buryats of the Pre-Baikal Region (using the example of the Alar Buryats)

Galina V. Makhachkeeva¹

¹ Independent Researcher (app. 11, Bldg. 24, Mokrov St., Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History)

© KalmSC RAS, 2025

© Makhachkeeva G. V., 2025

Аннотация. Введение. В статье рассматривается малоизученная культура досуга западных бурят. Территория их расселения — Предбайкалье — представляет культурно-историческую область, которая имеет свою этническую историю и культурное наследие, являющееся важным источником, ярко демонстрирующим специфику развития народа и его творческий потенциал. Цель исследования — рассмотреть досуговую деятельность на примере локальных традиций этнотERRиториальной группы аларских бурят, населяющих современный Аларский район в южной части левобережного Приангарья, находящегося в границах Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Материалы. Работа основана на разных источниках, среди которых данные из разработок дореволюционного периода и советской эпохи, современных исторических, краеведческих публикаций, а также экспедиционные материалы автора. С целью

Abstract. Introduction. The article examines the little-studied leisure culture of the Western Buryats. The territory of their settlement, the Pre-Baikal region, is a cultural and historical region that has its own ethnic history and cultural heritage, which is an important source that vividly demonstrates the specifics of the development of the people and their creative potential. The purpose of the study is to consider leisure activities using the example of the local traditions of the ethnoterritorial group of Alar Buryats inhabiting the modern Alar district in the southern part of the left-bank Angara region, located within the boundaries of the Ust-Ordynsky Buryat district of the Irkutsk region. Materials. The work is based on various sources, including data from developments of the pre-revolutionary period and the Soviet era, modern historical and local history publications, as well as the author's expedition materials. In order to determine the genesis of leisure culture, a comparative analysis was carried out with the national

определения генезиса культуры досуга проведен сравнительный анализ с национальными играми соседних сибирских народов, в том числе Саяно-Алтайского нагорья. *Результаты.* Установлены их основные направления и природа игровой деятельности аларских бурят, выявлены и представлены ранее неизвестные и малоизвестные национальные игры, а также незафиксированная диалектная терминология. Определены истоки той оригинальности, которая характерна для культуры бурят Предбайкалья.

Ключевые слова: Предбайкалье, западные (иркутские) буряты, аларские буряты, коллектив, национальные игры, досуг, традиции, культура

Для цитирования: Махачкеева Г. В. О традиционных играх, забавах и развлечениях бурят Предбайкалья (на примере аларских бурят) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 254–274. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-254-274

games of neighboring Siberian peoples, including the Sayano-Altai Highlands. *Results.* Their main directions and nature have been established, previously unknown and little-known national games have been identified and presented, as well as an unfixated dialect terminology. The origins of the originality that is characteristic of the culture of the Buryats of the Pre-Baikal region are determined.

Keywords: Baikal region, Western (Irkutsk) Buryats, Alar Buryats, collective, national games, leisure, traditions, culture

For citation: Makhachkeeva G. V. About Traditional Games, Amusements and Entertainments of the Buryats of the Pre-Baikal Region (using the example of the Alar Buryats). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 254–274. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-254-274

1. Введение

Актуальность исследования досуговой деятельности аларских бурят обусловлена тем, что важная тема, свидетельствующая о культурном наследии бурятского народа, характеризуется отсутствием исследований как локальных аспектов, так и в целом обобщающих трудов. Проблема усугубляется тем, что на сегодня в таком достаточно большом регионе, как Предбайкалье, нет ни одной более или менее полно изученной субэтнической группы. Игровой культуре, начиная с дореволюционного и раннего советского периодов, посвящены отдельные фрагменты, разделы в работах Ц. Жамцарано [Жамцарано 2001], П. П. Баторова [Баторов 1925]. Более обстоятельно тема представлена в трудах М. Н. Хангалова [Хангалов 1958; Хангалов 1959; Хангалов 1960], где игры и праздники не только описаны, но и раскрыт смысл, заложенный в них. Отметим, что в основном они касаются бурят Приангарья: балаганских, осинских, унгинских (нукутских) и аларских. Некоторые традиционные развлечения осинских бурят упоминаются в работе И. М. Манжигеева [Манжигеев 1960]. Следовательно, остаются малоизвестными игровые традиции боханских и эхиритских бурят, и практически не встречаются в этнографической литературе материалы о культуре досуга китайских и нижнеудинских. В 1961 г. И. Е. Тугутовым было проведено специальное исследование в целом бурятских общественных игр [Тугутов 1961a]. В монографии Т. М. Михайлова нашли отражение религиозные праздники западных бурят [Михайлов 1980]. Их певческо-сказительским традициям посвятил свои труды Р. А. Шерхунаев [Шерхунаев 1970; Шерхунаев 1977; Шерхунаев 1986]. Все эти работы, а также большой объем фольклорного материала, в том числе обрядового, стали основой для изучения генезиса, структуры и семантики бурятской игровой

культуры современными отечественными учеными: этнологами, фольклористами и др. Постсоветский период был ознаменован выходом значимого труда Д. С. Дугарова «Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят» [Дугаров 1991], где автор устанавливает истоки бурятского кругового танца *ёхор*. В целом *ёхору* посвящено множество работ. Также увидели свет монографии Н. Б. Дашиевой о бурятских тайлаганах и традиционных общественных праздниках [Дашиева 2001; Дашиева 2012; Дашиева 2015], К. Д. Басаевой — о семейных праздниках [Басаева 1991], публикации Д. А. Николаевой [Николаева 2008; Николаева 2009; Николаева 2010] и др., отличающиеся серьезной аналитикой. Тем не менее озвученную тему нельзя признать достаточно разработанной, так как остались без внимания многие локальные традиции. В связи с этим нашей целью стало изучение культуры досуга на примере аларских бурят, одной из субэтнических групп региона.

2. Материалы и методы исследования

Исследование основано на фольклорных, литературных, автобиографических, экспедиционных материалах, дореволюционных, советских и современных научных работах. Основой исследования выступил историко-системный подход, применялись сравнительно-этнографический метод, метод включенного наблюдения и др. Введены в научный оборот работы автобиографического характера ученых и писателей — уроженцев Алари, значительный объем полевого материала.

3. Результаты

3.1. Географические и исторические условия формирования досуговой культуры аларских бурят и их влияние на ее формирование

Исследуемый нами район находится на периферии этнической Бурятии, в северном предгорье Восточного Саяна, огражденном с востока водами Ангары. Географическое расположение южного Приангарья, которое с глубокой древности было зоной миграционной активности разных народов, — фактор, определивший этническую самобытность культуры его наследников. С глубокой древности, с эпохи бронзы, была развита торговля населения Приангарья с Поволжьем. Так, известен Нефритовый путь на запад [Кызласов 1993: 26]. На границе современных Красноярского края и Томской области, на земле котов, находился промежуточный пункт, сохранивший свое название до сих пор, — Братский (Бурятский) перевоз [Колесников 2018: 42]. По этому пути шли купеческие караваны из Бухары в Сибирь и обратно [Бадмаева 2016: 7]. Также в эпоху бронзы и раннего железа на юге балаганских степей жили европеоиды с чертами определенного расово-этнического типа — таджикско-согдийского. Для них была характерна среднеазиатская культура в сочетании с тюркской кочевой [Окладников 1976: 38, 40]. Кроме того, иранский след в истории Сибири с конца эпохи бронзы связан с пазырыкской культурой Алтая, в основе своей этнически самодийской [Молодин 2003]. Восточные племена южных самодийцев со времен неолита были расселены в предгорье Саян. В последующем миграция ирано-самодийского населения на север связана с тюркизацией обитателей Южной Сибири, вызвавшей ассимиляцию или «выдавливание» отдельных групп на Север [Молодин 2003: 168]. Также из Центральной Азии и Монголии через

Саяно-Алтайское нагорье, Туву и Алтай, в Предбайкалье попадали разнородные беглые племена. Они шли по горной тропе — миграционному пути диких животных, который вел в Аларские лесостепи, где, спустившись с гор, люди в основном и оседали.

Район характеризуется наличием хвойных, лиственных лесов и плодородных черноземных земель, в совокупности определивших раннюю оседлость и комплексный характер хозяйства. Здесь были развиты сезонные промыслы (охота и рыболовство), земледелие, скотоводство с пастьбищно-стойловым содержанием животных. Но в ходе исторических процессов рассматриваемый ареал был значительно сужен: часть земель с охотничими угодьями и большими речными потоками отошла к вновь созданным районам Иркутской области, в связи с чем аборигенные охота и рыболовство сошли на нет. Зимы в долине всегда отличались обилием снега, сугробы доходили до крыш домов. Для снежных забав ранее было раздолье: дети сооружали горки-катушки, катались на лыжах и санках, строили крепости и многоходовые жилища в сугробах, устраивали баталии [ПМА: Инф. 1]. Весна приносila не только бурное таяние снега, множество ручьев, по которым ребятня пускала кораблики, но и лужи, и многодневную грязь по колено. Поэтому в подвижные игры обычно играли поздней весной, когда подсыхала земля, и летом. В играх, кроме детей, принимали участие их старшие братья, сестры и нередко — родители. Играли по вечерам, до темноты, после завершения всех хозяйственных дел [ПМА: Инф. 2]. Осенью, часто с августа, с дождями снова начинался длительный период бездорожья, затем — сезонные работы до самого снега, а значит, было уже не до игр на воздухе. Но с 1961 г., после создания в восточной части Алары Братского моря, под которое были затоплены большие площади плодородной земли, климат изменился: снеговой покров значительно уменьшился и стало намного холоднее. В наши дни былой заснеженности уже нет и традиционные зимние игры теряют свою популярность [ПМА: Инф. 3].

Природно-климатические условия, обусловившие хозяйственно-культурную деятельность бурятского субэтноса, обусловили и его раннюю оседлость. Исторически аларцы расселялись родовой общиной — кровнородственными группами в одном большом дворе. Хозяйство и средства производства были общими, обязанности все четко распределены, а сезонные работы — сенокос, заготовка дров, посевные, уборка урожая, строительство и т. д. — выполнялись сообща. На питание каждая семья получала свою долю, но трапезы после больших работ и забот скота всегда были совместными. И досуг при таком образе жизни был коллективным. Так, гостей было принято встречать всем родом [Махачкеева 2024: 14]. Родовые общины аларцев, расположенные в одной местности на незначительном расстоянии друг от друга, составляли улусную общину. Из-за комплексного хозяйства поселения делились на зимники и летники. Переезд на летники, продиктованный целью сохранения посевов вокруг зимников и травы на утугах ‘приусадебных культивируемых участках’ от потравы скотом, был праздником: ожидалось обилие молочных продуктов, гостей, царила атмосфера веселья и общения [Зимин 2004: 69]. Дети играли, проводили время на воде-мах, рыбачили, ходили в лес за ягодами и грибами. Вечерами были *нааданы*, где пели и «до самозабвения танцевали ёхор» [Вампилов 1980: 47]. Часто молодежь ездила по долине на огни костров с одних игрищ на другие, выбирая круг для

песен, так как в очень больших хороводах были свои сложности для певцов [Вампилов 1980: 9–11; Малакшинов 1979: 202].

Игровая деятельность любого народа напрямую зависит и от социально-политических факторов. Не исключением стали и досуг аларских бурят. Так, «*в д. Кукунур, где 60 % населения составляли буряты, а 40 % — ссыльные украинцы, в клубе и песни, и праздники были только советские. Мой муж заведовал клубом, ему в парткоме сказали, что много украинских и бурятских песен на концертах не должно быть. А праздники национальные в план работы клуба никогда не входили. Нельзя было*» [ПМА: Инф. 4]. Аналогичная ситуация наблюдалась и у соседей, в Тункинском районе Бурятской АССР: «*Я работала в сельском клубе с. Тагархай. В райкоме партии секретарь по идеологии предупредил, что скоро будет бурятский праздник Сагалган и активно поддерживать население не надо, но и препятствовать тоже нельзя. Надо занять нейтральную позицию. В общем клуб в этот день был закрыт, а люди праздновали у себя дома*» [ПМА: Инф. 5].

Согласно разным вариантам эпоса «Гэсэр», у бурят встречается ‘девять доблестей мужчины’ *найн эрэйн юнэн эрдэм*: 1) *барилдаха* ‘бороться’; 2) *урлаха* ‘мастерить, иметь ремесло’; 3) *дархалаха* (*тумэр дархан*) ‘знать кузнечное дело’; 4) *агнаха* ‘охотиться’; 5) *нээр шааха* ‘уметь ломать позвоночную кость скотины’; 6) *наймаар могойшолоод минаа томожсо шадаха* ‘уметь плести кнут из восьми ремешков’; 7) *гурбилаа шүдэр томохо* ‘плести треножник для лошади’; 8) *эбэр номын оонорын уяжса шадаха* ‘уметь натягивать тетиву лука’; 9) *урилдаани мори унаха* ‘быть наездником’ [Манжигеев 1960: 50]. По этому своду правил в Алари обучали детей. Обычно кто-либо из взрослых собирали их где-нибудь на поляне вблизи юрт и выстраивал по росту. Сюда же подходили все свободные от работы жители улуса. Начиналась борьба подростков. У мальчиков была популярна и другая игра: один из них садился на табуретку и держал подушку возле уха, а второй наносил по ней удар кулаком. Цель игры — свалить противника, в противном случае приходилось занимать его место [Вампилов 1980: 33]. Мальчики сами мастерили луки, стрелы, лыжи, санки, из коровьей линьки катали мячи, которыми забавлялись малыши: закидывали их на деревянные крыши юрт и ловили.

В Алари почти каждый мужчина был охотником. Со взрослыми в охоте участвовали и мальчики-подростки: учились чистить ружья, охотились на дичь, с 12 лет были облавщиками [Хангалов 2021: 32]. Многие в этом возрасте уже ходили на белку и соболя в составе артелей, в начале зимы на месяц уходивших в присаянскую тайгу [Баторов 1925: 9]. Еще в детстве приобретали навыки охотников-следопытов и меткой прицельной стрельбы на максимальной дистанции, как, например, знаменитый аларский снайпер времен Великой Отечественной войны Гарма Балтыров, первый бурятский олимпиец Петр Николаев, выдающийся конструктор-изобретатель спортивных пистолетов и револьверов, уникальный советский оружейный мастер Ефим Хайдуров и др. С потерей притаежных земель в районах рек Белая, Иреть, Голуметь, на берегах которых располагались совместные с сойотами и эвенками бурятские охотничьи угодья, были утеряны рыболовные и охотничьи традиции. В наши дни устраивается только облавная охота на косуль и иногда — на волков.

Девочки играли в «куклы» *гасуухай* (отметим, что в бурятском литературном языке слово «кукла» отсутствует), изготовленные из дерева и кусочков кожи,

меха, ткани. С шитья кукольной одежды они начинали обучаться швейному ремеслу, обязательному для бурятской женщины. С наступлением тепла девочки играли в *соол* ‘домики’ с *хурээ* ‘дворами’ с живностью: присев якобы с ведром в высокой траве и потягивая ее, они изображали дойку коров, в основном в своих играх они имитировали женские трудовые занятия [ПМА: Инф. 6]. Также дети лепили из глины разные фигурки, играли «в лодыжки» *шаагай наадан*, прятки, ходили в близлежащие рощи пить березовый сок, собирать дикий лук, чеснок, травы, цветы, ягоды и т. д.

3.2. Танцевальное и народное театральное искусство

Игра, согласно И. Хейзингу, — предшественник культуры, заполняющий жизнь. Это непринудительное занятие по добровольно принятным условиям, приносящее и напряжение, и радость (цит. по: [Смойлов 2008: 100]). У бурят игровая деятельность человека известна под полисемантическим словом *наадан*, подразумевающим: «1) игра, забава, развлечение; 2) вечер, вечеринка, танец (хороводный); 3) постановка, спектакль, концерт; 4) шутка, насмешка, потеха; 5) ток (о птицах)» [Дугаров 1991: 85].

Издревле существовавшие ролевые игры приангарских бурят являлись своеобразными инсценировками и стали предтечей театрального искусства. Они брали начало с древних шаманских мистерий-камланий с драматизированными танцами и мимическими представлениями, иногда устрашающего или увеселительного характера, — составной части обрядовых игрищ [Дугаров 1991: 85; Зомонов 2014: 16, 66]. На вечеринках разыгрывались сценки с применением игровых подражаний животным и птицам: известны *баабгайн наадан* ‘пляски медведя’, *тэхэ наадан* ‘пляски козла’, *шоно наадан* ‘пляски волка’, *хор наадан* ‘пляски глухарей и тетеревов’, а укрощение дикого коня — как театрально-мистическое и в какой-то степени комическое представление. Маскированные участники именовались игровыми *онгонами* [Хангалов 2021: 28, 77]. Кроме этих игр, были и комические, где изображали не животных, а людей: например, пересмешника, который осмеивал других людей — женщину-копальщицу корней сараны, няньку с ребенком и т. д. [Хангалов 2021: 28]. Как видим, эти представления свидетельствуют об отличном знании народом повадок животных. Маски использовались и во время облавных охот. Популярными были у аларских бурят театрализованные вечера, позже — домашние театры. Еще в начале XX в. появилась рукописная улусная драматургия. Первые пьесы писали воспитанники Иркутской учительской семинарии — Д. А. Абашеев, И. В. Барлуков, И. Г. Салтыков, С. П. Балдаев. Тексты их не сохранились, но одна из самых ранних — пьеса Д. А. Абашеева «Ухэл» («Смерть») — была поставлена в 1908 г. и показана на этнографическом вечере в Иркутске, в 1911 г. в Алари — пьеса И. Г. Салтыкова «Хоер можно» («Два мира») [Оглезнева 2024: 353–354]. Потом спектакли ставились и в других бурятских центрах Приангарья. Позднее в Аларской школе учитель Валентин Вампилов, отец знаменитого драматурга Александра Вампилова,ставил на сцене самодеятельного театра пьесы русских драматургов: «Злоумышленника» А. П. Чехова, сценки из пьесы «Бедность не порок» А. Н. Островского, а на сцене Дома культуры п. Кутулик — сценки из трагедии «Борис Годунов», о чем свидетельствует сохранившийся раритетный снимок, сделанный на этом спектакле [Юрченко 2016].

По воспоминаниям информанта, взрослые проводили свой досуг очень интересно: пели песни, шутили, играли, танцевали и никогда не напивались. Обычай ходить компаниями из дома в дом у аларских бурят назывался *архидашин* (досл. ‘пьющие вино’), практиковался он до позднего времени. «Люди любили танцевать „глухариную пляску“ *хор наадан*: двое пляшущих садились на корточки, держась на одних носках ног, руки держали вытянутыми, на уровне плеч, как крылья глухаря, и при этом подражали его крику. Подпрыгивая на носках, сходились и расходились — эти „движения“ называются *хошиолго* по М. Н. Хангалову; а третий пляшущий представлял глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку» [ПМА: Инф. 2]. «А еще интересно было смотреть танец тетеревов: дядя Артем на корточках изображал самку, а остальные — самцов, скачающих вокруг нее, прищелкивая языком, как птицы. Дядя Егор на спичечной коробке выступжал ритм токования. Если танцоры убыстрялись, это дополнялось хлопанием в ладоши и прищелкиванием пальцев, имитирующим бормотание тетеревов. Дядя Бамбалай и дядя Раднай, входя в азарт, издавали настоящие тетеревиные звуки, чуфыканья и полностью перевоплощались в воинственных петухов» [ПМА: Инф. 2]. Кроме имитации движений и звукоподражания, игры тетеревов сопровождались песней:

<i>Тетериин наадан,</i>	‘Тетеревиная игра,
<i>Тэхэрхэдээ наадан,</i>	Круговая игра,
<i>Хатархада наадан.</i>	Плясовая игра.
<i>Ойдо гархадам</i>	Приду в лес — там много
<i>Олон сэсэг наихан лэ.</i>	прекрасных цветов.
<i>Ойхоонь буухадам</i>	Приду в лес — там прекрасна
<i>Хойрой наадан наихан лэ.</i>	тетеревиная игра.
<i>Тайгадаа гархадам</i>	Приду в тайгу — там прекрасна
<i>Тетериин наадан наихан лэ.</i>	игра тетеревов.
<i>Тетериин наадан гээ,</i>	Игра тетеревов,
<i>Түлэвшэдэй наадан гээ,</i>	Игра дровосеков,
<i>Түмэн зоной наадан гээ</i>	Многих тысяч людей игра
<i>Хатархада наадан гээ</i>	Плясовая игра’

(Пер. Н. Б. Минтасовой).

Центральное место в плясках западных бурят отводилось древнему обрядовому круговому танцу *ёхор*. Такой хороводный танец бытует у якутов, эвенов, эвенков и долганов. Его истоки идут еще с бронзового и раннего железного веков от уйгуро-курыканских шаманских мистерий, привнесенных в Южную Сибирь «пришлыми индо-иранскими и индо-европейскими племенами» [Дугаров 1991: 118]. Ранее к такому заключению пришли археологи. По характеру своего искусства курыканы Прибайкалья больше всего были связаны не с соседней Монголией, а с кыргызским западом, с Алтаем, с тюргешами-турками и через них — с далеким Ираном [Окладников 1976: 31]. Объяснение этому, видимо, заключается в том, что в географическом отношении Предбайкалье до XIX в. было закрыто с востока и юга мощной природной преградой — Байкалом и Саянскими горами. И именно в связи с этим развитие здесь шло в парадигме западной культуры.

В Предбайкалье *ёхор* был основным действом на всех празднествах: семейных, общественных, религиозных и т. д., в разных районах хороводы отличались

лись. Ансамбль «Байкал» исполняет сегодня восемь основных вариаций ёхора. На деле же локальных вариантов множество [Жорницкая 1999]. Так, в Алари даже по деревням различались движения и напевы: в Бахтае — одни, в Готоле и Кукунуре — другие и т. д. [ПМА: Инф. 7]. Отмечено, что пластика бурятского танца более сложная, чем якутская, а выкрики сопоставимы с эвенкийскими и долганскими [Жорницкая 1999: 141]. Кроме того, в степи ёхор водили совсем по-иному, чем в юртах: на приволье в круг могли встать человек 100 и больше, создавая несколько хороводов (известно, что в иранских танцах тоже существует такая традиция), и в разных его концах — разные песни. В юрте, даже просторной, — не более 20 танцоров, поэтому двигались в такт, нога в ногу, и пели дружно и слаженно [Малакшинов 1979: 203].

3.3. Устное народное творчество

Улигеры — эпические сказания, сказки, поэмы, легенды, а также песни, загадки, пословицы, поговорки занимали в культуре бурят Предбайкалья особое место. Охотники любили *улигеры* и слушали их вечерами: считалось, что хозяин леса любит сказки. Поэтому в любой охотничьей артели были мастера слова [Баторов 1925: 9]. Традиции почитать сказителей бытовали и у хакасских охотников [Бутанаев 2016: 93]. Вообще певцы и сказители-улигершины были желанными гостями везде. Так, на постоянные дворы при базарах и приангарские мельницы со всего края съезжались крестьяне, среди которых нередко находились знатоки фольклора. В ожидании своей очереди люди иногда жили на мельницах по 10–12 дней, и самым увлекательным занятием у них было исполнение и слушание *улигеров*, песен и сказок [Шерхунаев 1977: 75]. Выступление рапсода никогда не было сольным, это всегда был массовый музыкально-поэтический праздник. Перед началом исполнялось *угтамжса* ‘песенное обращение’ от зрителей: они просили исполнить поэму, выражали свое уважение, вдохновляя улигершина. Далее зрители эмоционально участвовали в описываемых действиях, открыто выражая свои чувства возгласами и восклицаниями, а в перерывах и в конце хором пели песни, прославляющие героев [Шерхунаев 1986: 56]. Эпические сказания нельзя было рассказывать в летние месяцы — *сээр* ‘грех’, можно было только с наступлением нового года, который начинался осенью, с появлением на небе звездного скопления Плеяд [Баторов 1923: 9]. Подобный запрет строго соблюдали и калмыки [Бакаева 1996: 9]. Пение сказителей часто сопровождалось игрой на хуре, который буряты делали из цельного дерева, обтянутого бычьим пузырем, а за неимением материала — даже из жестяных пороховых банок: прикрепив к грифу, натягивали струны из волос конского хвоста [Шерхунаев 1986: 45].

Песенная культура Предбайкалья отличается своим многообразием. Когда-то аларские и унгинские буряты были признанными лидерами в регионе по умению импровизировать на ходу, украшать песню красивыми сложными мелизмами и богатой лексикой [Балдаев 1959: 125]. Песни были разных жанров:

— *архин дуун* ‘застольные песни’ — особый жанр в традиции застолья. Здесь были сплошные импровизации, которые, как известно, есть хорошо подготовленный экспромт — свидетельство того, что такое отшлифованное мастерство зиждется на потенциале, т. е. творческих способностях и постоянной практике в песнопении. Ведь для того чтобы уложить фразу в мелодическое построение,

должны быть навыки. Также для песен застолья в Алари характерны свой стиль и ритмические движения в виде приплясываний [Гергесова 2002: 8]. В отличие от аларцев, которые при пении обязательно стоят и притоптывают, закаменские буряты, например, застольные песни поют сидя [ПМА: Инф. 8]. Главная составляющая аларской питейной культуры — *духарян* ‘ритуал обмена чашей с вином’, по сути своей аналогичная супре — знаменитому грузинскому застолью, где каждый участвует в создании взаимоуважения за столом, описана нами в статье [Махачкеева 2017];

— *ухэлэй дуун* ‘посмертная песня’ и *шаналахын дуун* ‘песня на поминках бездетного бурята’ — скорбные, и, хотя они не вписываются в тему веселья, все же являются неотъемлемой частью песенных традиций, уходящих в прошлое. Похоронные песни относятся к разряду очень старинных и исполнялись еще в эпоху облавных охот. Если у покойника были какие-то заслуги или он чем-то отличался от других, то «*соплеменники пели песни*», восхваляя его прижизненные добродетели. У кудинских бурят пели песню-плач во время похорон шамана [Хангалов 2021: 206]. Сегодня в обществе об этих песнях недостаточно информации. Так, одна из аларских исполнительниц сообщила, что была немало удивлена, когда услышала от знакомой бабушки: «*Ты на моих похоронах будешь петь!*». Отмечены и совсем казусные случаи: когда-то давно в западной части Алари появилась песня-плач о красивой девушке по имени Будалай, которую из ревности убил отвергнутый поклонник. Спустя много лет в Улан-Удэ эта песня стала звучать в веселом и задорном исполнении молодых певцов [ПМА: Инф. 4]. В Алари такие песни пели непременно с повторяющимся припевом в виде вздоха-сожаления «*Аин ёёя!*». «*Ёёя, ёёя-хадаа!*» — обычный «взоглас огорчения и досады» у аларцев. Думается, что в вышеописанном случае и сам повод, и жалостливый припев со временем забылись, а песня, что называется, «ушла в народ», так как мастерски была сложена во всех смыслах: и в музыкальном, и в поэтическом, идеально вписываясь в любой стиль;

— *умдэни дуун* ‘песни трусов’ прославляют чадородие и исполняются при вручении подарка — трусов-панталон — женщинам пожилого возраста, но только благополучным, многодетным и уважаемым. При этом подарок они наряжают прилюдно, во время застолья, встав на стул, под смех и шутки. Информант так нам объяснил историю возникновения этой традиции: в древности при возвращении со свадеб, опасаясь встреч с разбойниками, подарки в виде денег и золота прятали в кожаных мешочках, зашивая их в трусы старух. На них в случае нападения не обращали внимания, а девушек и молодых женщин обычно уводили. Со временем, когда дороги стали безопасными, традицию обыграли, придав вручению подарка совсем другой, глубокий смысл: прославление способности женщины рожать здоровых наследников, тем самым увеличивая численность рода, что всегда ценилось в Предбайкалье. Ритуал приобрел шуточный характер, и некоторые особо бойкие старушки в ответ поют озорные куплеты или частушки [ПМА: Инф. 9];

— *мунгаалдын дуун* (*зугаа*) ‘соревновательные песни’ пели на ‘песенных турнирах’ *мунгаалдан*, у эхиритов — *хухалгаан* дуун. Устраивались на праздниках, во время застолья и исполнения ёхора и т. д. Поскольку подростков в Алари не допускали на взрослые игрища *Ехэ наадан* ‘большие игры’, они нередко рядом организовывали свой круг *Бага наадан* ‘малые игры’ и устраивали

свои песенные турниры. Это было характерно только для маленьких деревень: Яматы, Кукунур, Куркат и др. [ПМА: Инф. 10];

— *магтал дуун* ‘прославляющие’; *тоолэй дуун* (‘песни, исполняемые при вручении именного мяса’); *басаганай дуун* ‘девичьи песни’ поют на свадебных обрядах; *ёхорэй* ‘хороводные’; *милаанын* ‘родинные’; *шоогэй* ‘шуточные’ — частушки; *сээгэй* ‘кумысные’; *нааданай дуун* ‘песни-игры’ вроде русской песни «А мы просо сеяли»; и др.

Очень популярными в Приангарье были состязания по разгадыванию загадок *таабар*. Каждый не сумевший отгадать чужие загадки должен был откупиться своими неразгаданными загадками, в противном случае его брали в «плен» и в конце игры «продавали». Церемонию продажи обставляли комично: «пленников» снаряжали на базар, приговаривая: «*Вот едет на качерике, двухгодовалом бычке, человек без загадок. Подстилкой будет ‘сухая кожа’ дагадха. Продаю человека, не знающего загадок!*» [Тугутов 1961б: 159–160]. В Осинском улусе Эрхидэй 14-летний подросток, не желая быть «проданным» на этих зимних посиделках, начал записывать загадки и пословицы. За 2 года он собрал более 200 загадок и до полусотни пословиц, а в 1927 г. победил в таком состязании известного знатока фольклора Шулуна Балкова из Бохана. Так появился известный бурятский этнограф, поэт и фольклорист Дольён (Илья Николаевич) Мадасон. Детское увлечение стало делом всей его жизни, которую он посвятил собиранию и изучению устного народного творчества бурят [Тугутов 1961б: 159–160].

3.4. Детские, подростковые и молодежные подвижные игры

Бигва (перевод отсутствует) — полный ‘аналог русской лапты’ в с. Кукунур, в нее играли, разделившись на две команды [ПМА: Инф. 11].

Бээлээтхэ ‘играть в варежку’ (бээлэй ‘варежка’). Две команды комком из вывернутой варежки по очереди кидали друг в друга. Кто не смог увернуться, тот выбывал из игры [ПМА: Инф. 11].

Гальбанха (перевод отсутствует). Это игра на меткость и дальность полета. Вырезали из дерева лопатообразный / стреловидный предмет в виде ромба с длинной ручкой. У основания широкой части делали зарубку и привязывали в этом месте нитку с узелком. Просунув в узелок палку, а чаще прутик, так как он хорошо амортизирует, раскачивали и кидали заостренным концом вперед. Если центр тяжести неправильно распределяли, то лопатка летела кругами; если правильно, то хорошо и далеко [ПМА: Инф. 11].

Гахайдаха (досл. ‘свинячить’). Задача ведущего — закинуть шайбу-гахай (‘свинья’) в лунку, т. е. в «хлев», охраняемый игроком с палкой. Летом ее делали из деревяшек, зимой шайбой служили кругляшки замерзшего конского помета или мерзлая картофелина [ПМА: Инф. 11]. Такая же игра есть у хакасов, но там вместо свиньи фигурирует корова [Бутанаев 2016: 25].

Оолбор ‘бурятские городки’ (*оолбор* ‘биты’, *оолбордох* ‘кидать биту’). Фигуры в игре — *тура* (иранизм) ‘дом’, *соол* (туркизм) ‘печь’, *могой* ‘змея’, *гахай* ‘свинья’ и т. д. Но бытует она только в с. Кукунур. Неоднократно ее пытались популяризировать. Впервые в районе соревнования по бурятским городкам провели в 1984 г., а ранее, с 1980 г. — в окружном центре Усть-Орда. Затем возрождение игры остановилось [ПМА: Инф. 11]. В Предбайкалье игра по вышибанию деревяшек деревянными же битами больше нигде не зафиксирована,

но ее аналог известен соседям западных бурят — хакасам [Бутанаев 2016: 27]. Согласно нашему анализу, именно с их культурой у аларцев обнаруживается множество сходных элементов.

Тэбэг в переводе с бурятского языка — ‘волан, зоска’ [Шагдаров, Черемисов 2010б: 273], но известно, что термин тюркского происхождения (досл.: ‘пинок ногой’) [Бутанаев 2016: 27]. В старомонгольском — это пучок волос на темени. В виде металлического кружка с отверстием в центре, с тугу продетым через него куском шерсти, в мифах и фольклоре интерпретируется как символ Матери-прапородительницы (цит. по: [Дашиева 2015: 145]). Отбивание ногой кружка вверх (к детородному органу) называлось *тэбэг сохихо* ‘бить тэбэг’, и в этом значении действие ассоциировалось с фаллическим божеством, бьющим на пограничье ночи и дня стрелой (аналог фалосса) в живот космической маралухи. Такая же семантика игры проявляется в традициях северных тувинцев: в Тодже в нее играли только в день Нового года (цит. по: [Дашиева 2015: 145–146]). У народов Азии, Китая, России, Кавказа и др. такая старинная игра называлась *лянга, почекушка, зоска, туулган тобио* и т. д. Лоскут овчины или любой шерсти утягивали куском свинца с отверстием. Стоя на одной ноге, такой волан подбрасывали вверх внешней или внутренней стороной стопы, не давая ему упасть. Победителем считался сделавший максимальное количество ударов. Сегодня у бурят повсеместно возрождается эта древняя игра, в Усть-Ордынском округе — под названием *туулган тобио* ‘свинцовая пуговка’, а не под исконным названием *тэбэг*.

3.5. Культовые праздники

Нэрьеэрэй хуурай ‘обряд богу-громовержцу’, который проводили после сильной грозы [Тугутов 1961а: 53].

Тайлганы ‘коллективные религиозные обрядовые праздники’ тюркского происхождения. Известно, что они проводились в теплое время года: весной и летом — просительно-умилостивительные, осенью — благодарственные. Непременно сопровождались ёхором и спортивными состязаниями (конные скачки, борьба, стрельба из лука, бег на разные дистанции, прыжки через жердь и т. д.). Во времена антирелигиозной пропаганды в стране семейные и родовые моления проходили тайно, иногда ночью, а общественные были сокращены до минимума. Именно тогда они утратили свою игровую составляющую. Возрождение тайлганов началось в 90-е гг. XX в. Сегодня организаторы, как правило, сосредоточены в основном на религиозной части. В Аларе игровые моменты сохранились только в молебнах, посвященных духам воды и имеющих свои локальные особенности¹. Тайлган с соблюдением всех канонов, включая завершающую его культурно-спортивную программу (конные игры: *малгай булялдан* ‘отними шапку’, *мориин дээрэ барилдаан* ‘борьба на конях’; песенные состязания и ёхор), после почти векового забвения был проведен на аларской земле в 2016 г., во время племенной встречи хонгодоров [ПМА: Инф. 12].

Хийин хуурай ежегодный ‘обряд освящения кузницы’ [Тугутов 1961а: 53] и по сей день проводится во многих местах Предбайкалья.

¹ Почитание духов воды рассмотрено С. Б. Миягашевой [Миягашева 2024].

3.6. Семейно-бытовые праздники и развлечения

Олимбур (перевод отсутствует) ‘лотерейная игра’. Участники выкупали талончики по определенной цене, в сумме составлявших стоимость выигрыша. Играли картонными карточками с написанными цифрами, заменявшими деньги. Самый удачливый, выиграв все талончики, забирал выигрыш [Малакшинов 1975: 117].

Праздник стрижки грив и хвостов лошадей проходил весной. Процедура стрижки проходила общими усилиями поочередно в каждом хозяйстве улуса. Непременно проводили ритуал угождения огня мясом и белым конским волосом. Закончив работу, варили саламат и устраивали общее гуляние. Конский волос был необходим в хозяйстве западных бурят в качестве сырья для плетения и ткачества [Хангалов 2021: 231].

Родинные торжества — цикл семейных обрядов, посвященных рождению ребенка. Среди них особо выделяются улгээдэ оруулха ‘обряд положения ребенка в колыбель’ или торолго. Так назывался обряд в восточной части Аларской долины, в западной — ообэдэ оруулха. Под такими же названиями обряды известны у кудинских бурят. В балаганских степях прежде был обычай: в честь появления нового члена семьи устраивать праздник *милага*. Согласно бурятско-русскому словарю, *мила: мила нүрээтэроо эдихэ* — ‘наедаться до отвала’ [Шагдаров, Черемисов 2010а: 296]. Приглашали одноулусников и отдавали им для празднования кобылицу, выбранную старухой, участвующей в обряде. Гости несли подарки, пели обрядовые родинные песни *милаанын дуун*, угождались мясом и затевали забавы, во время которых принято было мазать мужчин сажей с котла, смешанной с маслом [Хангалов 2021: 197]. Также этой игрой *милага* женщины забавлялись после успешного валяния войлоков [Малакшинов 1979: 83]. В Алари сохранились отголоски этого древнего обряда, но вместо коня предпочтение отдавалось бычку или барану, который назывался *милаангад хонин*, т. е. ‘баран для *милаги*’. В ожидании пополнения семейства его подбирали заранее. Замечено, что баранина, обладающая лечебными свойствами, хорошо восстанавливает силы женщин после родов. Поэтому специально варили так называемый *милаангад шулэн* ‘суп для роженицы’, а гостям — обязательно подавали отваренные курдюк, желудок, начиненный кровью, печень и почки [ПМА: Инф. 13]. Эта традиция в рассматриваемом ареале бытует в центральной части долины, а в восточной практически неизвестна [ПМА: Инф. 14]. Осинские буряты традицию называли *шулэ гаргаха* ‘сварить суп’, а эхириты — просто *шулэн* ‘бульон (суп)’. Они варили саламат и баранину, приглашали и угождали детей, забавлялись, гоняясь за молодыми женщинами и девушками и обмазывая их маслом от саламата. Считалось, что в таком случае они тоже рожают. Вообще из-за таких неизменных шуток многие молодые девушки в Предбайкалье избегали посещения родинных торжеств. Постепенно праздник трансформировался и в бурятском обществе приобрел широкую популярность под названием *Милан*, связанный с первыми именинами ребенка.

Свадебные торжества включали целый цикл развлечений. Их открывали ‘девичьи игры’ *басаганай наадан* — молодежные гуляния у родных невесты и соседей-одноулусников. Такой пышный праздник устраивали унгинские, аларские и ольхонские буряты, а у кудинских и верхоленских он был более скромным, невеста с подружками пела печальные песни о тяжелой женской доле, прощаясь

с родными [Басаева 1991: 134]. На аларской свадьбе всегда главенствовал ёхор: гостей встречали и провожали хороводом. Едва завидев свадебный поезд, встречающие поднимали шум: «*Едут! Едут!*», и все бежали в ёхорный круг [ПМА: Инф. 15]. В этот момент принято было воспевать красоту местности, где будет жить невеста, достоинства жениха и его рода, петь благопожелания [Жорницкая 1999: 122]. Далее следовала веселая игровая церемония купли-продажи приданого невесты в доме жениха [ПМА: Инф. 15]. Завершалась свадьба в Унге и Алари своеобразным развлечением: в старину гости, если были недовольны приемом, в отместку старались угнать скот, чтобы уже дома устроить угощение сородичей. В конце XIX в. этот обычай трансформировался в настоящие игрища, где представители двух породившихся родов состязались в ловкости и мастерстве верховой езды: гости создавали видимость угона, а местные его отбивали [Басаева 1991: 159].

Халлин, хальдин ‘вечеринка в складчину’ в Алари появилась, по нашим данным, в 50–60-е гг. прошлого века. Сначала они организовывались в честь приезда гостя [ПМА: Инф. 16]. Но гости приезжали нечасто, поэтому приятно провести время собирались и без них. Особенность таких вечеринок-халлин была в том, что допускались на нее только семейные пары. Любителей развлечений, пришедших в одиночестве, выпроваживали со словами: «*С женой приходи!*». Информант рассказывает: «*Дети были маленькие, и я никуда не ходила. Мужа моего одного не допускали на такие вечеринки, и он, несолоно хлебавши вернувшись домой, высказывал мне свое недовольство: „Хаттуу-харуу, хумхай хуурайши!“*» (досл. ‘ты жестокая-жадная, скупая-сухая!’) [ПМА: Инф. 17].

Иэр (нээр) шалган ‘переламывание хребтовой кости — шейного позвонка’ сегодня у бурят активно возрождается в массовых состязаниях. Ранее игра в Приангарье бытовала в иной форме. У аларцев эта забава была при заготовке ‘мяса на зиму’ *ууса*. Если в этот день после традиционной совместной трапезы не удавалось сломать кость, то она становилась *боосооной* ‘спорной’. Такой позвонок очищали от хрящей, вдевали нитку через спинно-мозговое отверстие и вешали на гвоздь у входной двери. Люди, приходившие к хозяевам, предпринимали попытки сломать кость. При неудаче оставляли в висящем рядом маленьком мешочке деньги — пятак или гривенник. Тот, чья попытка увенчалась успехом, забирал всю собравшуюся сумму. Обычно много монет набиралось, если на гвозде висела бычья кость, справившись с которой было непросто [ПМА: Инф. 3].

Улаан ундэгэнэй наадан ‘игры красного яйца’ — пасхальные забавы у аларских бурят были заимствованы из славянской культуры. В этот день красили яйца луковой шелухой, дети ходили по домам биться ими, пели песни:

Улаан ундэгэнэй ехэ удэроор!	‘С днем красного яйца!
Улаан хадана улаан ундэгэн мухараа,	С красной горы катится красное яйцо,
Ошот тодоот байгтуу!	Идите, встречайте!
Улаан ундэгэнэй ехэ удэроор!	С днем красного яйца!
Углоонэй улаан наранаар!	С утренним красным солнцем!
Урма баярай удэроор	С особым радостным днем!
Ундан мэндээ хургэнб даа!	Изобилия желаю вам!

(Пер. автора).

3.7. Общественные праздники

Зоохэ *наадан* ‘саламатные’¹ игры / сметанная вечеринка’. У аларских бурят есть традиция по любому поводу первым делом варить саламат: приезд гостей, окончание любой коллективной работы. Так стали поступать и руководители советских колхозов, завершая полевые работы. Тогда же и молодежь стала практиковать эту традицию: собирать по дворам сметану для саламатной вечеринки, так как летом в Алари это был самый популярный продукт [Саганова 2018: 196]. Таким образом игрища, возникнув у аларцев, распространились затем по всему Приангарью, приобретая свои локальные особенности. Так, в с. Закулей Нукутского района сметану начали собирать девушки, и там же появился саламатный ёхор, т. е. были придуманы движения и две песни [Жорницкая 1999: 135]. Некоторые исследователи полагают, что у тункинских бурят Зоохэ *наадан* назывался «Мушэд *наадан*» ‘игры при звездах’. По данным информантов, это не соответствует действительности, так как саламата на вечере нет, и, кроме того, особого отношения к этому блюду в районе никогда не наблюдалось [ПМА: Инф. 18; ПМА: Инф. 5]. Сегодня игры у аларцев проводятся, как обычно, по инициативе и усилиями молодежи, в складчину (вообще этот метод — характерная черта как аларской родовой и улусной общин, так и соседних якутов и хакасов). Саламат остается неизменной составляющей игр, чего нельзя сказать о песнях и ёхоре. Еще с советских времен ввиду известных причин они постепенно заменяются другими современными развлечениями. Также отметим, что сегодня это единственный гастрономический праздник в Предбайкалье.

Зэмнэн *наадан* ‘Игры мясного гостинца’ (от зэмнэн ‘мясной гостинец’). С таким презентом зимними вечерами шла молодежь на вечеринку. По традиции она проводилась в какой-либо просторной юрте уважаемых благополучных односельчан. Часть подношения преподносили хозяевам в качестве оплаты за предоставленное помещение, часть хозяйка варила для общего стола и по обычаю сначала угощала хозяина огня. Затем начинались игры, песни, танцы.

Сагаалган — ‘праздник встречи Нового года’ [Шагдаров, Черемисов 2010б: 133]. Ранее Новый год у западных бурят был связан с днем осеннего равноденствия, называвшимся *Exэ удэр* ‘Великий (или большой) день’, а лунно-солнечный календарь являлся наследием восточно-иранских традиций [Дашиева 2015: 38]. В эти дни приветствие у аларцев звучало так: *Сагаан нараар!* ‘С белым месяцем!’, в ответ говорили: *Сайхан мэндэ!* ‘Прекрасное приветствие; здравствуйте!’ или же общее: *Сагаан нарыын сайхан мэндэ!* ‘белого месяца прекрасное приветствие’ [ПМА: Инф. 6]. Календарный новый год связан и с осенним шаманским ‘мольбом’ *тайлган*, завершающим работы аграрного цикла. С буддизмом в Аларь пришел буддийский новый год, отражавший влияние китайской культуры. Не все население являлось последователями буддизма, но праздник был также поводом повеселиться [Малакшинов 1975: 211]. В целом буддизм у аларцев — локальное явление, не успевшее пустить глубокие корни. В советское время праздник был предан забвению и возрождаться начал в конце 1990-х гг.

Сурхарбан ‘культурно-спортивный праздник’. Термин состоит из двух слов: *суур* ‘дудка’, ‘стрела’ (стебель трубчатых растений). Сделанные из нее флейты были распространены у западных бурят; *харбаха* ‘стрелять из лука’ [Шагдаров, Черемисов 2010б: 199, 405]. Стрельба в мишень — образ солнца — символи-

¹ Саламат — национальное блюдо из сметаны с добавлением муки.

зировала возрождение нового солнечного светила [Дашиева 2015: 21]. В Предбайкалье после завершения облавных охот проводились большие промысловые праздники [Жамцарано 2011: 209]. Все западные буряты съезжались на гуляния, где были непременные стрельба из лука, борьба и конные бега. С исчезновением охоты эти традиции с той же триадой под названием ‘праздник стрельбы’ *hyp харбаха* сохранились по Якутскому тракту, в местах проживания кудинских, верхоленских, ольхонских бурят. У бурят, живущих по Московскому тракту, аларских, балаганских, идинских, такой практики не было [Хангалов 2021: 252]. Со временем праздник расширил свои границы по всему западному побережью Байкала, а затем, перейдя на восточный берег, стал общенациональным бурятским: 1–2 августа 1924 г. впервые он был проведен в г. Улан-Удэ. С тех пор Сурхарбан приобрел юридический статус и проводится в начале каждого летнего сезона по всей этнической Бурятии.

4. Заключение

Рассмотренный материал представляет неполный список локальных досуговых занятий аларских бурят, тем не менее, позволяет сделать определенные выводы. Доминирование различных культур в разные периоды, полизначный состав населения, его тесное взаимодействие и взаимовлияние в условиях частичной природной изолированности обусловили самобытность досуговой деятельности аларских бурят. Историко-культурное наследие аларских бурят является отражением не только природных и социально-экономических, но и политических изменений. В условиях различных ограничений, по сути своей кризисных, оттачивалось умение народа организовывать свой досуг: вырабатывать новые соответствующие правила с учетом морально-этических норм и запретов, совмещая труд и отдых. Особенно наглядно это проявилось в советские годы. Географические условия, в которых сформировались внешние и внутренние торговые связи, способствовали укреплению тесных межэтнических контактов не только со смежными южно-сибирскими народами, но и с далекой Средней Азией и Поволжьем. Шел постоянный обмен в сфере не только материальной, но и духовной культуры. Так, происхождение коллективных обрядовых праздников «тайлганов» ряд ученых считает тюркским, в некоторых командных играх аларских бурят прослеживается сходство с хакасскими и т. д. Эти факты согласуются с утвержденным среди археологов положением о существовании единой историко-культурной области на территории от Оби до Байкала. Коллективная направленность досуга, определенная оседлостью и социальной организацией быта, способствовала более тесным контактам людей.

Полевые материалы автора

ПМА: Инф. 1 — И. К. Н., 1946 г. р., с. Куунур Аларского района Иркутской области (запись 2016 г.).

ПМА: Инф. 2 — М.-Б. Н. Б., 1946 г. р., с. Ныгда Аларского района Иркутской области (запись 2020 г.).

The Author's Field Data

Informant 1: I. K. N., born in 1946, Kukunur village of the Alarsky district, Irkutsk Oblast, Russia (recorded in 2016).

Informant 2: M.-B. N. B., born in 1946, Nygda village of the Alarsky district, Irkutsk Oblast, Russia (recorded in 2021).

- ПМА: Инф. 3 — У. М. М., 1958 г. р., с. Ку-
кунур Аларского района Иркутской
области (записи 2016, 2018 гг.).
- ПМА: Инф. 4 — Х. Е. О., 1935 г. р., п. Ку-
тулик Аларского района Иркутской
области (запись 2017 г.).
- ПМА: Инф. 5 — Н. Е. Д., 1957 г. р., с. Тагар-
хай Тункинского района Республики
Бурятия (записи 2015, 2017 гг.).
- ПМА: Инф. 6 — Б. И. С., 1936 г. р.,
г. Улан-Удэ Республика Бурятия (за-
пись 2020 г.).
- ПМА: Инф. 7 — У. Н. Х., 1956 г. р., д. Готол
Аларского района Иркутской области
(запись 2018 г.).
- ПМА: Инф. 8 — Г. Н. Б., 1954 г. р., с. Даля-
хай Закаменского района Республики
Бурятия (запись 2019 г.).
- ПМА: Инф. 9 — Т. Р. В., 1966 г. р., с. Ал-
зобей Аларского района Иркутской
области (запись 2016 г.).
- ПМА: Инф. 10 — Д. Р. Д., 1935 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2016 г.).
- ПМА: Инф. 11 — С. В. Н., 1942 г. р., с. Ку-
кунур Аларского района Иркутской
области (запись 2018 г.).
- ПМА: Инф. 12 — Н. Н. Н., 1935 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2024 г.).
- ПМА: Инф. 13 — Д. Е. М., 1957 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2019 г.).
- ПМА: Инф. 14 — Б. В. А., 1953 г. р., д. Саг-
ан Жалгай Аларского района Иркут-
ской области (запись 2022 г.).
- ПМА: Инф. 15 — Х. А. М., 1958 г. р.,
д. Киркей Аларского района Иркутской
области (запись 2019 г.).
- ПМА: Инф. 16 — Б. А. Б., 1951 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2017 г.).
- ПМА: Инф. 17 — Д. Н. Б., 1936 г. р., с. Ку-
кунур Аларского района Иркутской
области (запись 2021 г.).
- ПМА: Инф. 18 — Т. С-Д. Д., 1925 г. р.,
с. Жемчуг Тункинского района Респуб-
лики Бурятия (запись 2012 г.).
- Informant 3: U. M. M., born in 1958,
Kukunur village of the Alarsky district,
Irkutsk Oblast, Russia (recorded in
2016).
- Informant 4: H. E. O., born in 1935, Kutulik
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2015).
- Informant 5: N. E. D., born in 1957, Tagarkhaj
village of the Tunkinsky district, Repub-
lic of Buryatia (recorded in 2015, 2017).
- Informant 6: B. I. S., born in 1936, Ulan-Ude,
Republic of Buryatia (2020).
- Informant 7: U. N. KH., born in 1956, Gotol
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2018).
- Informant 8: G. N. B., born in 1954, Dalakhaj
village of the Zakamensky district, Re-
public of Buryatia (recorded in 2019).
- Informant 9: T. R. V., born in 1966, Alzobey
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2016).
- Informant 10: D. R. D., born in 1935, Alar
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2016).
- Informant 11: S. V. N., born in 1942, Kukunur
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast, Russia (recorded in 2018).
- Informant 12: N. N. N., born in 1935, Alar’
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2024).
- Informant 13: D. E. M., born in 1957, Alar’
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2019).
- Informant 14: B. V. A., born in 1953, Sagan
Zhalgaj village of the Alarsky district,
Irkutsk Oblast (recorded in 2022).
- Informant 15: H. A. M., born in 1958, Kirkej
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2019).
- Informant 16: B. A. B., born in 1951, Аларь
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2018).
- Informant 17: D. N. B., born in 1936,
Kukunur village of the Alarsky district,
Irkutsk Oblast (recorded in 2021).
- Informant 18: T. S-D. D., born in 1925,
Zhemchug village of the Tunkinsky
district, Republic of Buryatia (recorded
in 2012).

Литература

Бадмаева 2016 — Бадмаева Р. Д. Бурятский традиционный костюм. Улан-Удэ: Но-ва-Принт, 2016. 176 с.

Бакаева 1996 — Бакаева Э. П. Джангарчи и задычи: к проблеме мифологического и религиоведческого исследования эпоса «Джангар» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. С. 8–29.

Балдаев 1959 — Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 179 с.

Басаева 1991 — Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

Баторов 1923 — Баторов П. П. Народный календарь аларских бурят // Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. Иркутск, 1923. № 3. С. 9–10.

Баторов 1925 — Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятиеведение. Бюллетени Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова. Верхнеудинск: тип. ЦСНХБМР, 1925. № 1. С. 9–12.

Бутанаев 2016 — Бутанаев В. Я. Национальные игры хакасов. Астана: Гылым, 2016. 192 с.

Вампилов 1980 — Вампилов Б. Н. От Ала-ри до Вьетнама. М.: Наука, 1980. 245 с.

Гергесова 2002 — Гергесова Т. Е. Бурятские народные танцы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2002. 202 с.

Дашиева 2001 — Дашиева Н. Б. Бурятские тайлганы (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 105 с.

Дашиева 2012 — Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят: история и типология. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2012. 211 с.

Дашиева 2015 — Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 239 с.

References

Badmaeva R. D. Buryat Traditional Costume. Ulan-Ude: Nova-Print, 2016. 176 p. (In Russ.).

Bakaeva E. P. Jangarchi and Zadychi: on the Problem of Mythological and Religious Studies of the Epic “Jangar”. In: Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolic Peoples of Southern Siberia and Adjacent Territories. M.: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 1996. Pp. 8–29. (In Russ.)

Baldaev S. P. The Buryat Wedding Rituals. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 180 p. (In Russ.)

Basaeva K. D. Family and Marriage among the Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)

Batorov P. P. The Folk Calendar of the Alar Buryats. In: Ehtnografical Bulletin of the East-Siberian Society of the Russian Geographic Society. Irkutsk: 1923. No. 3. Pp. 9–10. (In Russ.)

Batorov P. P. Squirrel Hunting among the Alar Buryats and Folk Beliefs. In: Buryatiyevdenie. Bulletins of the Buryat-Mongol Scientific Society named after D. Banzarov. Verkhneudinsk: tip. TsSNKhBMR, 1925. No. 1. Pp. 9–12. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. National Games of the Khakas People. Astana: Gylym, 2016. 192 p. (In Russ.)

Vampilov B. N. From Alar to Vietnam. Moscow: Nauka, 1980. 245 p. (In Russ.).

Gergesova T. E. Buryat Folk Dances. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 2002. 202 p. (In Russ.)

Dashieva N. B. Buryat Tailgans (An Experience in Historical and Ethnographic Research). Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Arts, 2001. 105 p. (In Russ.)

Dashieva N. B. Traditional Public Holidays of the Buryats: History and Typologies. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS); Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Arts, 2012, 211 p. (In Russ.)

Dashieva N. B. The Calendar in Traditional Buryat Culture: An Experience in Historical-Ethnographic and Cultural-Genetic Research. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2015. 239 p. (In Russ.)

- Дугаров 1991 — *Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят)*. М.: Наука, 1991. 300 с.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц. Путевые дневники (1903–1907 гг.)*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Жорницкая 1999 — *Жорницкая М. Я. Традиционные танцы западных бурят (по материалам Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области) // Традиции и инновации в этнической культуре бурят*. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1999. С. 121–143.
- Зимин 2004 — *Зимин Ж. А. Аларь: история и современность*. Кн. 1. Аларь — родная колыбель. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. 203 с.
- Зомонов 2014 — *Зомонов М. Д., Зомонов Ж. М. Тезаурус бурятского шаманизма: учебно-методическое пособие*. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2014. 173 с.
- Колесников 2018 — *Колесников А. А. К вопросу о гидронимах коттского происхождения юго-восточной части Енисейского кряжа // Инновации в науке*. № 12(88). 2018. С. 42–44.
- Кызласов 1993 — *Кызласов Л. Р. Первобытнообщинный строй и его разложение // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года*. М.: Наука, 1993. С. 8–35.
- Малакшинов 1975 — *Малакшиинов П. И. Школа в Таряте / пер. с бурят. И. Асана*. М.: Сов. Россия, 1975. 320 с.
- Малакшинов 1979 — *Малакшиинов П. И. Аларь-гол*. М.: Современник, 1979. 269 с.
- Манжигеев 1960 — *Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 232 с.
- Махачкеева 2017 — *Махачкеева Г. В. «Духарян» — ритуал обмена чашей с вином у бурят Предбайкалья // Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 5(97). С. 147–151.
- Махачкеева 2022 — *Махачкеева Г. В. Некоторые традиции скотоводческой культуры аларских бурят // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2022. № 3(61). С. 53–63.
- Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism (on the material of ritual folklore of the Buryats). M.: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries 1903–1907. Ulan-Ude: Resp. Tipographiya, 2011. 262 p. (In Russ.)
- Zhurnickaya M. Ya. Traditional Dances of the Western Buryats (based on materials from the Ust-Orda Buryat Autonomous District of the Irkutsk Region). In: Traditions and Innovations in the Ethnic Culture of the Buryats. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Arts, 1999. Pp. 121–143. (In Russ.)
- Zimin Zh. A. Alar: History and the Present. Book I. Alar — the Native Cradle. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Culture and Arts, 2004. 203 p. (In Russ.).
- Zomonov M. D., Zomonov Zh. M. Thesaurus of Buryat Shamanism: a Teaching Guide. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Culture and Arts, 2014. 173 p. (In Russ.)
- Kolesnikov A. A. On the Issue of Hydronyms of Kott Origin in the Southeastern Part of the Yenisei Ridge. *Innovations in Science*. No. 12 (88). 2018. Pp. 42–44. (In Russ.).
- Kyzlasov L. R. The Primitive Communal System and its Disintegration. In: History of Khakassia from Ancient Times to 1917. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 8–35. (In Russ.)
- Malakshinov P. I. The School in Taryat. I. Asan (transl. from Buryat). Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975. 320 p. (In Russ.)
- Malakshinov P. I. Alar-Gol. Moscow: Sovremennik, 1979. 269 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. M. The Yangut Buryat family (Experience of the Historical and Ethnographic Research). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 232 p. (In Russ.)
- Mahachkeeva G. V. “Dukharyan” — the Ritual of a Wine Cup Exchange of the Buryats of the Baikal Region. *Izvestiya Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2017. No. 5 (97). Pp. 147–151. (In Russ.)
- Mahachkeeva G. V. Cattle Breeding Traditions of the Alar Buryats. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2022. No. 3 (61). Pp. 53–63. (In Russ.)

- Махачкеева 2024 — *Махачкеева Г. В.* Об этническом облике бурят Предбайкалья на примере аларских бурят (по материалам исследователей XVIII – начала XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2024. № 2 (30). С. 10–22.
- Махачкеева 2024 — *Махачкеева Г. В.* About the Ethnic Appearance of the Buryats of the Baikal Region Using the Example of the Alar Buryats (based on materials of researchers from the 18th to the early 20th centuries). *Bulletin of the East-Siberian State Institute of the Culture*. 2024. No. 2 (30). Pp. 10–22. (In Russ.)
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 290 с.
- Михайлов 1980 — *Михайлов Т. М.* Buryat Shamanism: History, Structure, and Social Functions. Novosibirsk: Nauka, 1987. 290 p. (In Russ.)
- Миягашева 2024 — *Миягашева С. Б.* Обряд сээтэр татаха и кульп почитания духов воды у монгольских народов // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1066–1075. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075
- Миягашева 2024 — *Миягашева С. Б.* The Rite of Seter Tatakh and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1066–1075. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075
- Молодин 2003 — *Молодин В. И.* Население Горного Алтая раннего железного века как этнокультурный феномен. Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003. 285 с.
- Молодин 2003 — *Молодин В. И.* The Population of Mountainous Altai in the Early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origin, Genesis, and Historical Fate (based on Archaeological, Anthropological, and Genetic Data). Novosibirsk: Institute of the Archeology and Ethnology (SB RAS), 2003. 285 p. (In Russ.)
- Николаева 2008 — *Николаева Д. А.* Обрядовые функции молодежных игрищ в традиционной культуре бурят // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 45–48.
- Николаева 2008 — *Николаева Д. А.* Ritual Functions of Youth Games in Traditional Buryat Culture. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2008. No. 5. Pp. 45–48. (In Russ.)
- Николаева 2009 — *Николаева Д. А.* Архетипы женского культа в традиционной культуре бурят Предбайкалья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 3. Барнаул: Азбука, 2009. С. 220–225.
- Николаева 2009 — *Николаева Д. А.* Archetypes of the Female Cult in the Traditional Culture of the Baikal Buryats. In: The Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Perspective. No. 3. Barnaul: Azbuka, 2009. Pp. 220–225. (In Russ.)
- Николаева 2010 — *Николаева Д. А.* Реконструкция обрядов перехода архаической культуры бурят Предбайкалья // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1(68). С. 183–190.
- Николаева 2010 — *Николаева Д. А.* Reconstruction of Rites of Passage in the Archaic Culture of the Baikal Buryats. *Izvestiya of Altai State University*. 2010. No. 4-1 (68). Pp. 183–190. (In Russ.)
- Оглезнева 2024 — *Оглезнева Г. В.* Деятели просвещения, науки и культуры. Публицистика. Развитие местной литературы // История Усть-Ордынского Бурятского округа. Западные буряты в эпоху древности и Средневековья, в составе России, СССР, Российской Федерации. Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2024. С. 340–356.
- Оглезнева 2024 — *Оглезнева Г. В.* Enlightenment, Science, and Culture Figures. Journalism. Development of Local Literature. In: History of the Ust-Orda Buryat District: Western Buryats in Antiquity, the Middle Ages, and Within Russia, the USSR, and the Russian Federation. Irkutsk: Bajkal State University, 2024. Pp. 340–356. (In Russ.).

- Окладников 1976 — *Окладников А. П. История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.*
- Окладников 1976 — *Окладников А. П. History and Culture of Buryatia: Collected Articles. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1976. 458 p. (In Russ.)*
- Саганова 2018 — *Саганова Е. Наследники Аларской долины: сб. научно-исследовательских работ обучающихся в образовательных учреждениях Аларского района Иркутской области (2010–2017 гг.). Кутулик: Межпоселенческая центральная библиотека им. А. В. Вампилова, 2018. 252 с.*
- Саганова 2018 — *Saganova E. Inheriting the Alar Valley. Collection of Research Papers of the Students of the Alar District of the Irkutsk Region (2010–2017). Kutulik: A. V. Vampilov Inter-Settlement Central Library, 2018. 252 p. (In Russ.)*
- Смойлов 2008 — *Смойлов А. А. Об игровой культуре народов России // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 100–104.*
- Смойлов 2008 — *Smojlov A. A. On the Play Culture of the Peoples of Russia. Bulletin of the Chuvash University. Humanities. 2008. No. 3. Pp. 100–104. (In Russ.)*
- Тугутов 1961а — *Тугутов И. Е. Общественные игры бурят // Этнографический сборник. № 2. Улан-Удэ: Бурят. комплекс. НИИ СО АН СССР, 1961. С. 43–65.*
- Тугутов 1961а — *Tugutov I. E. Public Games of the Buryats. In: Ethnographical Bulletin. Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute (SB RAS). 1961. No. 2. Pp. 43–65. (In Russ.).*
- Тугутов 1961б — *Тугутов И. Е. Этнограф, фольклорист и поэт // Этнографический сборник. № 2. Улан-Удэ: Бурят. комплекс. НИИ СО АН СССР, 1961. С. 159–162.*
- Тугутов 1961б — *Tugutov I. E. Ethnographer, and Poet. In: Ethnographical Bulletin. Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute (SB RAS). 1961. No. 2. Pp. 159–162. (In Russ.)*
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 551 с.*
- Хангалов 1958 — *Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 551 p. (In Russ.)*
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 444 с.*
- Хангалов 1959 — *Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 444 p. (In Russ.)*
- Хангалов 1960 — *Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.*
- Хангалов 1960 — *Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 421 p. (In Russ.)*
- Хангалов 2021 — *Хангалов М. Н. Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 1. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 568 с.*
- Хангалов 2021 — *Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: NovaPrint, 2021. 568 p. (In Russ.)*
- Шагдаров, Черемисов 2010а — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 636 с.*
- Шагдаров, Черемисов 2010а — *Shagdarov L. D., Cheremisov K. M., Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. A–H. Ulan-Ude: Resp. tip., 2010. 635 p. (In Russ.)*
- Шагдаров, Черемисов 2010б — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 708 с.*
- Шагдаров, Черемисов 2010б — *Shagdarov L. D., Cheremisov K. M., Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. O–Я. Ulan-Ude: Resp. tip., 2010. 708 p. (In Russ.)*
- Шерхунаев 1970 — *Шерхунаев Р. А. Улигершин Парамон Дмитриев: К вопросу об эстетических воззрениях бурятских сказителей. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 155 с.*
- Шерхунаев 1970 — *Sherhunaev R. A. Uligerшин Paramon Dmitriev: on the Question of the Aesthetic Views of the Buryat Storytellers. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 155 p. (In Russ.)*

- Шерхунаев 1977 — *Шерхунаев Р. А.* Sherhunaev R. A. The Noble Tribe of Singers. Певцов благородное племя. Иркутск: Irkutsk: East-Siberian Book Publ., 1977. Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1977. 264 с.
- Шерхунаев 1986 — *Шерхунаев Р. А.* Бурят-
ские народные сказители. Ч. 1. Улан-
Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 208 с.
- Юрченко 2016 — *Юрченко О. О.* Истоки
творчества. Предки А. Вампилова
по отцовской линии [электронный
ресурс] // URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-gumanitarnykh-nauk-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-poitogam-mezh-sektsiya-10-russkaya-literatura-spetsialnost-10-01-01/istoki-tvorchestva-predki-a-vampilova-po-ottsovskoy-linii> (дата обращения: 01. 02.25).
- Sherhunaev R. A. Buryat Folk Storytellers. Part 1. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1986. 208 p. (In Russ.)
- Yurchenko O. O. The Origins of Creativity: the Ancestry of A. Vampilov on his Paternal Line. Available at: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-gumanitarnykh-nauk-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-poitogam-mezh-sektsiya-10-russkaya-literatura-spetsialnost-10-01-01/istoki-tvorchestva-predki-a-vampilova-po-ottsovskoy-linii>. (accessed: 20 February 2025). (In Russ.).

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 81'272

UDC 81'272

Люди и (языковые) ландшафты в теории и практике социолингвистики (на примере Улан-Батора)

Эржен Владимировна Хилханова¹,
Доржи Львович Хилханов²

People and (linguistic) Landscapes in the Theory and Practice of Sociolinguistics (the case of Ulaanbaatar)

Erzhen V. Khilkhanova¹,
Dorzh L. Khilkhanov²

¹ Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкоznания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

¹ Research Centre on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the RAS (1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0001-9369-343X. E-mail: erzhen133[at]mail.ru

² Московский городской педагогический университет (д. 5Б, Малый Казенный пер., 105064 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, доцент, профессор

² Moscow City University (5B, Maly Kazenny Lane, 105064 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor

 0000-0002-9382-7757. E-mail: dorjikh[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л., 2025

© Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L., 2025

Аннотация. Настоящая работа посвящена прояснению теоретических, методологических и терминологических вопросов вокруг проблематики «люди и (языковые) ландшафты» и практическому исследованию языкового ландшафта малоизученного в этом плане города — Улан-Батора. Исследование базируется на смешанной методологии: визуальная этнография, анкетирование, интервьюирование, этнографическое наблюдение. Материалом для анализа стали 945 знаков

Abstract. This work is devoted to clarifying the theoretical, methodological and terminological issues around the problem “people and (linguistic) landscapes” and to the practical study of linguistic landscape in one of the cities underinvestigated in this respect — Ulaanbaatar. The research is based on a mixed methodology: visual ethnography, questionnaires, interviews, and ethnographic observation. The material for the analysis includes 945 linguistic landscape signs, 100 questionnaires and 6 oral interviews, as well

языкового ландшафта, 100 анкет и 6 устных интервью, а также неформальные разговоры, материалы СМИ и социальных сетей. *Результаты.* В теоретико-методологическом плане в статье рассмотрена роль этнографии в лингволандшафтных исследованиях, прокомментирован ряд терминов, используемых в этнографически ориентированных социолингвистических работах. Авторы доказывают, что проблематика «люди и (языковые) ландшафты» шире, чем проблематика «агентивность и (языковые) ландшафты». Также аргументируется, что обращение непосредственно к людям, их языковым идеологиям позволит преодолеть односторонность интерпретации исследователя. Практический анализ построен на вышеописанных теоретических принципах с учетом широкого геополитического, экономического и прочих контекстов, влияющих на языковые предпочтения и видимость языков в публичном пространстве Улан-Батора. Анализ показал некоторую поляризацию общества по отношению к «засилью» наиболее активной «тройки» иностранных языков — английского, корейского и китайского. Осознание их необходимости в глобализованном мире сочетается с боязнью утраты национальной идентичности и культуры. Эти общие идеологемы имеют дополнительные специфические коннотации в случае каждого из вышеупомянутых языков. Если английский обладает в глазах жителей Улан-Батора глобальной ценностью, то ценность корейского языка обусловлена притягательностью «ролевой» модели Южной Кореи, мягкой силой корейской поп-культуры. Отношение к китайскому языку в наибольшей степени варьирует по шкале от неприятия до осознания его необходимости.

Ключевые слова: языковой ландшафт, этнографический подход, агентивность, языковые идеологии, контекст, Улан-Батор, английский язык, корейский язык, китайский язык

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Языковые ландшафты Улан-Удэ и Улан-Батора как зеркало языковой политики и отношения к языкам» (№ 24-28-00590, <https://rscf.ru/project/24-28-00590/>).

as informal conversations, media and social media materials. *Results.* From a theoretical and methodological point of view, the article examines the role of ethnography in linguistic landscape research, and comments on several terms used in ethnographically oriented sociolinguistic works: *voices*, *language ideologies*, *language attitudes*. The authors argue that the problem “people and (linguistic) landscapes” is broader than the problem “agency and (linguistic) landscapes”. It is also argued that addressing people directly, their language ideologies will help overcome one-sided researcher’s interpretation. The empirical analysis is based on the theoretical principles described above, also considering the broad geopolitical, economic and other contexts that influence language preferences and visibility of languages in the public space of the Mongolian capital. The analysis showed a certain polarization of society in relation to the “dominance” of three most “active” foreign languages in the linguistic landscape of Ulaanbaatar — English, Korean and Chinese. Awareness of their necessity in the globalized world is combined with a fear of loss of national identity and culture. These common ideologemes have additional specific connotations in the case of each of the aforementioned languages. If English has a global value in the eyes of Ulaanbaatar residents, the value of Korean is due to the attractiveness of the economic “role model” of South Korea and the soft power of Korean pop culture. Attitudes towards Chinese vary the most on a scale from rejection to realization of its necessity. So, by examining the Ulaanbaatar’s case and methodological approaches, the paper argues that ethnography enriches linguistic landscape studies by uncovering the lived experiences and contextual meanings behind linguistic signs.

Keywords: linguistic landscape, ethnographic approach, agency, linguistic ideologies, context, Ulaanbaatar, English, Korean, Chinese

Acknowledgements. The research was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00590 “The linguistic landscapes of Ulan-Ude and Ulaanbaatar as a mirror of language policy and language attitudes” (<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>)

Для цитирования: Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Люди и (языковые) ландшафты в теории и практике социолингвистики (на примере Улан-Батора) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 275–293. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-275-293

For citation: Khilkhanova E. V., Khilhanov D. L. People and (linguistic) Landscapes in the Theory and Practice of Sociolinguistics (the case of Ulaanbaatar). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 275–293. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-275-293

1. Введение. О постановке вопроса и теоретических принципах исследования

Исследования языковых ландшафтов, несмотря на новизну этого социолингвистического направления, насчитывающего примерно два десятка лет, уже имеют свою историю и логику развития. В начале их изучения языковые ландшафты были, образно выражаясь, довольно безлюдны. Интерес ученых был направлен на сами языки, с точки зрения методов исследований доминировали исследования количественного характера (см., например: [Backhaus 2007]). Как справедливо замечают Я. Блуммарт и И. Мали, основным преимуществом таких исследований является то, что это очень полезный инструмент для первой диагностики. Он позволяет довольно быстро выявить основные особенности социолингвистических режимов, а в случае многоязычного режима — задокументировать встречающиеся языки [Blommaert, Mali 2019]. Конечно, и в количественных исследованиях языковых ландшафтов (далее — ЯЛ) люди присутствовали в виде фоновых акторов сложившихся ситуаций, но специального внимания их агентивности и восприятию ими ЯЛ не уделялось.

Однако довольно скоро дальнейшее развитие теории и методологии исследований ЯЛ привело к осознанию того, что ЯЛ — чрезвычайно удобные для исследования объекты, в которых можно «считать» разнообразие социальных значений, социальной индексальности и контекстов, определяющих и объясняющих как количественные параметры, так и другие особенности визуального представления тех или иных языков в ЯЛ [Blommaert 2013; Blommaert, Maly 2019; Чернявская 2023а; Чернявская 2023б]. Таким образом мы уже приближаемся к антропоцентрическому направлению в ЯЛ; разворот в сторону этнографии в лингволандшафтных исследованиях означает, по сути, изучение агентивности¹ на разных ее уровнях: 1) микроуровне (индивидуальные действия и действия сообщества), 2) мезоуровне (институциональные и коммерческие воздействия), 3) макроуровне (национальные и глобальные действующие силы).

Тем не менее проблематика «люди и (языковые) ландшафты» шире, чем проблематика «агентивность и (языковые) ландшафты». Она шире потому, что изучение продуктов агентивности, в данном случае — созданных людьми ЯЛ — осуществляется, как правило, исследователем, который «считывает» социальные значения знаков ЯЛ и интерпретирует их; на интроспекции и интерпретации исследователя строится большинство работ по ЯЛ (см., например: [Blommaert 2013; Saduov et al. 2022; Savski 2021]). Это не есть недостаток: напротив, мы — сторонники интроспекции, которая редко эксплицируется как метод, хотя анализ собственного ментального состояния и процессов — это источник лингвистической интуиции. Как писала Р. Лакофф, «...если есть необходимость собрать

¹ Под агентивностью понимается активная деятельность и волеизъявление людей; подробнее о дискуссии на эту тему см.: [Bouchard, Glasgow 2018; Хилханова 2020].

данные для анализа, это обычно делается посредством сбора данных от других лиц; я полагаю, что я — такой же хороший источник данных, как и любой другой человек» [Lakoff 1975: 5]. Ее работа «Language and woman's place» («Язык и место женщины») [Lakoff 1975], построенная исключительно на интроспекции и наблюдении, представляет собой убедительный пример использования метода интроспекции в социолингвистике. В более широком ракурсе интроспекция — неотъемлемая часть антропологического подхода в лингвистике; писал об этом В. М. Алпатов так: «Любое лингвистическое описание в какой-то степени опирается на интуицию носителя языка (хотя носитель языка и исследователь — не обязательно одно и то же лицо) и тем самым глубинно антропоцентрично» [Алпатов 2018: 182].

В исследованиях ЯЛ антропологический, или этнографический, поворот наиболее эксплицитно осуществлен в работах бельгийского социолингвиста и лингвистического антрополога Я. Бломмарта. В своей, пожалуй, самой известной и влиятельной работе по ЯЛ, построенной на многолетнем изучении ЯЛ района Старый Берчем г. Антверпена, где он жил, Я. Бломарт последовательно проводит тезис о том, что физическое пространство никогда не является ни чьей-то территорией, но всегда — чьим-то пространством («a space that is never no-man's-land, but always somebody's space»). Соответственно, это пространство историческое, наполненное кодами, ожиданиями, нормами и традициями; и пространство власти, контролируемое людьми, а также осуществляющее контроль над ними [Blommaert 2013: 3].

Тем не менее и в работе Я. Бломмарта человек выведен из знаков; то, что делает Я. Бломарт, — это «*реконструкция* (выделено нами. — Э. Х., Д. Х.) коммуникативных паттернов, для которых были изготовлены такие знаки» [Blommaert 2013: 50]. Автор прослеживает путь «от знаков к практикам и к людям» [Blommaert 2013: 50]. При всей важности теоретически обоснованного и практически реализованного подхода Я. Бломмарта здесь мы имеем дело с сугубо авторской интерпретацией знаков, наблюдаемых в визуальном пространстве одного из районов Антверпена. Конечно, в этой авторской интерпретации присутствуют «голоса» жителей изучаемого района, но уже, так сказать, в виде интерпретации интерпретации¹.

Однако проблематику «люди и ландшафты» можно изучать, и напрямую обратившись к людям, привнеся их непосредственные голоса, оценки и интерпретации в лингволандшафтные исследования. Тем самым вторая сторона коммуникативного процесса — *восприятие* (в нашем случае языкового и шире — семиотического ландшафта) — не отдается на откуп только исследователю, а доступ к интерпретациям членов сообщества позволяет раскрыть труднодоступные для постороннего аналитика значения и практики, связанные с языковыми знаками. При этом, конечно, как исследователь, так и информанты являются средоточиями формирующих их дискурсов, в полном соответствии с фундаментальными открытиями М. М. Бахтина, П. Бурдье о полифонизме и диалогичности, габитусе [Бахтин 2002; Бурдье 2007]. При анализе ЯЛ сквозь двойственную призму — и ученого, и людей, живущих в исследуемом языковом

¹ Как говорил К. Гирц, все антропологические работы были и остаются интерпретациями интерпретаций, или интерпретациями второго или третьего порядка [Geertz 1973].

ландшафте и создающих его, — этнография, так сказать, доводится до конца, давая более насыщенное и глубокое знание об исследуемом предмете.

Именно таков подход, использованный в исследовании ЯЛ в данной статье и в предыдущей работе одного из авторов, где также объектом исследования являлся ЯЛ Улан-Батора [Хилханова 2024]. В отличие от предыдущей работы [Хилханова 2024] в данной статье ставится цель в первую очередь провести теоретический разбор проблематики «люди и (языковые) ландшафты», *прояснение теоретико-методологических и терминологических вопросов, связанных с этнографическим подходом в лингволандшафтных исследованиях* (см. введение, разделы 1 и 2). Практическая часть работы (раздел 3) посвящена анализу ЯЛ столицы Монголии с фокусом на трех языках, которые, по единодушному мнению жителей города и авторов статьи, показывают наибольший рост в публичном пространстве Улан-Батора — английском, корейском и китайском. Количествоенные данные о репрезентации языков в ЯЛ Улан-Батора служат для нас отправным пунктом, чтобы читатель представлял общие тенденции ЯЛ города как «подлинно этнографический объект, полный следов человеческой деятельности, взаимодействий, отношений, историй и ожидаемого будущего» [Blommaert 2013: 49]. Для анализа всей аксиоматики по отношению к ЯЛ использован термин *языковые идеологии*; второй важной стороной анализа является контекст, в котором возникают, уменьшаются и увеличиваются в количестве знаки ЯЛ.

Заметим, что предложенный подход не является этнографией в чистом виде, как не является таковым и исследование Я. Блуммарта. Это исследование на стыке исследований языковых ландшафтов, социальной семиотики и этнографии, причем этнография не является только «методом»: анализ как знаков ЯЛ, так и всего конгломерата значений, приписываемых им членами сообщества, равнозначны для понимания языковых и социальных процессов, происходящих в избранной географической локации.

2. Языковые ландшафты и этнография: вопросы терминологии и методологии

В начале «терминологического» раздела необходимо сказать о соотношении понятия *языковые ландшафты* с понятием *ландшафты* вообще, точнее, *семиотические ландшафты* (несемиотические ландшафты, вне человека, конструирующего их значения в процессе социокультурной интерпретации, находятся вне нашего дисциплинарного поля). Очевидно, что понятие (семиотических) ландшафтов шире и включает в себя языковые ландшафты: в социолингвистике и социальной семиотике ландшафт — это «образ окружающей среды, способы ее символической репрезентации» [Чернявская 2023б: 55]. Как таковой, (семиотический) ландшафт включает в себя не только текст (в широком смысле), но и визуальные изображения, невербальную коммуникацию, архитектуру и в целом созданную человеком среду [Jaworski, Thurlow 2010: 2]. В формате статьи мы не будем касаться анализа ландшафта вообще, фокусируясь на языковых ландшафтах, но без семиотического измерения этнографически ориентированное исследование ЯЛ невозможно, о чем будет сказано далее.

Поскольку термин *этнография* до сих пор иногда ассоциируется с дисциплиной этнографией, причем в его понимании как «науки, изучающей преимуще-

ственno материальную культуру народов, особенно удаленных от исследователя во времени или пространстве» [Романов, Ярская-Смирнова 1998: 2], существует необходимость в его прояснении. Основные принципы этнографического метода в социологии определяются учеными как обязательность полевого исследования, признание субъективности как получаемых данных, так и роли самого исследователя, контекстуальность. Контекстуальность описания действительности подразумевает, что произведенное описание должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуации, на каком социальном «фоне» происходило изучаемое взаимодействие «исследователь – индивид» [Лыкова 2011: 140]. Поэтому этнографические описания, как правило, подробны, а их результаты трудно обобщаемы (см. об этом: [Хилханова 2025]). Этнографический подход относится к интерпретативной парадигме и дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ, выявить субъективные переживания и понять социальное, т. е. осмысленное поведение людей [Романов, Ярская-Смирнова 1998: 153].

Применительно к исследованиям языковых ландшафтов Я. Бломмартом, вслед за Р. Сколлон и С. Сколлон, предложены способы преодоления постоянного риска локализма и анекдотизма в этнографии, позволяя этнографии перейти от описываемых ею событий в уникальном контексте к структурным и системным закономерностям в интерпретации. Первый способ — это исторический подход, т. е. рассмотрение языковых ландшафтов в протяженном историческом контексте, а второй — теоретизация пространства как агентивного и не-нейтрального (подробнее см.: [Blommaert 2013]). В нашем исследовании акцент сделан на втором подходе.

В плане предмета исследования в этнографически ориентированных социолингвистических работах ученыe (в зависимости от своего дисциплинарного бэкграунда) оперируют, как правило, такими терминопонятиями, как *голоса*, *мнения*, *языковые установки*, *языковые идеологии*, *репрезентации языка*, *социальные представления* и т. п. Собственно, в целом имеются в виду те или иные ракурсы категории *языкового воображаемого* (см. об этом: [Москвичева и др. 2023]). За каждым из данных терминов стоит собственная — и сегодня уже тесно переплетенная с другими — научная традиция. К примеру, понятием *голос* оперируют, как правило, (культурные) антропологи. Вокруг понятия *языковые идеологии* на Западе сложилась отдельная, теоретически и методологически разработанная область исследований. Некоторые даже считают, что языковая идеология стала в последние годы центральным понятием в (западной) социолингвистике [McKenzie 2010: 20].

Хотя современная наука строится вокруг не предмета познания, а научных проблем, вокруг которых концентрируются усилия разных дисциплин, тем не менее всегда полезно определиться с предметом исследования во избежание методологических и методических погрешностей. Нечеткое представление методологических и методических рамок может привести к подмене понятий и, соответственно, методов. Например, методологически правильно разделять термины *языковые идеологии* и *языковые установки* в силу ряда причин, в первую очередь потому, что оба термина берут свое начало в разных дисциплинарных традициях. Термин *языковые установки* берет свое начало в западной (североамериканской) социальной психологии с вытекающей из этого социально-психологической

доминантой. В исследованиях языковых идеологий, представляющих североамериканскую традицию лингвоантропологических исследований (см. об этом, например: [Kroskrity 2010; Хилханова 2022]), сильна социально-политическая доминанта. Важно то, что идеологии, с одной стороны, — это ментальные образования, регулирующие социальное поведение индивида и группы, но с другой стороны, они сами являются продуктом сложных когнитивных процессов переработки информации извне и создания личностного смысла в сознании людей. Если меняется социальная и политическая реальность, (языковые) идеологии тоже постепенно меняются, что выводит нас на важность контекста для понимания изучаемых феноменов, в нашем случае — пространств, созданных человеком.

В силу вышесказанного в данной работе выбор сделан в пользу терминопонятия *языковые идеологии*, а не *языковые установки*. В исследовании ЯЛ Улан-Батора наш основной интерес заключается в выявлении «языкового воображаемого» не на индивидуальном, а на групповом уровне. Этим, а также тем, что мы намерены проследить связь между языковыми идеологиями и релевантными контекстами (в первую очередь политическим и экономическим), обусловлен терминологический выбор.

Исследование базируется на смешанной методологии: визуальная этнография, анкетирование, интервьюирование, этнографическое наблюдение. В качестве материала для анализа выступили 945 знаков ЯЛ, 100 анкет и 6 устных интервью, а также неформальные разговоры, не являющиеся в полном смысле интервью или анкетированием, материалы СМИ и социальных сетей. Анкеты были нацелены на две группы жителей Улан-Батора: представителей бизнеса (кафе, магазины, ремонтные мастерские и т. д.) и «обычных» горожан. Материал был собран в основном во время полевого исследования по проекту РНФ в Улан-Баторе в марте и августе 2024 г. Анализ собранного материала проводился с использованием количественного, но преимущественно качественного метода.

3. Языковой ландшафт Улан-Батора в восприятии горожан

Языковые тенденции в публичном пространстве Улан-Батора в восприятии горожан, с одной стороны, вариативны, с другой — довольно однозначны. Однозначность проявляется в том, что почти единогласно люди отмечают увеличение удельного веса английского, китайского и корейского языков в ЯЛ города и уменьшение видимости русского языка. Самым заметным и частотным языком в восприятии жителей является английский язык (см. об этом также: [Хилханова, Иванов 2023]). Вариативность же проявляется, во-первых, в том, что оценки тенденций в ЯЛ города «привязаны» к одной из традиционно выделяемых социолингвистических переменных — возрасту. Озабоченность и недовольство «засильем» английского и корейского языков (как в ЯЛ, так и вне его) обнаруживает старшее и порой среднее поколение, в то время как отношение молодежи и детей школьного возраста к данным языкам положительное. Монгольские школьники говорят по-английски и в быту: обиходные фразы типа «hey guys», «let's go» слышны на улицах Улан-Батора и являются частью повседневного речевого репертуара многих детей, подростков и молодежи.

Вторая вариативная черта связана с «вечной» теоретико-методологической проблемой разницы восприятия и интерпретации изучаемых феноменов экспертом и языковым сообществом. В немного другом ракурсе это разница взглядов

инсайдеров (членов сообщества) и аутсайдеров (внешних по отношению к сообществу людей) ([Fishman 1999: 160]; см. об этом также [Хилханова 2025]). Сравним эти взгляды в количественном формате как наиболее удобном для сопоставления. Анализ соотношения языков в ЯЛ Улан-Батора был представлен в публикации одного из авторов данной статьи, проведшего опрос [Хилханова 2024]. Взгляды сообщества (жителей Улан-Батора) по данным полевых исследований в марте и августе 2024 г. даны на рис. 1.

Сопоставление взглядов «инсайдеров» и «аутсайдера», на первый взгляд, обнаруживает некоторые несовпадения. Первое из них заключается в том, что при подсчете, произведенном авторами, государственный халха-монгольский язык (далее мы его будем обозначать просто как монгольский язык) на кириллической графике безусловно доминирует в ЯЛ столицы, занимая то место, которое в мировой практике обычно и занимают языки, обладающие таким статусом и государственной поддержкой. В представлениях же горожан доминирует английский язык; монгольский следует за ним со значительным отрывом (рис. 1). Пятерку наиболее распространенных в Улан-Баторе языков замыкает корейский язык, а китайский и русский находятся в середине пятерки лидеров. Представленность остальных языков, начиная с японского, чрезвычайно мала.

Во-вторых, авторами исследования отдельно выделена категория гибридных знаков ЯЛ, на которых комбинируются монгольский и английский языки. Горожане не обратили внимания на гибридные вывески; английский и монгольский языки были восприняты ими раздельно.

Наконец, если авторами статьи отмечено наличие вертикального монгольского письма в ЯЛ, то для информантов он как бы вообще отсутствует. Зато появляется ряд языков, не обнаруженных авторами в центре Улан-Батора: вьетнамский, казахский, испанский, украинский, а также такие несуществующие языки, как бельгийский и индийский (хотя в последнем случае, возможно, имелся в виду хинди). Наличие бельгийского и индийского сразу относит данные ответы к области так называемой «наивной (народной) лингвистики», заодно ставя под сомнение правильность идентификации информантами других языков,

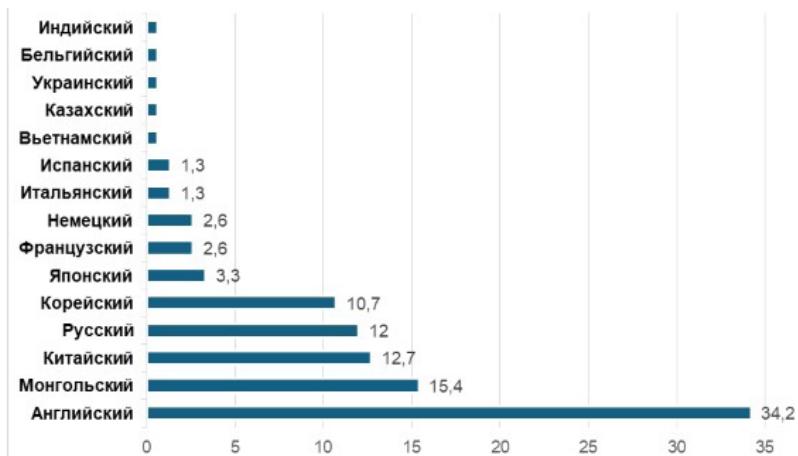

Рис. 1. Языки в языковом ландшафте Улан-Батора в восприятии горожан, %
[Fig. 1. Languages in the linguistic landscape of Ulaanbaatar in the perception of townspeople, %]

особенно таких, которые редко встречаются на улицах Улан-Батора, например, вьетнамский или украинский.

Поскольку мы имеем здесь дело с «языковым воображаемым», вопрос не в правильности идентификации языков. Гораздо более интересен вопрос, насколько различия в ЯЛ Улан-Батора в восприятии ученых и жителей города существенны и как их можно объяснить. Во-первых, разница здесь в том, что выделение авторами гибридных англо-монгольских знаков ЯЛ в отдельную категорию построено на строгом подсчете количества идиом на одном знаке (о принципах выделения единицы анализа см.: [Хилханова 2024]). Такое комбинирование значимо и имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языка. Эта гибридность прошла мимо внимания горожан, сосредоточенных на английском языке. Также разница взглядов инсайдеров и аутсайдеров ярко проявилась в том, что государственный монгольский язык был воспринят частью опрошенных как дефолтный, как естественная и потому не заслуживающая внимания часть ЯЛ. Более беспристрастный взгляд посторонних исследователей, конечно, отметил, что именно государственный монгольский язык, а не английский, является безусловным лидером в визуальном (да и в звуковом) ЯЛ столицы. Возможно, не упомянутое информантами традиционное монгольское письмо, которое постепенно вводится в официальное делопроизводство и школьное образование и является важным компонентом современного монгольского нациестроительства, также вошло в категорию «монгольский язык» и потому не было упомянуто отдельно. То, что в фокусе внимания улан-баторцев оказался английский язык, также связано со взглядом «инсайдеров» — озабоченностью современных монголов этим трендом. Также некоторые колебания в репрезентации языков в ЯЛ Улан-Батора объясняются высокой динамикой изменений ЯЛ современных городов, вариациями в индивидуальном восприятии, вариативностью ЯЛ различных районов столицы.

Тем не менее тенденции схвачены верно в обоих случаях: оба списка наиболее заметных языков достаточно точно отражают динамику ЯЛ современного Улан-Батора. В данном случае разница в экспертном и непрофессиональном мнении оказалась по большому счету несущественной. Далее мы остановимся более подробно на английском, корейском и китайском языках, динамика которых очень точно отражает наиболее заметные тенденции в ЯЛ столицы Монголии.

3.1. Английский язык

Как уже упоминалось, языковые ландшафты, равно как и вся языковая политика в широком понимании этого термина [Tollefson, Pérez-Milans 2018; Хилханова 2020], являются результатом деятельности людей, их агентивности. Так об этом пишет Л. ван Лиер: «*Очевидно, что экологический и семиотический подход к изучению языка основан на агентивности, как и вся жизнь в целом*» [van Lier 2011: 391]. Активная деятельность людей в семиотическом контексте предполагает намеренное использование семиотических ресурсов для передачи определенных сообщений, будь то коммерческих, политических или культурных [Blommaert 2013: 40, 50]. Рассмотрим реализацию агентивности на всех ее традиционно выделяемых уровнях.

На микроуровне агентивность «низовых» акторов наиболее ярко проявляется в мотивах нейминга. Нейминг, или коммерческая номинация, — одна из наибо-

лее интересных сфер применения новых и прецедентных имен, поскольку их использование в данной сфере глубоко прагматично и неверное использование имени может привести не только к коммуникативной неудаче, но и коммерческому провалу [Максименко 2018: 199]. Опрос владельцев частных заведений (ресторанов, магазинов и т. д.) относительно мотивов нейминга их заведений показал, что именно английский язык, а также гибридные монгольско-английские наименования кажутся владельцам этих заведений «запоминающимися», «наиболее подходящими», «необычными», «инновационными», «привлекают людей / клиентов», «отличаются от других», обладают позитивными и приятными ассоциациями — с богатством, первенством, успехом и т. д. (к примеру, хозяин магазина «Alpha Book» объяснил название своего магазина так: «alpha — значит ‘доминирующий’»).

Прослеживание пути по принципу «люди → практики → знаки» (обратного тому, что сделано Я. Блуммартом) показывает, как языковые идеологии, включая позитивные ассоциации с английским языком, существующие в головах имядателей, выливаются в соответствующие языковые практики и вносят существенный вклад в умножение англоязычных вывесок и других знаков ЯЛ на улицах Улан-Батора.

Все уровни агентивности, безусловно, тесно взаимосвязаны. Так, бизнес-агентивность как на уровне крупных компаний, так и малого бизнеса (мезуровень) вписана в общенациональный и глобальный контекст (макроуровень). Например, экспансия южнокорейского бизнеса в Монголии (подробнее см. об этом далее) визуально представлена именно английским языком: сети круглосуточных корейских магазинов GS25, CU и CJ Foodville, встречающихся на каждом шагу на улицах Улан-Батора, носят английские названия.

Более общие, но также позитивные языковые идеологии касательно английского языка вербализуются в следующих, довольно типичных дискурсах¹:

Монгол болон англар ярьдаг хүмүүс олироосой гэж боддог. Эх хэл болон, дэлхийн хэл болох англи хэлтэг мэдэх нь чухал ‘Мне бы хотелось, чтобы было больше людей, говорящих на монгольском и английском языках. Важно знать родной язык, также и английский язык как мировой язык’.

Орос, Англи, Хятад гурван хэл дээр ярьж сурвал, орчин үеийн залууст дэлхийд гарахад нь хэрэгтэй ‘Научиться говорить на трех языках — русском, английском и китайском — необходимо современным молодым людям для выхода на мировую арену’.

В целом же отношение к английскому языку демонстрирует амбивалентные языковые идеологии. Помимо позитивных ассоциаций и оценок, о которых говорилось выше, он воспринимается и как проводник и воплощение глобализации, несущей угрозу национальной идентичности, культуре и традициям, например:

Цэвэр монгол хэлээрээ ярьдаг байгаасаа гэж хүсэж байна. Англи уг хэллэг, сүл угээ болгон хэт их ашигладаг болоод байгаа ‘Я хочу, чтобы люди говорили на своем монгольском языке. Английские слова и фразы используются слишком часто’.

Зарим хумуус өдөр тутамдаа англи уг хэллэг ашиглаж байгаа санагддаг ‘Кажется, некоторые люди используют английские слова каждый день’.

Социально-политическим и экономическим контекстом, способствующим экспансии английского языка в Монголии, является политика «третьего сосе-

¹ В цитатах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

да», которой Монголия придерживается после распада СССР и выхода страны из-под идеологического влияния «северного соседа». Под «третьим соседом» подразумевается ряд внерегиональных политических игроков (США, Япония, Республика Корея, ЕС, Индия, Турция) [Мягкая сила 2022: 135; Железняков др. 2013: 122].

Наиболее явственно эта политика видна в образовании. Власти Монголии давно работают над внедрением в образовательных учреждениях английского, и эту инициативу охотно поддерживают западные правительства. Только в 2024 г. Монголию посетили экс-глава МИД Великобритании Дэвид Кэмерон и госсекретарь США Энтони Блинкен. Д. Кэмерон пообещал в течение трех лет выделить из бюджета Соединенного Королевства 10 млн фунтов стерлингов на дальнейшее расширение инициативы по изучению английского языка, а Э. Блинкен объявил о намерении создать в Монголии центр английского языка¹.

В мае 2023 г. парламент страны — Великий государственный хурал — принял поправки в «Общий закон об образовании», которые утвердили английский основным иностранным языком в школах. В связи с формированием законодательной базы обучения английскому языку с начальной школы, в 2024–2025 учебном году программа английского языка должна быть реализована на экспериментальной основе для учащихся 3 и 4 классов 100 общеобразовательных школ². По данным нашего полевого исследования, материалам СМИ и дискуссиям в социальных сетях, тема поправок стала очень политизированной, что привело к поляризации монгольского общества. Законопроект был направлен на ликвидацию разницы между частными и государственными школами. Проблема была в том, что в частных обучали английскому, русскому, китайскому и японскому языкам в зависимости от направленности учреждения. Соответственно, как отмечали наши информанты, в частных школах ученики обычно говорят по-английски, в том числе и во внеурочное время. Часть депутатов выступала против нововведений, заявляя, что таким образом английский может стать вторым официальным языком в стране. Также был аргумент, что молодежь, выучив английский, будет покидать родину. Их противники отвечали, что необходимо создать в стране условия для того, чтобы детям не хотелось мигрировать в более благополучные государства³.

Таким образом, ни в парламенте страны, ни среди населения нет единства по отношению к массовому распространению в стране английского языка, включая и повышение его видимости в ЯЛ. Конкуренция на языковом рынке продолжается, и в ближайшем будущем англоязычная тенденция, скорее всего, будет продолжаться.

¹ Как английский язык внедряется в монгольское образование. 4 октября 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://tybar.ru/kak-anglijskij-yazyk-vnedryaetsya-v-mongolskoe-obrazovanie/> (дата обращения: 10.03.2025).

² Английский язык заменил русский в 100 школах Монголии. 27 августа 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f2041061> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Реформа образования Монголии: как английский язык расколол Великий Хурал. 7 июля 2023 г. [электронный ресурс] // URL: https://babr24.com/mong/?IDE=247946&utm_source=in_materials (дата обращения: 10.03.2025).

3.2. Корейский язык

Все сказанное выше про английский язык можно отнести и к корейскому языку. Жители Улан-Батора, рассуждая на эту тему, подчеркивают его растущую популярность, особенно среди молодежи:

Эмээгийн маань үеийхэн дийлэнх нь оросоор ярьж сурсан байгаагаас үзвэл соц-нийгэмд орос хэлтнүүд олон, харин өнөө үед Англи, Хятад хэлтнүүд олиирсон байна. Мөн монголчуудын хувьд солонгос хэлтэй байх нь давуу тал учир мөн олиирч байна ‘Судя по тому, что большая часть поколения моей бабушки научилась говорить на русском, так как в социалистическом обществе много русскоязычных, но сейчас больше англо- и китайскоговорящих. А для монголов владение корейским языком является преимуществом, и оно также увеличивается’.

Солонгос хэл залуусын дунд олиирч байгаа... ‘Корейский язык становится все более популярным среди молодежи...’.

Контекст этого тренда, однако, отличается от английского языка: он менее глобален и более специфичен. Причина популярности корейского языка в Монголии — и антропологическая близость двух азиатских стран, и поразительный экономический и культурный успех маленькой страны без полезных ископаемых и сельскохозяйственных угодий, который превратил Корею в ориентир для развития и подражания.

С растущей популярностью корейской поп-культуры повысился интерес и к языку ее носителей как в Монголии, так и во всем мире. Мягкая сила южно-корейского кинематографа и музыки оказывает большое влияние на молодежь. Как пишут в газете «UB Post», корейское влияние распространяется намного дальше ритейла и общепита. Южнокорейские компании мощно проникли на рынок фармацевтики, здравоохранения, одежды, косметики, туризма, строительства и инфраструктуры. Корейские сетевые компании BGF Retail и GS Group открыли свыше 500 магазинов розничной торговли по всей стране, обогнав национальные сети. Сейчас в Улан-Баторе и аймаках Монголии насчитывается 370 круглосуточных магазинов «Nice 2 CU» и 280 магазинов их конкурентов «GS 25» [Chantsalmaa 2024]. Спрос на корейский язык обусловлен и тем, что Южная Корея — популярное направление для трудовых мигрантов. Сегодня в Республике Корея проживает порядка 45 тыс. граждан Монголии, и это самая представительная монгольская диаспора в зарубежных странах [Бредихин 2023: 135]. По состоянию на 2021 г. Республика Корея является шестым крупнейшим торговым партнером Монголии и четвертой по величине страной-экспортером. За 30 лет с момента установления дипломатических отношений в 1990 г. объем торговли между двумя странами увеличился в 122 раза с 2,71 млн долларов США на момент установления дипломатических отношений до 330 млн долларов США в 2019 г. [Григорьева 2021: 56].

15 октября 2024 г. в Улан-Баторе прошло заседание IV совместной корейско-монгольской комиссии по образованию. Основной акцент участники сделали на изучении корейского языка. Министерство образования Республики Корея обратилось к правительству Монголии с просьбой о дальнейшем расширении программ по изучению корейского языка, в том числе с возможностью изучения корейского как второго или первого иностранного¹.

¹ О корейской экспансии в Монголии. 16 октября 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://tybar.ru/o-korejskoj-ekspansii-v-mongolii/?ysclid=mafhw40j1s271090280> (дата обращения: 03.03.2025).

Таким образом, корейский язык «наступает на пятки» английскому языку, а вышеупомянутая культурная, антропологическая и географическая близость способствуют развитию этой тенденции. Тем не менее боязнь утраты национальной идентичности, несмотря на экономические выгоды и притягательность корейской «мягкой силы», присутствует и здесь.

3.3. Китайский язык

Отношение к китайскому языку, пожалуй, больше, чем в случае с английским и корейским, варьирует по шкале от неприятия до осознания его необходимости. Так, у одного из информантов (муж., 62 года, прекрасно говорит по-русски, учил его в школе в советский период) внук учится в китайской школе, хотя, по его словам, обучение дорогое и стоимость его постоянно повышается. В целом по сравнению с 2003 г. число изучающих китайский язык в университетах, колледжах и школах утроилось, а с 2007 г. — удвоилось. Более 70 % всех обучающихся изучают китайский язык углубленно или по выбору в старших классах. Студенты, владеющие китайским языком на высоком уровне, обладающие навыками перевода, базовыми знаниями по литературе, истории, экономике, по обществу Китая, пользуются высоким спросом на рынке труда Монголии [Мунгуншагай 2023: 268–269].

Аргументы в пользу необходимости изучения китайского языка звучат следующим образом:

Англи, Орос, Хятад хэл дээр аль болох олон хүн яриасай. Орос, Хятад хоёр том үүрний дунд амьдардаг манай монголчуудын хувьд хөрши орныхоо хэлийг мэддэг байх ёстай. Англи хэлни мэдлэггүй бол залуусын хувьд ижил хөдөлмөрлөхөд хэцүү болно ‘Я бы хотел, чтобы как можно больше людей могли говорить на английском, русском и китайском языках. Наши монголы, живущие между двумя великими державами, Россией и Китаем, должны знать язык соседней страны. Без знания английского языка молодым людям будет сложно работать наравне’.

Хятад болон Япон хэлээр ярьдаг хүмүүс ихсээсэй гэж бодож байна. Хятад хэл Англи хэлни араас орох олон улсын хэл болох байх aa. Харин ямар нэг хэлний хэрэглээ багасаасай гэж бодохгүй байна. Ямар ч хэл сурсан хэрэг болох болов уу ‘Мне бы хотелось, чтобы было больше говорящих на китайском и японском языках. Китайский станет следующим международным языком после английского’.

Ниже приведены примеры антикитайского дискурса:

Монголдоо монгол хэлээрээ ярьж байх нь зөв гэж боддог. Сүүлийн үед хятад хэлээр ярьж байгаа тохиолдолуутдай олон таарсан тул, Хятад хэлээр ярьж байгаа хүмүүс цөөрөөсэй. Боловсрол чухал ч төрөлх хэлээ хамгаалах нь хамгийн чухал ‘Я считаю, что в Монголии правильно говорить по-монгольски. Мне бы хотелось, чтобы людей, говорящих по-китайски, было меньше, поскольку в последнее время было много случаев, когда люди говорили по-китайски. Образование важно, но защита родного языка важнее всего’.

Англи, монголоор ярих хэрэгтэ. Хятадаар цөөрөх ‘Нужно говорить на монгольском и на английском. А китайский надо уменьшить’.

Что касается экономического контекста, то Китай сегодня является основным торговым партнером Монголии. За последние годы произошло увеличение доли Китая во внешней торговле, особенно в экспорте товаров. Монголия поставляет в Китай 89,1 % экспортной продукции (6789,2 млн долл.), в основном это минеральные продукты, такие, как уголь, руды различных металлов [Осадоев 2022: 32].

На фоне стремительного роста популярности китайского языка и активной деятельности в этом направлении китайской стороны увеличиваются и различного

рода страхи и опасения в Монголии. Существует мнение, что укрепление позиций китайского языка не только подорвёт позиции монгольского языка, но и приведёт к «промывке» мозгов школьников и студентов, и они станут полностью прокитайски настроенными людьми. Это в свою очередь будет угрожать безопасности Монголии и ее национальной культуры [Мунгуншагай 2023: 270–271]. Несмотря на экономический фактор, сильна историческая память о том, что на протяжении двух тысяч лет Китай был скорее врагом, чем партнером для кочевников. Согласно этнографическим данным, монголы в целом не очень доверяют китайцам, подозревают, что у них есть скрытые замыслы захватить их земли. Многие видят в них экзистенциальных врагов, принимая китайцев только как временных торговых партнеров.

4. Заключение

В настоящей работе основной интерес авторов заключался в прояснении теоретических вопросов вокруг проблематики «люди и (языковые) ландшафты». Анализ ЯЛ Улан-Батора выполнял скорее иллюстративную функцию. Поэтому некоторые сюжеты, в частности контекстуальная часть описания ЯЛ, были представлены кратко, особенно с учетом того, что политический и экономический контекст, влияющий и на ЯЛ монгольской столицы, представляет собой отдельную и весьма обширную тему.

В теоретической части доказывается, что проблематика «люди и (языковые) ландшафты» шире, чем проблематика «агентивность и (языковые) ландшафты». При анализе ЯЛ сквозь призму взгляда не только ученого, но и людей, живущих в исследуемом языковом ландшафте, этнография, так сказать, доводится до конца. При обращении к людям прослеживается путь не только от знаков к практикам и людям, но и от людей к практикам и создаваемым и интерпретируемым ими знакам.

Практический анализ показал взаимосвязь ЯЛ Улан-Батора (включая количество языковых знаков), формирующих его языковых практик (мотивов нейминга) и языковых идеологий «в головах» жителей города. В ЯЛ Улан-Батора, как в капле воды, отражаются и воспроизводятся актуальные и стратегические тенденции в языковой жизни страны. Наблюдается некоторая поляризация общества по отношению к «засилью» наиболее активной «тройки» иностранных языков — английского, китайского и корейского. Боязнь утраты национальной идентичности сочетается с осознанием экономической (коммодификационной) ценности данных языков. Распространенность английского языка обусловлена его ценностью в качестве глобального *lingua franca* в глазах населения. Он ассоциируется с технологическим прогрессом и доступом к разного рода возможностям, образовательным, профессиональным и т. д. Также в общественно-культурной плоскости все более заметен крен в сторону Южной Кореи. Китайский язык рассматривается как вынужденная необходимость.

Таким образом, в широком контексте языковой ландшафт Улан-Батора, языковые идеологии (включая представления людей о коммодификационной ценности тех или иных языков) и выбор языка на всех уровнях агентивности вписаны в актуальную повестку нациестроительства и геополитики. Также в ЯЛ Улан-Батора не впрямую, а сложным и прихотливым образом проявляется и видение монголами исторического прошлого и будущего страны, желание сохранить свою национальную идентичность и культуру.

Литература

Алпатов 2018 — Алпатов В. М. Слово и части речи. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 256 с.

Бахтин 2002 — Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.; Аугсбург: Im Werden-Verlag, 2002. 167 с.

Бредихин 2023 — Бредихин А. В. Трудовая и образовательная миграция жителей Монголии в Южную Корею и Канаду // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13(6). С. 133–137. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-133-137

Бурдье 2007 — Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Григорьева 2021 — Григорьева Ю. Г. Динамика развития отношений Республики Корея и Монголии в современный исторический период // Политика и Общество. 2021. № 4. С. 54–62. DOI: 10.7256/2454-0684.2021.4.37116

Железняков и др. 2013 — Железняков А. С., Баасансурэн Д., Недяк И. Л. Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточно-го вектора российской политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 121–132.

Лыкова 2011 — Лыкова Т. Р. Применение этнографического метода в социологических исследованиях // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Мат-лы XIV Международная конференция (г. Екатеринбург, 17–18 марта 2011 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрГУ, 2011. С. 140–145.

References

Alpatov V. M. Word and Parts of Speech. 2nd ed. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2018. 256 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow; Augsburg: Im Werden-Verlag, 2002. 167 p. (In Russ.)

Bredikhin A. V. Labor and Educational Migration of Mongolian Residents to South Korea and Canada. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023. No. 13(6). Pp. 33–137. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-133-137 (In Russ.)

Bourdieu P. Sociologie de l'Espace Social. N. Shmatko (trans., ed.). Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Alethea, 2007. 288 p. (In Russ.)

Grigoryeva Yu. G. Dynamics of Development of Relations between the Republics of Korea and Mongolia in the Modern Historical Period. *Politics and Society*. 2021. No. 4. Pp. 54–62. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2021.4.37116

Zheleznyakov A. S., Baasansuren D., Nedyak I. L. Modern Mongolia's Multi-Fulcrum Policy through the Prism of the Russian Policy's Oriental Vector. *Polis. Political Studies*. 2013. No. 5. Pp. 21–132. (In Russ.)

Lykova T. R. Application of the Ethnographic Method in Sociological Research. In: Proceedings of the XIV International Conference "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience". Yekaterinburg. P. 1. Ekaterinburg: Ural State University, 2011. Pp. 140–145. (In Russ.)

- Максименко 2018 — *Максименко О. И.* Глобальный нейминг как лингвистическая проблема // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов. М.: [б. и.], 2018. С. 188–201.
- Москвичева и др. 2023 — *Москвичева С. А., Вио А., Замалетдинов Р. Р.* Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Т. 27. № 3. С. 687–714. DOI: 10.22363/2687-0088-34933
- Мунгуншагай 2023 — *Мунгуншагай Д.* Образование как инструмент «мягкой силы» КНР в Монголии // Власть. 2023. № 1. С. 267–273.
- Мягкая сила 2022 — «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях / отв. ред. В.А. Родионов, А. Нямдолжин. Иркутск: Оттиск, 2022. 196 с.
- Осодоев 2022 — *Осодоев П. В.* Внешнеэкономические связи регионов экономического коридора Китай – Монголия – Россия // Успехи современного естествознания. 2022. № 1. С. 30–35. DOI: 10.17513/use.37766
- Романов, Ярская-Смирнова 1998 — *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 145–160.
- Хилханова, Иванов 2023 — *Хилханова Э. В., Иванов В. В.* Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии // Социолингвистика. 2023. № 2(14). С.129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153
- Хилханова 2020 — *Хилханова Э. В.* Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.3. С. 756–815. DOI: 10.30842/alp2306573716324.
- Maksimenko O. I. Global Naming as a Linguistic Problem. Language in a Global Context: The Current Language Situation as a Result of the Globalization Process: Collection of Scientific Papers. Moscow, 2018, Pp. 188–201. (In Russ.)
- Moskvitcheva, S. A., Viat A., Zamaletdinov R. R. Language Representations and Language Attitudes in the Mishar Dialect Continuum. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27. No. 3: Pp. 87–714. DOI: 10.22363/2687-0088-34933. (In Russ.)
- Mungunshagai D. Education as a Tool of “Soft Power” of PRC in Mongolia. *Power*. 2023. No. 1. Pp. 267–273. (In Russ.)
- “Soft Power” in Russian-Mongolian Relations. V. Rodionov, A. Nyamadolzhin (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2022. 196 p. (In Russ.)
- Osodoev P. V. Foreign Economic Relations in the Regions of the Economic Corridor China – Mongolia – Russia. *Advances in Current Natural Sciences*. 2022. No. 1. Pp. 30–35. DOI: 10.17513/use.37766 (In Russ.)
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. “To Make Known Unknown...”: Ethnographic Method in Sociology. *Sociological Journal*. 1998. No. 1-2. Pp. 145–160. (In Russ.)
- Khilkhanova E. V., Ivanov V. V. The Commodification of Languages and Linguistic Landscape of the Capital of Mongolia. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2 (14). Pp. 129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153. (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. People in Language Policy: Theory and Practice of the Discursive Turn in Sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.3. Pp. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324 (In Russ.)

- Хилханова 2022 — Хилханова Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.
- Хилханова 2024 — Хилханова Э. В. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 591–609. DOI: 10.22162/2500 1523-2024-3-591-609
- Хилханова 2025 — Хилханова Э. В. Человеческий фактор в российской социолингвистике (субъективные заметки) // Вопросы языкоznания. 2025. № 4. С. 129–156.
- Чернявская 2023а — Чернявская В. Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ru: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
- Чернявская 2023б — Чернявская В. Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2(36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73
- Backhaus 2007 — Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p.
- Blommaert 2013 — Blommaert J. Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2013. 144 p. DOI: 10.21832/9781783090419
- Blommaert, Maly 2019 — Blommaert J., Maly I. Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0. Tilburg Papers in Culture Studies. 2019. [https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_\(ELLA_2.0\).](https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_(ELLA_2.0).)
- Khilkhanova E. V. Language Attitudes and Language Ideologies in Western and Russian Scholarship: the Differentiation of Concepts. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what Signs and People Tell about. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 591–609. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609 (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. The Human Factor in Russian Sociolinguistics (subjective notes). *Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the Study of Language)*. 2025. No. 4. Pp. 129–156. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. “They Call the Main Entrance a Porch”: Social Meaning in Semantics and Metapragmatics. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2023a. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5 (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2023b. No. 2 (36). Pp. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73 (In Russ.)
- Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p. (In Eng.)
- Blommaert J. Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Bristol: Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2013. 144 p. DOI: 10.21832/9781783090419 (In Eng.)
- Blommaert J., Maly I. Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2019. Available at: [https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_\(ELLA_2.0\).](https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_(ELLA_2.0).) (accessed: 20 April 2025). (In Eng.)

- Bouchard, Glasgow 2018 — *Bouchard J., Glasgow G. P. (eds.). Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries*. New York; London: Routledge, 2018. 322 p.
- Chantsalmaa 2024 — *Chantsalmaa D. Korean culture and business dominant in Mongolia* // UB Post. Friday, December 20, 2024.
- Fishman 1999 — *Fishman J. A. Sociolinguistics* // *Handbook of Language and Ethnic Identity* / ed. by J. A. Fishman. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 152–163.
- Geertz 1973 — *Geertz C. The interpretation of cultures. Selected essays*. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
- Jaworski, Thurlow 2010 — *Jaworski A., Thurlow C. Semiotic landscapes: language, image, space*. London: Continuum International Publishing Group, 2010. 321 p.
- Kroskrity 2010 — *Kroskrity P. Language ideologies: Evolving Perspectives* // Jaspers J. (ed.) *Society and Language Use (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 192–211. DOI: 10.1075/hoph.7.13kro
- Lakoff 1975 — *Lakoff R. Language and Woman's Place*. New York: Harper & Row, 1975. 83 p.
- McKenzie 2010 — *McKenzie R. The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer, 2010. 224 p.
- Saduov et al. 2022 — *Saduov R. T., Varukha I. V., Ganeeva E. R., Timerbaeva E. I. Multilingualism and identity in the visual space: linguistic landscape in the urban periphery* // *Journal of Siberian Federal University. Humanities@ Social Sciences*. 2022. № 15(11). Pp. 1637–1654. DOI: 10.17516/1997 1370-0942
- Bouchard J., Glasgow G. P. (eds.). *Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries*. New York; London: Routledge, 2018. 322 p. (In Eng.)
- Chantsalmaa D. *Korean Culture and Business Dominant in Mongolia*. UB Post. Friday, December 20, 2024. (In Eng.)
- Fishman J. A. *Sociolinguistics*. In: *Handbook of Language and Ethnic Identity*. J. A. Fishman (ed.). New York; Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 152–163. (In Eng.)
- Geertz C. *The Interpretation of Cultures. Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973. 470 p. (In Eng.)
- Jaworski A., Thurlow C. *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*. London: Continuum International Publishing Group, 2010. 321 p. (In Eng.)
- Kroskrity P. *Language Ideologies: Evolving Perspectives*. In: J. Jaspers (ed.) *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 192–211. DOI: 10.1075/hoph.7.13kro. (In Eng.)
- Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York: Harper & Row, 1975. 83 p. (In Eng.)
- McKenzie R. *The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer, 2010. 224 p. (In Eng.)
- Saduov R. T., Varukha I. V., Ganeeva E. R., Timerbaeva E. I. *Multilingualism and Identity in the Visual Space: Linguistic Landscape in the Urban Periphery*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities@ Social Sciences*. 2022. № 15(11). Pp. 1637–1654. DOI: 10.17516/1997 1370-0942. (In Eng.)

- Savski 2021 — *Savski K. Language policy and linguistic landscape Identity and struggle in two southern Thai spaces // Linguistic Landscape. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav*
- Tollefson, Pérez-Milans 2018 — *Tollefson J. W., Pérez-Milans M. (eds.). The Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press, 2018. 780 p.*
- van Lier 2011 — *van Lier L. Language learning: An ecological-semiotic approach // Hinkel E. (ed.) Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning. Vol. 2. New York: Routledge, 2011. Pp. 383–394.*
- Savski K. *Language Policy and Linguistic Landscape Identity and Struggle in Two Southern Thai Spaces. Linguistic Landscape. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav (In Eng.)*
- Tollefson J. W., Pérez-Milans M. (eds.). *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press, 2018. 780 p. (In Eng.)*
- Van Lier L. (2011) *Language Learning: An Ecological-Semiotic Approach. In: Hinkel E. (ed.) Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning. Vol. 2. New York: Routledge, 2011. Pp. 383–394. (In Eng.)*

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 294–314, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-294-314

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.3

UDC 811.512.3

Редупликация и / или парные слова в монгольских языках: дискуссия к вопросу о статусе (краткий обзор)

Гунсэма Нимбуевна Чимитдоржиеva¹

Reduplication and / or Paired Words in Mongolian Languages: Discussion on the Status Issue (a Brief Overview)

Gunsema N. Chimitdorzhieva¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-3309-4280. E-mail: ch.gunsema[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Чимитдоржиева Г. Н., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Chimitdorzhieva G. N., 2025

Аннотация. Цель исследования — теоретико-аналитический обзор научных работ по монгольским языкам, в которых прямо или косвенно рассматривается редупликация. При изучении редупликации в монгольской лингвистике особое внимание в контексте дискуссии отведено вопросу: рассматривать ли редуплицированные формы как парные слова. В ходе выполнения обзора решаются следующие задачи: изучить труды монголоведов-лингвистов, посвященные редупликации и парным словам, и изложить их основные положения; при обобщении и систематизации знаний о редупликации выявить и описать некоторые характерные особенности их анализа совместно с парными словами. **Материалом** для исследования послужил корпус лингвистических работ отечественных и зарубежных монголоведов по лексике, словообразованию, парным

Abstract. The purpose of the study is a theoretical and analytical review of scientific works on Mongolian languages, which directly or indirectly consider reduplication. Special attention is paid in the context of the discussion whether to consider reduplicated forms as paired words in the study of the reduplication in Mongolian linguistics. During the review, the following tasks are being solved: to study the works of linguists researching the Mongolian languages devoted to reduplication and paired words, and to present their main points; when generalizing and systematizing knowledge about reduplication, to identify and describe some of the characteristic features of their consideration together with paired words. **Materials.** The research is based on the study of a corpus of linguistic works on vocabulary, word formation, paired words and reduplication in Mongolian languages written by domestic and

словам и редупликации в монгольских языках. В соответствии с поставленными задачами были использованы следующие *методы исследования*: описательный и сопоставительный методы, методы анализа, синтеза и обобщения. Структурировать, сделать информацию более четкой и понятной для усвоения помог первичный анализ материала. Метод анализа и синтеза применялся для выделения основных тезисов исследуемых публикаций, определения их общего научного направления и дальнейшего объединения в рамках сходных идей с помощью метода обобщения. *Результаты*. В работе обобщена информация о монгольской редупликации и представлены основные мотивы определения статуса редупликаций в рамках освещения смежных / схожих релевантных явлений. Материал статьи демонстрирует противоречивые взгляды на развитие научных знаний о повторе (удвоении, редупликации) в монгольских языках: повтор относится к парным словам либо является способом образования парных слов, либо же является самостоятельным языковым явлением, отличным от парных слов. Формально-структурное сходство удвоенных форм и парных слов не только способствовало их совместному рассмотрению, но и привело к спорам и запутанности при определении статуса того или иного слова. Для их дифференциации исследователями предлагается функционально-семантический подход и дается заключение о том, что повтору характерно выражение грамматического значения, а особенностью парных слов является выражение лексического значения слова. Редупликация же как повтор одного и того же слова (или основы) является одной из наиболее распространенных моделей отражения количественных характеристик и усиления значений. Результаты обзора и анализа научных работ являются необходимым основанием для проведения комплексного описания рассматриваемого языкового явления в монгольских языках.

Ключевые слова: редупликация, удвоение, повтор, парные слова, рифмованные сочетания, языковой механизм, морфология, монгольские языки, бурятский язык, калмыцкий язык

foreign Mongolian scholars. In accordance with the purpose, the following research *methods* were being used: descriptive and comparative methods, methods of analysis, synthesis and generalization. The primary analysis of the material helped to structure and make the information clearer and more understandable for assimilation. The methods of the analysis and synthesis were being used to note the main theses of the publications under study, determine their general scientific direction and further unification within the framework of similar ideas using the generalization method. *Results*. The work summarizes information about Mongolian reduplication and presents the main motives for determining reduplications in the context of presenting related/similar relevant phenomena. The *material* of the article demonstrates contradictory views on the development of scientific knowledge about repetition (doubling, reduplication) in Mongolian languages: repetition refers to paired words or is a way of forming paired words, or is an independent linguistic phenomenon different from paired words. Formal and structural similarity of doubled forms and paired words contributed not only to their joint consideration, but also led to disputes and confusion in determining the status of a particular word. To differentiate them, researchers propose a functional-semantic approach and conclude that repetition is characterized by the expression of grammatical meaning, and the peculiarity of paired words is the expression of the lexical meaning of the word. Reduplication as a repetition of the same word (or base) is one of the most common models for reflecting quantitative characteristics and enhancing meanings. The results of the review and analysis of scientific works are a necessary basis for a comprehensive description of the linguistic phenomenon under consideration in Mongolian languages.

Keywords: reduplication, doubling, paired words, rhymed combinations, language mechanism, morphology, Mongolian languages, Buryat language, Kalmyk language

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» (№ 121031000258-9).

Для цитирования: Чимитдоржиева Г. Н. Редупликация и / или парные слова в монгольских языках: дискуссия к вопросу о статусе (краткий обзор) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 294–314. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-294-314

Acknowledgements. The article was carried out within the state assignment project “The Human World in the Mongolian Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotiveness” (No. 121031000258-9).

For citation: Chimitdorzhieva G.N. Reduplication and / or Paired Words in Mongolian Languages: Discussion on the Status Issue (a Brief Overview). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 294–314. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-294-314

1. Введение

Редупликация в монгольских языках до настоящего времени не была предметом системного изучения и до сих пор остается не исследованным в теоретическом и эмпирическом планах языковым феноменом. Отрывочные и разрозненные сведения о редуплицированных формах в монгольских языках свидетельствуют об отношении исследователей к данному языковому механизму как к простому, очевидному способу слово- и формообразования, что даже не возникал и вопрос о проведении теоретических изысканий. В монгольском языкоznании обнаруживаются попытки лишь формального объяснения структурных и семантических особенностей удвоенных форм в незначительном количестве работ, и еще меньше научных трудов, объясняющих, что представляет собой редупликация, как и по каким законам эти формы устроены. Эта тенденция общая в лингвистике, по крайней мере, таковой оставалась она до второй половины XX в., когда вопросы редупликации стали объектом более пристального внимания [Алиева 1980: 3; Рожанский 2011: 11]. История изучения редупликации в разных языках это подтверждает, хотя полагаем, что такая ситуация, возможно, еще сохраняется в некоторых других языках.

Изучение редупликации как объекта лингвистического исследования является перспективным направлением современного монгольского языкоznания. Данная статья посвящена проблеме изучения редупликации в монгольском языкоznании в контексте соотношения с понятием «парные слова», а именно — с рифмованными парными словами. На основании корпуса лингвистических исследований по редупликации и парным словам в монгольских языках представлена история их совместного изучения. Общий в строении этих понятий является то, что они состоят из двух рифмованных компонентов. Существуют, по крайней мере, два противоположных взгляда на природу парных и редуплицированных слов со структурной точки зрения: 1) формы удвоенных слов относятся к парным словам; 2) удвоенные и парные слова являются разными языковыми явлениями. Можно сказать, что теория редупликации в своем генезисе в какой-то степени вызревала и внутри исследований парных слов. Лишь десяток научных работ упорядочивают некоторые положения теории редупликации и определяют некие алгоритмы его исследования. В статье дана история этих взглядов, обзор которых обнаруживает наличие неоднозначной позиции по этой проблематике. Необходимость в обобщении и анализе существующих подходов к описанию и осмыслинию слов, которые состоят из двух компонентов (в особенностях, объединенных рифмой), и дальнейшей выработки концептуального подхода

к изучению и пониманию сути редупликации предопределила актуальность изложения истории изучения для понимания общей картины достижений монгольского языкоzнания в этом вопросе.

Целью исследования является представление имеющихся взглядов о статусе редупликации как языкового механизма в монгольских языках.

2. Материалы и методы исследования

Решение поставленных задач стало возможным благодаря теоретической базе, представленной отечественными и зарубежными научными работами монголоведов, хронологические рамки которых охватывают период с 1941 г. по 2024 г. При сборе материала использовались традиционные методы первичного лингвистического наблюдения, сопоставления. Они позволили выделить общие исследуемые параметры и векторы в проанализированном материале, на основе которых приведены разнообразные аспекты, обобщенные в данном обзоре. Для осмыслиения эволюции научных взглядов на проблему редупликаций и рифмованных парных слов, для обоснования проблемы и его конкретизации в статье применяются следующие методы исследования: описательный и сопоставительный методы; методы анализа, синтеза и обобщения результатов исследований отечественных и зарубежных монголоведов.

3. Результаты

3.1. Редупликация как парное слово

Традиционным является рассмотрение удвоенных форм при описании парных слов. Чтобы выявить общие и характерные особенности, ученые предпринимали попытки рассмотреть схожие явления: [Бертагаев 1941: 17–23; Бертагаев 1961; Бертагаев 1969: 26–27; Бертагаев 1971: 13–61; Bese 1957; Bese 1960; Орловская 1961: 43–45; Дарбеева 1963; Дондуков 1963; Дондуков, Данчина 1968; Биткеева, Биткеев 1985; Базаррагчaa 1990; Омакаева, Бадгаев 1990; Норжинлхам 1999; Дырхеева и др. 2014]. Основной причиной этого сближения является внешнее формальное сходство. Парные сочетания и редупликация обнаруживают тесную взаимосвязь. В особенности фонетическая и просодическая схожесть очевидна в рифмованных парных словах и неточной редупликации, что объединяет их в понятие рифмованных сочетаний. Эти закономерности позволяют рассматривать удвоенные формы как парные слова или наоборот. По этой причине в этих работах обнаруживаются путаница и достаточное число разногласий, несмотря на кажущуюся простоту феномена. В некоторых работах отсутствие дифференцированного изучения парных слов и удвоенных форм привело к тому, что разные языковые явления рассматриваются как одно явление, с другой стороны, одни и те же примеры оказываются причисленными либо к парным словам, либо к удвоению в зависимости от подхода исследователя. И все же все эти исследования, несомненно, вносят свой определенный вклад в изучение сложных и спорных вопросов и способствуют проявлению общей картины природы редупликации в теоретическом плане.

Довольно интересный и более широкий взгляд на проблему парных и удвоенных слов представлен в работах Т. А. Бертагаева [Бертагаев 1941; Бертагаев 1961; Бертагаев 1969; Бертагаев 1971], в которых он акцентирует несколько важных и интересных теоретических моментов.

1. Повторы основ относятся к парным словам (биномам), которые являются, по его определению, единством двух морфологически и семантически однородных компонентов, образованных на основе сочинительной связи. Биномы составляются из основных знаменательных частей речи, а также из формализованных элементов, из основного компонента, являющегося морфологическим и фонетическим вариантом, и несут лексико-семантическую и лингвостилистическую функцию [Бертагаев 1941: 18; Бертагаев 1971: 11, 20]. В монгольских биномах повторяющийся, второй, компонент напоминает словообразовательную морфему [Бертагаев 1971: 60].

2. Т. А. Бертагаев отмечает аморфность и синтетичность компонентов парных слов, т. е. обращает внимание на особенности морфологических и синтаксических отношений между ними [Бертагаев 1941: 13, 34].

3. При анализе структурного разнообразия парных слов особый интерес у исследователя, как и у большинства тех, кто изучает эту тему, вызывают фонетически видоизмененные варианты знаменательного компонента (*заа зуухан* ‘немного, чуть’, *углуу суглуу* ‘угол и прочее’, *куурсэ мүүрсэ* ‘курсы и прочее’, *бэшэг ташаг* ‘грамота и прочее’, *хармаан жэрмээн* ‘карман и прочее’ и др.) и случаи, когда оба компонента в паре являются формализованными и ни один из них не имеет какого-либо значения (*ан бун* ‘в спокойствии, тихо, смирно, безмятежно’, *буур түүр* ‘еле-еле, едва-едва, крайне смутно’, *гунхар ганхар* ‘(идти) раскачивая голову’, *наляа баляа* ‘кое-как, небрежно, как попало (делать)’, *шаляа баляа* ‘кое-как, небрежно (делать)’, *татар тутар* ‘слегка заика, недоговаривать, вступать в небольшие, но гневные пререкания’ и др.) [Бертагаев 1971: 25–31, 41–44]. При этом пары с одним формализованным компонентом ученый относит к составным словам (монг. *хатар матар* ‘танцы, пляски’, *бага сага* ‘понемногу, помаленьку’, *бэлэг сэлэг* ‘подарки, гостины’ и др.), с обоими формализованными компонентами — к сложным словам (монг., бур. *ана мана* ‘примерно, одинаковый, ровный’, *ундуй сундуй* ‘растерянно, суетливо’, бур. *нали боли* ‘кое-как, крайне небрежно (делать)’ и др.) [Бертагаев 1971: 57–60].

4. Для выражения морфологических категорий может применяться повтор основы, так называемая редупликация, который может быть частичным (повтор части основы: *уб улаан* ‘совсем красный’, *бара барбагар* ‘совсем лохматый’) и полным (повтор слова в целом или в иных его грамматических разновидностях: *уе уе* ‘иногда’, *аама аама* (гээ) ‘время от времени открывать’ (например, рот), *яба ябанаар ябаба* ‘шел упорно, напролом, без остановок’, бур. *арай арайхан* ‘едва-едва, еле-еле’) [Бертагаев 1961: 17; Бертагаев 1971: 20–22]. При этом ученый отмечает, что примеры частичного повтора напоминают префиксы: 1) односложного корня слова (корни-редупликаты): монг. *тэв тэвхэр* ‘квадратный-преквадратный’, бур. *ара арнагар* ‘пренесуразный; курносый-прекурносый’ и т. д.; 2) начального открытого слога слова с добавленным к нему согласным (слоги-редупликаты): *саб сагаан* ‘сверхбелый, очень белый’, *ув улаан* ‘краснейший, совсем красный’, *шав шар* ‘желтейший, совсем желтый’, *эв эрээн* ‘сверхбелый, очень белый’, *аб алаг* ‘препегий’ и т. д. [Бертагаев 1961: 22, 26–27; Бертагаев 1969: 26–27].

5. Рассматривая грамматические особенности повторов, Т. А. Бертагаев отмечает и некоторые значения: совокупность предметов, относящихся к одной категории (*сай май* означает ‘чай и тому подобное’); множественность предметов

(*хада хада газар* ‘горные местности’; иронический, пренебрежительный оттенок (*Балдан малдан* ‘Балдан и прочие’, ‘некий Балдан’); усиление значений слов (*шаб шара* ‘желтый-прежелтый’, *найн найн* ‘самые хорошие’) [Бертагаев 1941: 18–21; Бертагаев 1969: 107; Бертагаев 1971: 41]; превосходная степень прилагательных: *цаганаас цагаан* ‘белый, самый белый’, *модонгоо үндэр модон* ‘самое высокое дерево’; продолжительность совершения действия (*харана харана юушье харабагүй* ‘смотрел, смотрел да ничего не увидел’); различные оттенки усиления действия (*дааражса дааражса ерэбэ* ‘пришел, сильно замерзнув’, *яба ябанаар ябаба* ‘продолжал идти да идти’, *унтахын ехээр унтаба* ‘спал так, как никогда не спал’) и др. [Бертагаев 1969: 107–108].

6. Повторению основ чаще всего подвергаются те слова, которые не имеют своих пар [Бертагаев 1941: 23].

7. Т. А. Бертагаев предлагает свои идеи о соотношении языка и мышления, о необходимости применения повтора в языке. «*Парные слова ни в коей мере не могут быть отнесены к примитивным явлениям языка, связанным с конкретным мышлением первобытных людей*» [Бертагаев 1941: 17]. По его мнению, также является ошибкой считать подобные слова простым механическим сочетанием, сравнивая их с химическим соединением элементов. Перечисление или повторение схожих предметов или предметов одного вида является проявлением более первичной категории мышления, что привело к формированию отвлеченных понятий и слов. В результате появилась категория собирательности и категория множественности. При перечислении и повторе подчеркивается значение слов и проявляется его аффективная сторона. Для выражения сначала собирательных, потом родовых или отвлеченных понятий люди прибегали к удвоению основы или сочетанию двух слов-понятий ввиду бедности других средств языка (суффиксов и др.) [Бертагаев 1941: 17]. Это одно из необходимых средств обогащения лексической номинации и стилистических приемов в монгольских языках [Бертагаев 1971: 60].

М. Н. Орловская рассматривает парные слова как один из способов передачи новых понятий. Среди парных слов сочинительного типа выделяет «*особый тип парных существительных, где второй компонент не имеет самостоятельного значения, а является фонетическим вариантом, словом-эхом первого компонента: дарга марга* ‘некий командир’, *захиа-махиа* ‘всякие там письма и прочее’, *ус мус* ‘вода и прочее’, *ном мом* ‘книги и прочее’» [Орловская 1961: 43–45]. Среди показателей форм интенсива выделяет и редупликацию — удвоение первого слога имени прилагательного с наращением согласного *в*, например: *ув улаан* ‘красный-прекрасный, ярко-красный’, *нов ногоон* ‘зеленый-презеленый’, *ав ариун* ‘чистый-пречистый’ и т. д. [Орловская 1961: 95]. Изучая способы образования производных наречий в монгольском языке, исследователь дает анализ парных наречий и повторов, причем различает повтор от чисто синтаксических конструкций. Автором приводятся примеры, где путем повтора как способа аналитического словообразования возникли наречия и наречные выражения в монгольском языке (например, повтор формы слитного деепричастия от глагола *бай-* ‘быть, находиться’ образует наречие *байн байн* ‘периодически, время от времени, то и дело, часто’; удвоение существительного *уе* ‘период, эпоха, момент’ образует наречие *уе уе* ‘время от времени, периодически’ и др.) [Орловская 1974: 201–205].

Посвященная анализу парного словообразования в бурятском языке статья У.-Ж. Ш. Дондукова содержит понятие редупликации, которое рассматривается как способ образования парных существительных, где второй компонент служит усилителем значения первого, например: *арза барза* ‘молочная водка и что-нибудь вроде нее’, *арга хурга* ‘средства, возможности и что-нибудь вроде них’, *сай май* ‘чай и что-нибудь такое’, *бэлэг сэлэг* ‘подарок и что-нибудь вроде него’, *хоб хоши* ‘сплетни и тому подобное’, *хоол хоши* ‘пища и что-нибудь вроде нее’, *добо доши* ‘холмики и что-нибудь вроде них’ [Дондуков 1963: 42–43]. Он же в соавторстве с Н. Г. Данчиновой [Дондуков, Данчинова 1968] делают краткий критический обзор работ [Bese 1957; Санжеев 1940; Бертагаев 1941; Дарбееева 1963; Дондуков 1963], посвященных парным словам в бурятском и монгольском языках. Здесь уже термин редупликация заменяется на сочетание трансформированный / видоизмененный производный повтор. Авторы статьи резюмируют, что исследователи «*придерживаются примерно единого мнения, что парные слова в монгольских языках, будь они составлены из одного или двух полнозначных слов и его фонетически видоизмененного производного повтора, — составляют единую лексическую категорию, являющуюся разновидностью сложных слов, то есть парными сочинительными сложными словами. Все парные слова <...> характеризуются тем, что их компоненты являются морфологически однородными, синтаксически равноправными и семантически близкими*» с наличием в них обобщенного значения [Дондуков, Данчинова 1968: 36–37].

С. Норжинлхам в диссертационном исследовании «Лексико-грамматические особенности парных слов современных монгольских языков» рассматривает способы образования парных слов (рис. 1), в том числе их образование путем простого удвоения основ [Норжинлхам 1999: 14].

3.2. Парные слова и повторы слов: разные мнения исследователей

Существуют и другие исследования, в которых доказывается, что эти группы слов отличаются и их необходимо рассматривать как отдельные языковые явления. Так, Г. С. Биткеева, П. Ц. Биткеев в статье о парных словах в монгольских языках констатируют, что «*существующие характеристики и классификации парных слов нередко противоречивы, почему обычно и включают в состав парных слов и повторы, и различные сочетания слов*» [Биткеева, Биткеев 1985: 5]. В работе приводятся некоторые примеры указанной выше запутанности, краткий экскурс в историю вопроса, отличительные признаки парных слов, классификация парных слов в соответствии с семантическими особенностями компонентов. На наш взгляд, важным высказыванием авторов относительно удвоения является

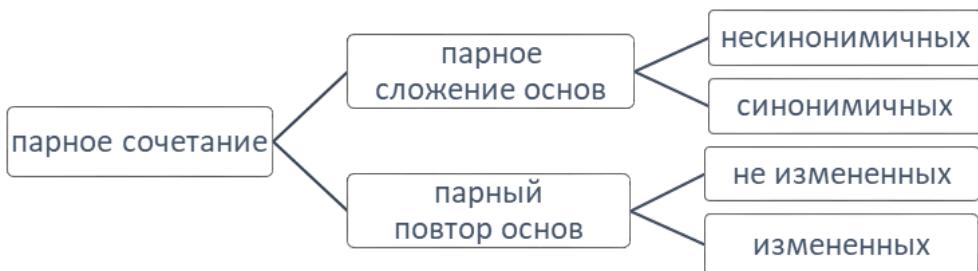

Рис. 1. Система образования парных слов в монгольском языке
[Fig. 1. The system of forming paired words in the Mongolian language]

примечание о том, что «несмотря на сходство по форме с парными словами, удвоение отличается от них и тем, что второй компонент является повтором первого, не имеет никакого другого самостоятельного значения и не образует нового понятия, а выражает лишь неопределенное множества и в этом отношении значительно ближе к функциям суффиксов множественного числа, а иногда тождественно с ними» [Биткеева, Биткеев 1985: 5–6].

М. Базаррагчаа пишет, что «...сложно различать повторы от парных слов. Повтор с немного измененным корнем наподобие *эрээн мэрээн*¹, *үхэр мухэр*², *цав цагаан*³, *хав хар*⁴, *яв явсаар*⁵, *гэр гэртээ*⁶ и т. д. выражает растянутое значение слова, продолжение действия, кратность, интенсивность, дробность и другие грамматические абстрактные значения. *Бага сага*⁷, *ач тач*⁸, *эрээн мяраан*⁹, *хага хуга*¹⁰, *хальт хульт*¹¹, *арай чарай*¹², *шалдар булдар*¹³, *илүү булуу*¹⁴, *пүл пал*¹⁵, *үүр цүүр*¹⁶, *ахих дахих*¹⁷, *эрвийх сэргийх*¹⁸, *урвах хөрвөх*¹⁹ и др. парные слова, образованные как будто повтором, отличаются от приведенных выше повторов тем, что они несвободны и устойчивы <...> Если смотреть с этой точки зрения, то особенностью повтора является выражение грамматического значения, а особенностью парных слов — выражение лексического значения слова» [Базаррагчаа 1990: 5–6]. Другими словами, парные слова и повтор выражают разные значения, это разные явления.

Э. У. Омакаева, Н. Б. Бадгаев в статье, посвященной парным словам и повторам в монгольском языке, поставив это в качестве основной своей задачи, предприняли попытку «показать специфику и характерные признаки парных слов современного монгольского языка с целью отграничения их от повторов, выявить разнообразные типы последних» [Омакаева, Бадгаев 1990: 163]. Они выделяют три группы парных слов в соответствии с лексико-семантическим критерием, два типа повторов в соответствии с их формально-структурными особенностями, три группы звукоподражательных повторов в зависимости от

¹ Эрээн мэрээн ‘пестрый и тому подобный’.

² Үхэр мухэр ‘крупный рогатый скот и прочая скотина’.

³ Цав цагаан ‘белый-пребелый’.

⁴ Хав хар ‘совершенно черный’.

⁵ Яв явсаар ‘продолжая все идти и идти, шел и шел’.

⁶ Гэр гэртээ ‘по юртам, по домам’.

⁷ Бага сага ‘немного, кое-что’.

⁸ Ач тач ‘одинаково, так же; наравне’.

⁹ Эрээн мяраан ‘пестрый, пегий’.

¹⁰ Хага хуга ‘сломанный, раздробленный’.

¹¹ Хальт хульт ‘вскользь, чуть-чуть; небрежно’.

¹² Арай чарай ‘еле-еле, кое-как, с трудом’.

¹³ Шалдар булдар ‘торопливо, поспешно’.

¹⁴ Илүү булуу ‘в избытке, излишek’.

¹⁵ Пүл пал ‘буль-буль, невнятно’.

¹⁶ Үүр цүүр ‘рассвет, заря’.

¹⁷ Ахих дахих ‘постепенно, раз за разом’.

¹⁸ Эрвийх сэргийх ‘взъерошиться, торчать’.

¹⁹ Урвах хөрвөх ‘поворачиваться из стороны в сторону’.

того, кем или чем издаются звуки. В результате описания всех этих групп авторы дают единственное заключение, что «парное словообразование характеризуется равноправным включением исходных слов в новую сложную основу. К сожалению, биномы в монгольском языке не имеют четких внешних признаков, поэтому мы вынуждены опираться на внутренний семантический признак, чтобы отличить парные слова от сходных явлений (однородных членов, сочетаний слов, повторов)» [Омакаева, Бадгаев 1990: 165–166].

Удвоения / повторы основ рассматриваются как синтаксическое средство для выражения различных видов категории множественности (монг. шинэ шинэ байшин ‘новые дома’, калм. *гер герт* ‘в домах’, *дегтр-мегтр* ‘книга и тому подобное’), усиления качества (калм. *хурдн-хурдн* ‘очень быстрый, быстрый-быстрый’, монг. *ихээс их* ‘самый большой’, бур. *хайнай хайн* ‘лучший из лучших’, калм. *цеб ценжр* ‘самый голубой’) и для оформления разделительных числительных (калм. *хошад-хошадар* ‘по два’, бур. *таба-табаар* ‘по пяти’, монг. *тав таван* ‘по пять’) в работах Е. А. Кузьменкова [Кузьменков 1989: 66], С. М. Трофимовой [Трофимова 2001: 63, 74, 250–251, 265–266]. В. И. Рассадин рассматривает редупликацию в разделе неаффиксальное словообразование (как основосложение) и полагает, что это лексико-синтаксический способ образования новых слов, при котором происходит лексикализация различных синтаксических словосочетаний и конструкций [Рассадин 2008: 217–218]. Д. Ш. Харанутова, Д. А. Сузеева, Ц. Унурбаян в монографии «Монгольское словообразование: структура и способы» показывают редупликацию на примере калмыцкого языка как способ словообразования путем повтора одного и того же слова (или основы) [Харанутова и др. 2012: 182–184].

Описание изобразительных слов также не обходится без упоминания о повторе основ [Цыдендамбаев 1958; Шагдаров 1962; Шагдаров 2013; Дондуков 1964].

Ц. Б. Цыдендамбаев анализирует первичные (*арба-арба* ‘в растопыренном, расставленном виде (шевелиться, мелькать)’) и вторичные (*арбаг-арбаг* / *арбага-арбага* ‘про размашистое движение чего-либо растопыренного, расставленного или развилистого’) основы образных слов, которые активно бытуют в живом разговорном языке в виде повторов, удвоений. Не менее активно применяются структурно схожие с удвоенными формами и парные образные слова (*аниг-ониг* ‘о мигании глаз’, *маяг-таяг* ‘о походке хромого’, *хэлтэр-ялтар* ‘о походке хромающего на обе ноги’), в которых чередование звуков как смена одного звукового явления другим играет роль словообразующего средства, способствующего образованию синонимических рядов наряду с повторами. Под редупликацией исследователь понимает такие сочетания, как *ара арбагар* при образовании прилагательных от образных слов [Цыдендамбаев 1958: 136–151].

У.-Ж. Ш. Дондуков при рассмотрении глаголообразования при помощи аффиксов указывает на роль удвоенных форм звукоподражательных и образных слов: *бабанаха* ‘блеять и одновременно трясти головой (о козах)’ > *ба-ба* (о блеянии козла), *шолишогонохо* ‘булькать (о жидкости)’ > *шолишого-шолишого* (о булькании, журчании) > *шол-шол* ‘буль-буль, кап-кап (о булькании, падении капель)’ и т. д. [Дондуков 1964: 134–141].

Л. Д. Шагдаров считает удвоение корня грамматическим приемом, используемым в звукоподражательных и образных словах, и рассматривает структуру и семантику односложных и двусложных повторов [Шагдаров 1962: 66–70,

99–100]. В другой своей работе, посвященной проблемам академической грамматики бурятского языка, исследователь рассматривает парные (*шууяса шааяса* ‘с шумом-грохотом’, *пүл-пал дуугарха* ‘говорить невнятно’) и удвоенные основы (мэл-мэл (*дуналха*) ‘крупными каплями (падать)’, *бур-бурхан* (*утаан гарана*) ‘клубиться (небольшой дымок)’) изобразительных слов. Отмечает, что в большинстве случаев удвоенные изобразительные слова употребляются в сопровождении служебного глагола *гэхэ* ‘говорить, произносить’, с помощью которого они становятся глаголами и вводятся в речь: *Хандын хэрэлсы уруугаа буужа ябаха аялан таб-таб гэжэ хэдэй-еды дуулдаад...* (Х. Н.) ‘Топ-топ! — послышалось несколько раз, как Ханда спускалась по крыльцу’ [Шагдаров 2013: 151–152].

В этой же работе исследователь Л. Д. Шагдаров различает сложение разных основ (парные слова), редупликацию и различные виды повтора основы, при этом повтор и удвоенная основа выступают синонимами. Первый слог прилагательных с наращением губного *б* или слога *-ра* отмечается как редупликация в словах типа *саб сагаан* ‘белый-пребелый’, *тэрэ тэбхэр* ‘совершенно квадратный’, автор называет их редупликационными формами [Шагдаров 2013: 127]. По мнению Л. Д. Шагдарова, повтор (удвоение) основы является одним из видов основосложения [Шагдаров 2013: 152]. Повтор может наблюдаться в виде полного повтора основы и в виде повтора основы с изменением компонентов [Шагдаров 2013: 127, 151–155, 167]. В работе также отмечается правописание удвоенной основы с дефисом в литературном бурятском языке [Шагдаров 2013: 142].

Подход авторов монографии «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» Г. А. Дырхеевой, Д. Ш. Харанутовой, Е. А. Бардамовой к редупликации содержится в предисловии работы. По их мнению, точка зрения о том, что многими исследователями редупликация рассматривается совместно с парными словами, «противоречит самому основанию классификации: семантика таких бинарных образований, как редупликаты, не позволяет рассматривать их с парными словами, где сочетаются форма и семантика двух самостоятельных слов, соотносимых с отдельными словами языка» [Дырхеева и др. 2014: 6–7].

Однако, судя по содержанию глав, не все придерживаются этой отправной позиции. В первой главе имеется примечание, что слова типа *саахар маахар* не рассматриваются как парные [Дырхеева и др. 2014: 49], а в словах, где второй компонент напоминает фонетический повтор первого компонента, типа *аза база* ‘родственники’, *арза барза* ‘молочная водка и подобные молочные изделия’, *юумэ хуумэ* ‘всякие вещи, множество всяких вещей’, *ан зан* ‘нравы, обычаи’, *ан бун* ‘в спокойствии, в безмятежном состоянии’, *буу шуу* ‘ружье и прочие виды оружия’, *дуу шуун* ‘крики, шум’, *уурал хаарал* ‘пары’, *уруу дуруу* ‘быть в мрачном состоянии’, *элбэг дэлбэг* ‘щедро, обильно’ и др., автор главы Г. А. Дырхеева считает, что вторые компоненты либо подчиняются значению первого компонента, утратив свое лексическое значение в данном сочетании, либо относятся к историческому прошлому, которые имели когда-то свое собственное значение. И потому нет достаточного основания считать их повторами [Дырхеева и др. 2014: 50–52]. Автором приводятся примеры парных слов с двумя незначимыми компонентами, которые употребляются только в паре, и также по структуре выглядящие как фонетический повтор, например: *эди шэди* ‘способность творить чудеса, магическая сила’, *hyй hай* ‘переполох, суета’, *hэр мэр* ‘настороженность’,

үбдэл сүбдэл ‘остатки, крошки’, хаа яа ‘изредка, кое-когда, кое-где’, шулга нюлга ‘разодранный в кровь’, угмаг ‘невнятно, нехотя’, малмул ‘неясно’, абта жэбтэ ‘с шумом, с треском’, арыса сарыса ‘совсем, совершенно’, арха барха ‘огромный, большой, нагроможденный’, эрбэ шэрбэ ‘редкий, колючий’, уюу үюу ‘редкий (о зубах), малян талян ‘нечто гладко, ровное, общирное’, онсо сонсо ‘нечто кучное’ и др. Оба компонента в таких парных сочетаниях представляют собой усеченные формы слов, имеющих свое значение [Дырхеева и др. 2014: 53–54].

Во второй и четвертой главах этой монографии редуплицированные формы не привлекаются к анализу, в них рассматриваются соответственно словообразование парных слов и их функционирование в художественных произведениях бурятских писателей. В третьей же главе многие удвоенные формы называются парными словами, однако имеется примечание о том, что «одной из наиболее распространенных моделей отражения количественных характеристик является редупликация», с помощью которой формируется значение множественности [Дырхеева и др. 2014: 115].

Основной и важный вывод как итог исследования парных слов и парного словообразования в бурятском языке заключается в предположении, что парные слова являются дальнейшим развитием повторения корня или основы слова, авторы предлагают следующую динамику их развития: «полный повтор (хүн хүн) → частичный повтор (хүн мүн) → парное сложное слово (хүн зон, хүн амитан)» [Дырхеева и др. 2014: 152–153].

3.3. Исследование редупликаций

Как мы уже отмечали, список научных работ, где объектом исследования являются редуплицированные единицы и повторы, содержит менее десяти наименований. Исследования редупликации — одного из древнейших и продуктивных способов словообразования в монгольских языках — представлены в научных публикациях [Ринчен 2015; Bese 1957; Bese 1960; Шевернина 1974; Бямбасан 1978; Омакаева, Бадгаев 1990; Пүрэв-Очир 1998; Өнөрбаян 2006; Бат-Ирээдүй 2013а; Бат-Ирээдүй 2013б]. В отечественном монголоведении первой специальной научной работой, посвященной редупликации в одном из монгольских языков, является статья А. А. Дарбеевой «Повторы и удвоения в бурятском языке» [Дарбеева 1969]. Подробный анализ трудов, посвященных парным словам и некоторым видам повторов, дан в монографии «Парные слова и парное словообразование в бурятском языке» [Дырхеева и др. 2014].

Несмотря на то что материал перечисленных работ демонстрирует разные взгляды на природу редупликации, повторов, выделим некоторые общие и специфичные утверждения. Среди общих взглядов важным является мнение большинства о том, что парные и редуплицированные слова — это разные языковые явления. Помимо этого, редупликация (удвоение, повтор) признается грамматическим приемом или способом передачи определенных значений. В числе общих моментов отметим, что многими выделяется два типа удвоений (полный / неполный, либо тождественный / нетождественный), при рассмотрении которых дается анализ фонетических изменений. Некоторыми учеными отмечается, что удвоение характерно для всех частей речи. Недостаточно раскрываются функционально-семантические особенности редупликаций в монгольских языках. Не все исследователи уделяют внимание повторам в звукоизобразительных и звукоиздательских словах.

Б. Ринчен в работе «Монгол хэлний зүйн бичиг» в подразделе «Давтах ёс» («Повтор») раздела «Утга чангаруулахын зүй» («Способы усиления значения») рассматривает так называемый полный повтор (*yaajar yaajar-un kütün* ‘люди из разных местностей’, *nige nige-her čubaraju* ‘следовать один за другим’, *eriyen eriyen mayiqan* ‘пестрые шатры’), повтор первого слога с наращением согласного звука (*čab čayan* ‘очень белый’, *čib čimege* ‘совершенно отчетливо, ясно’, *tob todū* ‘совершенно отчетливо, ясно’, *bad balai* ‘совсем мрачно’, *mor monduyar* ‘круглый-круглый’), глагольный повтор (*bodu boduysayar olba* ‘думал-думал и нашел’, *untaju untaju bosba* ‘говорили-говорили и нашли причину’, *yayiysayar yayiysayar učir-i olba* ‘долго спал и встал, выспался’, *qaran qaran mišiyebe* ‘посматривал-посматривал и улыбнулся’, *bičiged bičiged baraysan ügei* ‘писал-писал и еще не завершил’) и повтор в изобразительных словах (*salki ser ser salkilaba* ‘подул легкий ветерок’, *tngri nir nir duuyarba* ‘небо загрохотало’, *boru šibayu jir jir jirgebe* ‘серая птичка чирикала’). По его мнению, повтор — это синтаксический способ, результатом которого является парное слово. Данный способ применяется для выражения усиления значений в самом широком спектре (количество (множественность), качество, цвет (интенсивность), состояние и продолжительность действия). Интерес вызывает тот факт, что автор вступает в полемику с другими монголоведами по поводу повтора первого слога, ставя под сомнение сам повтор. В результате анализа он предлагает рассматривать такие примеры, как *čab čayan* ‘белый-пребелый, совершенно белый’, *ir irjayar* ‘очень оскаленный’ как парные слова, компоненты которых являются однокоренными словами с разными суффиксами (в его формулировке выглядит следующим образом: (корень + суффикс) + (тот же корень + другой суффикс) = парное слово, усиливающее значение), и потому похожие по форме на слова-повторы [Ринчен 2015: 380–383].

Венгерский монголовед Л. Бэшэ делает попытку строго отграничить удвоения и парные слова. Ученый в статье [Bese 1957] под термином «слова-близнецы» (Zwillingswörtern) рассматривает слова, относимые многими другими исследователями к повторам, такие, как *гэр мэр* ‘дом и все, что при нем находится’, *тос мос* ‘масло и прочее, всякие там жиры’, *хонь монь* ‘овцы’, *адуу мадуу* ‘лошади’, *анда манда* ‘сваты’, *халзан малзан* ‘лысый’, *мал сал* ‘скот’, *бага сага* ‘немного’, *борсо сорсо* ‘куски мяса’, *бэлэг сэлэг* ‘подарки’, *унин тунин* ‘дым’, *бэшэг ташаг* ‘письма, записки’, *арай шарай* ‘едва-едва’, *орьёл торьёл* ‘высокий’, *цул цэл* ‘бульканье’, *зая зуу* ‘немножечко’, *буу шуу* ‘ружье’, *хууша хаашан* ‘старый’ и др. Теоретическим основанием и эмпирической базой для его анализа послужили труды Г. И. Рамstedta, Б. Х. Тодаевой, Г. Д. Санжеева, А. Р. Ринчинэ, А. Мостэра, К. М. Черемисова. Л. Бэшэ считает, что с морфологической точки зрения производный компонент в такого рода словах представляет собой повтор, вариант соответствующего основного слова с фонетическим отличием. Морфологическая зависимость производного слова от основы выражается в строгой последовательности компонентов: основное слово всегда предшествует производному компоненту. В таком слове производный компонент выражает значение ‘и так далее’, ‘и тому подобное’, ‘или что-то в этом роде’ [Bese 1957: 204–205].

Критический анализ этой статьи был дан исследователями У.-Ж. Ш. Дондуковым и Н. Г. Данчиновой. Они перевели термин «слова-близнецы» как ‘парные слова’, а категорию слов, принятую называть в отечественном монго-

ловедении парными словами и представленную Л. Бэшэ как ‘сложные слова’ (*Zusammensetzung*), перевели как сочинительно-сложные слова. Авторы статьи вкратце представили суть полемики ученого с Г. Д. Санжеевым, К. М. Черемисовым, Б. Х. Тодаевой, который считал, что слова типа *аха дүү* ‘братья’, эхэ эцэг ‘родители’ являются сочинительно-сложными, а *тироо мироо* ‘перо и пр.’ — парными словами, это два различных способа словообразования. Основное их различие состоит в том, что оба компонента сочинительно-сложного слова являются самостоятельными словами, тогда как у парных слов самостоятельным является только один, основной компонент, а второй, производный компонент, имеет только модифицирующее значение [[Bese 1957: 207–209](#); [Дондуков, Данчинова 1968: 29–30](#)]. По мнению Л. Бэшэ, «слова-близнецы» составляют промежуточную категорию между простыми и сложными (точнее, сочинительно-сложными) словами [[Bese 1957: 209](#)].

В другой же своей статье [[Bese 1960](#)] он рассматривает особый вид редупликации: *аб адали* ‘очень похожий’, *шив шинэ* ‘совершенно новый’, *цав цагаан* ‘белый-пребелый’, *хаб хара* ‘совсем черный, угольно-черный’, *бад балай* ‘темный, ничего не видно’, *мад малаан* ‘полностью лысый’, *ара арбагар* ‘сильно лохматый’, *шодо шодогор* ‘очень худой, тощий’, *гүн гүнзгий* ‘очень глубокий’, *дала далбагар* ‘широкополый’, *чив чимээгүй* ‘очень тихо’, *гэб гэнтэ* ‘совершенно неожиданно’, *ав адилхан* ‘полностью похожий’ и др. Он приходит к выводу, что в монгольских языках редуплицированный слог в виде частичной редупликации представляет собой не что иное, как разновидность интенсивного суффикса, и принадлежит к группе модификационных элементов словаря, т. е. к языковым средствам, к которым мы относим и производный элемент слов-близнецов [[Bese 1960: 49](#)].

Среди перечисленных трудов особого внимания заслуживают работы А. А. Дарбеевой. Последовательное изложение специфики двух разных языковых явлений она представила в двух своих статьях — «К вопросу о парных словах в бурятском языке» [[Дарбеева 1963](#)] и «Повторы и удвоения в бурятском языке» [[Дарбеева 1969](#)]. В первой работе она всего лишь отметила, что «об удвоении гораздо меньше сказано, чем о парных словах» [[Дарбеева 1963: 17](#)]. Во второй статье предметом исследования стала в целом «проблема повторов», и потому в исследовании автор отвела больше внимания теоретическим аспектам удвоенных форм, нежели представила эмпирический материал. Исследователь ставит целый ряд теоретических вопросов: история вопроса и степень изученности в монгольских языках, дифференциация терминов «удвоение» и «повтор» с характеристикой специфических черт каждого из них, отличие удвоений от сочетаний однокоренных слов, удвоение как грамматический прием в бурятском языке, обоснование структурно-морфемного принципа классификации, выделение двух основных типов удвоений (полный ~ неполный / частичный) и определение функций, продуктивность м-редупликации и постановка вопроса о происхождении этого типа удвоения, констатация функционирования удвоенных форм в разговорной речи и художественной литературе и отсутствие их в лексикографических изданиях. Несмотря на небольшой объем статьи, все эти тезисы и некоторые постановочные вопросы демонстрируют глубину проработки темы и размышлений исследователя. На наш взгляд, выдвинутые А. А. Дарбеевой положения остаются актуальными по настоящее время и являются проспектом

для дальнейшего изучения редупликации на современном этапе научного знания.

Учеными отмечалось, что редупликация встречается во всех частях речи, однако в монгольском языкоzнании имеется исследование, посвященное отдельной части речи. З. В. Шевернина в своей также небольшой по объему статье сделала анализ редупликаций деепричастных форм в монгольском языке [Шевернина 1974]. Редупликация, удвоение, повтор в ее работе являются синонимами. Она рассматривает редупликацию как грамматический способ передачи определенных значений и выделяет среди глагольных форм два типа повтора (тождественный ~ нетождественный).

П. Бямбасан разделяет повтор и парные слова, определяет некоторые формально-структурные особенности повтора [Бямбасан 1978: 88]. Он считал, что как бы ни повторяли одно слово, являющееся лексической единицей, это соединение не образует другого слова. «*При добавлении воды к воде нет ничего, кроме увеличения объема, подобно тому, что из этого [соединения] масло не получается, и это диалектический закон вселенной*» [Бямбасан 1978: 92]. Автор полагал, что повтор не является словообразовательным средством, это грамматический прием, и повтор деепричастий — это способ выражения состояния действия, а не образования глагола [Бямбасан 1978: 94]. Хотя повторы и существуют, тем не менее они отсутствуют в словарях монгольского языка, поскольку не существуют объекты и явления, выраженные повтором [Бямбасан 1978: 92].

Б. Пурэв-Очир больше связывает повтор не с корнем, а с формой слова и считает, что повтор отличается от парных слов значением, функцией, типом. Он отмечает, что в монгольском языкоzнании это одна из интересных тем и многосторонний вопрос, это «*значимое явление языка и речи*» [Пурэв-Очир 1998: 90]. Такой способ усиления значения, как цав цагаан ‘белый-пребелый’, цэв цэнхэр ‘совершенно голубой’, хөв хөх ‘синий-синий’, ув улаан ‘очень красный’, нов ногоон ‘совсем зеленый’, ив ижил ‘совершенно одинаковый’, ав адил ‘точь в точь, как две капли воды’, зав залуу ‘совсем молоденький’ и т. д., исследователь определяет как микроповтор корня [Пурэв-Очир 1998: 91].

Ц. Унурбаян выделил в современном монгольском языке полный и неполный повтор, проанализировал повторы по всем частям речи и выявил их функции. Он отмечает, что роль неполного повтора в словообразовании является доминирующей. Существует закономерная последовательность, в которой сложные слова образуются от полного повтора через неполный повтор [Өнөрбаян 2006].

Ч. Баттулга согласен с мнением ученых, которые «*рассматривали повторно-парные сложные слова как один из видов особого повтора*» [Баттулга 2012: 71], а в выводах пишет о том, что «*слова-эхо и повторно-парные сложные слова в монгольском языке — это самое древнее явление в монгольском языке, которое произошло от парных слов, отличается по способу образования, имеет черты фонологии и морфемики, что это один из видов повтора, который встречается во многих языках мира*». Исследователь предложил следующее деление повторов и слов-эхо в монгольском языке: «1) оба слова имеют значение; 2) первое слово имеет значение; 3) оба слова без значения, но вместе выражают общее значение» [Баттулга 2012: 74].

Значительными трудами современности по исследуемой теме являются работы монгольского ученого Ж. Бат-Ирээдуй «Монгол хэлний хоршоо болон

давтмал үг хэллэгийн сан» («Словарь парных и удвоенных слов и выражений в монгольском языке») [Бат-Ирээдүй 2009], «Монгол хэлний давтах ёсны бүтэц хэлбэр, утга, найруулга судлалын асуудалд» («К проблеме исследования структуры, значения и композиции повторов в монгольском языке») [Бат-Ирээдүй 2013а] и «Монгол хэлний давтмал үг, хэллэгийн сан» («Словарь удвоенных слов и выражений в монгольском языке») [Бат-Ирээдүй 2013б]. Составитель словаря обосновывает собственный взгляд на природу повтора через призму теоретических обобщений по данному вопросу, в основном, монгольских учебных. Придерживаясь термина *давтхас ёс*, в свой анализ исследователь включил расширенный круг понятия «повтор – повтор основы, слова, фразы, предложения». Он отмечает, что семантика различных явлений природы (звуки, движения, действия), содержащих в себе характер повторяемости, может реализоваться в языке путем повтора этого слова два или более раз. В своих трудах Ж. Бат-Ирээдүй решает вопрос, является ли повтор в монгольском языке самостоятельным явлением или нет, и поскольку парные слова больше всего путают с повтором, он пытается разграничить эти два языковых явления [Бат-Ирээдүй 2013а: 90–92].

Ученый считает, что парные слова и повторы — это два разных вопроса: парность или парный принцип — это когда элементы по формально-структурному признаку различаются, а по семантическому признаку они близки либо антонимичны; повтор или принцип повтора — это когда элементы по формально-структурному признаку тождественны или почти тождественны. Повтор в монгольском языке является самостоятельным языковым явлением, рассматривается как грамматическое, а не лексическое явление, потому что при помощи повтора не образуется новое слово, а возникает новое, совершенно иное грамматическое значение [Бат-Ирээдүй 2013а: 93]. Соглашаясь с Ц. Унурбаяном [Өнөрбаян 2006] по поводу деления повторов в монгольском языке на полный (full reduplication) и неполный (partial reduplication) повторы, ученый принимает такой тип повтора, как *гэрөөс мөрөөс* ‘антилопа и прочее зверье’, *эрээн мэрээн* ‘пестроцветные, пегие’, *цаана маана* ‘где-то там подальше’, *тийм мийм* ‘такой же, подобный’, *усалж мусалж* ‘поливал и делал что-то подобное’, *жанжин манжин* ‘генерал и другие военачальники’, *цол мол* ‘титул и другие звания’, который определенно является одной из очевидных форм повтора в монгольском языке, однако в отличие от Ц. Унурбаяна определяет его как полный повтор [Бат-Ирээдүй 2013а: 91–92].

При анализе структуры слов-повторов монгольского языка Ж. Бат-Ирээдүй определяет, что главным признаком выступает тот факт, что оба компонента обязательно должны быть одинаковыми или иметь один корень или основу. Выдвинутое им это положение позволило ему не согласиться с Ц. Унурбаяном и по поводу неполного повтора с добавлением согласного «в» к первому слогу прилагательного (*бөв бөөрөнхий* ‘круглый-прекруглый’, *нов ногоон* ‘зеленый-зеленый’, *бов бор* ‘совершенно серый’, *був буурал* ‘седой-преседой’, *хув хүрэн* ‘совсем коричневый’, *шив шинэ* ‘очень новый’, *хав хар* ‘очень черный’, *дув дугуй* ‘совершенно круглый’, *хув хуурай* ‘сухой-сухой’, *цав цагаан* ‘белейший’, *дув дугай* ‘очень тихий, молчаливый’, *цэв цэнхэр* ‘абсолютно голубой’ и т. д.). Данный тип повтора монгольский исследователь не рассматривает как повтор. «Как бы ни сохранял корень данного слова, он не является чем-либо еще, кроме как способом интенсивности, усиления значения» [Бат-Ирээдүй 2013а: 94].

4. Заключение

Основанием для совместного рассмотрения удвоенных форм при описании парных слов является внешнее формальное сходство, выраженное не только структурно, но и рифмой в силу фонетической и просодической закономерности. Анализ общих либо характерных особенностей парных и удвоенных слов обусловил подходы исследователей, в зависимости от которых одни и те же примеры могут рассматриваться как парные слова либо как редупликация. Отсутствие ясных и однозначных критериев не позволило упорядочить их относительно друг друга, поэтому к настоящему моменту в монгольском языкоzнании существуют следующие основные точки зрения: 1) повторы (удвоения, редупликация) относятся к парным словам; 2) повтор — это способ образования парных слов; 3) парные и редуплицированные слова — это разные языковые явления.

При анализе их структурного разнообразия возникает тот самый дискуссионный момент в случаях, когда: 1) один из компонентов в словоформе является созвучным и неидентичным вариантом другого, т. е. фонетически видоизмененным вариантом знаменательного компонента (с самостоятельным значением или без): *арза барза* ‘молочная водка и что-нибудь вроде нее’, *бэлэг сэлэг* ‘подарок и что-нибудь вроде него’, *бага сага* ‘понемногу, помаленьку’, *дарга марга* ‘некий командир’, *бэшиг ташаг* ‘грамота и прочее’, *сай май* ‘чай и что-нибудь такое’, *убдэл субдэл* ‘остатки, крошки’, *эди шэди* ‘способность творить чудеса, магическая сила’, *буу шуу* ‘ружье, оружие’, *уурал хаарал* ‘пар, пелена’, *уруу дуруу* ‘понурый, унылый’, *элбэг дэлбэг* ‘изобильный, щедрый’; 2) оба компонента словоформы являются формализованными и ни один из них не имеет какого-либо значения: *ан бун* ‘в спокойствии’, *бүүр түүр* ‘смутно, неясно; еле-еле, чуть-чуть’, *гунхар ганхар* ‘о покачивающейся походке (с по-никней головой)’, *наляа баляа* ‘кое-как, небрежно’, *хархи норхи* ‘невзрачный, непривлекательный’. Это редуплицированное слово с дивергенцией или рифмованное парное слово, которое выглядит как ложный редупликат с дивергенцией? Предлагался к таким словам термин «повторно-парные сложные слова» как одному из видов особого повтора [Баттулга 2012: 71]. Нами также обозначалась проблематичность ситуации и предлагались возможные пути решения спорного статуса [Чимитдоржиева 2024: 14].

Следующая группа исследований показывает специфику и характерные признаки парных слов современного монгольского языка с целью ограничения их от повторов. Их авторы признают, что существующие характеристики и классификации парных слов нередко противоречивы, и доказывают, что эти группы слов отличаются и необходимо их рассматривать как отдельные языковые явления. Поскольку формально-структурный критерий не объясняет различий (*ана мана* ‘одинаково, так же; равно; равномерно’ и *элбэг дэлбэг* ‘изобильный, обильный; в изобилии, вдоволь’) — в монгольских языках подобные слова не имеют четких внешних признаков, то для их дифференциации авторы этих работ считают, что необходимо опираться на внутренний семантический признак, и предлагают функционально-семантический подход, чтобы отличить парные слова от сходных явлений (повторов, однородных членов, сочетаний слов). Исследователями дается заключение о том, что парные слова и повтор выражают разные значения: для повтора характерно выражение грамматического значения, а особенностью парных слов является выражение лексического

значения слова. В отличие от повтора в парных словах, образованных как будто повтором, сочетаются форма и семантика двух самостоятельных слов языка. Повтор в монгольском языке является самостоятельным языковым явлением и выражает грамматическое значение, при помощи повтора не образуется новое слово — как бы ни повторяли одно слово, являющееся лексической единицей, это соединение не образует другого слова. Редупликация же как повтор одного и того же слова (или основы) является одной из наиболее распространенных моделей отражения количественных характеристик и усиления значений, с помощью которой формируется значение множественности, усиления качества, интенсивности, продолжительности действия и др. Помимо этого, монголоведами отмечается, что образные слова активно бытуют в живом разговорном языке в виде повторов, удвоений, которые в большинстве случаев при вводе в речь употребляются в сопровождении служебного глагола *гэхэ* ‘говорить, произносить’.

Солидарность с этими заключениями обнаруживается и в работах, где объектом исследования стала редупликация (удвоение, повтор). Исследователи также признают, что парные и редуплицированные слова — это разные языковые явления, и поскольку парные слова больше всего путают с повтором, необходимо их отграничить. В этих работах отмечается, что удвоение характерно для всех частей речи, в основном выделяются два типа удвоений (полный / неполный, либо тождественный / нетождественный). Помимо некоторых общих моментов, в научной дискуссии относительно этих групп слов отсутствует единство во взглядах по следующим вопросам: одни рассматривают редупликацию как способ словообразования, другие же считают, что редупликация — это не словообразовательное средство, а грамматический прием или способ передачи определенных значений. Неоднозначно мнение по поводу повтора первого слога с наращением согласного звука в прилагательных (*čab čayap* ‘белый-белый’, *tob todū* ‘совершенно отчетливо, ясно’, *bad balai* ‘совсем мрачно’, *хаб хара* ‘абсолютно черный’, *ив ижил* ‘совершенно одинаковый’, *ав адил* ‘очень похожий, точь в точь’, *зав залуу* ‘молодой-молодой’, *шив шинэ* ‘совсем новый’): парные слова (Б. Ринчен), частичное удвоение (Л. Бэшэ), микроповтор корня (Б. Пурэв-Очир), способ усиления значения (Ж. Бат-Ирээдуй). Обращается внимание в первую очередь на формально-структурные особенности, недостаточно раскрываются функционально-семантические особенности редупликаций в монгольских языках. Не все исследователи уделяют внимание повторам в звукоподражательных и звукоизобразительных словах. Достаточно интересным является предположение об эволюции образования парных слов от полных повторов через их модификацию в виде неточных повторов (Л. Бэшэ, Ц. Унурбаян, Г. А. Дырхеева и др.). Эта гипотеза может стать диахроническим объяснением указанных языковых явлений и вполне может быть развита с вышеупомянутыми идеями Т. А. Бертагаева о повторе или перечислении схожих предметов или предметов одного вида как проявлении более первичной категории мышления.

Литература

Алиева 1980 — Алиева Н. Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках

References

Aliева N. F. Repeated Words and their Problems in the Languages of South East Asia

- Юго-Восточной Азии (Вместо предисловия) // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. М.: Наука, 1980. С. 3–22.
- Бертагаев 1941 — *Бертагаев Т. А.* Аморфное сочетание имен (на материалах бурят-монгольского, монгольского и русского языков) // Отдельный оттиск из «Записок ГИЯЛИ». Улан-Удэ: Бурят-Монгольский гос. НИИ языка, литературы и истории, 1941. III–IV. С. 13–34.
- Бертагаев 1961 — *Бертагаев Т. А.* О морфологическом строе бурятского языка. М.: АН СССР, 1961. 31 с.
- Бертагаев 1969 — *Бертагаев Т. А.* Морфологическая структура слова в монгольских языках. О фузии, символизации, анализизме, внутренней флексии, сингармонизме и многозначности аффиксов. М.: Наука, 1969. 183 с.
- Бертагаев 1971 — *Бертагаев Т. А.* Сочетания слов и современная терминология (на материале монгольского и литературного бурятского языков). М.: Наука, 1971. 152 с.
- Биткеева, Биткеев 1985 — *Биткеева Г. С., Биткеев П. Ц.* Парные слова в монгольских языках // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 3–15.
- Дарбееева 1963 — *Дарбееева А. А.* К вопросу о парных словах в бурятском языке // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ: АН СССР, Бурятский комплексный НИИ, 1963. С. 15–27.
- Дарбееева 1969 — *Дарбееева А. А.* Повторы и удвоения в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 6. Серия языковедческая. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. С. 91–99.
- Дондуков 1963 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Парное словообразование имен существительных в бурятском языке // (instead of a preface). In: Languages of Southeast Asia: Problems of Repetition. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 3–22. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. An Amorphous Combination of Names (based on the materials of the Buryat-Mongolian, Mongolian and Russian Languages). Separate Reprint from the “Notes of the State Research Institute of Language, Literature and History”. Ulan-Ude: 1941. No. 3-4. Pp. 13–34. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. On the Morphological Structure of the Buryat Language. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1961. 31 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Morphological Structure of the Word in Mongolian Languages. On Fusion, Symbolization, Analyticity, Internal Flection, Synharmonism and Polysemy of Affixes. Moscow: Nauka, 1969. 183 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Word Combinations and Modern Terminology (based on the Mongolian and Literary Buryat Languages). Moscow: Nauka, 1971. 152 p. (In Russ.)
- Bitkeeva G. S., Bitkeev P. Ts. Paired Words in Mongolian Languages. In: Research on the Grammar and Vocabulary of Mongolian Languages. Elista, 1985. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Darbeeava A. A. On the Issue of Paired Words in the Buryat Language. In: Issues of the Literary Buryat Language. Ulan-Ude: Academy of Sciences of the USSR, Buryat Complex Research Institute, 1963. Pp. 15–27. (In Russ.)
- Darbeeava A. A. Repetitions and Doublings in the Buryat Language. Towards the Study of the Buryat Language. In: Works of the Buryat Institute of Social Sciences. No. 6. Linguistic Series. Ulan-Ude: Buryatya Book Publ., 1969. Pp. 91–99. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Paired Word Formation of Nouns in the Buryat Language. In: Issues of the Literary Buryat Language.

- Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ: АН СССР, Бурятский комплексный НИИ, 1963. С. 29–45.
- Дондуков 1964 — *Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.
- Дондуков, Данчинова 1968 — *Дондуков У.-Ж. Ш., Данчинова Н. Г. К вопросу о парных словах в монгольских языках // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 27–37.
- Дырхеева и др. 2014 — *Дырхеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 208 с.
- Кузьменков 1989 — *Кузьменков Е. А. Выражение категории числа у лексико-грамматических единиц монгольских языков // Лексико-грамматические исследования бурятского языка*. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1989. С. 63–75.
- Норжинлхам 1999 — *Норжинлхам С. Лексико-грамматические особенности парных слов современных монгольских языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук*. Улан-Удэ, 1999. 24 с.
- Омакаева, Бадгаев 1990 — *Омакаева Э. У., Бадгаев Н. Б. Парные слова и повторы в современном монгольском языке // Исследования по синтаксису монгольских языков*. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. С. 163–171.
- Орловская 1961 — *Орловская М. Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке*. М.: Вост. лит., 1961. 114 с.
- Орловская 1974 — *Орловская М. Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. К 75-летию проф. Г.Д. Санжеева*. М.: Наука, 1974. С. 185–206.
- Рассадин 2008 — *Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию*
- Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute, 1963. Pp. 29–45. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. Derivation of Parts of Speech through Affixation in the Buryat Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1964. 246 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh., Danchinova N. G. On the Issue of Paired Words in Mongolian Languages. In: On Issue of Foreign Mongolian Studies on Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1968. Pp. 27–37. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Kharanutova D. Sh., Bardamova E. A. Paired Words and Paired Word Formation in the Buryat Language. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 208 p. (In Russ.)
- Kuzmenkov E. A. Expression of the Category of Number in Lexical and Grammatical Units of Mongolian Languages. In: Lexical and Grammatical Studies of the Buryat Language. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB AS USSR), 1989. Pp. 63–75. (In Russ.)
- Norzhinlkham S. Lexical and Grammatical Features of Paired Words in Modern Mongolian Languages. Cand. Sc. (Philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 1999. 24 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U., Badgaev N. B. Paired Words and Repetitions in the Modern Mongolian Language. In: Research on the Syntax of Mongolian Languages. Ulan-Ude, 1990. Pp. 163–171. (In Russ.)
- Orlovskaya M. N. Nouns and Adjectives in the Modern Mongolian Language. Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. 114 p. (In Russ.)
- Orlovskaya M. N. Methods of Formation of Derivative Adverbs in the Mongolian Language. In: Research in Oriental Philology. On the 75th Anniversary of Prof. G. D. Sanjeev. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 185–206. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Essays on the Morphology and Word Formation of Mongolian

- монгольских языков. Элиста: КалмГУ, 2008. 234 с.
- Рожанский 2011 — *Рожанский Ф. И. Редупликация: Опыт типологического исследования*. М.: Знак, 2011. 256 с.
- Санжеев 1940 — *Санжеев Г. Д. Грамматические приемы в монгольских языках // Труды Института востоковедения. № 2*. М.: АН СССР, 1940. С. 198–221.
- Трофимова 2001 — *Трофимова С. М. Именные части речи в монгольских языках*. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2001. 336 с.
- Харанутова и др. 2012 — *Харанутова Д. Ш., Сусеева Д. А., Онорбаян Ц. Монгольское словообразование: структура и способы*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 261 с.
- Цыдендамбаев 1958 — *Цыдендамбаев Ц. Б. Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимира*. М.: Вост. лит., 1958. С. 136–151.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 149 с.
- Шагдаров 2013 — *Шагдаров Л. Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелоги, модальные слова, слова категории состояния, изобразительные слова)*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.
- Шевернина 1974 — *Шевернина З. В. Редупликация деепричастий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. К 75-летию проф. Г.Д. Санжеева*. М.: Наука, 1974. С. 332–339.
- Чимитдоржиева 2024 — *Чимитдоржиева Г. Н. Образы движения в редупликатах бурятского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2024. № 2(50). С. 9–19.
- Bese 1957 — *Bese L. Zwillingswörter im Mongolischen // Acta Orientalia. Hung. T. VII. Budapest, 1957. Fasc. 2–3. Pp. 199–211.*
- Languages. Elista: Kalmyk University, 2008. 234 p. (In Russ.)
- Rozhanskiy F. I. Reduplication: Typological Study Experience. Moscow: Znak, 2011. 256 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Grammatical Methods in Mongolian Languages. In: Proceedings of the Institute for Oriental Studies. No. 2. Moscow, 1940. Pp. 198–221. (In Russ.)
- Trofimova S. M. Nominal Parts of Speech in Mongolian Languages. Ulan-Ude: Buryat State University, 2001. 336 p. (In Russ.)
- Kharanutova D. Sh., Suseeva D. A., Onorbayan Ts. Mongolian Word Formation: Structure and Methods. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 261 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. Figurative Words in the Buryat Language. In: Philology and History of the Mongolian Peoples. In Memory of B.Ya. Vladimirtsov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958. Pp. 36–151. (In Russ.)
- Shagdarov L. D. Figurative Words in the Modern Buryat Language. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 149 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D. Problems of the New Academic Grammar of the Buryat Language (noun, adjective, adverb, postpositions, modal words, words of the category of state, figurative words). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2013. 192 p. (In Russ.)
- Sheverina Z. V. Reduplication of Converbs in the Buryat Language. In: Research in Oriental Philology. On the 75th Anniversary of Prof. G. D. Sanjeev. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 332–339. (In Russ.)
- Chimitdorzhieva G. N. Images of Movement in Reduplicates of the Buryat Languages. In: Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (50). Pp. 9–19. (In Russ.)
- Bese L. Zwillingswörter im Mongolischen. *Acta Orientalia. Hung.* Vol. 7. Budapest, 1957. No. 2–3. Pp. 199–211. (In Germ.)

- Бесе 1960 — *Bese L. Einige Bemerkungen zur partikulären Reduplikation in Mongolischen* // *Acta Orientalia. Hung.* T. XI. Fasc. 1–3. 1960. Pp. 43–49.
- Базаррагчaa 1990 — *Базаррагчaa M. Монгол хэлний хоршоо үгийг хэрэглэх тухайд*. Улаанбаатар: Багш нарын мэргэжил дээшлүүлэх институт, 1990. 135 с.
- Бат-Ирээдүй 2009 — *Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хэлний хоршоо болон давтмал үг хэллэгийн сан*. Улаанбаатар: Мон-Эдюкэшн Пресс Паблишинг, 2009.
- Бат-Ирээдүй 2013а — *Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хэлний давтых ёсны бүтэц хэлбэр, утга, найруулга судлалын асуудалд* // *Acta Mongolica*. 2013. Vol. 14(400). С. 90–101.
- Бат-Ирээдүй 2013б — *Бат-Ирээдүй Ж. Монгол хэлний давтмал үг, хэллэгийн сан*. Улаанбаатар: МУИС, 2013. 280 х.
- Баттулга 2012 — *Баттулга Ч. Монгол хэлний хоршоо үгийг үүсэл гарлын асуудалд* // Монгол судлалын чуулган. 2012. № 12(47). С. 74–99.
- Бямбасан 1978 — *Бямбасан П. Үг давтыхын нэгэн учир* // Хэл зохиол судлал. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1978. Боть 13. 11-р дэвтэр. С. 87–97.
- Өнөрбаян 2006 — *Өнөрбаян Ц. Орчин цагийн монгол хэлний давталтын арга, түүний үүрэг* // Монгол судлалын чуулган. 2006. Боть 6. С. 12–22.
- Пүрэв-Очир 1998 — *Пүрэв-Очир Б. Монгол хэлэн дэх зарим давталтын онцлог, утга, найруулгын үүрэг* // Монгол хэлний өгүүлбэрзүй-2. Улаанбаатар: «Бемби Сан» хэвлэлийн газар, 1998. С. 89–110.
- Ринчен 2015 — *Ринчен Б. Раздел: Давтых ёс // Монгол хэлний зүйн бичиг*. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. С. 377–389.
- Bese L. Einige Bemerkungen zur Partikulären Reduplikation in Mongolischen. *Acta Orientalia. Hungarian Academy of Sciences* Vol. 11. No. 1–3. 1960. Pp. 43–49. (In Germ.)
- Bazarragchaa M. On Issue of Using of Paired Words in the Mongolian Language. Ulaanbaatar: Institute for the Pedagogical Professional Development, 1990. 135 p. (In Mong.)
- Bat-Ireedüi J. Collection of Paired and Doubled Words of the Mongolian Language. Ulaanbaatar, Mon-Education Press Publishing, 2009. (In Mong.)
- Bat-Ireedüi J. On the Form Structure, Meaning, and Composition of Reduplication in the Mongolian Language. *Acta Mongolica*. 2013a. Vol. 14 (400). Pp. 90–101. (In Mong.)
- Bat-Ireedüi J. A Dictionary of Mongolian Reduplicated Words and Phrases. Ulaanbaatar: Press Publishing House of the National University of Mongolia, 2013. 280 p. (In Mong.)
- Battulga Ch. On the Origin of Paired Words in the Mongolian Language. *Forum of Mongolian Studies*. 2012. No. 12 (47). Pp. 74–99 (In Mong.)
- Byambasan P. One Reason for Repeating Words. Linguistics. Ulaanbaatar: Academy of Sciences, 1978. Vol. 13. Book 11. Pp. 87–97. (In Mong.)
- Önörbayan Ts. Methods and Role of Reduplication in the Modern Mongolian Language. *Forum of Mongolian Studies*. 2006. Vol. 6. Pp. 12–22. (In Mong.)
- Pürev-Ochir B. The Characteristics, Meaning and Compositional Role of Some Repetitions in Mongolian. *Syntax of the Mongolian language–2*. Ulaanbaatar: Bembi San, 1998. Pp. 89–110. (In Mong.)
- Rinchen B. Reduplication. Grammar of the Mongolian Language. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2015. Pp. 377–389. (In Mong.)

Языкоzнание

УДК 811.512.36

UDC 811.512.36

Лексемы, обозначающие черный и белый цвета, в монгольском языке: когнитивно-семантический подход

Сарангэрэл Равжир¹

Lexemes Denoting Black and White Colors in Mongolian: A Cognitive-Semantic Approach

Sarangerel Ravjir¹

¹ Институт социальных и гуманитарных наук Монгольского национального университета образования (д. 14, ул. Бага Тойруу, Сухэ-Баторский район, 14191 Улан-Батор, Монголия)

кандидат филологических наук, преподаватель

¹ School for the Humanities and Social Sciences, Mongolian National University of Education (14, Baga Toiruu, Sukhbaatar District, 14191 Ulaanbaatar, Mongolia)

 0000-0002-6345-9447. E-mail: [sarangerel.r\[at\]msue.edu.mn](mailto:sarangerel.r[at]msue.edu.mn)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Сарангэрэл Равжир, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Sarangerel Ravjir, 2025

Аннотация. Введение. В статье представлены результаты изучения эволюции и расширения значений цветонименований «черный» и «белый» в монгольском языке с точки зрения семантики, языка, культуры. Цель данной статьи — разъяснение изменений и расширений в значении названий цветов *хар* ‘черный’ и *цагаан* ‘белый’ с лингвистической, культурной и этнографической точек зрения, определение семантической структуры и сравнение сходств и различий с семантической структурой ряда языков (семантическая карта CLICS³) с использованием электронного словаря монгольского языка. Из материала, основанного

Abstract. Introduction. The article presents the results of studying the evolution and expansion of the meanings of the color names “black” and “white” in the Mongolian language from the point of view of semantics, language, culture. The purpose of this article is to explain the changes and extensions in the meaning of the color names “*khar*” “black” and “*tsagaan*” “white” from a linguistic, cultural and ethnographic point of view, to determine the semantic structure and compare the similarities and differences with the semantic structure of many languages (semantic map CLICS 3) using the electronic dictionary of the Mongolian language. From the material based on the database, a composite

на базе данных, была выбрана составная единица, которая встречается в названии цветов «черный» и «белый», определено расширение значения и сетку значений. *Результаты.* Выявлены разветвленные варианты значений, проведено сравнение значения фразеологизма с сеткой значений в других языках, а также объяснено значение фразеологизма с точки зрения теории метафоры. В разделе гипотез названия цветов «черный» и «белый» в монгольском языке используются в направлении смыслового ряда добра и зла при расширении и создании двух больших групп противоположных значений. Для монголов цвет «белый» имеет символическое значение, которое основано на том, что он высоко почитается как цвет добра, чистоты, цвет молока: ээжийн цагаан сүү ‘белое материнское молоко’, оргөөн цагаан гэр ‘белая дворцовая юрта’, цагаан хоймор ‘белое почетное место в юрте’, цагаан газар ‘белая местность’, цагаан сээтэгэл ‘чистая душа’ и т. д. Сетка значений «черный» в целом соответствует общечеловеческому мышлению, которое основано на идее о том, что черный цвет представляет тьму и зло. Но в монгольской культуре его особенностью является то, что сочетания являются как общими, так и показывающими значение, связанное с монгольской культурой, социальными изменениями и историческим словарем. По сравнению с семантической картой, включающей 3 156 языков, сетка значений добра и зла аналогичен, но есть некоторые устойчивые единицы, производные от двух цветоименований в монгольском языке, а также их значения и употребления. Данная статья имеет важное значение для лексической семантики, культурной идентификации значений слов и этнографических исследований, поскольку в ней освещаются значение и культурно-специфическое использование монгольских словарных единиц, а также рассматриваются ценностные и культурные аспекты значений слов.

unit was selected, which is found in the names of the colors “black” and “white”, the extension of the meaning and the range of values were determined. *Results.* Branched variants of meanings are revealed, the meaning of phraseology is compared with the range of meanings in other languages, and the meaning of phraseology is explained from the point of view of metaphor theory. In the hypotheses section, the names of the colors “black” and “white” in the Mongolian language are used in the direction of the semantic series of good and evil when expanding and creating two large groups of opposite meanings. For the Mongols, the color “white” has a symbolic meaning, which is rooted in the fact that it is highly revered as the color of goodness, purity, and milk: ezhiyn tsagaan suu ‘white mother’s milk’, orgoo tsagaan ger ‘white palace yurt’, tsagaan hoomor ‘white place of honor in a yurt’, tsagaan gazar ‘white locality’, tsagaan ‘pure soul’, etc. The range of meanings of “black” generally corresponds to universal human thinking, which is based on the idea that black represents darkness and evil. But in Mongolian culture, its peculiarity is that the combinations are both common and show the meaning associated with Mongolian culture, social changes and historical vocabulary. Compared to the semantic map, which includes 3,156 languages, the range of meanings of good and evil is similar, but there are some stable units derived from the two color names in the Mongolian language, as well as their meaning and usage. This article is important for lexical semantics, cultural identification of word meanings, and ethnographic research, as it highlights the meaning and culturally specific use of Mongolian vocabulary units, as well as examines the value and cultural aspects of word meanings.

Ключевые слова: черный, белый, цветоименование, изменение значения (семантическое изменение), расширение, смысловая сеть (фрейм), метафора

Для цитирования: Сарангэрэл Равжир. Лексемы, обозначающие черный и белый цвета, в монгольском языке: когнитивно-семантический подход // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 315–340. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-315-340

Keywords: black, white, color naming, change of meaning (semantic change), extension, semantic network (frame), metaphor

For citation: Sarangerel Ravjir. Lexemes Denoting Black and White Colors in Mongolian: a Cognitive-Semantic Approach. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 315–340. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-315-340

1. Введение

Множество цветов в мире различается посредством человеческого зрения. Традиционное восприятие черного и белого, связанное с восприятием человечеством света и тьмы, сопряжено с культурной самобытностью народа. Считается, что изучение цветоименований заложило основу для современных исследований путем сравнения их эволюции и общих черт основных названий цветов в разных языках [Berlin, Kay 1969: 104–110]. В различных странах эти названия широко изучались в рамках лингвистики, психологии, этнографии, культурологии и искусства, выявлялись общие и отличительные культурные особенности.

У монголов в рамках традиционных шаманских верований сформировалась концепция добра и зла, связанная с символикой черного и белого цветов; исследования показывают, что пять основных цветов — синий, желтый, красный, зеленый и белый — стали символизировать жизнь. Цветовая символика на материале «Сокровенного сказания монголов» была изучена Д. Цэдэвом [Цэдэв 1997], культурная символика была глубоко исследована С. Дуламом [Дулам 2011], М. Базаррагчаа [Базаррагчаа 1997] и Бямбаханд [Базаррагчаа, Бямбаханд 2015] анализировали ее с лингвистической точки зрения, а Б. Уранчимэг [Уранчимэг 2004], О. Нандин-Эрдэнэ и Н. Нансалмаа [Нандин-Эрдэнэ, Нансалмаа 2015], Авирамэд [Авирамэд 2022] — с точки зрения психолингвистики и когнитивной лингвистики.

В указанных работах на основе фольклорных и других источников культурная символика, выраженная через цветовую символику, была подробно изучена, в то время как с лингвистической точки зрения, семантики и этимологии было подробно изучено значение слова «черный» [Базаррагчаа, Бямбаханд 2015]. Другие исследования проводились с целью изучения цветоименований на основе одного текста или нескольких документов, для определения современного использования с помощью психолингвистических анкет и для сравнения их с западными языками, такими, как английский и французский. Таким образом, можно считать, что наблюдается отсутствие семантических и семантически-культурных исследований, которые могли бы определить специфические характеристики использования конкретной единицы в контексте ее использования. Например, как монголы воспринимают и представляют себе черный и белый цвета? Какая лексика используется для выражения этой идеи и в каком контексте она используется? Ответы на эти вопросы указывают на важность исследования семантических и культурологических аспектов, разъясняющих

в рамках конкретной единицы значение использования языка и всех явных и скрытых аспектов культуры, заложенных в значении языка.

Цветонаименования играют важную роль в культурной символике каждого народа, они связаны с общим человеческим чувством распознавания цвета. Существует гипотеза, что названия черного и белого цветов в монгольском языке связаны с культурой и обычаями, создавая каркас из двух абстрактных понятий, таких, как «хороший» и «плохой», которые менялись и разветвлялись в употреблении языка и создали множество единиц с переносным смыслом. Тема исследования была избрана с целью выяснения культурных и ментальных особенностей монголов, проявляющихся через цвет, на основе литературных свидетельств, основных обозначений цвета в языке, а также прямых и косвенных значений, выраженных через них.

Изучая значения языковых единиц, можно узнать, как люди понимают окружающий мир. Это позволяет нам понять мировоззрение, культуру, религию, философию, обычаи, эстетику и знания данного народа. В наше время изучение языка в контексте его использования стало более глубоким и связанным с человеческим мозгом, мыслительными процессами, культурной средой, использованием языка, также существует направление по изучению и определению неязыковых культурных значений, заложенных в значениях словарных единиц. Поэтому исследователи пришли к выводу, что значение слова следует интерпретировать на стыке языка, познания и культурного использования. В то время как язык отражает понимание людьми мира в целом [Cienki 2004: 175], а слова обеспечивают доступ к когнитивным сетям [Langacker 1987: 247], лингвистика идентичности утверждает, что метафоры идентичности являются чисто когнитивными феноменами, а не лексическими единицами [Geeraerts 2009: 158]. Исследователи считают, что концептуальная система сама по себе является метафорической в своем объяснении значения слова и культурного использования [Базаррагчаа 1997: 9; Blank 1999: 13; Waag 1908: 38–40; Нансалмаа 2015: 51; Lakoff 1993: 210; Lakoff, Johnson 2003: 201] на основе теории и методологии метафоры идентичности. С одной стороны, для раскрытия глубинной структуры значения языковых единиц важно определить изменения, расширение семантического объема слов на основе инновационных методологий на стыке современных наук, а с другой — важно изучать семантические изменения в языке на материале электронной базы данных, включающей образцы монгольской литературы совокупным объемом в 6 866 647 словоупотреблений. Слова в контексте, которые указывают на тонкие семантические различия, могут передавать культуру и менталитет, такое как образ жизни, мировоззрение, ценности, обычаи и другие культурные традиции народа. Можно определить сетку значений слов. Кроме того, значения, связанных с названиями цветов, несут в себе множество культурных смыслов. Поэтому цель состоит в том, чтобы объяснить изменения и расширения значений монгольских названий цветов «черный» и «белый» с культурной и этнографической точек зрения, определить сетку значений лексических единиц.

2. О некоторых исследовательских подходах

Изучение названий цветов было начато антропологом Брентом Берлином и лингвистом Полом Кеем [Berlin, Kay 1969]. В своей работе «Названия основных

цветов, их общие черты и эволюция» они, исследуя основные названия цветов в языках, показали эволюцию семантики цветов, выявили их общие черты, установили этапность развития семантики названий цветов. С тех пор, как была заложена основа, значительно больше появилось исследований по изучению и сравнению названий цветов в разных языках. Например, было начато изучение онтологии названий цветов [Hardin, Maffi 1997], а модель Б. Берлина и П. Кея была пересмотрена и изучена с использованием новой методологии [Berlin, Kay 1969].

Восприятие мира и всего живого в цвете обусловлено восприятием света и темных теней при смене дня и ночи, которое может развиться в культуре народа в его собственное уникальное восприятие цвета. Например, когда монголы различают цвета и текстуры вещей, они используют следующие слова: белый, коричневый, черный, темный, синий, красный, желтый, бурый, серый, пестрый, охристый, голубой, блестящий, зеленый и т. д. Для цветов использовалось большое количество разных лексем, например грязный, пустынnyй, жаркий, розовый, коричневый, черный и т. д. Исследования символики монгольского языка начались в 1980-х гг. В своей работе о символике цветонименований в «Сокровенном сказании монголов» Д. Цэдэв пришел к выводу, что два цвета, черный и белый, являются магической комбинацией и считаются «родительскими» цветами [Цэдэв 1997: 83]. Для монголов синий, белый, черный — символические цвета, используемые во всех общественных и государственных функциях.

С точки зрения традиционного монгольского поклонения природе и философии самая базовая оппозиция в цветовой символике — это дуальность света и тьмы, черного и белого, которые происходят от света и тени [Дулам 2011: 3]. С точки зрения психолингвистики система цветов монгольского языка основана на концепции цвета. После изучения названий был сделан вывод, что 11 основных цветов и их порядок в исследовании Б. Берлина, П. Кея [Berlin, Kay 1969] и других не соответствуют названиям цветов в монгольском языке. Однако М. Авирамэд [Авирамэд 2022] в своей докторской диссертации пришел к выводу, что монгольские названия цветов изучались с когнитивно-лингвистической точки зрения. М. Базаррагчаа в статье, имеющей отношение к изучению семантики монгольского языка, рассуждая о том, как монголы используют цвет для описания вещей [Базаррагчаа 1997], объясняет происхождение названий цветов и считает, что слова, обозначающие цвет, тесно связаны с обычаями, мыслями и чувствами людей, а также то, что производный и структурный смыслы, символический и эмоциональный, в монгольском языке представляют собой различные абстрактные концепции.

3. Цель исследования

В статье создается сеть значений на основе слов, используемых в контексте названия цветов «черный» и «белый», и определяются их особенности. Также объясняются несколько метафор идентичности единиц в качестве примеров из литературных произведений. Согласно методологии, используемой в базе данных семантической карты CLICS³, нами создана сеть значений монгольских слов, которые могут быть обнаружены только по двум единицам — «черное» и «белое», и она используется в наших исследованиях.

Возникают следующие исследовательские вопросы:

– Как изменились значения названий цветов «черный» и «белый»? Влияет ли культура на изменение смысла?

– Что означают эти названия цветов? В чем сходство и различие этого круга значений со спектром значений, выраженных этим понятиями «черный» и «белый» в других языках мира?

4. Методика исследования

В статье объясняется изменение значения с использованием методов анализа значения слов [Blank 1999], образования метафор [Waag 1908] и когнитивной теории и методологии [Lakoff, Johnson 2003] для определения семантических вариантов, содержащихся в сетке значений, которые имеются у названий цвета «черный» и «белый». Для анализа, как значение дистанцируется, выявлялся смысл идентичности идиом с точки зрения теории метафор. На основе онлайн-библиотеки литературы на монгольском языке [Пүрэвсүрэн, Мөнхдэлгэр, Насан-Урт 2015] с помощью AntConc 4.0.5 создавалась выборка слов, встречающихся в линейной зависимости темы — цвета «черный» и «белый». Используется программа поиска слов и ранжирования частот слов, создана таблица словосочетаний, определен сетка значений и используются результаты базы данных (CLICS³—База межъязыковых коллексификаций [CLICS]) для сравнения. Выявляются сходства и различия семантического ряда многих языков. По результатам рассмотрения материала электронной базы данных мы стремились определить максимальную частоту и соответствие употребляемой сложной единицы с названиями цветов в монгольском языке, причем не только значение. Также на основе метода интерпретации значения слова использовались методы наблюдения, классификации, анализа, интерпретации и обобщения.

5. Результаты

При изучении цветонаименований в монгольском языке на основе данных литературы наиболее часто употребляемой единицей, проявляющей множество противоположных значений с культурной и символической точек зрения, были названия «черный» и «белый». Это обычное явление во многих языках мира, и противоположное свойство одного поглощать свет, а другого — его отражать, проявляется во многих языках.

На основе лексического материала 108 книг монгольской литературы (анализированных с помощью кластерных инструментов AntConc 4.0.5) была составлена таблица частот распространенных цветонаименований и цветовых сочетаний в монгольском языке (табл. 1). Выявлено, что наиболее частыми сочетаниями являются *цагаан гэр* ‘белый дом’, *хөх тэнгэр* ‘синее небо’, *хар хүн* ‘черный мужчина’. Сочетания *цагаан гэр* ‘белый дом’, *хөх тэнгэр* ‘синее небо’ указывают на культурные и символические традиции монголов, а сочетание *хар хүн* ‘черный мужчина’ — на множество смысловых изменений, вызванных названием цвета «черный». Особенности культурного мышления проявляются в различии цвета: к примеру, политических, социальных и религиозных явлений — в сочетаниях *улаан туг* ‘красный флаг’, *Ногоон Дарь эх* ‘Зеленая Тара’; явлений жизни кочевников-скотоводов — в сочетаниях *бор морь* ‘бурый конь’, *саарал адuu* ‘серый конь’, *бүгээн адuu* ‘светловатый конь’; описания вещей — в

сочетаниях *шар цоохор* ‘желто-пестрый’, *хүрэн улаан* ‘бордовый’, *ягаан цэцэг* ‘розовые цветы’, *бараан юм* ‘темные вещи’, *эрээн мяраан* ‘пятнистый’, *алаг нүд* ‘пестрые глаза’. Поэтому для того чтобы объяснить часть культурного формирования значения слова, необходимо многопланово рассмотреть значение каждой единицы с точки зрения культуры народа.

Таблица 1. Частота словосочетаний, повторяющихся в названиях цветов

№	Названия цветов	Частота	Словосочетания	Частота
1.	Белый (<i>цагаан</i>)	10 491	Белая юрта, жилье (<i>цагаан гэр, цагаан өргөө</i>)	460
2.	Черный (<i>хар</i>)	11 617	Мужчина (<i>хар хүн</i>)	426
3.	Синий (<i>хөх</i>)	3 857	Синее небо (<i>хөх тэнгэр</i>)	522
4.	Красный (<i>улаан</i>)	5 991	Красный флаг (<i>улаан түг</i>)	187
5.	Зеленый (<i>ногоон</i>)	1 863	Зеленая Тара (<i>Ногоон Дарь эх</i>)	129
6.	Желтый (<i>шар</i>)	4 459	Желто-пестрый (<i>шар цоохор</i>)	148
7.	Коричневый (<i>хүрэн</i>)	1 958	Бордовый (<i>хүрэн улаан</i>)	64
8.	Розовый (<i>ягаан</i>)	390	Розовый цветок (<i>ягаан цэцэг</i>)	28
9.	Коричневый / бурый (<i>бор</i>)	2 827	Бурый конь (<i>бор морь</i>)	209
10.	Серый (<i>саарал</i>)	709	Серый конь (<i>саарал морь</i>)	71
11.	Светловатый (<i>бүгээн</i>)	47	Светловатый конь (<i>бүгээн адуй</i>)	9
12.	Темный (<i>бараан</i>)	586	Темная вещь (<i>бараан юм</i>)	31
13.	Пестрый (<i>алаг</i>)	1 924	Пестрые глаза (<i>алаг нүд</i>)	327
14.	Разноцветный (<i>эрээн</i>)	976	Разноцветный (<i>эрээн мяраан</i>)	63

5.1 Значение, его изменение и расширение цветоименования *цагаан* ‘белый’

Монголы белый цвет уподобляют цвету молока, высоко почитают его (что отражено в понятиях эхийн *цагаан сүү* ‘белое материнское молоко’, *цагаан сар* ‘белая луна’, *есөн хөлт цагаан түг* букв. ‘девятиногий белый флаг’, *есөн цагааны бэлэг* букв. ‘дар девяти белых’, *цагаан сэтгэл* ‘белая душа; өргөө цагаан гэр’ ‘белый дом’), считают его символическим цветом — *хиргүй, ариун нандин үнэнч сэтгэл, гоёмсог сайхан, шударга тууштай байх, аз жаргал, гэрэл гэгээ, энх амгалан байх, мөнхөд орших* ‘непорочной, священной верности, красоты, честности, счастья, света, мира и вечного существования’. С. Дулам рассматривал белый цвет как представление солнца и дня, что выражает значение нескрытых от других, очевидных и чистых добрых дел, свое исследование он аргументировал данными фольклора [Дулам 2011: 4]. М. Базаррагчаа же в своей статье писал, что названия двух цветов, белого и серого, имеют одно и то же происхождение и тесно связаны с обычаями и ментальностью народа [Базаррагчаа 1997: 9].

В Толковом словаре монгольского языка [Монгол хэлний] отмечаются 7 различных значений слова *цагаан* ‘белый’: 1) базовое основное значение — цвет, противоположный черному, цвет снега; 2) без препятствий, ровный, легкий — например, *цагаан газар* ‘белая местность’, *цагаан бичиг* ‘белое письмо’;

3) святой, верный, честный, добрый — например, *цагаан санаа* ‘белая мысль’, *цагаан сэтгэл* ‘белая душа’; 4) седьмой цвет из десяти цветов неба — приводится пример *цагаан морин жил* ‘год белой лошади’; 5) первый месяц лунного календаря — *цагаан сар* ‘белый месяц’; 6) постная еда — *цагаан хоол* ‘белая еда’; 7) прямая кишкя животных — *цагаан мах* ‘белое мясо’ [Монгол хэлний].

Монгольское слово «белый» встречается 10 491 раз в базе данных монгольской литературы. Частотность слов, выражающих значение слова «белый», представлена в табл. 2. Нами был проведен сравнительный анализ с целью выяснения значения и сетки значений, вытекающих из названия цвета, и того, как значение и мышление монголов относительно этого цвета отражались в языковых документах.

Таблица 2. Частота наиболее распространенных сочетаний с названием цвета «белый»

<i>цагаан гэр</i> ‘белое жилье’	142
<i>цагаан гэрт</i> ‘в белом доме’	101
<i>цагаан сар</i> ‘белая луна’	100
<i>цагаан сарын</i> ‘нового года’	94
<i>цагаан царайтай</i> ‘белолицый’	91
<i>цагаан эсгий</i> ‘белый войлок’	91
<i>цагаан цэргийн</i> ‘белой армии’	86
<i>цагаан шүд</i> ‘белый зуб’	84

Описание *өргөө цагаан гэр* ‘белый дом’ часто встречается в языковых документах, что можно считать отражением символического мышления монголов, их пожеланием добра. Часто употребляется словосочетание *цагаан сар* — букв. ‘белая луна, белый месяц’, название праздника начала года, который, с одной стороны, символизирует изобилие и добро, а с другой — связан с традицией отмечать праздник молока и молочных продуктов. Из лингвистических данных ясно, что значение названия цвета *цагаан* ‘белый’ во многом зависит от мышления людей и нелингвистического — культурного отношения к этому цвету. Например, при выяснении отличия значения сочетания *цагаан зам* ‘белая дорога’ от контекста выясняется, что «белая дорога» в одном случае относится к цвету молочных продуктов, а в другом — символизирует благосостояние. Это связано с пожеланием монголов благополучия своим детям, отправляющимся в дальний путь. Другими словами, при выражении различных значений в контексте одно направляемо связано с основным значением цвета, а другое — с культурой и обычаями. Это один из 11 способов изменения значения [Blank 1999: 13], который можно рассматривать как расширение и изменение значения, укорененное в общепринятой этике. Например:

— *Тэр хахаж цацан, урд энгэр рүү нь цагаан зам татуулан айраг урсаж байлаа.* (Л. Түдэв) ‘Он поперхнулся, и кумыс потек по его груди, прокладывая белую дорожку’;

— *Хүүгийн минь аяны цагаан зам өлзийтэй болтугай хэмээн өрөөж, тэнгэр бурхандаа сүү цацаж зогссон.* (Д. Маам) ‘Я стоял и окропил молоком небо, обращаясь к божеству с молитвой, чтобы белый путь путешествия моего сына был благоприятным’.

Кроме того, в следующих примерах словосочетание *цагаан хүн* ‘белый человек’ также выражает разные значения. Если в первом примере оно означает цвет кожи человека, а во втором — бескорыстие человека, отсутствие скрытой злонамеренности, то в третьем примере — оно сходно со значением во втором примере, но означает добродушного человека, не способного на плохие дела.

— *Очсон чинь, хотоос ирсэн том хүн л юм байлгүй, гял цал болсон толийсон халимагтай мэлтийсэн цагаан хүн сууж байна.* (Г.Мэнд-Ооёо) ‘Когда я пришел туда, там сидел взрослый человек, видимо, из города, чистоплотный белый человек с гладкой стрижкой’;

— *Касымов ч бэлэн цэцэн үгтэй, ил цагаан хүн аж.* (Т. Султаан) ‘Касимов был добрым человеком, хотя за словами в карман не лез’;

— *Чамайг бодоход ариун хүн шүү гэж агсрахад Дугарын дургүй хүрч гарыг нь мушигиж: — Битгий дэмийрээд бай.* (Н. Банзрагч) ‘Когда он стал боянить, выкрикивая: «Это святой **добродушный** / белый человек по сравнению с тобой», — Дугар потерял терпение, выкрутил ему руку и сказал: «Не мели чепуху»’.

Слово пополняется рядом значений¹ (см. табл. 3) и отмечено, что пять из шести значений являются метафорическими, что можно отнести к особенностям указанного процесса в монгольском языке.

В табл. 3 в столбце I помещены словосочетания, которые выражают непосредственно производное от основного значения названия цвета; в столбце II — со значением «мягкий, слабый, легкий»; в столбце III — «хороший, чистый, честный»; в столбце IV — «грубый и беспрепятственный», в столбце V — «открытый, безопасный»; в столбце VI — «одиночный, эксклюзивный». Помимо значения, формирующего смысл словарного запаса слово вбирает в себя культурные символы данного народа, образуя множество значений слова и становясь основой для расширения значений. Например, значение словосочетания *цагаан голзуу* — букв. ‘белый сумасшедший’ происходит от значения «добро» и «справедливость» и означает, что хотя человек и остер на язык, но дурных мыслей у него нет, он говорит ясно и прямо. Таким образом формируются многие значения слов и выражений, расширяется их значение, при этом возможность обозначения всех этих значений в словаре ограничено. Поскольку словарный запас языка как такового очень динамичен, в каждом существует поле значений, которое будет порождать их во множестве. Именно поэтому многие исследователи рассматривали значение слов как инварианты знаний об окружающем мире.

По данным исследований, наименованием цвета «белый» (*цагаан*) принято называть вещи, связанные со звездами, природными явлениями, местностями, растениями, животными, людьми и предметами, однако существует множество и абстрактных значений, вызванных чувствами и культурными символами, которые влияют на человеческое зрение и психологию. С одной стороны, это связано с этимологией слова, а с другой — с особенностями познавательного мышления. Например, *цагаан сар* — название праздника нового года (по лунному календарю); *цагаан тал* — обширная / широкая степь; *цагаан хоймор* — северная (почитаемая) сторона юрты, дома, жилья; *цагаан мөртэй явах* — вести

¹ В метафоре есть две области: непосредственный предмет и исходная область, в которой происходят важные метафорические рассуждения и которая обеспечивает исходные понятия, используемые в этих рассуждениях. Метафорический язык имеет буквальное значение в исходной области [Lakoff, Johnson 2003: 201].

правильный образ жизни, помогая другим; *цагаан толгой* — первый, начальный; *цагаан сэтгэл* — чистая душа, преданный, добродушный человек; *цагаан яриа* — открытый, без злого умысла разговор; *цагаан инээд* — смех незлобных людей; *цагаан аялгуу* — нечто вроде звука, доносящегося издалека в степи; *цагаан жавар* — пар, выделяющийся на холода; *цагаан салхи* — поток сухого воздуха; *цагаан газар* — местность без препятствий, без камней, о которые можно споткнуться; *цагаан магтаал* — лживая и пустая похвала (восхваление). Большая часть этих выражений означает почитание белого цвета, то такие выражения, как зэвхий *цагаан* ‘ржаво-белый’, *өгөр цагаан* ‘бледно-белый’, хувхай *цагаан* ‘желто-белый’, *цонхигор цагаан* ‘бледно-белый’, улцан *цагаан* ‘слезливо-белый’ имеют негативные значения при описании неприятных черт лица у людей, испорченных вещей.

Кроме того, такие словосочетания, как *цагаан толгой* ‘белая голова’, *цагаан уул* ‘белая гора’, *цагаан архи* ‘белая водка’, *цагаан хаан* ‘белый царь’, *цагаан цэрэг* ‘белые солдаты / армия’, *цагаан орос* ‘белый русский’, *цагаан тос* ‘белое масло’, *цагаан хэрэм* ‘белая крепость’, *цагаан будаа* ‘белый рис’, *цагаан мөөг* ‘белые грибы’, *цагаан халаад* ‘белый халат’, *цагаан нөмрөг* ‘белая накидка’, *цагаан дарь* ‘белый порох’ и прочие; словосочетания *цагаан шөнө* ‘белая ночь’, *цагаан тэнгэр* ‘белое небо’, *цагаан уйл* ‘белое деяние’, *цагаан яриа* ‘белый разговор’, *цагаан буян* ‘белое добре дело’, *цагаан зам* ‘белая дорога’, *цагаан санаа* ‘белое намерение’, *цагаан хүн* ‘белый человек’, *цагаан яс* ‘белая кость’, *цагаан хорвоо* ‘белая вселенная’, *хар*, *цагаан хэл ам* ‘черный и белый языки’, *хар цагаан дуугүй* ‘черно-белое беззвучие’, *цагаан гартай* ‘с белыми руками’, *цагаан аялгуу* ‘белая мелодия’, *цагаан сэтгэл* ‘белая душа’; а также названия мастей животных: *цагаан янзага* ‘белый олень’ и многие географические названия в сочетании с названиями цветов: *цагаан даваа* ‘белый перевал’, *цагаан ус* ‘белая вода’ могут быть связаны с монгольскими традициями почитания и табуирования отдельных объектов. Необходимо отметить и то, что широко используются сочетания с символическим значением. Также распространены примеры создания противоположных значений путем представления абстрактных множественных значений на черном фоне. Исходя из этих результатов, сетка значений использования названия цвета «белый» в монгольском языке следующая (см. диаграмму 1).

Таким образом, при анализе употребления и изменения значения цветоименования «белый» в монгольском языке на материале электронной базы данных было установлено следующее. У монголов-скотоводов основной продукт в хозяйстве — молоко, потому цвет молока символически связан со значениями «священный», «честный», «добрый», «доброта», «безобидные действия», «невинные мысли и слова». Значение «свет, яркость», «день», «луч», «красота» происходят от противоположности светлого начала, символизирующего день, и темного начала — ночи и тьмы. Из-за влияния белого цвета на зрительное восприятие обширные территории равнин и скалистых холмов принято называть и описывать как «белые». Монголы не называют белый скот только «белым» по масти, к тому же они редко разводят белых животных. Существовала традиция преподносить чисто белых лошадей, так как среди них особи чисто белой масти рождаются редко. Это связано с идеей о том, что белый цвет «драгоценен и благороден». Кроме того, разведение белых лошадей признается неблагопри-

Таблица 3. Значения, исходящие из названия цвета *цагаан* ‘белый’

I	II	III	IV	V	VI
белое молоко, белое масло, белый герб, белое мясо, белый локоть, белая линия, белая пурга, белая дорога	белый ветер, белый разговор, белая роса, белая мелодия, белая простуда, белый грипп	белая идея, белая луна (белый месяц), белый день, белая душа, белое действие, белый человек, белый сумашедший, белый язык, белая добродетель	белая дорога, белая земля, белый документ, белый перевал, белая глава (алфавит), белая странница	белое дело, белый смех, белый разговор, белое действие, белое горло (громкоговори- тель, усилитель)	белое бедствие, белая еда (без мяса, вегетарианская еда), белое стихотворение, белая революция, белое масло, белый свинец, белый шторм

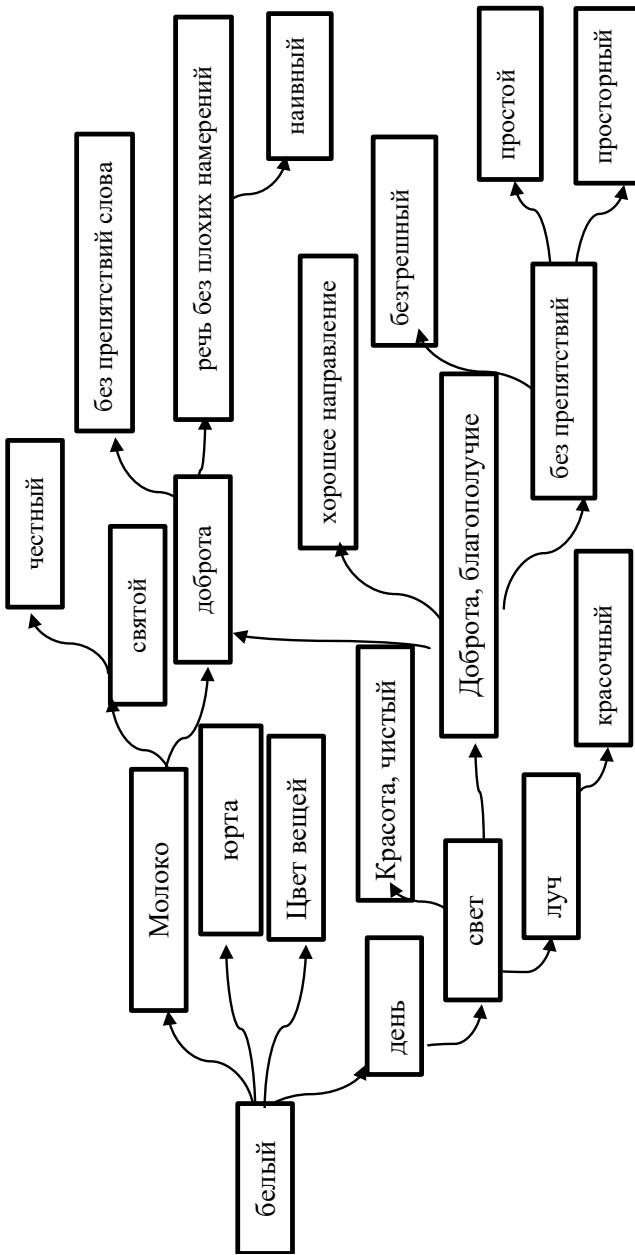

Диаграмма 1. Сетка значений, выражаемых цветоименованием «белый» в монгольском языке

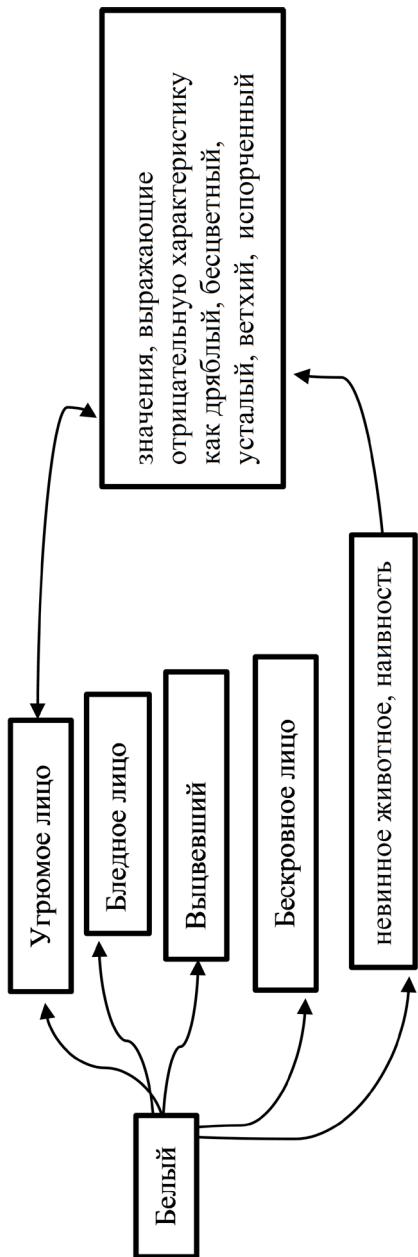

Диаграмма 2. Визуализация отрицательной оценки с использованием понятия «белый цвет»

ятным, поскольку, согласно законам физики, белый цвет отражает солнечный свет, и считается, что белые лошади не могут противостоять суровым погодным условиям Монголии. Вместе с тем в некоторых местах «белыми» называют коричневых, серых, светло-желтых животных, подчеркивая позитивный смысл. Происхождение цветоименования «белый» [Базаррагчаа 1997: 9–10] связано и со значениями, как у слов *саарал* ‘серый, грязный, мышастый (о масти)’, *саар* ‘плохой, неважный’ в значении ‘бледный’, поэтому можно считать, что значение слова имеет также значение ржавления и выветривания. Например, с указанным выше происхождением связано использование цвета «белый» для создания негативного образа — «серого, бледного, уставшего, обветренного». Например: *Если вы думаете, что вся красота и вкус Вселенной заключены в цвете, почему вы не можете этого почувствовать! Что такое бесцветная вселенная? Смотри... даже если посмотреть... цвет просто ржаво-белый* [Л. Тудэв]. Также это связано с возникновением описания пустоты названием «белый» цвет. Например: *После пробежки, если вы вокруг оглянетесь назад, то увидите белое поле без машин* [М. Эрдэнэбат]. В оригинале на монгольском языке использовано слово *саурул*, которое означает, что цвет не белый, а значит, не на что смотреть. С другой стороны, цвет «белый» создает в человеческом сознании приятное, светлое и мягкое ощущение и создает огромное пространство в человеческом видении.

При сопоставлении сетки значений монгольского цвета «белый» с CLICS³ выявлено, что значения «день, свет, сияние, красота, добро, красочный, чистый, честный, добрые дела, легкий» обычно употребляются в контексте обозначения невинности, простора, чего-то не содержащего плохих чувств. Однако, за исключением значений «грубый и беспрепятственный», «идти в правильном направлении» и «огромное пространство», значения связаны с общими закономерностями человеческого познания. Кроме того, встречались словосочетания, выраждающие негативное значение, выраженное в названии цвета «белый» в монгольском языке.

При рассмотрении результатов исследования составной единицы, образованной названием цвета «белый», обнаруживается, что источник идентичности, выражаемый цветом «белый», был связан в культуре монголов со значением «красота». Это объясняет метафоры идентичности, образованные некоторыми фразеологизмами.

Таблица 4. Метафорическое описание семантического тождества некоторых фразеологизмов

Идиома	Концептуальное представление	Значение метафоры
<i>цагаан хоолой ‘белая труба’</i>	– это наименование происходит от <i>мөгөөрсөн хоолой</i> ‘дыхательного горла’, что означает громко говорить; – уподобление характеру человека с широкой душой, много говорящего или распространяющего слухи без плохих намерений.	– громкоговорители, усилители; – человек, распространяющий слухи без плохих намерений

цагаан толгой ‘белая глава (голова)’	– это наименование несет в себе значение первого, первоначального, так как белый считается исходным цветом; – это связано с тем, что пустое пространство подобно белому цвету.	первый учебник (букварь) для обучения грамотности
цагаан хэл ам хүрэх ‘подвергаться белым языкам / сплетням’	– сочетание со словом «белый» определяет и подчеркивает то, что разговоры и распространение слухов не носят характер плохих намерений или умысла; – это связано с обычаем не поощрять неожиданную похвалу.	дела не увенчаются успехом из-за зависти других
цагаан ястай ‘с белой костью’	с древних времен человека с аристократическими корнями называли «белой костью», что связано с противопоставлением «черного» и «белого» как противоположностей, имеющих отрицательную и положительную оценки. Цагаан яс ‘белая кость’ обозначала людей знатного ханского рода, тогда как хар яс ‘черная кость’ — слуг, рабов. Эти словосочетания встречаются в древних источниках; – значение качества относится к просвещенному человеку.	– ханского рода; – просветленный монах
цагаан галзуу букв. ‘белый сумасшедший’	человек с добрым сердцем, даже если он ругается, то не держит зла.	клясть, ругать без плохого умысла
цагаан сэтгэл ‘белая душа’	чистосердечный человек, который не имеет плохих мыслей и не помышляет о злодействиях.	безобидный и добрый
цагаан хүн ‘белый человек’	человек, который помогает другим от всего сердца и относится ко всем, не имея плохих намерений.	безобидный, полезный и добросердечный человек
цагаан зуд ‘белое бедствие’	сильный снегопад, снежные заносы.	стихийное бедствие, когда пастбище занесено снегом
цагаан хоол ‘белая еда’	продукты, изготовленные из молока животных, называются молочными продуктами, а те, которые содержат молоко, молочные продукты и муку, называются немясными продуктами.	еда без мяса
цагаан ханиад ‘белая простуда’	производное от значения легкого и мягкого.	легкая и быстро излечимая простуда

5.2. Значение названия черного цвета *хар* и его сетка значений

Исследователи отмечают, что монголы черный цвет считают символом власти и ночи [Дулам 2011: 4]. Черный цвет считается символом ночной тьмы и знаком тайн и злых скрытных дел, что подтверждается фольклором [Базаррагчаа, Бямбаханд 2015: 74]. В результате анализа материала исследования нами выявлены значения данной лексической единицы, представленные в виде «ветвей», которые показывают значение близкой или изогнутой «ветки» и дальней или сломанной «ветки».

В Толковом словаре монгольского языка [Монгол хэлний] слово *хар* ‘черный’ имеет различные значения, среди которых выделены 6 главных и 12 дополнительных. Шесть главных значений, выделенных авторами словаря: 1) противоположность белому цвету; цвет сажи и угля; 2) подозрительность и настороженность; 3) черный цвет в письменности; 4) безделье и праздность — «быть черным»; 5) звукоподражательное слово: *хар-хар* (звук, издаваемый при определенных действиях); 6) один из изгибов кости в области шеи и спины: *хар сээр* ‘черный хребет’. Двенадцать дополнительных значений: 1) противоположность белому цвету; 2) зло, плохие намерения; 3) тяжелое и трудное; 4) грязное и мутное; 5) точно, очень, крайне; 6) не являющийся государственным чиновником, нерелигиозный, обычный мужчина; 7) одинокий, личный, индивидуальный; 8) чистый, несмешанный; 9) не свой, чужой; 10) тюрьма, каторга; 11) бесхозное, заброшенное; 12) опасное, вредное.

Как представления монголов о черном цвете отразились в их языке? Как расширилась сетка значений у лексемы?

Слово «черный» встречается в материалах 108 книг монгольской литературы 11 617 раз, первые сочетания с наибольшей частотой результатов поиска в программе приведены в табл. 5. Словосочетание «черный человек»¹, нередко встречающееся, означает мужчину или обычного гражданина, не имеющего религиозного сана, в исследованных материалах оно означает обычного мужчину. Также изменяется значение слова *хар*, встречающееся перед именем человека (в словосочетания, обозначающем прозвище «черная Зана»), указывающем: 1) на иссохшее, загорелое лицо; 2) на человека с плохими намерениями.

Таблица 5. Частота наиболее распространенных сочетаний с названием цвета «черный»

<i>хар хүн</i> ‘черный мужчина’	385
<i>хар чоно</i> ‘черный волк’	173
<i>хар нүд</i> ‘черный глаз’	144
<i>хар юм</i> ‘черная вещь’	134
<i>хар цагаан</i> ‘черно-белый’	130
<i>хар буруу</i> ‘черно-неверный’	109
<i>хар ус</i> ‘черные волосы’	105

¹ В «Сокровенном сказании монголов» отмечается, что черным цветом различали социальные слои и корни. Из-за этого значение *хар хүн* ‘мужчина’, *хар хүү* ‘мальчик’ расширилось далее. *Хар яст* ‘черной костью’ обозначали рабов [Дулам 2011: 10–11]. Древнее значение слова *хар хүн* ‘черный мужчина’ означало ‘муж’ (так женщины звали своих мужей), и это интересный термин, свидетельствующий о семейном положении в некоторых монгольских провинциях [Ринчен 1967: 58–59].

<i>хар бор</i> ‘черно-коричневый’	101
<i>хар Зана</i> ‘черная Зана’	94

Монголы обычно описывают волков как синих и серых, но в исследованных нами материалах сочетание «черный волк» встречается 173 раза, что свидетельствует об опасности, связанной с волками, могущими задрать животных из стада.

Словосочетаниями «черная вода» называют черноводное озеро — реку или озеро, помимо названия, «черный спирт» — жидкость с большим содержанием спирта, «черный дождь» — проливной дождь, «черная вода», половодье. Слово *хар* используется и для описания фруктов. «Черной водяной походкой» называют красивый, но жесткий ход лошади. Название цвета «черный» и производные от него сложные единицы широко используются в контексте следующих значений, что было выявлено при анализе программного поиска (сводная информация о сетке значений представлена в диаграмме 3).

Из лингвистических данных видно, что монголы создали абстракции и идиомы на основе названия «черный», обозначая им предчувствие опасности от явлений природы, растений, животных, а также опасение от злых дел и страданий. Кроме того, в монгольском языке распространено абстрактное значение цвета «черный», передающее визуальные или психологические черты людей, особенности культуры, символов и жизни. Например, «черная земля» — пустынное место, откуда переселились семьи; «черная тарга» — упитанность без жира; «черное мясо» — постное мясо; «черный дом» — тюрьма, «черное молоко» — молоко от единственной черной кобылы; «черный интеллект» — знания, полученные упорным трудом; «черное содержание» — злые мысли; «черная влага» — влага, накапливающаяся ночью; «черная вода» — обычная вода со спиртом и экстрактами; «черный сувай» — женщины и животные, которые не беременеют; «черная земля» — бесснежная земля; «черный чай» — чай без молока и т. д. Отметим также, что монгольский военный флаг, являющийся символом великой державы, изготавливается из черного конского волоса и называется «черным гербом».

Значение слов, которые корнями уходят в название черного цвета, менялось и расширялось. Другими словами, при выражении нового значения одна часть словосочетания напрямую оказывалась связанной с основным значением цвета, а другая — с культурой и традициями. Например, словосочетание «черный дом», встречающееся в приведенных ниже примерах, имеют разное значение в контексте. В первом примере описание дома бедняка как черного является значением цвета, а в следующем примере оно обозначает тюрьму в переносном значении, подразумевая зло и скрытность.

— *Баян айлын барлаг, багир хар гэрүүдийн нэг нь Долингорын гэр ажээ.* (Ц. Дамдинсүрэн). ‘Дом Долингора — один из темных домов, принадлежащих слугам богатой семьи’;

— *Зуун гэрт залхааж дараа нь хар гэр рүү туугаад явдаг ажээ.* (С. Удвал). ‘Ему становится скучно в левом доме, и он едет в черный дом’.

Анализируя значение цвета «черный», встречающегося в текстах, рассмотрим значения II–VII (табл. 6), при этом можно считать, что все значения созданы внутри метафоры идентичности и связаны с характеристикой культуры.

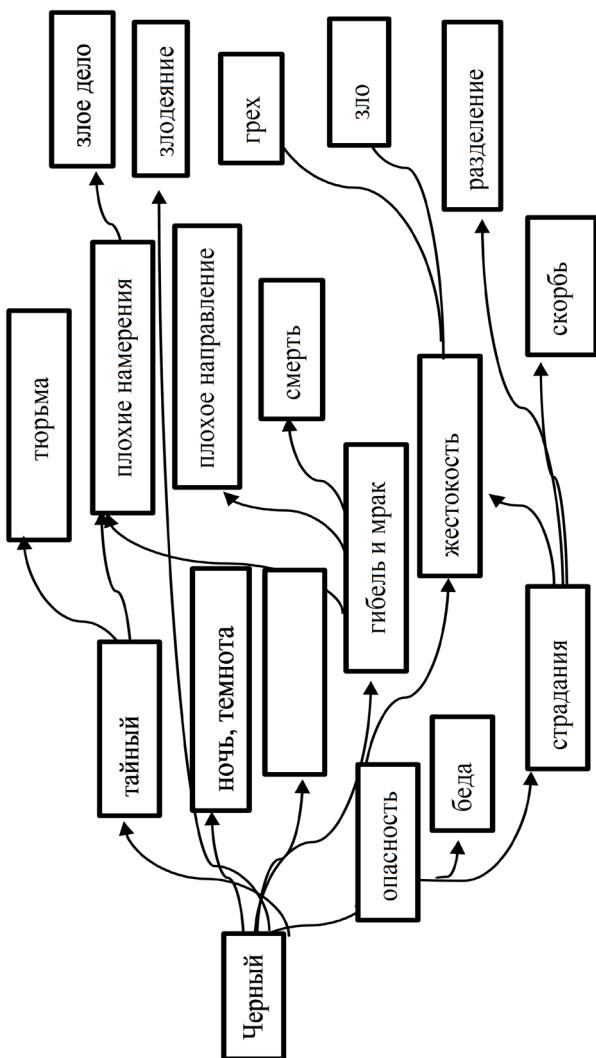

Диаграмма 3. Сетка значений, выражаемых названием цвета «чёрный»
в монгольском языке

Значения, напрямую образованные от названия: I — цвет, II — тяжелый, трудный, III — простой, IV — одиночный, исключительный, V — массовый, злой, вредный, опасный, VI — тайный, скрытый, секретный, VII — разное. Таким образом, с одной стороны, в зависимости от того, как организм человека воспринимает предмет, происходит формирование и расширение значения слова, и его объяснение на конкретной единице очень важно при изучении. Для изменения значения слова важны чувства, впечатления и символы.

Таким образом, изучение употребления и смысловых изменений названия цвета «черный» в монгольском языке на основе электронной базы данных выявило, что значение цвета «черный» эволюционировало за счет ощущения, которое он дает людям, и связано оно с физическими свойствами «черного цвета», который поглощает свет. Человеческое восприятие дня и ночи (света и тьмы) распространено в лексике языка, но ясно, что оно создано метафорическим методом. Выведенная из вышеприведенного значения «сила» является указанным значением, монголы также рассматривают сорок четырех черных неба на востоке с точки зрения мифологии и шаманских верований. С другой стороны, значения ночи и тьмы стали выражать «скрытность», «зло», «опасности», «грехи и зло», «конец света». Монголы называли родственных царю простых людей «черными людьми» или *харзард*, что было названием низшего класса общества, а значение слова «черный человек», «черный мужчина» и т. д. изменилось на «муж» или «молодой человек» в современном монгольском языке. Это связано с тем, что потомков царей называли «людьми белой кости», а потомков рабов — «людьми черной кости». Сетка значений данного цветоименования схематически показана на диаграмме 4.

При сопоставлении множества значений названия цвета «черный» в монгольском языке с CLICS³ выявлено, что цветоименования связаны с обыденным мышлением человечества. При этом сетка значений слов «холостой, рядовой, одинокий» и «государственный человек, рядовой мужчина, муж» различен. Что касается названия цвета, то «черный» в монгольском языке создает наибольшую связь со словом «коричневый», тогда как во многих языках его значение связано с цветом «синий» и создает комбинацию. Также черный цвет у монголов символизирует власть, поскольку флаг у древних монголов был черным. Как отмечено [Дулам 2011: 10–11], это был символ устрашения.

Из приведенных ниже примеров видно, что расширение значения, происходящего от названия монгольского цвета «черный», связано не только с отрицательными качествами. Например, встречаются сочетания отрицательных значений, таких, как «черный рот», «черное мышление», «черный дом», «черная земля», «черная печень», «черная вода», «черные плечи» и т. д. По теории о пяти элементах, составляющих мир по цвету (огонь — красный, железо — белый, вода — черный, дерево — синий, земля — желтый), «черная вода» — спирт, «черная вода, дождь» — опасные наводнения, «черная влага» — значение этого словосочетания было расширено, и теперь оно означает «холодный, водянистый пар, накапливающийся ночью». Считается, что обозначение алкоголя со словами «черная вода», с одной стороны, имеет значение «опасный и ядовитый», а с другой стороны, в результате его контраста с молоком, значение используется в речи. Значение конструируется по отношению к физическим и когнитивным явлениям, подобно 2 и 7-му способам построения метафоры в любом языке

Таблица 6. Разветвленные значение от цветоименования «черный»

I	II	III	IV	V	VI	VII
стать черным	черная работа	мясной суп	просто вода	злой умысел	убрать черные	
чёрный чай без	совсем глупый	своя жизнь	черная юрта	злое намерение	ящики	
молока	черная сила	простой ум	плохая примета	политика черного	разбить черный	
чёрноглазый	черный заговор	черная голова	черный ветер	яшика	глаз	
ревновать	плохое слово	черный пот	черное пятно	черная торговля	поставить синяк	
чёрный хлеб	простой гражда-	черная волка	черная сила	черная посадка	различить черное	
	нин	черное мясо	черное действие	плохие слова	и белое	
	государственный	черный жир	с черной печенью	положить отраву	земля черного и	
	человек	черная ступня	с черным следом		белого	
	чёрный свинец	черная влага	с плохим ртом			
		думать о себе	копмар снится			
		истекать черным	с черной душой			
		потом	с черной ревно-			
		черная грудь	стью			
		черная голова	черное вымя			
		черная слона				

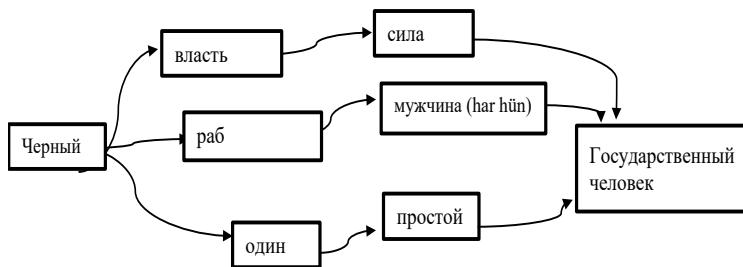

Диаграмма 4. Сетка значений, выражаемых названием цвета «черный» в монгольском языке

[Waag 1908: 38–40]. С другой стороны, сложное слово «черная влага» можно рассматривать как конструкцию, связанную с пространством, временем, физическими и познавательными явлениями, что является 4 и 7-м методами [Waag 1908: 38–40]. Итак, любая метафора не создается каким-то одним способом. Основная причина использования этой метафоры заключается в том, что люди ее очень хорошо знают и широко используют в повседневной жизни.

При обобщении результатов исследования сложной единицы, образованной названием цвета «черный», источник метафорического тождества, выраженного черным цветом, подключается к привычной для монгольского восприятия области «уродства» (см. табл. 7).

Таблица 7. Метафорическая интерпретация значения некоторых фразеологизмов

Идиома	Концептуальное представление	Значение метафоры
<i>хар амтай</i> ‘с черным ртом’	– происходит от негативного значения зла	– постоянно говорить о плохих и негативных вещах
<i>хар хэл ам</i> ‘черные языки’	– происходит от негативного значения зла	– проклинать других, бранить
<i>хар амиа бодох</i> ‘думать только о себе’	– происходит от значения единственного	– необщительный, эгоист
<i>хар гэр</i> ‘черное жилье’	– связано со скрытностью тайнами, злом, гибелью и т. д.	– тюрьма
<i>хар мөртэй</i> ‘с черными следами’	– связано со злом и несчастьем.	– совершать плохие поступки и доставлять неприятности другим
<i>хар ажил</i> ‘черная работа’	– связано с признаком силы и одиночества	– тяжелый физический труд
<i>хар ухаан</i> ‘черный ум’	– имеет характеристики чего-то одного или многостороннего	– врожденные и приобретенные знания
<i>хар толгой</i> ‘черная голова’	– происходит от признака одиночества. Голова представляет человека.	– только сам человек

<i>хар тарга</i> ‘черный жир’	— связано с признаком единственности и исключительности.	— толстеть, не набирая жира

6. Обсуждение

Цвет специально изучается многими науками, такими как физика, физиология, психология, медицина, фотография и искусствоведение. С точки зрения семантики и познания, исходя из результатов исследований, значение названия цвета связано, в первую очередь, с обыденным мышлением человечества, во-вторых, подтверждается широкий спектр смыслов, связанных с особенностями культуры, мышления и быта народа.

Названия цветов — черный и белый — в монгольском языке используются в направлении смыслового ряда добра и зла при расширении и создании двух больших групп противоположных значений. Для монголов белый цвет имеет большое символическое значение, которое коренится в том, что это цвет молока, цвет добра и святости. Например: белое материнское молоко, белая юрта, белая местность, чистая душа и т. д. Черный цвет, хотя и соответствует общечеловеческому восприятию, которое основано на том, что он связан с тьмой и злом, имеет такую особенность, что комбинации, иллюстрирующие его значение, сопряжены с монгольской культурой, социальными изменениями и словарем. Например: «черное мясо», «черный суп», «черная влага», «черный мужчина», «черный мальчик», «черный человек», «черная работа», «черная жизнь» и т. д.

С логической точки зрения многие смыслы в тексте возникают из противоположных особенностей распознавания явлений, выведенных из воображения света — тени, света — тьмы и названий цветов «белый и черный»:

- 1) большой контраст (большой черный, темно-коричневый, мелкий белый);
- 2) противоположности облика, формы и внешнего вида (черные заросли, белые участки);
- 3) противоположные значения (белая луна, темный дом);
- 4) символические противоположности (белое дело, черное дело, белая добродетель, черный грех);
- 5) создание юнитов противоположной силы (ураган, белый ветер, черный гребень, белый гребень) и т. д.

С другой стороны, значение идиоматической единицы, далекое от основного значения, имеет особенность, заключающуюся в том, что семантические особенности основного значения достаточно устойчивы и четко сохраняются. Например, значения, исходящие из названия белого цвета (см. табл. 3) и черного цвета (см. табл. 6), несут в себе характеристику культуры монголов. В монгольском языке слово «черный» используется и в бранных словах в монгольском языке, по мнению [Blank 1999: 13], можно считать, что значение было изменено средствами аналоговой речи, но за этим стоят еще и человеческие чувства, которые ассоциируются с «черным» цветом. Более конкретно это связано с использованием неявного языка, хранящегося в этой единице без планирования. С этой точки зрения значение цвета «черный» изменилось, и оно часто встречается в ненормативной лексике и словах, усиливающих власть, часто имея негативный подтекст. Кроме того, в ходе данного исследования были выявлены отрицательной коннотации слова и образы, связанные с контекстом

употребления белого цвета, а также позитивные слова и образы, связанные с использованием черного цвета.

Сравнивая использование черного и белого цветов в монгольском языке с семантической картой CLICS³, нам удалось установить, что существует разный подход в их использовании. Это указывает на разницу в культурном мышлении, но одна из особенностей, обнаруженная в выборке исследования, заключается в том, что идиомы, происходящие от названия черного цвета, обычно имеют негативную коннотацию, тогда как идиомы, происходящие от названия белого цвета, имеют положительную коннотацию. Также по результатам семантических версий, относящихся к двум единицам (табл. 3 и 6), было учтено, что составные единицы отражают особенности ядра культуры мышления.

7. Заключение

Исходя из того, что база данных монгольского языка насчитывает почти 7 млн слов, формирование большинства значений названий цветов «черный» и «белый» связано с символами культуры, языковых ценностей. Когда ценности раскрываются как сложная единица, они несут в себе характеристику культурной мысли, которая является метафорической по отношению к основной идентичности.

При классификации смысловых изменений, происходящих от названия цвета «белый», по семантическим характеристикам образуются значения: «яркость, день, молоко, цвет юрты, красота, добро, чистота, честность», «грубый, гладкий, мягкая, маковая, легкая, безгрешная, слова и речь без дурных намерений, невинность, просторность». Если сравнивать с CLICS³, у слов «день, свет, сияние, красота, добро, красочность, чистая, честная истина, доброе дело, легкое, неза-мысловатое, незлое слово, язык, речь», «невинный» сетка значений одинакова, а сетка значений у слов «грубый и беспрепятственный», «сидти в правильном направлении» и «просторный» отличается. От названия цвета «черный» образуются значения: «ночь, тьма, зло, опасность, катастрофа, беда, печаль, жестокость, тайна, буря, обреченность, темница, грех, злой дух, дурное дело», «грязный», «сила, одинокий, простой, обычный, раб, человек, государственный человек».

Что касается частоты употребления, то название цвета «черный» встречается в таких выражениях, как «стать черным человеком», «иметь черные внутренности», «иметь черные плечи», «думать о черном», «иметь черную печень» и т. д., и это вызвано негативностью мышления, а с названием цвета «белый» встречаются такие выражения, как «белая речь», «белое сердце», «белый разговор», «белая еда», «белая революция». В материалах исследования встречаются и такие положительные значения, как «черные волосы», «шелковистый черный хвост», «черные глаза», но имеются и отрицательные значения, связанные с белым цветом, такие, как «белый человек», «ржаво-белое лицо» и «белая голова». Таким образом, на практике используется особая языковая единица, отражающая восприятие монголами «черного» и «белого» цветов, несущих в себе многие культурные особенности народа.

В заключение хочется отметить, что в эпоху развития электронных технологий этот тип исследований, объясняющий значение языковых единиц с точки зрения языка, культуры и этнографии, следует считать весьма важным.

Литература

Авирамэд 2022 — Авирамэд М. Монголчуудын үндсэн өнгөний нэрийг танихуйн хэл шинжлэлийн үүднээс судлах нь. Хөх хот, 2022. 121 х.

Базаррагчаа 1997 — Базаррагчаа М. Монголчууд өмнө зүг чигийг хэрхэн нэрлэдэг вэ? (=Как монголы называют Юг) // Монгол Улсын Их Сургуулийн сэтгүүл. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их Сургууль, 1997. № 9(126). Х. 8–21.

Базаррагчаа, Бямбаханд 2015 — Базаррагчаа М., Бямбаханд Ч. Монгол хэлний «хар» хэмээх үгийн салаа угтын онцлог (=Особенности значения слова «хар» в монгольском языке) // Acta Mongolica. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их Сургууль, 2015. Х. 62–93.

Дулам 2011 — Дулам С. Монгол бэлгэдэл зүй: Өнгийн бэлгэдэл зүй. II боть. Улаанбаатар: Бит пресс ХХК, 2011. 316 х.

Монгол хэлний — Монгол хэлний их тайлбар толь. // URL: <https://mongoltoli.mn/dictionary/> (дата обращения: 15.03.2025).

Нандин-Эрдэнэ, Нансалмаа 2015 — Нандин-Эрдэнэ О., Нансалмаа Н. Монгол хэлний өнгөний нэрийн судалгаа (= Исследование цветообозначений в монгольском языке) // Хавсарга хэл шинжлэл болон Англи хэл утга зохиолын олон улсын сэтгүүл (Австралийн олон улсын академи). 2015. Т. 4 № 6. Ноябрь. Х. 58–63

Нансалмаа 2015 — Нансалмаа Н. Үгийн сан судлал (= Изучение лексики). Улаанбаатар: Удам соёл, 2015. 197 х.

Пүрэвсүрэн, Мөнхдэлгэр, Насан-Урт 2015 — Пүрэвсүрэн Т., Мөнхдэлгэр Т., Насан-Урт С. МУЗД 108 ботийн цахим сан программ хангамж (=Электронное программное обеспечение фонда 108 книг монгольской литературы). Хөх хот, 2015.

References

Avirmed M. Cognitive Linguistics Study of Basic Color Names of the Mongolian. Khökh Khot, 2022. 121 p. (In Mong.)

Bazarragchaa M. 1997. How do the Mongols Call the South? *National University of Mongolia's Research Journal*. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 1997. No. 9 (126). Pp. 8–21. (In Mong.)

Bazarragchaa M., Chuluunbat B.. Features of the Branch Meaning of the Mongolian Word “Khar”. In: *Acta Mongolica*. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 2015. Pp. 62–93. (In Mong.)

Dulam S. Mongolian Symbolism-2. Color Symbolism. Ulaanbaatar: Bit Press, 2011. Vol.2. 316 p. (In Mong.)

Dictionary of the Mongolian Language. (In Mong.) Available at: <https://mongoltoli.mn/dictionary/> (accessed: 15 March 2025).

Nandin-Erdene O., Nansalmaa N. A study of Color Meanings in the Mongolian Language. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature (Australian International Academic Centre)*. 2015. Vol. 4. No. 6. November. Pp. 58–63. (In Mong.)

Nansalmaa N. Vocabulary Studies. Ulaanbaatar: Udan Soyel, 2015. 197 p. (In Mong.)

Purevsuren T., Mökhdelger T., Nasan-Urt S. Electronic Library and Software of 108 Volumes of Mongolian Literature. Khökh Khot, 2015. (In Mong.)

- Ринчен 1967 — *Ринчен Б.* Монгол бичгийн хэлни зүй (= Исследование монгольского письменного языка). IV боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэх үйлдвэр, 1967. 470 х.
- Уранчимэг 2004 — Уранчимэг Б. Өнгө заасан үг хэллэгийг когнетив хэл шинжлэлийн үүднээс судлах нь (= Изучение слов, обозначающих цвет, с точки зрения когнитивной лингвистики) // Улаанбаатар. Соёмбо. 2004. 120 х.
- Цэдэв 1997 — *Цэдэв Д.* Монголын нууц товчооны бэлгэдэл (= Символизм в «Сокровенном сказании монголов»). Докторын диссертаци. Улаанбаатар, 1997. 190 х.
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms Their Universality and Evolution. Los Angeles: University of California Press Berkeley, 1969. 178 p.
- Blank 1999 — *Blank A.* Polysemy in the Lexicon // Eckardt R., von Heusinger K. (eds.) Meaning Change – Meaning Variation. Workshop held at Konstanz. Feb. 1999. Vol. I. Pp. 11–29.
- Cienki 2004 — *Cienki A.* Frames, idealized Cognitive Models, and Domains // Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University press, 2004. Pp. 170–187.
- CLICS3 2019 — Rzymski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019 [электронный ресурс] // Database of Cross-Linguistic Colexifications. URL: <https://clics.clld.org> (дата обращения: 15.06.2022). DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Geeraerts 2009 — *Geeraerts D.* Theories of Lexical Semantics. Oxford: Oxford University Press, 2009. 252 p.
- Hardin, Maffi 1997 — *Hardin C. L., Maffi L.* (eds.). Color Categories in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 404 p.
- Rinchen, Byamba. 1967. The Study of the Mongolian Written Language. Vol. 4. Ulaanbaatar: National Publishing House, 1967. 470 p. (In Mong.)
- Uranchimeg B. The Study of the Words Denoting Color from the Point of View of Cognitive Linguistics. Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2004. 120 p. (In Mong.)
- Tsedev D. Symbolism in the Secret History of the Mongols. Dr. Sc. (Philology) Thesis. Ulaanbaatar, 1997. 190 p. (In Mong.)
- Berlin B., Kay P. Basic Color Terms Their Universality and Evolution. Los Angeles: University of California Press Berkeley, 1969. 178 p. (In Eng.)
- Blank A. Polysemy in the Lexicon. In: Eckardt R., von Heusinger K. (eds.) Meaning Change – Meaning Variation. Workshop held at Konstanz. Feb. 1999. Vol. I. Pp. 11–29. (In Eng.)
- Cienki A. Frames, Idealized Cognitive Models, and Domains. In: Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2004. Pp. 170–187. (In Eng.)
- Rzymski C., Tresoldi T. et al. Reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. On: Database of Cross-Linguistic Colexifications. Available at: <https://clics.clld.org> (accessed: 15 June 2022). (In Eng.) DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x
- Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. Oxford: Oxford University Press, 2009. 252 p. (In Eng.)
- Hardin C. L., Maffi L. (eds.). Color Categories in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 404 p. (In Eng.)

- Lakoff 1993 — *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 202–251.
- Lakoff, Johnson 2003 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 242 p.
- Langacker 1987 — *Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
- Waag 1908 — *Waag A.* Development of Meaning in our Vocabulary. A Look into the Inner Life of Words. Berlin: Moritz Schauenburg Publishing House, 1908. 341 p.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. In: Ortony A. (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 202–251. (In Eng.)
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 242 p. (In Eng.)
- Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p. (In Eng.)
- Waag A. Development of Meaning in our Vocabulary. A Look into the Inner Life of Words. Berlin: Moritz Schauenburg Publishing House, 1908. 341 p. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 341–359, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-341-359

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.37:817373(470.47)

UDC 811.512.37:817373(470.47)

**Калмыцкое слово в русскоязычных
средствах массовой информации
Республики Калмыкия**

Галина Борисовна Есенова¹,
Тамара Саранговна Есенова²,
Тамара Владимировна Манджиева³

**Kalmyk Word in Russian-Language
Mass Media of the Republic of Kal-
mykia**

Galina B. Esenova¹,
Tamara S. Esenova²,
Tamara V. Mandzhieva³

¹ Калмыцкий государственный универ- ¹ Gorodovikov Kalmyk State University
ситет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian
А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Federation)
Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist
специалист

 0009-0004-3001-0100. E-mail: esenovagalina93[at]gmail.com

² Калмыцкий государственный универ- ² Gorodovikov Kalmyk State University
ситет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian
А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Federation)
Федерация)

доктор филологических наук, профессор Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-7655-7751. E-mail: esenova_ts[at]mail.ru

³ Московский финансово-промышленный ³ Moscow Financial-Industrial University
университет «Синергия» (80 Б, корп. 4, пр. «Synergy» (80 B, Bldg. 4, Leningradsky Ave.,
Ленинградский, 125315 Москва, Россий- 125315 Moscow, Russian Federation)
ская Федерация)

кандидат экономических наук, доцент Cand. Sc. (Economics), Associate Professor

 0009-0005-3785-8830. E-mail: altana98[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Есенова Г. Б., Есенова Т. С., Манджиев-ва Т. В., 2025

© Esenova G. B., Esenova T. S., Mandzhieva T. V., 2025

Аннотация. Введение. Статья посвящена калмыцким словам, которые используются в русскоязычных средствах массовой информации Республики Калмыкия для передачи этнокультурной информации. Цель статьи — описание функционирования калмыцких слов в русскоязычных средствах массовой информации Республики Калмыкия. Материалом послужили контексты, содержащие калмыцкие слова, извлеченные методом сплошной выборки из публицистических текстов, размещенных на сайте РИА «Калмыкия» (riakalm.ru). В работе применялись методы лексико-семантического, компонентного, сопоставительного, дистрибутивного анализа. Результаты. Анализ показал, что в русскоязычных средствах массовой информации Республики Калмыкия активно используются калмыцкие имена существительные, называющие место, событие, лицо, организацию, объекты и т. п.; нарицательные имена, обозначающие специфические понятия и реалии калмыцкой культуры; единично представлены наречия (*хамдан, уралан*) и прилагательное (*цаган*), которые входят в составные номинации. Фоновая и безэквивалентная лексика из калмыцкого языка, а также языковые средства, имеющие эмоционально окрашенную коннотацию, ассоциацию с калмыцкой культурой, формируют национально-культурный компонент публикации. Выводы. Национальные единицы, большая часть из которых относится к именам существительным, не нарушают графическое, грамматическое и лексико-семантическое единство русскоязычного текста. Калмыцкие языковые средства выполняют в текстах публицистики информационную, популяризаторскую, стилистическую, эмоционально-экспрессивную функции. В условиях сужения сферы применения калмыцкого языка национальные слова способствуют формированию национальной идентичности, являются маркерами культурного кода.

Ключевые слова: калмыцкое слово, русскоязычный публицистический текст, средства массовой информации, Республика Калмыкия

Abstract. Introduction. The article is devoted to the national words used in the Russian-language mass media of the Republic of Kalmykia to convey the ethno-cultural component of the publicistic material. The aim of the article is to describe functioning of Kalmyk words in the Russian-language mass media of the Republic of Kalmykia. The material was contexts containing Kalmyk words, extracted by the method of continuous sampling from the publicistic texts posted on the website of RIA "Kalmykia" (riakalm.ru). The methods of lexico-semantic, component, comparative, and distributional analysis were applied in the work. Results. The analysis showed that in the Russian-language mass media of the Republic of Kalmykia, Kalmyk nouns are actively used, naming a place, event, person, organization, objects; common names denoting specific concepts and realities of the Kalmyk culture; adverbs (*hamdan, uralan*) and adjective (*tsagan*), which are included in composite nominations. Background and non-equivalent vocabulary from the Kalmyk language, as well as linguistic means with an emotionally colored connotation associated with Kalmyk culture, form the national cultural component of the publication. Conclusions. National units, most of which relate to nouns, do not violate the graphical, grammatical, and lexico-semantic unity of the Russian-language text. Kalmyk linguistic means perform informational, popularizing, stylistic, emotional and expressive functions in the texts of journalism. In the conditions of narrowing the sphere of application of the Kalmyk language, national words contribute to the formation of national identity and are markers of the cultural code.

Keywords: Kalmyk word, Russian-language publicistic text, mass media, Republic of Kalmykia

Для цитирования: Есенова Г. Б., Есенова Т. С., Манджиева Т. В. Калмыцкое слово в русскоязычных средствах массовой информации Республики Калмыкия // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 341–359. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-341-359

For citation: Esenova G. B., Esenova T. S., Mandzhieva T. V. Kalmyk Word in the Russian-Language Mass Media of the Republic of Kalmykia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 341–359. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-341-359

1. Введение

Включение национального слова в иноязычный текст мотивировано его ролью в передаче самобытной культуры этноса [Атрашевич 2017: 115; Богданова 2015: 9], обеспечении информационной [Орешкина 1994], эстетической функций [Блягоз и др. 2012] и так называемой функции «проводника толерантности» [Туксайтова 2005]. Особое значение национальное слово приобретает в медиадискурсе, где оно функционирует как маркер культуры, но при этом подвергается реинтерпретации. На эксплицитном уровне национальные слова интегрируются в медиатексты через их прямое лексическое употребление; на имплицитном уровне их культурный вес поддерживается через интертекстуальные отсылки, стилистические аллюзии и синтаксические конструкции [Богданова 2015: 12].

В иноязычный текст включаются такие национальные слова, которые отражают в своей семантике уникальные особенности этноса. Признавая необходимость выделения культурной информации в слове [Комлев 1969], исследователи по-разному называют эту составляющую: культурно-исторический компонент [Ощепкова 1995: 91], культурный компонент [Томахин 1980: 47], национально-культурный компонент [Мамонтов 2010: 39; Маслова 2022: 85; Сапожникова 2015: 176], культурная коннотация [Телия 1996: 214], национально-культурная специфика [Попова, Стернин 2010: 79], национально-культурная семантика [Чащин 2014: 393]. Этот элемент, который отражает культурно обусловленные аспекты значения, в рамках данной работы будем называть национально-культурным компонентом.

Цель настоящей статьи — описать функционирование калмыцких слов с национально-культурным компонентом в русскоязычных средствах массовой информации (далее — СМИ) Республики Калмыкия. Актуальность исследования обусловлена лингвистической ситуацией в республике, сужением сфер применения калмыцкого языка, в связи с чем важно сохранить национальную идентичность в том числе через употребление национальных слов в медиапространстве. Национальные единицы, использованные в русскоязычном тексте, способствуют ревитализации исчезающих языковых элементов в рамках более широкой коммуникативной практики [Чемидова 2018: 52].

2. Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу статьи составили тексты русскоязычных региональных публикаций, представленные на сайте РИА «Калмыкия» (riakalm.ru), а также на официальном сайте газеты «Хальмг Үнн». Из материалов, расположенных на данном источнике, методом сплошной выборки были выбраны контексты, содержащие калмыцкие языковые средства, которые далее анализировались с использованием лингвистических методов. Основные методы анализа: лексико-семантический, компонентный, сопоставительный, дистрибутивный.

3. Анализ функционирования калмыцких слов в русскоязычных СМИ Республики Калмыкия

В СМИ Республики Калмыкия национальные лексемы функционируют как языковые единицы и этнокультурные маркеры. Не вызывает сомнения то, что присутствие калмыцкого языка в русскоязычных региональных СМИ значимо, так как с помощью национальных средств формируется этнокультурный компонент информации. Структурная интеграция калмыцких лексем в русскоязычный публицистический текст обусловлена дистрибуцией: значение национального слова в тексте зачастую определяется контекстом. Этот феномен становится особенно очевидным при избирательном использовании калмыцких слов в новостных статьях, интервью, аналитических отчетах, где их употребление усиливает культурологическую ценность материала.

Калмыцкие языковые средства используются в заголовках, вводной, основной, заключительной части публикации.

3.1. Национальное слово в заголовках

Национальные слова в составе заголовков, занимая сильную позицию в тексте [Лазарева 2004: 11; Реброва 2013: 140], реализуют номинативную, информативную и рекламную функции. Включение национальных слов в заголовок усиливает его воздействие, подчеркивает культурную самобытность материала, создает эмоциональную связь с читателем, способствует формированию положительного образа региона, сохранению и популяризации национального языка, отражая живое функционирование национального слова в современном медиапространстве. Анализ показал активное использование в заголовках публикаций как имен собственных («Красиво, зрелищно, эффектно. В Элисте прошла „Джангариада“»¹; «Калмыкия: что нужно знать перед поездкой туристам»²), так и апеллятивов («О калмыцком празднике зул: как к нему готовиться и зачем нужна лодочка из теста»³; «на Цаган-сар в Элисте пройдет конкурс среди любителей печь борцоги»⁴, «Домбра вместо ёлки, костюмированная вечеринка и конкурс еды: как молодежь Калмыкии празднует Новый год»⁵).

В заголовках публикаций имена собственные, апеллятивная лексика с национально-культурным компонентом подчеркивают специфику материала. При этом

¹ Красиво, зрелищно, эффектно. В Элисте прошла «Джангариада» (фоторепортаж) [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/9355-krasivo-zrelishchno-effektno-v-eliste-proshla-dzhangariada-fotoreportazh> (дата обращения: 15.06.2025).

² Калмыкия: что нужно знать перед поездкой туристам [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/index.php/news2/154-eksklyuziv/25755-kalmykiya-chto-nuzhno-znat-pered-poezdkoj> (дата обращения: 15.06.2025).

³ О калмыцком празднике Зул: как к нему готовиться и зачем нужна лодочка из теста [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/index.php/news/society/26835-o-kalmytskom-prazdниke-zul-kak-k-nemu-gotovitsya-i-zachem-nuzhna-lodochka-iz-testa> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ На Цаган-сар в Элисте пройдет конкурс среди любителей печь борцоги [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/1073-na-tsagan-sar-v-eliste-projdet-konkurs-sredi-lyubitelej-pech-bortsogi> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Домбра вместо ёлки, костюмированная вечеринка и конкурс еды: как молодежь Калмыкии празднует Новый год [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/31337-dombra-vmesto-jolki-kostyumirovannaya-vecherinka-i-konkurs-edy-kak-molodezh-kalmykii-prazdnuet-novyj-god> (дата обращения: 15.06.2025).

топонимы в заголовках указывают на локус событий или инициатив, позволяя читателю сразу определить региональный контекст передаваемой информации. Национальные языковые средства способствуют сохранению и популяризации культурного наследия калмыцкого народа, формированию национальной идентичности, укрепляя чувство принадлежности к региону и его культурному достоянию, придавая уникальность и колорит публицистическим материалам, повышают интерес читателей, особенно если национальные единицы вынесены в заголовок публикации. Замена национальных слов на русскоязычные аналоги возможна, но нежелательна, поскольку это может привести к утрате культурной специфики и снижению аутентичности материалов. Например, замена слова *зул* на словосочетание *Новый год* лишает читателя понимания уникальности калмыцкой традиции празднования этого праздника.

Особый интерес представляет адаптация национального слова в графической, грамматической, лексико-семантической системе русскоязычного публицистического текста.

3.2. Графика

Как правило, калмыцкие единицы «встраиваются» в русскоязычный текст, не нарушая его графического единства. Однако в некоторых случаях в русскоязычном тексте сохраняется оригинальное написание калмыцких слов и выражений: *серджэм*¹, *төгрөш*², *хүрвн хүв*³, *Жаңырин сө*⁴, *үвляс менд һарвт*⁵ и т. д.

Анализ материала показывает, что сложности, возникающие при написании калмыцких языковых единиц, связаны с обозначением фонем, отсутствующих в русском языке, и фонетическими особенностями калмыцкого языка. Остановимся на этом подробнее.

1. Калмыцкие фонемы, не имеющие эквивалентов в русском языке, обозначаются исходя из акустической близости калмыцкого звука звуку русского языка (*джангар* → *җаңыр*, *джомба* → *җомба*).

2. Прослеживается определенная непоследовательность в передаче гласных фонем [ə], [γ], [ø], не имеющих аналогов в русском языке: *сякусн*⁶, *үвляс*⁷,

¹ «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

² Великое наследие Бориса Очирова [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/16952-velikoe-nasledie-borisa-ochirova.html> (дата обращения: 15.06.2025).

³ В Центральном хурule Калмыкии проведут традиционные ритуалы к Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/42216-v-tsentralnom-khurule-kalmykii-provedut-traditsionnye-ritualy-k-tsagan-saru> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ В столице Калмыкии пройдет «Ночь Джангара» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/47306-v-stolitse-kalmykii-projdet-noch-dzhangara> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ В Астрахани широко отметили калмыцкий национальный праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47345-v-astrakhani-shiroko-otmetili-kalmytskij-natsionalnyj-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Центральный хурул Калмыкии объявил о времени ритуалов на праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47006-tsentralnyj-khurul-kalmykii-obyavil-o-vremeni-ritualov-na-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ В Астрахани отметили национальный праздник Цаган сар [электронный ресурс]

бок бярлдян¹. Отсутствующая в русском языке гласная фонема переднего ряда [θ] может обозначаться буквой *о*, гласная [ɛ] — буквой *я*, но также отсутствующая гласная фонема переднего ряда [γ] может обозначаться буквой *γ*, как в языке-источнике. Можно встретить и написание *бөреки*², от калмыцкого *бөрг* ‘мясные пельмени’ [КРС 1977: 115], где фонема [θ] обозначается буквой *е*.

3. Наблюдается непоследовательность в написании одних и тех же слов. Так, например, словосочетание *цаган сар* ‘первый месяц нового года (по старокалмыцкому календарю)’ [КРС 1977: 623], обозначающее календарный праздник калмыков, довольно часто встречается в текстах публикаций, но пишется по-разному: в два слова, через дефис, с прописной буквы, фонема [h] обозначается либо через *г*, либо — *h* (*Цаган сар*³, *Цаган Сар*⁴, *Цаган-Сар*⁵). В соответствии с Правилами русской орфографии и пунктуации [ПРОП 2009: 176] наименование праздника следовало написать *Цаган сар*. Аналогичным образом названия известных монастырей Калмыкии следовало написать *Дунд хурул, Баг хурул, Ик хурул* вместо *Дунд-Хурул, Баг-Хурул, Ик-Хурул*⁶.

4. Наблюдается непоследовательность в написании слов, оканчивающихся на звонкие согласные: *борцоки*⁷, *борцоги*⁸ (калм. *боорцг* ‘лепешка, изжаренная на масле’ [КРС 1977: 109]), *хадак*⁹ (калм. *хадг* ‘хадак (шелковый платок)’ [КРС // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47345-v-astrakhani-shiroko-otmetili-kalmytskij-natsionalnyj-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025)].

¹ [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/45036-v-kalmykii-proshel-traditsionnyj-kubok-trekh-khurulov> (дата обращения: 15.06.2025).

² «Бизнесу нужно научиться принимать помощь государства». Итоги встречи Мишустина с предпринимателями Калмыкии [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/economy/27594-biznesu-nuzhno-nauchitsya-prinimat-pomoshch-gosudarstva-itogi-vstrechi-mishustina-s-predprinimateyami-kalmykii> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Центральный хурул Калмыкии объявил о времени ритуалов на праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47006-tsentralnyj-khurul-kalmykii-obyavlen-o-vremeni-ritualov-na-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ В Калмыкии 12 февраля объявлен выходным по случаю праздника весны Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/27527-v-kalmykii-12-fevralya-obyavlen-vykhodnym-po-sluchayu-prazdnika-vesny-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ «Горжусь своей профессией»: военврач Очир Китаев рассказал о своей работе и его обязанностях [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/publishing/altbulg/27902-gorzhus-svoej-professiej-voenvrach-ochir-kitaev-rasskazal-o-svoej-rabote-i-obyazannostyakh> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ В Калмыкии прошел традиционный «Кубок трех хурулов» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/45036-v-kalmykii-proshel-traditsionnyj-kubok-trekh-khurulov> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ В Калмыкии масштабно празднуют национальный праздник Зул [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/46407-v-kalmykii-masshtabno-prazdnyut-natsionalnyj-prazdnik-zul> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ В Калмыкии 12 февраля объявлен выходным по случаю праздника весны Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/27527-v-kalmykii-12-fevralya-obyavlen-vykhodnym-po-sluchayu-prazdnika-vesny-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ В Астрахани отметили калмыцкий праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42389-v-astrakhani-otmetili-kalmytskij-prazdnik>

1977: 566]), *береки*¹ (калм. *бөрөг* ‘мясные пельмени’ [КРС 1977: 115]). Написание через глухой согласный *к* можно объяснить опорой на устную речь: оглушение звонкого в абсолютном конце слова в соответствии с орфоэпической нормой современного русского языка.

5. Отмечаются разные подходы к передаче долгих гласных фонем. В некоторых случаях они передаются удвоенным написанием соответствующей гласной буквы (ээж²), в других — долгота гласного не обозначается (*борцоки*³, *борцоги*⁴). Отмечен единичный случай написания калмыцкого слова с удвоенным гласным: *дуун*⁵ (от калмыцкого *дун* ‘песня’ [КРС 1977: 214]).

6. Прослеживается тенденция обозначать редуцированные гласные: *борцоги*⁶ (калм. *боорцүг* ‘лепешка, изжаренная на масле’ [КРС 1977: 109]), *бурханам*⁷ (калм. *бүрхн* ‘бурхан, божество’ [КРС 1977: 121]), *хурул*⁸ (калм. *хүрл* ‘монастырь’ [КРС 1977: 611]), *хотон*⁹ (калм. *хотн* ‘хотон, село, деревня’ [КРС 1977: 601]), *хадак*¹⁰ (калм. *хадг* ‘хадак (шелковый платок)’ [КРС 1977: 566]) и т. д.

Таким образом, анализ показал: а) обозначение в большинстве случаев калмыцких фонем, не имеющих эквивалентов в русском языке, исходя из акустиче-
tsagan-sar (дата обращения: 15.06.2025).

¹ Три слова на калмыцком, буддизм и национальные блюда. Калмыкия глазами школьницы из Коми [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/27070-tri-slova-na-kalmytskom-buddizm-i-natsionalnye-blyuda-kalmykiya-glazami-shkolnitsy-iz-komi> (дата обращения: 15.06.2025).

² «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

³ В Калмыкии масштабно празднуют национальный праздник весны Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/46407-v-kalmykii-masshtabno-prazdnuyut-natsionalnyj-prazdnik-zul> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ В Калмыкии 12 февраля объявлен выходным по случаю праздника весны Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/27527-v-kalmykii-12-fevralya-obyavlen-vykhodnym-po-sluchayu-prazdnika-vesny-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ В Калмыкии 12 февраля объявлен выходным по случаю праздника весны Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/27527-v-kalmykii-12-fevralya-obyavlen-vykhodnym-po-sluchayu-prazdnika-vesny-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ Центральный хурул Калмыкии объявил о времени ритуалов на праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47006-tsentralnyj-khurul-kalmykii-obyavil-o-vremeni-ritualov-na-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ В Калмыкии прошел традиционный «Кубок трех хурулов» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/45036-v-kalmykii-proshel-traditsionnyj-kubok-trekh-khurulov> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ Калмыкия греет своих: в зоне Спецоперации развернули калмыцкий хотон [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42290-kalmykiya-greet-svoikh-v-zone-spetsoperatsii-razvernuli-kalmytskij-khoton> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁰ В Астрахани отметили калмыцкий праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42389-v-astrakhanii-otmetili-kalmytskij-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

ской близости калмыцкого звука звуку русского языка; б) непоследовательность в написании калмыцких слов, содержащих отсутствующие в русском языке гласные фонемы переднего ряда [ə], [γ], [ε]; в) обозначение долгих гласных фонем калмыцкого языка как кратких; в) последовательное обозначение неясных гласных в соответствии с рядом гласного первого слога; г) обозначение звонкого согласного в конце слова как глухого.

3.3. Грамматические особенности

Большую часть калмыцкой лексики, используемой в русскоязычном публицистическом тексте РК, составляют имена существительные, среди которых преобладают имена собственные. Это личные имена (*Давид Кугультинов, Б. Б. Городовиков, И. Н. Басанов* и т. д.), географические наименования (*Малодербетовский район¹, Маныческий улус², Ханата³, Ики-Бухус⁴* и т. д.), названия учреждений (Племзавод «Черноземельский⁵», Племзавод «Улан-Хееч⁶» и т. д.), организаций (Региональный центр общественного здоровья и медицинской профилактики «Сулда⁷», общественная организация «Богдо⁸» и т. д.), которые соотносят материал публикации с регионом.

Среди имен собственных доминируют топонимы (например: *Шатта⁹, Лагань¹⁰, Манджикины¹¹* и т. д.). Они часто встречаются в новостных статьях,

¹ Глава Калмыкии посетил Малодербетовский район с рабочим визитом [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/162-regions/43759-glava-kalmykii-posetil-maloderbetovskij-rajon-s-rabochim-vizitom> (дата обращения: 15.06.2025).

² Малодербетовский район [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/regions/maloderbetovskij-rajon> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Малодербетовский район [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/regions/maloderbetovskij-rajon> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Малодербетовский район [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/regions/maloderbetovskij-rajon> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Ярмарка сельскохозяйственной продукции откроет свои двери уже завтра [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/agriculture/46057-yarmarka-selskokhozyajstvennoj-produktsii-otkroet-svoi-dveri-uzhe-zavtra> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Ярмарка сельскохозяйственной продукции откроет свои двери уже завтра [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/agriculture/46057-yarmarka-selskokhozyajstvennoj-produktsii-otkroet-svoi-dveri-uzhe-zavtra> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ Калмыцкие врачи поделились опытом с коллегами из ЛНР [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/health/46158-kalmytskie-vrachi-podelilis-opyтом-s-kollegami-iz-lnr> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Общественная организация «Богдо» передала медикам Калмыкии партию респираторов [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/128-dobrye-novosti/23068-obshchestvennaya-organizatsiya-bogdo-peredala-medikam-kalmykii-partiyyu-respiratorov> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ В поселке Шатта открыли новый дом культуры (фото) [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/21936-v-poselke-shatta-otkryli-novyj-dom-kultury-foto> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁰ Лагань примет участие во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/46789-lagan-primet-uchastie-vo-vserossijskom-konkurse-luchshikh-proektov-sozdaniya-komfortnoj-gorodskoj-sredy> (дата обращения: 15.06.2025).

¹¹ В Национальном музее Калмыкии открылась выставка Петра Тазаева

отражая местные события и особенности региона. Калмыцкие антропонимы (например: *Бадмаев, Очирова, Эрдниев, Хасиков* и т. д.) используются при упоминании местных жителей, деятелей культуры, политики, спорта, что подчеркивает этническую идентичность и культурное наследие калмыков. Этнонимы (*торгуты*¹, *дербеты*², *эркетени*³ и т. д.) используются в исторических обзорах, отчетах о культурных мероприятиях и научно-популярных статьях, способствуя передаче национальной самобытности и информированию аудитории об этническом разнообразии внутри калмыцкого народа.

В текстах публистики активно употребляются нарицательные имена существительные калмыцкого языка, обозначающие понятия и реалии, отсутствующие в русской лингвокультуре. Слова, связанные с традиционной культурой и бытом (например: *ишкя гер*⁴, калм. *ишкэ гер* ‘войлочная юрта’ [КРС 1977: 138], *чичирдык*⁵, калм. *чичрдг* ‘чичирдык (калмыцкий танец)’ [КРС 1977: 654], *домбра*⁶, калм. *домбр* ‘домбра, музыкальный инструмент’ [КРС 1977: 206] и т. д.), помогают передать особенности национального уклада и культуры, обогащая материалы СМИ этнокультурным содержанием. Термины, относящиеся к буддийской традиции (*хурул*⁷, калм. *хурл* ‘монастырь’ [КРС 1977: 611], *гелонг*⁸, калм. *гелн* ‘буддийский монах, гелонг’ [КРС 1977: 136], *лама*⁹, калм. [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/46726-v-natsionalnom-muzee-kalmykii-otkrylas-vystavka-petra-tazaeva> (дата обращения: 15.06.2025).

¹ Калмыцкий ученый раскрыл новые страницы ойратской истории [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/science/5906-kalmytskij-uchenyj-raskryl-novye-stranitsy-ojratskoj-istorii> (дата обращения: 15.06.2025).

² В Калмыкии состоялся хоккейный матч между командами «Джунгар» и «Дербеты» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/46644-v-kalmykii-sostoyalsya-khokkejnyj-match-mezhdu-komandami-dzhungar-i-derbety> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Артезианский спортивный клуб «Эркетени» переедет в новое здание [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/4507-artezianskij-sportivnyj-klub-erketeniskoro-zhdet-novosele> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ На фестивале тюльпанов этнографическую программу «Ишкя гер» посетили пол-тысячи человек [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/32540-na-festivale-tyulpanov-etnograficheskuyu-programmu-ishkya-ger-posetili-pol-tysyachi-chelovek> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Татарский ансамбль пополнил репертуар калмыцким танцем [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/41984-tatarskij-ansambl-popolnil-repertuar-kalmytskim-tantsem> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Домбра вместо ёлки, костюмированная вечеринка и конкурс еды: как молодежь Калмыкии празднует Новый год [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/31337-dombra-vmesto-jolki-kostyumirovannaya-vecherinka-i-konkurs-edy-kak-molodezh-kalmykii-prazdnuet-novyj-god> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ В Центральном хуруле Калмыкии проходят молебны «Ик йөрэл» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/47298-v-tsentralnom-khurule-kalmykii-prokhodyat-molebny-ik-j-r-1> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Санан-гелонг проведет лекции в московском буддийском храме «Тубден Шедублинг» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/45437-sanan-gelyung-provedet-lektsii-v-moskovskom-buddijskom-khrame-tubden-shedubling> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ Шаджин лама Калмыкии принимает участие в Международном форуме сангхи [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/41593-shadzhin-lama-kalmykii-prinimaet-uchastie-v-mezhdunarodnom-forume-sangkhi> (дата обращения:

лам ‘лама, буддийский монах’ [КРС 1977: 334], *күрдэ*¹, калм. *курд* ‘цилиндр (с молитвенным текстом)’ [КРС 1977: 327] и т. д.), используются при описании религиозной жизни региона, освещении праздников и обрядов, способствуя духовному просвещению и сохранению религиозного наследия. Калмыцкие названия флоры (*бамб цең*² ‘тильпан’ [КРС 1977: 80], *бадм цең*³ ‘лотос’ [КРС 1977: 76] и др.), фауны (*ботхн*⁴ ‘верблюжонок’ [КРС 1977: 112]) встречаются в экологических статьях и материалах о культуре и природе Калмыкии, подчеркивая уникальность и богатство региона. Наименования традиционных блюд используются в кулинарных рубриках и статьях о национальной культуре, способствуя популяризации гастрономической культуры и сохранению кулинарных традиций: *дөөж*⁵ ‘почетное угождение (например, первый кусок мяса, первая чашка чая, которые ставились в качестве жертвоприношения перед бурханом)’ [КРС 1977: 194], *цэлвг*⁶ ‘круглая лепешка’ [КРС 1977: 631], *кит*⁷ ‘толстая кишка, вид лепешки’ [КРС 1977: 303], *жола*⁸, от калмыцкого *жола* ‘поварья, вожжи, вид лепешки’ [КРС 1977: 231], *береки*⁹, от калмыцкого *бөрг* ‘мясные пельмени’ [КРС 1977: 115] и т. д.

В материалах не употребляются калмыцкие имена прилагательные, исключение составляет прилагательное *цаган*, которое входит в состав словосочетаний, обозначающих характерные для калмыцкой лингвокультуры понятия, например *цаган сар*¹⁰ ‘букв. белый месяц’; первый месяц нового года (по старокалмыцкому

15.06.2025).

¹ Молитвенный барабан күрдэ установлен в поселке Первомайский [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/1109-molitvennyj-baraban-kyurde-ustanovlen-v-poselke-pervomajskij> (дата обращения: 15.06.2025).

² Этнографический конкурс объединил несколько поколений жителей Целинского района [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/education/7420-doshkolyata-tselinnogo-rajona-sostyazalis-v-ustnom-narodnom-tvorchestve> (дата обращения: 15.06.2025).

³ В Калмыкии подвели итоги республиканского этапа Всероссийского конкурса «Лучший учитель родного языка» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/edu/37319-v-kalmykii-podveli-itogi-respublikanskogo-etapa-vserossijskogo-konkursa-luchshij-uchitel-rodnogo-yazyka> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Этнографический конкурс объединил несколько поколений жителей Целинского района [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/education/7420-doshkolyata-tselinnogo-rajona-sostyazalis-v-ustnom-narodnom-tvorchestve> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Центральный хурул Калмыкии проведет праздничные ритуалы в канун Цаган сара (видео) [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/22356-jonten-gelyung-rasskazal-o-programme-prazdnovaniya-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ О калмыцком празднике Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/27644-o-kalmytskom-prazdnike-tsa-an-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ О калмыцком празднике Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/27644-o-kalmytskom-prazdnike-tsa-an-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ О калмыцком празднике Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/27644-o-kalmytskom-prazdnike-tsa-an-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ Три слова на калмыцком, буддизм и национальные блюда. Калмыкия глазами школьницы из Коми [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/27070-tri-slova-na-kalmytskom-buddizm-i-natsionalnye-blyuda-kalmykiya-glazami-shkolnitsy-iz-komi> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁰ В Астрахани широко отметили калмыцкий национальный праздник Цаган сар

календарю)’ [КРС 1977: 623]. В публикациях не встречаются глаголы, наречия, числительные калмыцкого языка. Наречие *хамдан* ‘вместе’ в публицистических текстах употребляется в составе номинаций (детское движение «Хамдан»¹, Фестиваль детских организаций Республики Калмыкия «Хамдан»², Фестиваль-конкурс детского народного творчества «Хамдан»³ и др.), наречие *уралан* ‘вперед’ так же встречается в составе названия (стадион «Уралан»⁴, футбольная команда «Уралан»⁵).

В тексте калмыцкие имена существительные согласуются в роде, числе, падеже с соответствующими русскими словами: ароматную *джомбү*⁶, ароматной *джомбой*⁷, калмыцкий *хотон*⁸, горячими *борцогами*⁹, вкусными *борцоками*¹⁰,

[электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47345-v-astrakhani-shiroko-otmetili-kalmytskij-natsionalnyj-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

¹ В Калмыкии прошел XXVI фестиваль детских организаций «Хамдан» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/131-molodezhnaya-politika/39914-v-kalmykii-proshel-khkhvi-festival-detskikh-organizatsij-khamdan> (дата обращения: 15.06.2025).

² В Калмыкии прошел XXVI фестиваль детских организаций «Хамдан» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/131-molodezhnaya-politika/39914-v-kalmykii-proshel-khkhvi-festival-detskikh-organizatsij-khamdan> (дата обращения: 15.06.2025).

³ В Элисте пройдет очередной фестиваль-конкурс детского народного творчества «Хамдан» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/46944-v-elite-projdet-ocherednoj-festival-konkurs-detskogo-narodnogo-tvorchestva-khamdan> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ В Элисте прошла заключительная встреча с жителями по строительству стадиона «Уралан» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/47231-v-elite-proshla-zaklyuchitelnaya-vstrecha-s-zhitelyami-po-stroitelstvu-stadiona-uralan> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ «Вперед, Уралан!»: о возрождении легенды калмыцкого футбола [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/47329-vpered-uralan-o-vozrozhdenii-legendy-kalmytskogo-futbola> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ В Астрахани широко отметили калмыцкий национальный праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47345-v-astrakhani-shiroko-otmetili-kalmytskij-natsionalnyj-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ В Элисте отметят Цаган сар и масленицу [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47139-v-elite-otmetyat-tsagan-sar-i-maslenitsu> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Калмыкия греет своих: в зоне Спецоперации развернули калмыцкий хотон [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42290-kalmykiya-greet-svoikh-v-zone-spetsoperatsii-razvernuli-kalmytskij-khton> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ В Элисте отметят Цаган сар и масленицу [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47139-v-elite-otmetyat-tsagan-sar-i-maslenitsu> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁰ В Центральном хуруле Калмыкии отпразднуют день рождения Его Святейшества Далай-ламы XIV [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/44119-v-tsentrальном-khurule-kalmykii-otprazdnuyut-den-rozhdeniya-ego-svyatejshestva-dalaj-lamy-khiv> (дата обращения: 15.06.2025).

наших любимых *борцогов*¹, бывшего *хурула*², почетная ээж³, калмыцкий *бурхан*⁴, наши *бурханы*⁵ и т. д. Согласование калмыцкого имени существительного с именами прилагательными, числительными, местоимениями русского языка происходит по конечному согласному в соответствии с правилами русского языка. Если существительное заканчивается на гласный, присваивается I склонение (ароматную *джомбу*), на согласный — II склонение (калмыцкий *хотон*). Вместе с тем склонение может определяться не по конечному звуку калмыцкого существительного, а по русскому имени существительному, обозначающему родовое понятие: «...Обряд Цаан аавин *Оваа* тэклн, который проводится 1 раз в год в местности Боршоо сумона Сагил в 16 лунный день месяца *Үрс сар*. Этот *Оваа* расположен на одной из вершин у реки Боршоо»⁶; «буддистский⁷ барабан — *кюрдэ*, который наполнен мантрами»⁸ (по существительному барабан)⁹.

Род имен существительных-антропонимов определяется по биологическому полу человека: «*Нимя-ээж* подробно рассказала»¹⁰; «„В этот период благоприятно посещать храмы и святые места, с искренней мотивацией совершать благие поступки, быть причиной созидания добра, а самое главное, обращаясь к Бурханам, думать о всех живых существах“, — отметил *Шаджин-лама* Калмыкии геше Тензин Чойдак»¹¹.

¹ Глава Калмыкии Бату Хасиков поздравил жителей республики с праздником Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/137-ob-yavleniya/pozdravleniya/31990-dorogie-druzya-uvazhaemye-zemlyaki-pozdravlyayu-s-prazdnikom-tsahan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

² В Национальном музее Калмыкии открылась выставка Петра Тазаева [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/46726-v-natsionalnom-muzee-kalmykii-otkrylas-vystavka-petra-tazaeva> (дата обращения: 15.06.2025).

³ «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ В столице Калмыкии пройдет «Ночь Джангара» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/47306-v-stolitse-kalmykii-projdet-noch-dzhangara> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ Так в источнике. Правильно: буддийский.

⁸ Как в Волгоградской области отметят калмыцкий Новый год [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/15915-kak-v-volgogradskoj-oblasti-otmetyat-kalmytskij-novyj-god> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ Как в Волгоградской области отметят калмыцкий Новый год [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/15915-kak-v-volgogradskoj-oblasti-otmetyat-kalmytskij-novyj-god> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁰ «Почетная ээжа» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobyvala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

¹¹ В Центральном хурule Калмыкии проходят молебны «Ик йөрэл» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/47298-v-tsentralnom-khurule-kalmykii-prokhodyat-molebny-ik-j-r-l> (дата обращения: 15.06.2025).

В текстах имя существительное *борцог / борцок*, как правило, используется во множественном числе: «принято готовить ароматный калмыцкий чай и *борцоги*¹», «будут угощать миран ароматной джомбой и вкусными *борцоками*²». Данное слово употребляется в разных падежных формах, иллюстрируя высокую степень адаптации в русскоязычном тексте.

В публикациях использовано несколько производных имен, мотивированных калмыцкими словами. Они являются гибридами, образованными от калмыцких корневых морфем с помощью русских словообразовательных элементов (например: *хурульных палаток*³, *хурульные принадлежности*⁴, *калмыцкие*⁵ спортсмены, *элистиинский*⁶ лицей, *уралановцы*⁷, *элистиинцы*⁸ и т. п.).

В публикациях отмечается влияние принципов построения калмыцких фольклорных повествований: могут использоваться синтаксические модели *йөрэл* ‘благопожелание’, в особенности в публичных обращениях и праздничных пожеланиях. Так, в публикации «В центральном хуруле Калмыкии монахи в Цаган сар вознесли молитвы»⁹ используются параллельные синтаксические конструкции («*Пусть все вы будете здоровы, пусть будут здоровы ваши родные, пусть помыслы всегда будут чисты и добросердечны, пусть вы всегда будете под защитой великой Окон Тенгри*»), которые повторяют риторические восклицания традиционных калмыцких благопожеланий.

Влияние буддийской философии, наследия кочевников и фольклорных традиций проявляется, например, в использовании таких устойчивых слово-

¹ Цаган сар в Калмыкии отмечает 21 февраля [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/37140-tsagan-sar-v-kalmykii-otmetyat-21-fevralya> (дата обращения: 15.06.2025).

² В Центральном хуруле Калмыкии перед Зул проходят традиционные молебны [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/46372-v-tsentralnom-khurule-kalmykii-pered-zul-prokhodyat-traditsionnye-molebny> (дата обращения: 15.06.2025).

³ В Астрахани отметили калмыцкий праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42389-v-astrakhani-otmetili-kalmytskij-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ В Астрахани отметят калмыцкий праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42326-v-astrakhani-otmetyat-kalmytskij-praznik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Калмыцкие спортсмены завоевали медали в ежегодном турнире по армрестлингу «Вольные степи» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/38330-kalmytskie-sportsmeny-zavoevali-medali-v-ezhegodnom-turnire-po-armrestlingu-volnye-stepi> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Элистиинский лицей вошел в топ 200 по версии образовательного центра «Сириус» [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/education/36719-elistinskij-litsej-voshel-v-top-200-po-versii-obrazovatelnogo-tsentra-sirius> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ И вновь на пьедестале – юные «уралановцы» из Калмыкии [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/12025-i-vnov-na-pedestale-yunye-uralanovtsyi-iz-kalmykii> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Юные элистиинцы получили первые паспорта в День конституции РФ [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news2/46235-12-elistintsev-poluchili-pervye-pasporta-v-den-konstitutsiyi-rf> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ В Центральном хуруле Калмыкии монахи в Цаган сар вознесли молитвы [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42289-v-tsentralnom-khurule-kalmykii-monakhi-v-tsagan-sar-voznesli-molitvy> (дата обращения: 15.06.2025).

сочетаний, как *белая дорога*¹, *Страна Вечно Синего Неба*². Эти выражения в составе публицистического текста функционируют как символические отсылки к калмыцкой и шире монгольской культуре.

Таким образом, большинство калмыцких слов, встречающихся в текстах публицистики, составляют имена существительные, называющие место, лицо, событие, объединения, организации, объекты и т. п.; апеллятивная лексика, обозначающая специфические понятия и реалии калмыцкой культуры; единично представлены прилагательное (*цаган*), наречия (*хамдан*, *уралан*), которые входят в составные номинации. Калмыцкие языковые средства в русскоязычном тексте не нарушают его грамматическое единство: согласуются в роде, числе, падеже с соответствующими словами русского языка.

3.4. Лексико-семантические особенности

В публицистическом тексте национальное слово, формирующее национально-культурный компонент текста, должно «встраиваться» в иноязычный контекст. О грамматической адаптации калмыцких единиц в пределах русскоязычного текста говорилось выше, ниже остановимся на лексико-семантических особенностях употребления калмыцких единиц в русскоязычных текстах публицистики. Анализ лексико-семантических особенностей использования калмыцких слов показал следующее.

1. Обращение СМИ к калмыцкому языку происходит по модели избирательного включения: например, такие слова, как *хурул* ‘буддийский храм’, *хадак* ‘ритуальный платок’, сохраняют свою семантическую автономию в публицистических текстах, сигнализируя о своей «знаковости» в рамках русскоязычного текста.

2. Общеизвестные национальные маркеры употребляются в текстах без пояснений, а менее известные широкому читателю калмыцкие слова с национально-культурным компонентом сопровождаются комментариями, переводами, пояснениями. Так, например, в статье «Сквозь расстояния и время»³ слово *хурул* употребляется без пояснения, так как предполагается, что читатель знаком с его значением, тогда как в статье «Почетная ээжэ Калмыкии посетила Страну Вечно Синего Неба»⁴ словосочетание *хальмг бурхан* сопровождается уточнением.

3. В текстах встречается фоновая лексика, которая обозначает реалии, присущие в обеих культурах, но имеющие разный лексический фон: *джомба* ‘чай’ обозначает такой вид чая, который готовится необычным способом и имеет свои культурологические особенности: «варить калмыцкий чай — *джомбу*»⁵;

¹ В Калмыкии стартовал заочный республиканский конкурс имени героя Калмыкии Аркадия Манджиева [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/41308-v-kalmykii-startoval-zaochnyj-respublikanskij-konkurs-imeni-geroya-kalmykii-arkadiya-mandzhieva> (дата обращения: 15.06.2025).

² «Почетная ээжэ» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobivala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Сквозь расстояния и время [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/15850-skvoz-rasstoyaniya-i-vremya.html> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ «Почетная ээжэ» Калмыкии побывала в стране вечно синего неба [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/7957-pochetnaya-eezha-kalmykii-pobivala-v-strane-vechno-sinego-neba> (дата обращения: 15.06.2025).

⁵ Дети Целинного района о семейных традициях в праздник Зул [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/15922-detи-tselinного-rajona-o-seme>

«калмыцкий чай готовил по старинному рецепту, добавляя для навара вареные жирные куски бараньих ребер»¹.

4. Подавляющее большинство калмыцких слов, встречающихся в текстах СМИ, относится к безэквивалентной лексике, не имеющей частичных или полных эквивалентов в русском языке (*хурул, лама, хотон, бурхан, субурган, зул* и т. д.). Чтобы адаптировать в русскоязычном тексте национальное слово, не имеющее аналога в русском языке, используются поясняющие значение лексемы словосочетания (например: «лодочки из теста»² — вместо зул; «ежегодные ритуалы продления жизни „нас уттуллнх“»³; «ритуальные белые шарфы *хадак* — один из буддистских⁴ символов гостеприимства, чистоты и бескорыстия»⁵; «молебен по усопшим — „йөрэл“»⁶ и т. п.), предложения (например: «национальный праздник *Зул*, который также называют калмыцким Новым годом»⁷; «буддистский⁸ барабан — *кюрде*, который наполнен мантрами»⁹ и т. д.).

5. В текстах употребляются русские семантические эквиваленты калмыцких единиц: белый месяц¹⁰ (от калмыцкого *цахан сар*), белый царь¹¹ (от калмыцкого *цахан хан*), белая дорога¹² (от калмыцкого *цахан хаалн*). Учитывая сакральное

jnykh-traditsiyakh-v-prazdnik-zul (дата обращения: 15.06.2025).

¹ Великое наследие Бориса Очирова [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/16952-velikoe-nasledie-borisa-ochirova.html> (дата обращения: 15.06.2025).

² О калмыцком празднике Зул: как к нему готовиться и зачем нужна лодочка из теста [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/society/26835-o-kalmytskom-prazdnike-zul-kak-k-nemu-gotovitsya-i-zachem-nuzhna-lodochka-iz-testa> (дата обращения: 15.06.2025).

³ В преддверии праздника «Зул» в Калмыкии пройдут ежегодные ритуалы продления жизни [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/46070-v-preddverii-prazdnika-zul-v-kalmykii-projdu-ezhegodnye-ritualy-prodleniya-zhizni> (дата обращения: 15.06.2025).

⁴ Так в источнике. Правильно: буддийский.

⁵ В Астрахани отметили калмыцкий праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/42389-v-astrakhani-otmetili-kalmytskij-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶ Центральный хурул Калмыкии объявил о времени ритуалов на праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47006-tsentralnyj-khurul-kalmykii-obyavil-o-vremeni-ritualov-na-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

⁷ В Калмыкии масштабно празднуют национальный праздник Зул [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/religion/46407-v-kalmykii-masshtabno-prazdnuyut-natsionalnyj-prazdnik-zul> (дата обращения: 15.06.2025).

⁸ Так в источнике. Правильно: буддийский.

⁹ Как в Волгоградской области отметят калмыцкий Новый год? [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/15915-kak-v-volgogradskoj-oblasti-otmetyat-kalmytskij-novyj-god> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁰ В Астрахани широко отметили калмыцкий национальный праздник Цаган сар [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/holiday/47345-v-astrakhani-shiroko-otmetili-kalmytskij-natsionalnyj-prazdnik-tsagan-sar> (дата обращения: 15.06.2025).

¹¹ Буддизм в России с точки зрения евразийства [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/16739-buddizm-v-rossii-s-tochki-zreniya-evraziystva.html> (дата обращения: 15.06.2025).

¹² В Калмыкии стартовал заочный республиканский конкурс имени героя калмыкии Аркадия Манджиева [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/culture/41308>

значение белого цвета в культуре калмыков, словосочетания с прилагательным *белый* можно отнести к коннотативной лексике, связанной с эмоционально окрашенной коннотацией или ассоциацией [Костомаров, Верещагин 2014: 197]. Перечисленные группы слов, будучи маркерами этнокультурной самобытности калмыков, формируют уникальную составляющую текстов публицистики.

6. В материалах можно встретить одновременно русский перевод калмыцкого слова и национальную единицу: «Вперед, Уралан¹! О возрождении легенды калмыцкого футбола». Употребляя подобные единицы, журналисты учитывают экстравалингвистические знания, которыми владеют читатели.

7. В материалах встречаются исторические отсылки, которые также формируют национально-культурное содержание публицистического текста. Так, например, в статье «Буддизм в России с точки зрения евразийства»² для передачи исторических особенностей взаимоотношений калмыков с царской администрацией используется выражение *белый царь*, которое является семантическим эквивалентом калмыцкого словосочетания *цаган хан*.

Таким образом, калмыцкие слова в региональных СМИ способствуют сохранению и популяризации калмыцкого языка и калмыцкой культуры, информируя читателей о специфике региона, пропагандируя культурное наследие калмыков, способствуя межкультурному диалогу. Присутствие калмыцкого слова в региональных СМИ характеризуется избирательностью, соотнесенностью с традиционной культурой. Его роль заключается в передаче как фактической информации, так и культурной преемственности в русскоязычном медиапространстве. Безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика, фольклорные традиции, которые прослеживаются в синтаксической структуре текста, усиливают отличительные особенности региональных СМИ. Можно заключить, что калмыцкое слово в публицистическом русскоязычном тексте, будучи маркером национальной культурной самобытности калмыков, адаптируется к новым коммуникативным контекстам, сохраняя при этом свой символический вес.

4. Выводы

Калмыцкие слова активно используются в русскоязычной публицистике Республики Калмыкия для создания национально-культурного компонента информации. Национальные единицы, из которых большая часть относится к именам существительным, «встраиваются» в структуру русскоязычного текста, не нарушая графическое, грамматическое и лексико-семантическое единство текста, хотя отмечены отдельные случаи сохранения оригинального написания калмыцких единиц, имеются и гибридные написания. Национальные языковые средства в СМИ Республики Калмыкия выполняют несколько функций: идентификационную (помогают сохранить культурную и языковую идентичность региона, укрепляют национальное самосознание), информационную (точно

v-kalmykii-startoval-zaochnyj-respublikanskij-konkurs-imeni-geroya-kalmykii-arkadiya-mandzhieva (дата обращения: 15.06.2025).

¹ «Вперед, Уралан!»: о возрождении легенды калмыцкого футбола [электронный ресурс] // URL: <https://riakalm.ru/news/sport/47329-vpered-uralan-o-vozrozhdenii-legendy-kalmytskogo-futbola> (дата обращения: 15.06.2025).

² Буддизм в России с точки зрения евразийства [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/16739-buddizm-v-rossii-s-tochki-zreniya-evraziystva.html> (дата обращения: 15.06.2025).

обозначают события, место и персоналии), популяризаторскую (продвигают калмыцкую культуру и традиции среди широкой аудитории), стилистическую (придают текстам уникальность, выделяя их среди материалов на русском языке), эмоционально-экспрессивную (вызывают у читателей эмоциональный отклик, интерес к региону). Следовательно, использование национальных единиц не только обоснованно, но и необходимо для точного и аутентичного представления регионального контекста в русскоязычных средствах массовой информации.

Источники

- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- ПРОП 2009 — Правила русской орографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.

Литература

- Атрашевич 2017 — Атрашевич В. В. Национально-культурная семантика слова в лингвострановедческом освещении // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь. Сборник мат-лов IV Респ. науч. конф. (24 ноября – 23 декабря 2016 г.). Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 114–117.
- Блягоз и др. 2012 — Блягоз З. У., Багироков Х. З., Зекох З. З. Феномен художественного билингвизма в адыгском языковом пространстве. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2012. 112 с.
- Богданова 2015 — Богданова Л. И. Универсальное и специфическое в семантике языковых единиц // Перевод как средство взаимодействия культур. 2015. №1. С. 6–15.
- Комлев 1969 — Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Моск. ун-т, 1969. 192 с.
- Костомаров, Верещагин 2014 — Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 509 с.
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Rules of Russian Spelling and Punctuation. The Complete Academic Reference V. Lopatin (ed.). Moscow: AST, 2009. 432 p. (In Russ.)

Sources

- Atrashevich V. V. National-Cultural Semantics of the Word in Linguo-Country Studies Coverage. In: Actual Problems of Teaching Foreign Languages in the Higher School of the Republic of Belarus. In: Collection of the Materials of the IV Rep. Scientific Conference (November 24 – December 23, 2016). Mogilev: A. Kuleshov Mogilev State University, 2017. Pp. 14–117. (In Russ.)

References

- Blyagoz Z. U., Bagirokov H. Z., Zekokh Z. Z. The Phenomenon of Artistic Bilingualism in the Adyghe Language Space. Maykop: Adyghe State University, 2012. 112 p. (In Russ.)
- Bogdanova L. I. Universal and Specific in the Semantics of Linguistic Units. Translation as Means of Interaction between Cultures. 2015. No. 1. Pp. 6–15. (In Russ.)
- Komlev N. G. Components of the Content Structure of a Word. Moscow: Moscow University, 1969. 192 p. (In Russ.)
- Kostomarov V. G., Vereshchagin E. M. Language and Culture. Three Linguo-country Studies Concepts: Lexical Background, Speech-behavioral Tactics and Sapientema. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2014. 509 p. (In Russ.)

- Лазарева 2004 — *Лазарева Э. А.* Заголовок в газете. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2004. 84 с.
- Мамонтов 2010 — *Мамонтов А. С.* Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2010. 153 с.
- Маслова 2022 — *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Юрайт, 2022. 208 с.
- Орешкина 1994 — *Орешкина М. В.* Тюркские слова в современном русском языке. Проблемы освоения. М.: Academia, 1994. 160 с.
- Ощепкова 1995 — *Ощепкова В. В.* Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 345 с.
- Попова, Стернин 2010 — *Попова З. Д., Стернин И. А.* Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. М.: URSS, 2010. 171 с.
- Реброва 2013 — *Реброва И. В.* Функции заголовка в литературно-критическом дискурсе периодических изданий русской эмиграции (на материале рецензий начала 20-х гг. XX века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоzнание. 2013. № 1(17). С. 15–21.
- Сапожникова 2015 — *Сапожникова Л. М.* Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен // Вопросы ономастики. 2015. № 1(18). С. 175–185.
- Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, pragmaticальный и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Томахин 1980 — *Томахин Г. Д.* Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. 1980. № 6. С. 47–50.
- Lazareva E. N. A. The Headline in the Newspaper. Ekaterinburg: Ural University, 2004. 84 p. (In Russ.)
- Mamontov A. S. Linguocultural Bases of Language Teaching as Means of Intercultural Communication. Moscow: Flinta: Nauka, 2010. 153 p. (In Russ.)
- Maslova V. A. Linguoculturology. Moscow: Yurait, 2022. 208 p. (In Russ.)
- Oreshkina M. V. Turkic Words in Modern Russian. Problems of Development. Moscow: Academia, 1994. 160 p. (In Russ.)
- Oshchepkova V. V. Cultural, Ethnographic and Typological Aspects of Linguocountry Studies: Dr. Sc. (Philology) thesis. Moscow, 1995. 345 p. (In Russ.)
- Popova Z. D., Sternin I. A. Lexical System of Language: Internal Organization, Categorical Apparatus and Methods of Description. Moscow: URSS, 2010. 171 p. (In Russ.)
- Rebrova I. V. Functions of the Title in the Literary-Critical Discourse of Periodicals of the Russian Emigration (on the material of reviews of the early 20s of the 20th century). *Journal of Volgograd State University. Ser. 2: Linguistics.* 2013. No. 1 (17). Pp. 15–21. (In Russ.)
- Sapozhnikova L. M. National-Cultural Component in the Semantic Structure of Monoreferent Proper Names (on the material of the German language). *Onomastics Issues.* 2015. No. 1(18). Pp. 75–185. (In Russ.)
- Telia V. N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 288 p. (In Russ.)
- Tomakhin G. D. Vocabulary with a Cultural Component of Meaning. *Foreign Languages at School.* 1980. No. 6. Pp. 47–50. (In Russ.)

- Туксайтова 2005 — Туксайтова Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 198–206.
- Чащин 2014 — Чащин В. А. Фоновые знания и лексика с национально-культурной семантикой // Вестник Нижегородского университета. 2014. № 1. С. 393–398.
- Чемидова 2018 — Чемидова Л. С. Методологические и практические аспекты изучения региональных печатных СМИ (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 1(36). С. 50–55.
- Tuksaitova R. O. Artistic Bilingualism: towards the Definition of the Concept. *Ural State University Journal*. 2005. No. 9. Pp. 198–206. (In Russ.)
- Chashchin V. A. Background Knowledge and Vocabulary with National and Cultural Semantics. *Bulletin of Nizhny Novgorod University*. 2014. No. 1. Pp. 393–398. (In Russ.)
- Chemidova L. S. Methodological and Practical Aspects of the Study of Regional Print Media (on the example of the Republic of Kalmykia). *Bulletin of the Institute of the Complex Researches of Arid Territories*. 2018. No. 1(36). Pp. 50–55. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 360–370, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-360-370

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 294.321+930.253+821.51

UDC 294.321+930.253+821.51

Приемы воздействия на адресата The Techniques of Influencing the в деловых письмах хана Аюки на Addressee in the Business Letters of «тодо бичиг» («ясном письме») и Khan Ayuka on “Todo Bichig” (“Clear их отражение в синхронических Letter”) and their Reflection in the русских переводах XVII–XVIII вв. Synchronized Russian Translations of the 17th–18th Centuries. Part 2.

Галина Михайловна Ярмаркина¹

Galina M. Yarmarkina¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025
© Ярмаркина Г. М., 2025

© KalmSC RAS, 2025
© Yarmarkina G. M., 2025

Аннотация. Введение. Деловые письма, **Abstract.** *Introduction.* Business letters addressed by the Khan (before 1690, Khan (до 1690 г. тайша) Аюка (1642–1724 гг.), taisha) Ayuka (1642–1724), written in todo-nаписанные на «тодо бичиг» («ясном bichig (“clear letter”), are polythematic multipисьме»), представляют собой полите- maticные полифункциональные тексты, реализующие в том числе информативную и воздействующую функции. Поскольку тифункциональные тексты, things, informative and influencing functions. Since the influencing function is realized primarily in motives of varying degrees of categoricity (request, order, etc.) and та- жде всего в побуждениях разной степени категоричности (просьба, приказ и др.) и purpose of this work is to identify imperative тактиках, сопровождающих императив- subgenres, the субжанры, целью настоящей работы on the addressee in business letters to *todo* является выявление в деловых письмах на *bichig*, to analyze the ways and means of ex- «тодо бичиг» императивных субжанров pressing the identified influencing techniques, и других тактик речевого воздействия as well as their comparison with simulta- на адресата, анализ способов и средств neous translations of the letters into Russian. выражения выявленных воздействующих Materials and methods. The source of the

приемов, а также их сопоставление с синхроническими переводами писем на русский язык. *Материалы и методы*. Источником материала послужили письма тайши (хана) Аюки, направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти с 1665 г. по 1714 г., и их синхронические переводы на русский язык, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия. Для настоящей работы из писем указанного периода были отобраны только те, которые имеют сохранившийся синхронический перевод на русский язык. *Результаты*. Одним из основных воздействующих приемов выступают тактики обоснования причин побуждения в предшествующем или последующем контексте. Контекст, предшествующий императиву, заметно сужается, в ряде писем тактики обоснования просьбы или приказа отсутствуют. Отмечается увеличение примеров использования последующего контекста, указывающего не только на необходимость в предмете просьбы, но и на возможные нежелательные последствия в случае невыполнения побуждения. Воздействующий потенциал побуждения в деловых письмах усиливается за счет использования самоназваний императивных субжанров и перформативных глаголов, конкретизирующих интенцию адресанта. Синхронический русский перевод передает основные интенции адресанта, однако количество просьб в оригинале и переводе может не совпадать, как могут не совпадать и средства выражения побуждения.

Ключевые слова: Аюка-хан, письма, XVIII в., «тодо бичиг» («ясное письмо»), синхронический перевод, побуждение, просьба, императив, тактики речевого воздействия, сравнительный анализ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

material were the letters of Taishi (Khan) The Ayuka, sent to the representatives of the central and regional Russian authorities from 1665 to 1714, and their simultaneous translations into Russian, stored in the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts and the National Archive of the Republic of Kalmykia. For this work, only those letters from the specified period have been selected that have preserved a synchronized translation into Russian. *Results*. One of the main influencing techniques is the tactics of substantiating the reasons for the incentive in the preceding or the subsequent context. The context preceding the imperative is noticeably narrowed; in a number of letters, the tactics of substantiating the request or order are absent. There is an increase in examples of using the subsequent context, indicating not only the need for the subject of the request, but also possible undesirable consequences in the event of non-fulfillment of the incentive. The influencing potential of incentive in business letters is enhanced by the use of self-names of imperative subgenres and performative verbs that specify the intention of the addresser. Synchronous Russian translation conveys the main intentions of the addresser, but the number of requests in the original and translation may not match, as may the means of expressing the incentive.

Keywords: Ayuka Khan, letters, 18th century, “todo bichig” (“clear writing”), simultaneous translation, motivation, request, imperative, tactics of speech influence, comparative analysis

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Universals and Specifics of Traditions of Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4)

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Приемы воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их отражение в синхронических русских переводах XVII–XVIII вв. Часть 2 // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 360–370. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-360-370

For citation: Yarmarkina G. M. The techniques of influencing the addressee in the business letters of Khan Ayuka on “todo bichig” (“clear letter”) and their reflection in the synchronized Russian translations of the XVII–XVIII centuries. Part 2. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 360–370. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-360-370

В первой части статьи, опубликованной в № 4 журнала «Монголоведение» (2024 г.), были рассмотрены приемы воздействия в письмах тайши / хана Аюки, адресованных первым лицам российского государства [Ярмаркина 2024]. Вторая часть статьи посвящена анализу приемов речевого воздействия в письмах хана Аюки, адресованных российским чиновникам, определяется их возможная зависимость от экстралингвистических факторов адресата, адресанта и конкретной ситуации.

Транслитерация и перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН Д. Н. Музраевой.

В ходе анализа материала используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы и метод контекстуального анализа. Во второй части статьи представлен список литературы, относящийся к работе в целом.

1. Приемы речевого воздействия в письмах, адресованных российским чиновникам

1.1. Приемы речевого воздействия в письмах, направленных в адрес Б. А. Голицына. Императивные субъанры, сопутствующие им тактики воздействия на адресата и их передача в синхронических переводах на русский язык

Два письма, отвечающие принципам отбора материала, адресованы князю Борису Андреевичу Голицыну, их переводы датированы 1698 г. и 1701 г.

В письме, полученном 23 декабря 1698 г., встречаются две императивные конструкции, которым предшествует информация о безуспешных попытках вернуть в калмыцкие улусы беглых подданных. Побуждение самостоятельно найти решение проблемы («вопроса») является своеобразным завершением информативно значимого фрагмента: *odoki zöbiiyin ta medekei*: ‘Справедливое решение того [вопроса] найдите сами’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35]. Данный пример показывает роль контекста, предшествующего побуждению, — ввести адресата в курс дела, напомнить о событиях, известных обоим участникам деловой письменной коммуникации. Вопрос об осведомленности адресата о других подобных проблемах пишущего усиливает воздействие предшествующего контекста: *mini yamar basa iyyilei-gi ta medekü ese bilü*: ‘Другие мои проблемы Вы также знаете, не так ли?’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35].

Просьба передавать новости, имеющиеся у адресанта, с одной стороны, представляет собой своеобразное ритуальное речевое действие, сближаясь с этикетными формулами, с другой стороны, сохраняет воздействующий потенциал

благодаря языковым средствам (форма императива) и экстралингвистическим факторам (конкретная ситуация).

Завершает письмо также императивная конструкция, которой предшествует контекст с изложением ситуации, неприемлемой для адресанта: *dabusuči yazarıy manı abči balyasu kejı mandı tıou iıuruuluqtı*: ‘Добытчи соли захватили наши земли и строят город. Для нас это плохо. Прикажите прекратить это’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35].

В целом приемы дополнительного воздействия, выявленные ранее в письмах к царям, сохраняются и в рассмотренном деловом письме: контекст, предшествующий побуждению, содержит описание сложившейся ситуации и перечень фактов, известных обоим коммуникантам. В лаконичном побуждении адресанту удается подчеркнуть высокий статус адресата и возможности, имеющиеся у лица, наделенного властью: *прикажите прекратить это, решение найдите сами*.

Синхронический русский перевод письма отражает основные информационные блоки послания. Однако в переводе несколько изменяется содержание побуждения, которое теперь касается не собственных решений адресата. Изменяется и форма побуждения, избранная для передачи императива, — желательное наклонение: *И о том бы послать указ великого государя к донским казаком об отдаче улусных моих людей и на Уфу к башкирцам тако ж де, чтоб взятые души, сыскав, отдать мне* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 45].

Имеющееся в оригинале письма напоминание о данном ранее обещании дать золота в синхроническом переводе передано более подробно и завершается формулировкой просьбы. Отметим, что просьба направлена не столько Б. А. Головкину, сколько самому государю. Адресат при этом воспринимается в качестве посредника, который может передать просьбу: *В прошлом году, как я виделся с твоим здоровьем, и я твоему здоровью говорил, что послал я в правую сторону под восток, под Индею для мольбища по своей вере, и говорил, чтоб прибавить золотых для той посылки и денег, и ныне я по вере своей и по обещанию для такого надобия и нужды для посылки прошу государской милости, прибавки золотых и денег к своей посылке* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 45]. Ср. калм.: *cayān xamı ireqsen xoysi no tengge netej ögüye / gelei ta: baroun tala yabuixudu alta ögüye gelei ta*: ‘После приезда Белого хана добавим тенге, — обещали Вы. Когда поедем в Западную сторону¹, Вы обещали дать золота’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35].

Информация о строящемся городке и просьба приказать прекратить строительство в переводе отсутствует. Завершается синхронический перевод императивом, касающимся действий в отношении ханского посланника: *Посланца моего Кашку без задержания отпусти* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 46].

Следующее письмо, адресованное князю Б. А. Голицыну, написано спустя три года, в 1701 г. Письмо написано в сложной для хана Аюки обстановке, так как жизни хана грозила реальная опасность (об этом см. работы [Тепкеев 2018: 173–174; Батмаев 2022: 223].

Содержание письма представляет собой просьбу о военной и дипломатической помощи: *ilgejı zöbbiy mini ol ese geküne / Šara-tou dēre beyēn irejı / zöbbiy mini olultai ene xoyoriyin / nigeyini ötör ese keküne yamāru / bolxōn ese medebebi*. ‘Отправив войско, восстанови справедливость [в отношении] меня. Если же не

¹ Под «Западной (правой) стороной» подразумевается Тибет.

получится [так], сами прибудьте в Саратов, и восстановите справедливость [в отношении] меня. Если одно из этих двух не исполнить в срочном [порядке], что со мной будет, я не знаю' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 11]. Просьба предшествует сообщение о том, что хан жив. Обратим внимание на то, что влияние конкретной ситуации в данном примере весьма значимо. Дополнительное воздействие оказывает и сообщение, следующее после просьбы и приведенное выше.

Таким образом, можно предположить, что наличие левого (предшествующего) или правого (последующего) контекста просьбы может зависеть от конситуации. Предшествующий контекст может свидетельствовать о более подготовленном письменном сообщении, наличие последующего контекста может быть показателем срочности побуждения.

Синхронический перевод содержит сообщение о местонахождении адресанта. В просьбе же речь идет только о дипломатической помощи. Последующий контекст о необходимости срочного принятия мер в синхроническом переводе отсутствует: *Пришли государской указ и вели розыскать, кто у нас прав и виноват, а буде изволишь государственным указом и ты приехав на Саратов и меж нами ти все розыскать своим разсмотрением в правот меж нами обеими* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. Л. 11].

1.2. Приемы речевого воздействия в письмах, направленных в адрес М. И. Чирикова. Императивные субъканры, сопутствующие им тактики воздействия на адресата и их передача в синхронических переводах на русский язык

Большинство писем, рассматриваемых в статье, составляют послания, адресованные Михаилу Ильичу Чирикову — обер-комендантту Астрахани (в нашем материале их 24). Письма получены в период с января 1713 г. по октябрь 1714 г.

В 7 письмах из 24 встречается просьба о сообщении новостей. Из-за частотности и наличия признаков шаблонности такую просьбу исследователи склонны относить к особой «формуле вести». Действительно, этот императив в деловых письмах приближается к области фатической коммуникации. Так, в четырех случаях из семи просьба следует сразу после приветствия, и после нее формулируется другое побуждение, не связанное с получением или передачей новой информации (например, просьба прислать провиант для представителей России, находящихся в ставке хана, требование выдать ежегодное жалованье). Вместе с тем просьба о вестях сохраняет воздействующую функцию, поскольку в зависимости от ситуации речь идет не столько о заинтересованности в информации, сколько о необходимости быть информированным. Так, например, в письме, полученном 18 января 1713 г., рассматриваемая просьба следует после сообщения информации и вопроса к адресату об осведомленности о переданных известиях: *Tenggēse yabuqsan Xazanai elči Xobon xalimaqtu morduji genei teyimi zanggi medebütte basa öbörö zanggi bolxuna kelöülüji ilgeqtün*: 'Ехавший с Дона казанский посланник сказал, что Кубань выступила (конным войском) против калмыков. Знаете ли Вы о такой новости? Если будут еще какие-то новости, сообщайте' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Связь на первый взгляд формальной просьбы о сообщении новостей с ситуацией обмена сведениями подтверждается примерами, в которых после просьбы следует информация, важная для коммуникантов, или указывается источник информации, имеющей значение для адресата: *yamar basa bolxuna mandu bicjii*

ilgeqtün: / mani endeki zanggiyigi Bürüsēse / suraqtun: Bürüs medekü: 'Если какие-либо еще [вести] появятся, сообщите нам. Наши здешние новости спрашивайте у Бориса. Борис [должен] знать' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119].

Обратим внимание и на некоторые различия в языковых средствах, используемых для оформления подобной просьбы — просьба о вестях, не имеющая тематически связанного с ней предшествующего или последующего контекста, содержит упоминание четырех сторон (направлений): *dörbön züqgē-/ se zanggi bei bolxuna / kütüülji ilgeqtün: 'Если с четырех сторон (направлений) будут вести, сообщайте'*¹ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131об.].

В большинстве случаев побуждение (просьба или требование) сопровождается обоснованием, помещенным в предшествующий контекст. В рассматриваемых письмах, адресованных обер-коменданту Астрахани М. И. Чирикову, насчитывается 17 таких примеров. В предшествующем контексте, помимо тактики сообщения новостей о сложившейся обстановке и осведомления у адресата о владении информацией, регулярно используются тактики сообщения о произошедших событиях; указания на причину побуждения; указания на общие договоренности (их выполнение или невыполнение); ссылка на царский указ, сообщение об отправленном посланнике.

В письме, полученном 19 июня 1714 г., адресант, указывая на имеющиеся договоренности, упрекает адресата в том, что российские власти в нужный момент не оказали военную помощь, и после этого формулирует требование: *Xasaqtu / mordo geküdü cerigēn ese / mordobo: urbaxu boluuuzai: / gatulyan bolyon-du xariul / orkijı bo yatulya: xara üyile-/tei xolıd medeqdekü biši: 'Когда было сказано выступить на казахов, то свое войско не выставил. Как бы они не повернули назад?! На каждой переправе выставив дозор, не дайте переправиться'* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.].

В переводе предшествующий контекст побуждения содержит информацию об ослушавшихся приказа енбулуках². Для формулировки побуждения в переводе используется императивная конструкция, в которой, однако, эксплицирован статус получателя письма (прикажи поставить караулы): *Велел я против каракалпаков татарам своим итии воиною, и те татара енбулуки учинились мне услышны, не пошли. И чтоб они не вздумали чего худова и не ушли б, на всех приточных местах прикажи поставить караулы крепкие, чтоб их с луговой стороны на нагорную сторону отнюдь никого не пропускать* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83].

Ссылка на царский указ, предшествующая просьбе, содержится в письме, полученном 30 июня 1714 г.: *Ejiliyin oroši: Yangxala kürtele / xaruulān sayitur xaruulji mandu zanggi / xaruulān sayitur xaruulji mandu zanggi /. usun dère ireqči dayini / meni čimadu: '[Вплоть] до волжского русского Черного Яра хорошенько несите дозоры, и нас извещайте. Наши враги, прибывающие по воде, — на тебе'* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 86]. Правый контекст, хотя и не содержит императива, также реализует директивную интенцию при помощи языковых средств, выбор которых характерен для ситуации необходимости быстрого принятия решений.

Синхронический перевод предлагает несколько иную картину событий и поручений. В качестве основного побуждения здесь оказывается просьба пись-

¹ Здесь букв. 'сообщайте и присылайте'.

² Енбулуки (джембулуки, джембайлуки) — территориальная группа ногайцев, входившая в состав Калмыцкого ханства в XVII—XVIII вв.

менно сообщать об имеющихся новостях: *По Волге реке или в которой стороне в степях какие неприятельские люди и от меня явята, и мне велено смотреть того накрепко и поставить караулы крепкие вверху по Волге до Черного Яра. Какие вести у вас есть, пожалуй ко мне о том прикажи писать. А какие по Волге реке явята неприятельские люди и над нами какое злое дело починят, и то мы будем искать на тебе* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 88]. Кроме того, перевод фиксирует просьбу (также обоснованную), переданную, по всей вероятности, устно: *Пожалуй для послов пришли ко мне двойного и простого вина* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 88].

Рассмотрим единичный пример императивного субжанра, имеющего не предшествующие, а последующие сопутствующие тактики. Так, в просьбе прислать врача эксплицируется срочность побуждения. Последующий контекст представляет собой тактику подтверждения острой необходимости в присутствии врача: *habur nada ireqči emčiyigi emtei / youtayigiyini ötör ilgeqtün ende / yeke kereqtei*: ‘Приезжавшего ко мне весной врача вместе с лекарствами и всем прочим скорейшим образом пришлите. Здесь [он] очень нужен’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 128об.].

В переводе воздействующий прием дополнен отсутствующим в оригинале обещанием-угрозой сообщить о неисполнении просьбы вышестоящим официальным лицам: *Напред сего изволил присылать ко мне лекаря, и ныне пожалуй пришли ево ко мне со всяким лекарством. А мне самая в нем нужда. Пожалуй пришли безо всякого задержания, а буде не пришилеши, буду писать в верх* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 128об.].

В письмах к М. И. Чирикову имеются единичные примеры использования наименования императивного жанра (субжанра) (*zarliq*) или перформативных глаголов, эксплицирующих вид побуждения, использованного в тексте делового письма (*erenei bi*).

В письме, содержащем наименование интенции (*zarliq*), отсутствуют элементы речевого этикета и сформулирован приказ: *xān Caqdor Zabiyin zarliq: ene elčiyigi Ter kürtele / ongyosčor kürgeqtün: Terēse / cāra morin ulā ögütqtün* ‘Хана [Аюки] и Чакорджаба слово (повеление, приказ). Этого посланника [вплоть] до Терского городка доставьте на лодке. От Терского городка далее предоставьте подводу, [запряженную] лошадьми’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 170об.]. В письме эксплицирована информация о том, что посланник выполняет не только дела хана Аюки, но и русского царя: *xān cayān xani / iyyiledü kereqtei odxu / elči elči Cürüm / yurbu[ula]* ‘Посланник, следующий по делам хана [Аюки], Белого хана, — [это] посланник Цюриюм, втрем’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 170об.]. Наименование императивного жанра выделяет данный текст из общего массива деловых писем, в том числе и по силе воздействия на адресата. В приведенном примере подчеркивается высокий статус калмыцкого хана и его вероятного преемника, а также важность оказания помощи посланнику, выполняющему поручения, связанные с государственными делами обеих сторон.

Синхронический перевод на русский язык содержит наименование жанра — «приказ»; императивные конструкции и содержательные элементы в переводе также сохранены: *Ханов и Чабдаржапов приказ. А того нашего посыльщика отпустите на Терек лоткою. Послан от нас в кумыки. И отпишите, чтоб с*

Тер(е)ку до кумык дали подводу, а с ним государевы и его хановы нужные дела [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 173об.].

Перформатив *erenei bi* ‘прошу’ встречается в письме, полученном 21 октября 1713 г. Коротко передавая суть проблемы, хан Аюка просит астраханского коменданта сделать все по суду. Отдельная синтаксическая конструкция *bi erenei bi*: ‘Я прошу’ в данном случае представляет собой дополнительный прием значительного воздействия на адресата, поскольку в сочетании с личным местоимением перформатив актуализирует личную заинтересованность хана Аюки в решении проблемы и исполнении судебного решения. Редкость использования такой формулировки усиливает ее воздействующий эффект.

Последующий контекст побуждения также обладает воздействующей силой на адресата: адресант использует тактики описания собственных действий, возможных в случае отсутствия решения суда и указания на причину личного вмешательства (упоминание о раненом): *töün-dü orolcol ügei zaryärni bolyuyiči: / bi erenei bi: ese ouraxuna bi čigi orolcuxu bi: / öini köböügiyini üldər cabčid orostu öqči: / köböüni yekede zoboji ülü bayinu::* ‘Не принимая участия в этом [лично], сделай [так, чтобы было] по суду. Я прошу. Если не прекратят, то и я вмешаюсь. Его сына ранили мечом и передали русским. Сын его очень сильно страдает, не так ли?’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 75].

В синхроническом переводе дан более смягченный — этикетный — вариант побуждения, последующий контекст содержит дополнительную информацию о вероятных действиях адресанта в случае отрицательного результата: *и я прошу у тебя милости об этом деле, чтоб быть против прежнего суда, а буде не послушаютца, и я буду за Аллакая сам у государя милости просить. Пожалуй, это дело учини против прошения моего. И Алакаева сына Утюгун рубил саблею по голове, и в том деле тот ево Алакаев сын сидел у вас в росправной канцелярии многое время и скорбь великую принел, и то правда ль ево Утюгенева, что ево Алакаева сына не рубил, о етом изволь разсудить правдою и отповедь учини дороге моему Иши Замсе* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 76, 76об.].

В анализируемом материале имеются примеры писем, содержащих императивные субжанры без каких-либо сопутствующих тактик. Речь идет о побуждении астраханского обер-коменданта к определенным действиям в отношении к посланникам хана или паломникам. В 3 письмах имеются подобные императивные субжанры.

Так, в письме, полученном 21 мая 1714 г., последняя императивная тактика используется без сопутствующих предшествующих или последующих тактик: *Idegēr xāni Zouyāsa ireqsen / dörbön ajiyigi nököd-töyigi-ni ötör / ilgeqtün mandu:* ‘Четырех паломников Йадигар-хана, прибывших из Дзу, вместе с их товарищами скорейшим образом отправьте к нам’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.].

В переводе просьба дополняется последующим контекстом о необходимости в присутствии названных людей: *Хивинского Ядыгера хана ездили богу молитца к Меке четыре человека попов. И тех четырех человек прикажи отпустить к нам, а мне они люди надобные* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76].

Императивный субжанр без сопутствующих тактик в письме, полученном 17 августа 1714 г., касается выдачи ежегодного государева жалованья. Упоминание о том, что жалованье должно выдаваться каждый год, грамматически включено в императивную конструкцию: *jil bolyon / ögüdeq dari xoryolji mönggün*

araki idēn / caγān šoroi kükür tömör xabur ögüye / geqči zoun šedbür idēteyigēn kūcējī ötör / ögüqtün: ‘Ежегодно выдаваемые порох, свинец, серебро (деньги), водку, продукты, селитру, серу, железо, которые собирались выдать весной, дополнив ста кулями продуктов (муки), скорейшим образом выдайте’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131]. Приведенный пример также содержит указание на срочность выполнения действия, что отчасти объясняет отсутствие сопутствующих тактик.

Синхронический перевод сохраняет требование скорейшей присылки жалования: *Даетца мне по вся годы великого государя денежное жалованье, порох, и свинец, и селитра, и сера, и железа, и вина, да хотели весною прислать ко мне сто четвертей муки, и то прикажи прислать немедленно* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132].

2. Заключение по второй части статьи

Деловые письма хана Аюки, адресованные российским чиновникам, содержат различные приемы воздействия на адресата. Одним из основных воздействующих приемов являются тактики обоснования причин побуждения — большинство просьб в деловых письмах хана Аюки, направленных в адрес Б. А. Голицына и М. И. Чиркова, имеют объяснение в предшествующем контексте. Вместе с тем контекст, предшествующий императиву, заметно сужается, а в ряде писем тактики обоснования просьбы или приказа отсутствуют. Отмечается и увеличение случаев появления последующего контекста, указывающего не только на необходимость в предмете просьбы, но и на возможные нежелательные последствия в случае невыполнения побуждения.

Воздействующий потенциал побуждения в деловых письмах усиливается за счет использования самоназваний императивных субжанров и перформативных глаголов, конкретизирующих интенцию адресанта.

Синхронический русский перевод передает основные интенции адресанта, однако количество просьб в оригинале и переводе может не совпадать, как могут не совпадать и средства выражения побуждения.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.	National Archive of the Republic of Kalmykia. (In Kalm. and Russ.)
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.	Russian State Archive of Ancient Acts. (In Kalm. and Russ.)

Литература

Батмаев 2022 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.	Batmaev M. M. Kalmyks in the 17 th –18 th Centuries. Events, People, Everyday Life. 2 nd ed. Elista: KalmSC RAS, 2022. 440 . (In Russ.)
Благова 1998 — Благова Н. Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 102 с.	Blagova N. G. Vocabulary and Phraseology of Monuments of Russian Law of the 17 th Century: (Based on the Code of 1649). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1998. 102 p. (In Russ.)

Sources

References

Батмаев 2022 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.	Batmaev M. M. Kalmyks in the 17 th –18 th Centuries. Events, People, Everyday Life. 2 nd ed. Elista: KalmSC RAS, 2022. 440 . (In Russ.)
Благова 1998 — Благова Н. Г. Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649 г.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 102 с.	Blagova N. G. Vocabulary and Phraseology of Monuments of Russian Law of the 17 th Century: (Based on the Code of 1649). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1998. 102 p. (In Russ.)

- Виноградов 1982 — *Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков.* М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
- Волков 1974 — *Волков С. С. Лексика русских членобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства.* Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. 164 с.
- Гедеева 1999 — *Гедеева Д. Б. Правовая лексика в ойратском письменном языке XVII–XVIII вв.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук.* М., 1999. 18 с.
- Гейгер, Валуевич 1986 — *Гейгер Р. М., Валуевич М. В. Проблемы изучения делового языка XVII в. по рукописным памятникам письменности Тобольского Знаменского и Абалакского монастырей XVIII века // Виноградовские чтения. Мат-лы межвуз. науч. конф. (г. Тобольск, 20–23 ноября 2001 г.). Тобольск: Изд-во Тобольск. гос. пед. ун-та, 2001. С. 134–136.*
- Иванова 2014 — *Иванова Е. Н. Креативные приемы воздействия на адресата в деловых письмах исторической языковой личности // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании.* 2014. № 2. С. 186–191.
- Иванова 2023 — *Иванова Е. Н. Приемы речевого воздействия на нижестоящего адресата в деловых письмах XVIII в. // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности.* 2023. № 21. С. 83–93.
- Комарова 1997 — *Комарова Л. Э. Тюменские членобитные XVII–XVIII вв. как историко-лингвистический источник // Архив и исследователи: сотрудничество в интересах настоящего и будущего. Мат-лы науч. конф., посвящ. 75-летию Государственного архива Тюменской области (г. Тюмень, 29 октября 1997 г.). Тюмень: Гос. архив Тюменской обл., 1997. С. 34–38.*
- Vinogradov V. V. Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries. Moscow: Higher School, 1982. 528 p. (In Russ.)
- Volkov S. S. Vocabulary of Russian Petitioners of the 17th Century. Formulary, Traditional Label and Style Tools. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1974. 164 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Legal Vocabulary in the Oirat Written Language of the 17th–18th Centuries: Thesis Abstract. Moscow, 1999. 18 p. (In Russ.)
- Geiger R. M., Valuevich M. V. Problems of Studying the Business Language of the 17th Century from the Handwritten Monuments of the TobolskZnamensky and Abalak Monasteries of the 18th Century. Vinogradov Readings. Proceedings of the Inter-university Scientific Conference. Tobolsk: Publishing House of the Tobolsk State Pedagogical University. University, 2001. Pp. 134–136. (In Russ.)
- Ivanova E. N. Creative Methods of Influencing the Addressee in Business Letters of a Historical Linguistic Personality. *Ural Philological Bulletin.* Series: Psycholinguistics in Education. 2014. No. 2. Pp. 186–191. (In Russ.)
- Ivanova E. N. Techniques of Speech Influence on the Subject Addressee in Business Letters of the 18th Century. Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity. 2023. No. 21. Pp. 83–93. (In Russ.)
- Komarova L. E. Tyumen Petitioners of the 17th–18th Centuries as a Historical and Linguistic Source. Archive and Researchers: Cooperation in the Interests of the Present and the Future. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the State Archive of the Tyumen Region. Tyumen: State Archive of the Tyumen Region, 1997. Pp. 34–38. (In Russ.)

- Осипов, Гейгер, Рогожникова 1993 — *Осипов Б. И., Гейгер Р. М., Рогожникова Т. П. Языки русских деловых памятников XV–XVIII вв. Фонетический, орфографический и стилистический аспекты*. Омск: ОмГУ, 1993. 95 с.
- Садова, Руднев 2020 — *Садова Т. С., Руднев Д. В. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект* // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493
- Суслеева 2003 — *Суслеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования*. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т. Аюка-хан и его время*. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Трофимова 2002 — *Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1769 гг.: Книга III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762–1796 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста*. Тюмень: ВекторБук, 2002. 232 с.
- Ярмаркина 2024 — *Ярмаркина Г. М. Приемы воздействия на адресата в деловых письмах хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их отражение в синхронических русских переводах XVII–XVIII вв. Часть 1* // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 4. С. 838–848. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-838-848
- Osipov B. I., Geiger R. M., and Rogozhnikova T. P. The Language of Russian Business Monuments of the 15th–18th Centuries. Phonetic, Spelling, and Stylistic Aspects. Omsk: Omsk State University, 1993. 95 p. (In Russ.)
- Sadova T. S., Rudnev D. V. From the History of Russian Petitioning Genres: the Linguistic Aspect. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2020. Vol. 42. No. 5. Pp. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493 (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Terkeev V. T. Khan Ayuka and His Time. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Trofimova O. V. Tyumen Business Writing. 1762–1769: Book 3. Tyumen Handwritten Business Texts of 1762–1796 in the Aspects of Linguistics and Documentation: Linguistic Analysis of the Text. Tyumen: VektorBook, 2002. 232 p. (In Russ.)
- Yarmarkina G. M. The Techniques of Influencing the Addressee in the Business Letters of Khan Ayuka on “Todo Bichig” (“Clear Letter”) and their Reflection in the Synchronized Russian Translations of the 17th–18th Centuries. Part 1. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. Vol. 16. No. 4. Pp. 838–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-4-838-848

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

UDC 811.512.3

УДК 811.512.3

Neural Network Models of a Grammar Parser for the Kalmyk Language: Training Experience

Abina D. Kukanova¹,
Viktoria V. Kukanova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Director, Senior Research Associate

Нейросетевые модели грамматического анализатора для калмыцкого языка: опыт обучения

Абина Денисовна Куканова¹,
Виктория Васильевна Куканова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, директор, старший научный сотрудник

 0009-0001-8103-7504. E-mail: kukanovaabina[at]gmail.com

 0000-0002-7696-4151. E-mail: kukanovavv[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2025

© Kukanova A. D., Kukanova V. V., 2025

© КалмНЦ РАН, 2025

© Куканова А. Д., Куканова В. В., 2025

Abstract. *Introduction.* Kalmyk language presents unique challenges for NLP due to its agglutinative rich morphology and limited available resources. The *objective* is to consider various neural network models of grammar analysis for the Kalmyk language. *Materials and Methods.* Several neural network models were selected for training: Lemma Accuracy, Levenshtein Lemma Distance, Morph Accuracy, Morph F1. Neural network model training methods, analysis, and comparison methods were used. The training dataset used consisted of an organizational part in depth of 2 495 sentences (including 35 049 tokens), a validation part in depth of 311 sentences (including 3 991 tokens),

Аннотация. *Введение.* Калмыцкий язык представляет особые трудности для обработки естественного языка из-за своей богатой агглютинативной морфологии и ограниченных доступных ресурсов. Цель — проанализировать различные нейросетевые модели грамматического анализатора для калмыцкого языка. *Материалы и методы.* Для обучения выбраны несколько нейросетевых моделей: Lemma Accuracy, Lemma Levenshtein Distance, Morph Accuracy, Morph F1. Применились методы обучения нейросетевых моделей, методы анализа, сравнения. Для обучения использовался датасет, состоящий из тренировочной части в

and a test part in depth of 313 sentences (including 3 627 tokens). *Results.* This paper proposes a high-performing morphological analyzer for Kalmyk language using neural network techniques. The analyzer is able to jointly predict a lemmata and morphological tags for each word in a sentence. Due to the scarcity of the data, morphological analyzers for low-resource languages often utilizes rule-based and statistical approaches. However, there are few studies based on deep learning approaches. Firstly, our model inputs word embedding based on characters and contextual embeddings generated by the pretrained cross lingual model XLM-RoBERTa. Secondly, the proposed model is based on a sequential architecture which inputs surface words and predicts minimum edit actions between surface words and lemmas instead of predicting characters in lemmas. Thirdly, our system does not require pretrained embeddings for the Kalmyk language and additional morphological segmentation tools. We conducted several experiments to show that our model outperforms other models.

Keywords: Kalmyk language, morphological analyzer, parts of speech, grammemes, neural network models, NLP, XLM-RoBERTa

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 25-78-20008 “Developing Research Tools and Conducting Comprehensive Studies of the Mongolic Languages and Their Languages: Applying Big Data Tools for the Analysis of Dictionaries and Corpora”.

For citation: Kukanova A. D., Kukanova V. V. Neural network models of grammar parser for the Kalmyk language: training

объеме 2 495 предложений (в их числе 35 049 токенов), валидационной части в объеме 311 предложений (в их числе 3 991 токена), тестовой части в объеме 313 предложений (в их числе 3 627 токенов). *Результаты.* В данной статье предлагается высокопроизводительный морфологический анализатор для калмыцкого языка, использующий методы нейронных сетей. Анализатор способен совместно предсказывать леммы и морфологические теги для каждого слова в предложении. Из-за нехватки данных морфологические анализаторы для языков с низкими ресурсами часто используют основанные на правилах и статистические подходы. Однако существует мало исследований, основанных на подходах глубокого обучения. Во-первых, наша модель использует вложения слов на основе символов и контекстуальных вложений, сгенерированных предобученной кросс-языковой моделью XLM-RoBERTa. Во-вторых, предлагаемая модель основана на последовательной архитектуре, которая вводит поверхностные слова и предсказывает минимальные действия редактирования между поверхностными словами и леммами вместо предсказания символов в леммах. В-третьих, наша система не требует предобученных вложений для калмыцкого языка и дополнительных инструментов морфологической сегментации. Мы провели несколько экспериментов, чтобы показать, что наша модель превосходит другие модели.

Ключевые слова: калмыцкий язык, морфологический анализатор, части речи, граммы, нейросетевые модели, NLP, обучение XLM-RoBERTa

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Разработка инструментария и комплексные исследования монгольских языков и их диалектов (с применением технологий анализа больших массивов данных словарных и корпусных материалов (№ 25-78-20008)).

Для цитирования: Куканова А. Д., Куканова В. В. Нейросетевые модели грамматического анализатора для калмыцкого

experience. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 371–390. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-371-390 языка: опыт обучения // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 371–390. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-371-390

1. Introduction

Morphological analysis, a fundamental step of processing the text in many NLP pipelines, deals with the structure of words by identifying the constituent morphemes. It usually consists of two tasks: lemmatization and morphological tagging [Baxi, Bhatt 2024]. Lemmatization is the process of reducing a word to its base or root form [Kote et al. 2019]. Lemmatization is crucial for languages with rich morphology since each word can have several inflectional variants, which increases the vocabulary size and a number of out-of-vocabulary (OOV) words. Morphological tagging is a subtask in which morphosyntactic information and a part of speech are assigned to each word [Heigold et al. 2017]. Compared to part-of-speech tagging, morphological tagging not only adds a part of speech, but also other grammatical features like case, gender, number, tense, etc. Morphological analyzers are essential tools for many NLP applications like machine translation, language modeling, syntactic parsing, information retrieval (IR), spell checkers and named entity recognition (NER). Thus, the development of an effective morphological analyzer has a greater impact on the computational recognition of a language.

For the low-resource languages, building morphological analyzers presents a unique set of challenges due to scarcity of the resources since it requires thousands of annotated sentences to train. Therefore, the lack of training data can be a serious obstacle, hindering the progress of downstream NLP applications and, ultimately, impacting the digital vitality of endangered languages. Many people doubt the importance of preserving low-resource languages without thinking about the consequences. The extinction of a language represents an irreparable loss of cultural heritage, scientific knowledge and important aspects of human history. Oral traditions, literature, and historical documents will be lost and forgotten. The very existence of digital resources like morphological analyzers can contribute significantly to protection and revival of endangered languages. Thus, the development of a morphological analyzer acquires additional importance, becoming not just a technical challenge, but a crucial step in supporting language preservation and cultural heritage.

Kalmyk is a member of the Mongolian language family, natively spoken in the Kalmykia Republic in the west of the Russian Federation, and in parts of western China and western Mongolia. Along with Russian, the Turkic, Ugric and Tungusic elements that joined the Kalmyk ethnic group had a certain influence on the Kalmyk language. According to UNESCO, Kalmyk is “definitely endangered”. As an agglutinative language, word formation occurs by sequentially attaching to the root. Each affix in a derived word retains its independence and has only its inherent meaning. However, prefixes are not common in Kalmyk, and affixes are usually added after a root or at the end of a sentence.

Morphological analyzers for low-resource agglutinative language are often based on rule-based and statistical approaches due to scarcity of the resources, and there are just few studies that focus on deep learning approaches. Rule-based and machine learning based approaches require deep linguistic expertise, rely on heavy feature engineering, and ignore local context. Also, there are no available pretrained

embeddings or morphological tools for Kalmyk which makes this task even more difficult. Therefore, we propose a joint morphological analyzer, which does not require the above mentioned tools. Firstly, our model's input embedding layer consists of three parts: character-level embedding, word embedding and contextual embeddings generated by using the pretrained cross lingual model XLM-RoBERTa. We implemented this method from [Abudouwaili et al. 2023]. Secondly, our model is based on a sequential architecture which inputs surface words and predicts minimum edit actions between surface words and lemmas instead of predicting characters in lemmas [Yıldız, Tantuğ 2019]. We trained several models for Kalmyk to compare and analyze our results with theirs.

The structure of this paper is the following: in 'Morphological Tools Overview' we investigate various approaches of developing morphological analyzers, the section 'Data' describes the structure and annotation of Kalmyk dataset, the section 'Methods' presents the architecture of our model, in 'Experimental results' we run several experiments to evaluate our analysis, the section 'Conclusion' summarizes our work.

2. Morphological Tools Overview

Morphological analyzer is a crucial component in numerous NLP applications. Researchers have developed a diverse amount of morphological analyzers for various languages, many of which are publicly accessible. This section provides an overview of the popular methodologies employed in building these tools, while noting their advantages and disadvantages. Our exploration will cover:

1. Rule-based methods, which rely on handcrafted linguistic rules.
2. Machine learning based approaches, which learn probabilistic relationships from pre-classified data.
3. Deep learning based methods, which focus on building multi-layered neural networks.

2.1. Rule based approaches

Rule based systems have been developed since the earliest times. These methods are based on a set of predefined linguistic rules and patterns developed by experts. Linguists formulate these rules, which can encompass such aspects as phonology, inflectional and derivational grammar, syntax, often utilizing regular expressions to define word formation patterns. The developed rules are then applied to the text to capture matched patterns. During analysis, the created set of rules is constantly being modified and updated to improve accuracy and performance. This approach is easily interpretable since rules are explicitly defined. Rule based systems show good results if the language is highly structured and unambiguous.

Two-level morphology is the first model in the history of computational linguistics designed to analyze and generate morphologically complex languages. K. Koskenniemi [Koskenniemi 1996] proposed this model in his dissertation, which is based on 3 fundamental ideas:

1. The rules are character-to-character constraints applied in parallel rather than sequentially, like substitution rules.
2. Constraints can relate to the lexical context, the surface context, or both contexts at the same time.
3. Lexical lookup and morphological analysis are performed together.

This method represents words on two levels: lexical and surface levels. Rules in this system describe how the lexical representation of a word is transformed into its surface form, taking into account various morphological processes. In generative morphology, the rules can only produce word forms, while in a two-level morphology model, the rules can generate and detect word forms.

Two-level morphology is implemented using a set of finite state transducers (FSTs), that are responsible for a certain type of correspondence between the lexical and the surface level. The machine moves between the states based on the input symbol, while it outputs the corresponding output symbol.

One of the most popular methods for the implementation of FST based is Helsinki Finite State Toolkit (HFST) developed by [Lindén et al. 2009]. HFST, an open-source software for the developing and application of FST and finite automata (FSAs), allows users to build morphological analyzers and generators. The tool was applied to numerous languages like Wolayta [Gebreselassie et al. 2018], Evenki [Zueva et al. 2020].

Paradigm based approach is another rule-based method to build morphological analyzers. Its core idea is to map an input word to its corresponding paradigm. A paradigm defines all possible word forms for a given stem and set of grammatical features. It may require handling ambiguity if the same rule may be present in one paradigm or a word fits multiple paradigms. J. Baxi, P. Patel, B. Bhatt [Baxi et al. 2015] developed a morphological analyzer for Gujarati language combining s statistical, knowledge based and paradigm based approaches.

Another rule-based method is based on stemming. It employs a stemmer with rules, often using suffix stripping. Stemming based approach is simple and doesn't require a lookup table, but not sufficient for lemmatization or morphological tagging. Also, the linguistic rules have to be accurately specified.

2.2. Machine learning based approaches

Rule-based methods were used in many NLP applications like machine translation, named entity recognition and information retrieval but over time researchers realized that this approach suffers from several major limitations. One primary drawback is the considerable time and resource investment required for the development and maintenance. Creating rule-based systems necessitates manual creation of linguistic rules describing language's inflectional patterns, derivational processes and numerous exceptions. This approach not only demands deep linguistic expertise but also becomes laborious as the complexity of the language increases. Among other things, rule-based systems lack flexibility. As languages evolve and new words or structures emerge, they struggle with OOV words. This inflexibility makes it complicated to adapt to the nuances and variability of natural language. What is also important to note is that rule-based systems struggle with disambiguation in the word formation rules. The same morpheme can have multiple meanings or functions, and rule-based systems face difficulties to uniquely identify a part of speech.

With the above-mentioned disadvantages and the growing popularity of machine learning based methods, NLP researchers have moved their focus from traditional rule-based systems to machine learning based methods. The idea of this approach is that a statistical model learns probabilistic relationships between morphemes and their

corresponding tags from annotated data. Researchers trained various supervised and unsupervised models to solve this problem.

Unsupervised morphological analyzer allows to identify morphemes and their functions within words algorithmically, without any supervision. Z. S. Harris [[Harris 1955](#)] introduced Letter Successor Variety models (LSV) that are based on the analysis of the distribution of letter sequences in words. These models try to find morpheme boundaries based on changes in this distribution. A high variety of letter sequences may indicate a morpheme boundary.

Another method used to develop a morphological analyzer was Minimum Description Length (MDL). This method seeks to find the most compact representation of the data. In the context of morphology, they are looking for a segmentation of words into morphemes that minimizes the total length of the description of the dictionary of morphemes and the corpus of texts. Morphological analyzer Linguistica proposed by [[Goldsmith 2001](#)] was one of the first unsupervised models and was based on the MDL approach.

The Maximum Likelihood based method builds a probabilistic model of language morphology and tries to find a segmentation that maximizes the probability of the observed data (corpus of texts). Morfessor, one of the important models in the field of unsupervised morphology, was based on the maximum likelihood approach [[Creutz, Lagus 2005](#)].

K. Narasimhan, T. Kulkarni, R. Barzilay [[Narasimhan et al. 2015](#)] introduced an unsupervised method for uncovering morphological chains using a log-linear model that integrates both semantic and orthographic features. This approach builds a chain of possible word forms from a base word, outperforming the baseline Morfessor system in English, Turkish, and Arabic.

While there might be promising results in many scenarios, unsupervised models often lag behind supervised approaches in terms of accuracy and performance. This difference stems from the ability of supervised models to learn directly from explicit morphological annotations, leading to more precise analyses. Besides, handling rare and unseen words presents unique challenges. Unsupervised models, trained on the statistical regularities of the corpus, may struggle to accurately analyze words that occur infrequently or not at all in the training data. This can lead to errors or inaccurate morphological tag assignments, impacting overall performance.

The above-mentioned drawbacks bring us to the realm of supervised machine learning for morphological analysis. Supervised learning models operate under the assumption of a well-labeled dataset, where each word is accompanied by its corresponding morphological analysis, including lemma (a dictionary form), part of speech (a POS tag), and other relevant morphological features like gender, case, number, tense, etc. This approach allows models to learn explicit mappings between word forms and their morphological features. However, the reliance on labeled data presents a challenge, especially for low-resource languages where such resources may be scarce or entirely unavailable. Regardless of the language, the dataset has to be well documented as errors can affect the overall result. Creating these annotated datasets requires considerable linguistic expertise and is laborious.

Before training the model, the feature engineering has to be performed. Selecting and creating relevant features tailored to the specific language is crucial for maximizing

model performance. Once the features are defined, the next step involves choosing an appropriate classifier.

M. A. Kumar, Dhanalakshmi, K. P. Soman, S. Rajendran [[Kumar et al. 2010](#)] created a morphological analyzer for Tamil language based on sequence labeling using Support Vector Machine (SVM). The main idea of the sequence labeling approach is that the model accepts a sequence of characters as input and generates a sequence of characters as output. In their morphological analyzer, the input is a word denoted as ‘W’, and output is root and inflections denoted by ‘R’ and ‘I’ respectively. In this research, the dataset was created by classifying verb and noun paradigms based on tense and case markers respectively, grouping words sharing inflectional patterns. Preprocessing involved segmentation, breaking down words into graphemes and further into consonant-vowel (C-V) pairs, marked with ‘-C’ and ‘-V’ respectively. Segmented input and output word forms were aligned and mapped, creating training data pairs illustrating the mapping between word forms and their constituent morphemes (root and affixes). Authors developed separate engines for nouns and verbs. In this approach, they trained two models: one model is used for finding the morpheme boundaries, another model is used for assigning grammatical features to each morpheme.

T. Mueller, H. Schmid, H. Schütze [[Mueller et al. 2013](#)] address the challenges of training higher-order Conditional Random Fields (CRFs) for morphological tagging, particularly with large tag sets. Their work introduces a pruned CRF (PCRF) model, using a coarse-to-fine decoding strategy and early updating to achieve both speed and accuracy. This approach improves upon first-order CRFs across six languages, demonstrating the effectiveness of the PCRF for handling the complexities in combined Part-of-Speech (POS) and morphological (POS+MORPH) tagging.

A. Jayaweera, N. Dias [[Jayaweera, Dias 2014](#)] created a Part-Of-Speech (POS) tagger for Sinhala language using Hidden Markov Models. Sinhala is a morphologically rich and agglutinative language, which makes it challenging to automatically assign a tag to each word. The proposed POS tagger operates in two main steps: knowledge extraction from annotated corpus and tagging new text. During the first step, it processes a pre-tagged Sinhala corpus and calculates probabilities. For the second step, the Viterbi Matrix Analyzer constructs a state graph (Viterbi trellis) representing all possible tag sequences for the input words. It calculates and assigns state transition probabilities for each transition within this matrix. Then the tag sequence analyzer performs a backtrace through the Viterbi matrix to identify and output the most probable sequence of POS tags for the input word sequence. This method was applied to many languages like Arabic [[Alajmi et al. 2011](#)], Myanmar [[Cing, Soe 2023](#)].

2.3. Deep learning based approaches

While supervised and unsupervised machine learning methods have been applied to morphological analysis, they present significant challenges. Manual feature engineering is often laborious and requires linguistic expertise, and the reliance on annotated data for supervised approaches can be a major obstacle, particularly for low-resource languages.

Recent advancements in deep learning have led to the development of powerful neural network based morphological analyzers. As in the other NLP applications, so in the field of computational morphology deep learning models showed state of

the art results, outperforming earlier approaches [Liu 2021]. Moreover, one of the advantages of deep learning based methods is that they don't require predefined linguistic rules or high-level feature engineering. Architectures such as feedforward, Recurrent Neural Networks (RNNs), Convolutional neural networks (CNNs), Long Short-Term Memory (LSTMs), encoder-decoder structure and the transformer were applied for this task. In some approaches, neural networks systems were combined with statistical models such as Hidden Markov Models (HMMs) and Conditional Random Fields (CRFs) [Tamburini 2016].

Depending on how many output characters are expected relative to the number of input characters, morphological tagging can be conducted as the many-to-one learning scenario or as the one-to-one learning scenario [Bjerva 2017]. In the many-to-one learning scenario, the model gets multiple input symbols and then generates an output with only one symbol or one chunk of symbols like a POS tag or Morpho-Syntactic Description (MSD). In the one-to-one scenario, the model gets the input text and generates a prediction for each corresponding symbol in the input. Morphological tagging is often conducted on words in sentences as the use of information from context which is useful for good performance (Figure 1).

Morphological analysis can also be referred to as joint learning of lemmatization and morphological tagging. Lemmatization and morphological tagging are interdependent and can provide information to each other when there are different ways for lemmatization or tagging. [Müller et al. 2015] in their work have shown that modeling lemmatization and tagging jointly benefits both tasks. Following this method, [Heigold et al. 2017], combining a POS tag and MSDs together, explores neural character-based morphological tagging for languages with rich morphology and large tag sets. Authors compare two architectures for computing character-based word vectors using recurrent (RNN) and convolutional (CNN) networks. RNN architecture seems to perform as well or better than a CNN based architecture.

Another popular work based on joint learning is LemmaTag developed by [Kondratyuk et al. 2018]. Their neural network architecture that jointly generates part-of-speech tags and lemmas for sentences by using bidirectional RNNs with character-level and word-level embeddings. Their model consists of three parts:

1. the shared encoder, which creates embeddings for each word based on its character sequence and the sentence context;
2. the tagger encoder, which applies a fully-connected layer to predict the tags;
3. The lemmatizer encoder, which applies an RNN sequence decoder to the outputs of the shared encoder and the tagger.

They demonstrated that modeling lemmatization and POS tagging jointly by sharing the word and character embeddings and RNN encoder weights is effective for both tasks in morphologically complex languages. The results are higher in accuracy and the training requires less time. If the subcategories exist for the language (especially, for morphologically rich languages), LemmaTag also predicts each tag subcategory and inputs this information to the lemmatizer, which can further improve its accuracy. Besides, their model is featureless, requiring no text preprocessing and post-processing of morphological analysis. Figure 2 presents the architecture of their model.

R. Cotterell, G. Heigold [Cotterell, Heigold 2017] proposed a method that improves performance for low-resource languages through cross-lingual training on a related

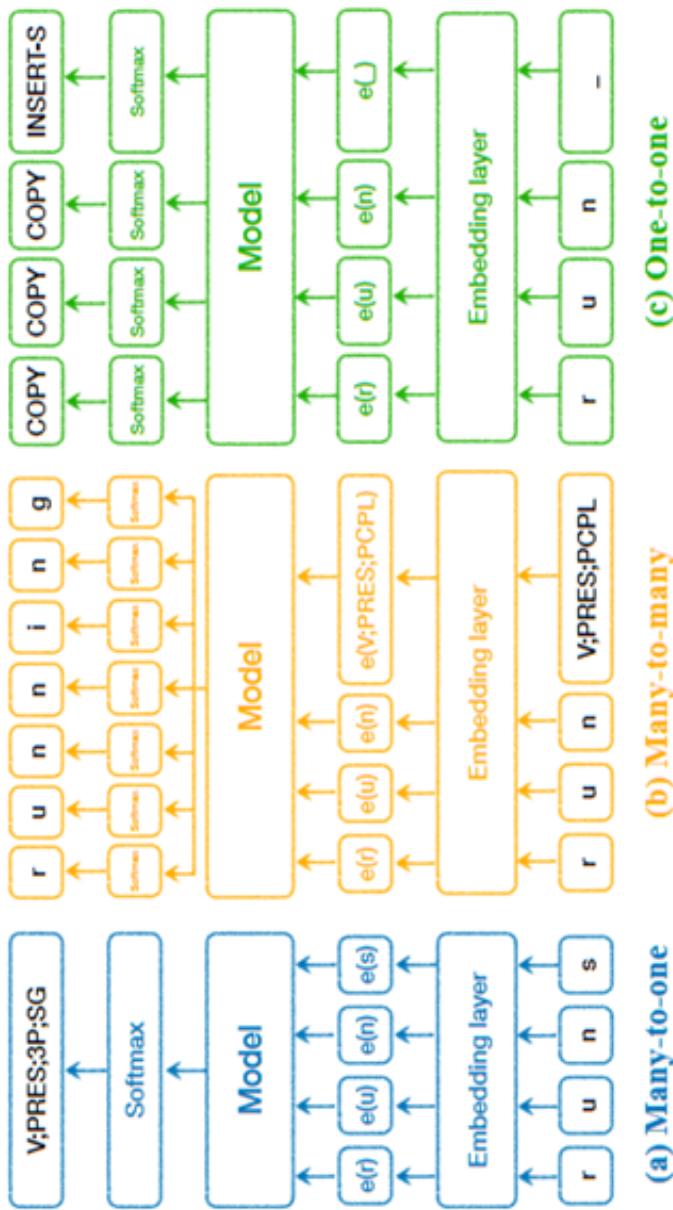

Fig. 1. Different neural network learning scenarios [Liu 2021]

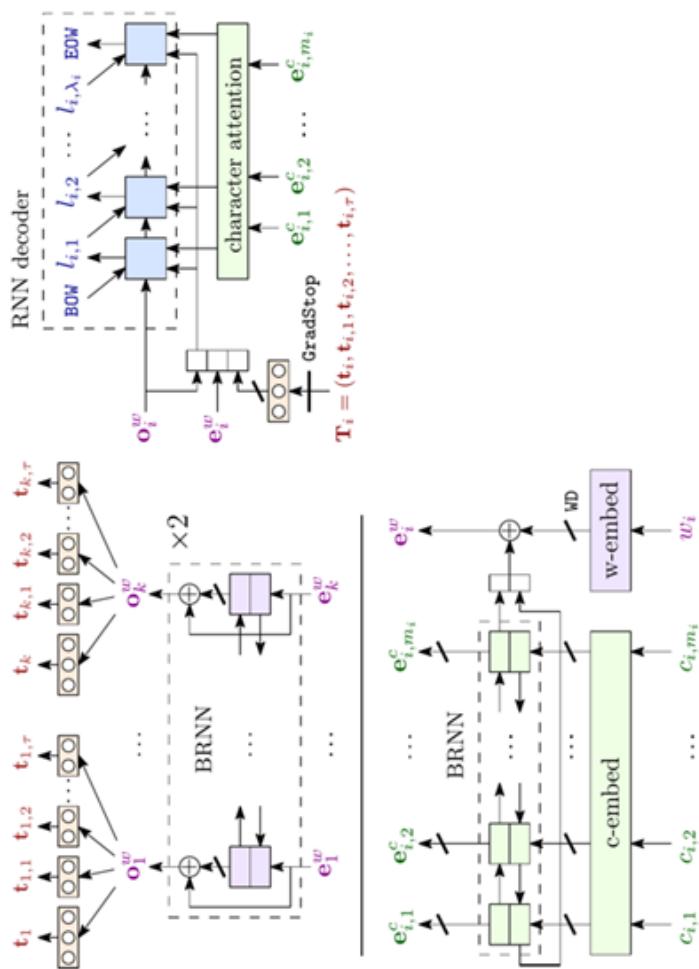

Fig. 2. Overview of the LemmaTag's architecture and design

high-resource language. However, this approach relies on the fact that target and source languages must be close and MSDs tag sets must match. Malaviya et al. (2018) trained a factorial conditional random field (FCRF) with neural network potentials calculated by LSTM. Their model makes predictions for individual tags separately, but links each decision together by modeling variable dependencies between tags over time.

E. Akyürek, E. Dayanik, D. Yuret [Akyürek et al. 2019] introduced a morphological analyzer called Morse. The proposed model uses three distinct encoders to create embeddings of various inputs. First encoder is a word encoder which creates word embeddings based on its characters. Second encoder is a context encoder which creates the local context embedding for each word based on the word embeddings of all words. Third encoder is an output encoder that creates an output embedding using the morphological features of the last two words. Then these embeddings are fed into the decoder to predict the lemmata and the morphological features.

G. Abudowaili, K. Abiderexiti, N. Yi, A. Wumaier [Abudowaili et al. 2023] created a joint morphological tagger for low-resource agglutinative languages to solve the challenges related to rule-based and statistical approaches such as error propagation, the reliance on linguistic expertise, missing the context features. First of all, authors represent the input by word embeddings, morphological embeddings or character-level embeddings, contextual embedding. The local context and word embeddings were generated by a pretrained language model. Authors used the pretrained cross-lingual language model XLM-RoBERTa for Kazakh, Tatar and Yak. This allows a model to better grasp the complex structure of agglutinative words and their role in the sentence. Second, the effect of errors in determining parts of speech on determining morphological features is reduced since the model simultaneously learns to predict a POS tag and MSDs. In their work, authors used a fusion mechanism, which allows two tasks (POS tagging and MSD tagging) to exchange information and influence each other in the process (Figure 3). The output of the fusion mechanism is fed into the CRF layer to predict the POS tag for each word. To predict MSD labels authors calculate label co-occurrence statistics and use a dynamic adjacency graph and GCN to find more deep label relationships.

D. Kondratyuk [Kondratyuk 2019] developed a morphological analyzer for the SIGMORPHON 2019 Shared Task on Morphological Analysis in Context and Cross-Lingual Transfer for Inflection, in task 2, Morphological Analysis in Context [McCarthy et al. 2019]. Authors utilize the pretrained multilingual BERT cased model to encode input sentences and to apply additional word-level and character-level LSTM layers. Then the lemma and the morphological features are jointly decoded. Lemmatization is treated as neural sequence tagging, and authors apply a feedforward layer to the final layer of the lemmatizer LSTM. Similarly for morphology tagging, they apply a feedforward layer to jointly predict the classes of unfactored and factored morphology tags. Figure 4 presents the architecture of their system.

Another transformer based work is [Wróbel, Nowak 2022]. For part-of-speech and morphological tagging, authors use XML-RoBERTa large, and for lemmatization a ByT5 small model was employed. The transformer returns the contextual embeddings of each token, and then the linear level with softmax activation returns normalized scores for each tag.

Another participant system for the SIGMORPHON 2019 Task 2 is Morpheus [Yıldız, Tantug 2019]. Their system is based on a neural sequential architecture

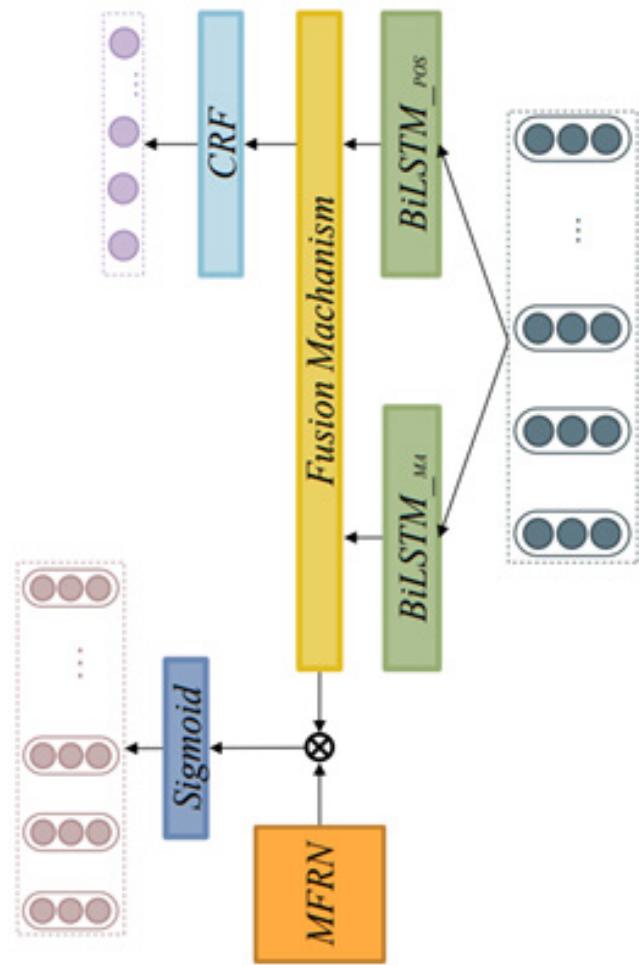

Fig. 3. The overall model architecture with fusion mechanism [Abudouwaili et al. 2023]

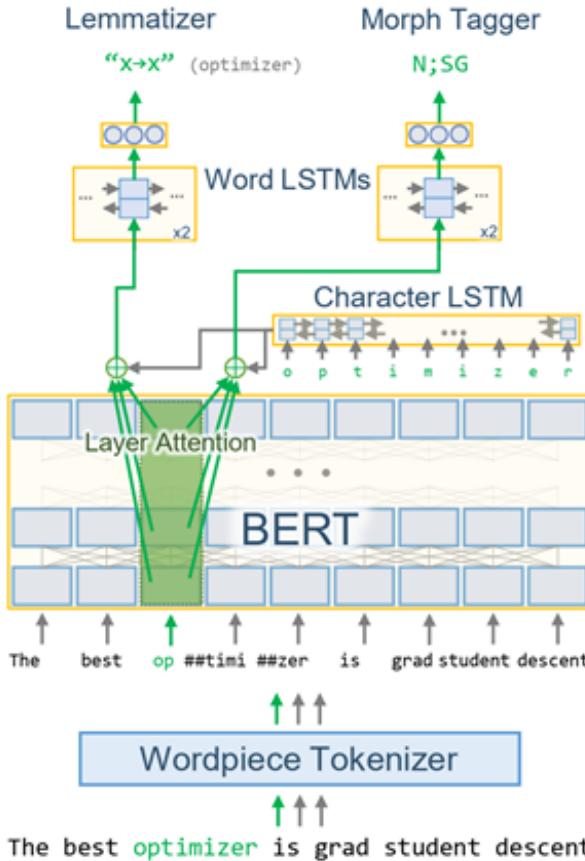

Fig. 4. An illustration of the model architecture based on BERT [Kondratyuk 2019]

where inputs are the sentences containing surface form words and the outputs are edit operations between surface words and their lemmata and morphological tags assigned to the words. To generate context-aware representations of each word, a bidirectional GRU is applied to characters of words and to the word representations. Two separate GRU decoders input the same context representation to generate transformations between the surface and root forms and to construct a morphological analysis. Figure 5 illustrates their proposed neural network architecture. The proposed model predicts minimum edit operations to obtain the lemma from a surface word, using a dynamic programming approach based on Levenshtein distance. The experiments carried out showed that predicting edit actions instead of characters in the lemma is higher in accuracy for both tasks. Morpheus does not require any language specific settings or pretrained embeddings so it is able to perform both tasks regardless of the language. Their system performs lemmatization and morphological tagging tasks comparable to state-of-the-art systems in almost 100 languages. According to the [SigMorphon 2019] Shared Task 2 results, Morpheus ranked 3rd in lemmatization and 9th in morphological tagging.

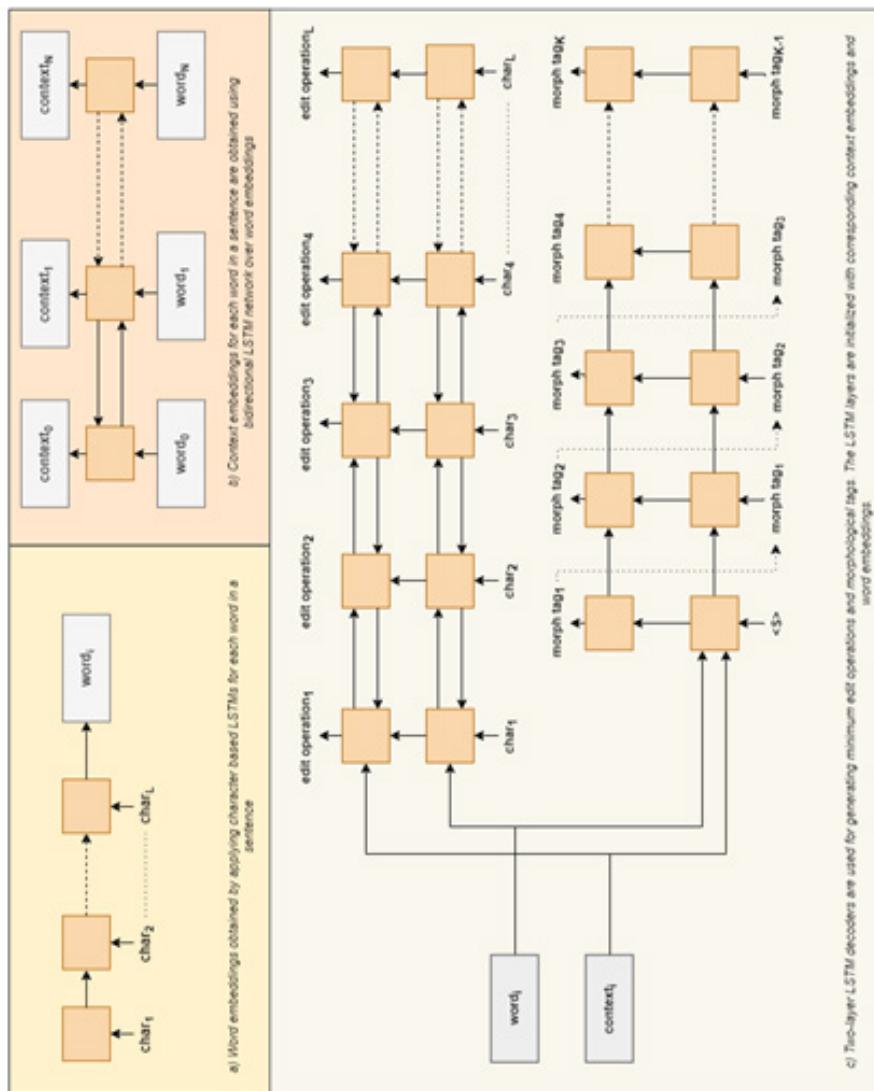

Fig. 5. The architecture of Morphus [Yıldız, Tantug 2019]

3. Data

To create a dataset, a corpus comprising 146 Kalmyk folklore texts was used. These texts were obtained from the National Corpus of the Kalmyk Language¹ and subsequently converted into a format closely aligned with the standards of the Universal Dependencies² (UD) framework. In this format, individual sentences are delimited by blank lines, and each sentence begins with a comment line prefixed by '# text ='. This is followed by word lines, a sequence of lines, each representing the morphological analysis of a single token.

Word lines contain the following fields:

1. Word ID: Word index presenting the order of the corresponding word in the sentence.
2. Form: Word form or punctuation symbol.
3. Lemma: A dictionary form (lemma).
4. POS: A part-of-speech tag.
5. Morphological tags: List of morphological features.

Each token in the sentence is annotated with the word form, lemma, part of speech, and a set of morphological features. These elements are separated by tab characters. In cases where multiple morphological features are present, they are delimited by the pipe symbol (|). The "NoFeat" tag indicates that the token has no morphological tags (Figure 6).

Where possible, the original part-of-speech and morphological tags were mapped to the UD schema to improve compatibility. However, due to the specific characteristics of the Kalmyk language and the tagging annotations used in the source corpus, a substantial part of the annotation maintains its original tagset. For example, we cannot replace the 'N-N' tag with the regular 'N' tag. In Kalmyk, they differ and refer to other parts of speech. As a result, the final dataset is partially aligned with UD while preserving language-specific features. To train the Morpheus and our model, the MSD tags have been converted to the UniMorph schema, and the other six remaining columns were replaced with underscore (Figure 7).

The resulting dataset comprises 3,119 sentences and a total of 42,667 tokens. It includes 25 distinct part-of-speech tags and 135 unique morphological features. The dataset was divided into training, validation, and test subsets using an 8:1:1 split, respectively. All preprocessing and formatting were performed using custom Python scripts. The statistics of the dataset are shown in Table 1.

Table 1. Dataset statistics

Dataset	Train	Valid	Test
Sentences	2 495	311	313
Tokens	35 049	3 991	3 627

4. Method

The input embedding layer consists of two parts: word embedding and contextual embedding. Word embeddings are based on the characters that make up the word. This helps to take into account the morphology. Context embeddings are generated

¹ Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://www.kalmcorpora.ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

² CoNLL-U Format [электронный ресурс] // URL: <https://universaldependencies.org/format.html> (дата обращения: 05.05.2025).

```

# text = Чикэн көндөхлэ, тернь бас дурана.
1 Чикэн чикн N CASE=ACC1|PART=REFL
2 көндөхлэ көндөх V CONV=COND
3 , , PUN NoFeat
4 тернь тер PRON CASE=NOM|PART=POS3
5 бас бас CONJ NoFeat
6 дурана дурах V TENSE=PRES
7 . . PUN NoFeat

```

Fig. 6. An example of annotated data

```

# text = Хальмг улс атхм чимг цуглудад, үүдн деерэсн уйна.
1 Хальмг хальмг - - ADJ
2 улс улс - - N;CASE=NOM - - -
3 атхм атхм - - ADJ
4 чимг чимг - - N;CASE=ACC2
5 цуглудад цуглх - - V;VOICE=CAUS2;CONV=ANT
6 , , PUN
7 үүдн үүдн - - N;CASE=NOM - - -
8 деерэсн деэр - - POST;CASE=ABL;PART=REFL - - -
9 уйна уйх - - V;TENSE=PRES - - -
10 . . PUN - - - - -

```

Fig. 7. An example of annotation where the MSD tags are converted to the UniMorph schema

by using pretrained cross lingual model XLM-RoBERTa¹ to take into account the word's meaning in the context. The decoder inputs a context representation of a word and applies GRU to generate the characters in the root form and the tags. The model utilizes one encoder for lemmas and MSDs tags, and two separate decoders to generate sequences of characters in lemmas and tags. Another decoder is used to input a context representation of a word and apply GRU to predict the sequence of transformation operations (for example, "insert a character", "delete a character", "replace a character") that must be applied to the source word (surface word) in order to obtain its lemma.

5. Experimental results and analysis

To compare and analyze the overall performance of our model, we found and trained several models that were also designed to jointly predict lemmas and morphological tags. It was important for us to choose models that would not depend on the language and the type of annotation. The selected models do not have to require additional morphological segmentation tools or pretrained embeddings.

To evaluate the models' performance, we selected the following metrics:

1. Lemma Accuracy: measures the percentage of words in the sentence for which the predicted lemma exactly matches the true lemma.
2. Lemma Levenshtein Distance: computes the Levenshtein distance between predicted lemmas and true lemmas. A lower value indicates better performance.
3. Morph Accuracy: evaluates the percentage of words where all morphological tags (POS + MSDs) are predicted correctly.

¹ XLM-RoBERTa (base-sized model) [электронный ресурс] // URL: <https://huggingface.co/FacebookAI/xlm-roberta-base> (дата обращения: 05.05.2025).

4. Morph F1: A harmonic mean of precision and recall for individual morphological tags.

The first model we trained was the neural network that is designed to jointly predict lemmas, part-of-speech (POS) tags, morphological tags. It combines character-level and word-level embeddings with a sequence-to-sequence (Seq2Seq) lemmatizer. Two bidirectional LSTMs were used to process character-level features and to generate word-level embeddings. Two linear layers were utilized to predict POS tags and MSDs. The Seq2Seq lemmatizer uses teacher forcing as a training mode.

Another proposed model is neural network, which combines character-level and word-level representations with Conditional Random Fields (CRF) for morphological tagging and a Seq2Seq lemmatizer. Both linear and CRF layers were used to predict part-of-speech tags and morphological features. This model has a flexible teacher forcing ratio which allows to balance exposure bias, and the CRF layers explicitly model dependencies between morphological tags.

Next model we chose to train was Morpheus [Yıldız, Tantuğ 2019]. Their system generates word embeddings and context-aware representations of each word in a sentence using bidirectional GRUs and then inputs two types of embeddings to decoder to generate lemmas and morphological features. Morpheus utilizes two decoder models, one model for lemmatization and the second one for morphological tagging. The outputs of this model are the minimum edit operations between surface words and their lemma and morphological tags of each word.

Table 2 shows the experimental results of several models and our model for the Kalmyk dataset. The proposed model demonstrates excellent results in the lemmatization task, outperforming all other models both in terms of accuracy (the highest) and the quality of lemma predictions (the lowest Levenshtein distance). Our model also shows best results in predicting morphological tags. Morpheus also has a good performance on lemmatization task, but is slightly inferior to our model in terms of accuracy and Levenshtein distance.

Table 2. Experimental results of morphological analyzers

	Lemma Accuracy	Lemma Levenshtein Distance	Morph Accuracy	Morph F1
Char-BiLSTM	90,6	0,154	89,62	90,1
Char-BiLSTM-CRF	81,42	0,904	90,76	94,065
Morpheus	96,282	0,0493	90,041	92,938
Our model	96,66	0,047	91,71	93,604

6. Conclusion

This paper proposes a joint morphological analyzer based on a neural network for Kalmyk language. First, the model uses word embeddings based on characters of a word and context embeddings generated by pretrained cross lingual model XLM-RoBERTa to capture the morphology of the word and the local context. Second, our model is based on a sequential architecture which inputs surface words and predicts minimum edit actions between surface words and lemmas. We conducted several experiments to show that the proposed model outperforms other models trained for Kalmyk. In

future research, we will continue to improve the model's input embedding layer, joint learning of part-of-speech tagging and morphological features and the accuracy of lemmatization. The code of the proposed model can be found [here](#).

References

- Abudouwaili G., Abiderexiti K., Yi N., Wumaier A. Joint Learning Model for Low-Resource Agglutinative Language Morphological Tagging Proceedings of the 20th SIGMORPHON Workshop on Computational Research in Phonetics, Phonology, and Morphology. Toronto: Association for Computational Linguistics, 2023. Pp. 27–37. DOI: 10.18653/v1/2023.sigmorphon-1.4 (In Eng.)
- Akyürek E., Dayanik E., Yuret D. Morphological Analysis Using a Sequence Decoder Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2019. No. 7. Pp. 567–579. DOI: 10.1162/tacl_a_00286 (In Eng.) (In Eng.)
- Alajmi A. F., Saad E. M., Awadalla M. H. Hidden Markov Model Based Arabic Morphological Analyzer *International Journal of Computer Engineering Research*. 2011. No. 2(2). Pp. 28–33. DOI: 10.5897/ijcer.9000007 (In Eng.)
- Baxi J., Bhatt B. Recent Advancements in Computational Morphology: a Comprehensive Survey. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2406.05424.pdf>. 2024. Pp. 1–39. DOI: 10.48550/arxiv.2406.05424 (accessed: 05 May 2025) (In Eng.).
- Baxi J., Patel P., Bhatt B. Morphological Analyzer for Gujarati Using Paradigm Based Approach with Knowledge Based and Statistical Methods. Proceedings of the 12th International Conference on Natural Language Processing. Trivandrum: NLP Association of India, 2015. Pp. 178–182. (In Eng.)
- Bjerva J. One Model to Rule them all: Multitask and Multilingual Modelling for Lexical Available at: <https://files.core.ac.uk/download/pdf/148336297.pdf>. 2017. 266 p. DOI: 10.48550/arxiv.1711.01100 (accessed: 05 May 2025). (In Eng.)
- Cing D. L., Soe K. M. Improving Accuracy of Part-of-Speech (POS) Tagging Using Hidden Markov Model and Morphological Analysis for Myanmar Language. *International Journal of Electrical and Computer Engineering (IJECE)*. 2023. No. 10(2). Pp. 2023–2030. DOI: 10.11591/ijece.v10i2.pp2023-2030 (In Eng.)
- Cotterell R., Heigold G. Cross-lingual Character-Level Neural Morphological Tagging Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Copenhagen: Association for Computational Linguistics, 2017. Pp. 748–759. DOI: 10.18653/v1/d17-1078 (In Eng.)
- Creutz M., Lagus K. Unsupervised Morpheme Segmentation and Morphology Induction from Text Corpora Using Morfessor 1.0 ACM Transactions on Speech and Language Processing (TSLP). 2005. Vol. 4. Is. 1. Article No. 3. Pp. 1–34. DOI: 10.1145/1187415.1187418 (In Eng.)
- Gebreselassie T. A., Washington J. N., Gasser M., Yimam B. A Finite-State Morphological Analyzer for Wolayta Information and Communication Technology for Development for Africa. Vol. 244. Bahir Dar, 2018. Pp. 14–23. DOI: 10.1007/978-3-319-95153-9_2 (In Eng.)
- Goldsmith J. Unsupervised Learning of the Morphology of a Natural Language Computational Linguistics. 2001. No. 27(2). Pp. 153–198. DOI: 10.1162/089120101750300490 (In Eng.)
- Harris Z. S. From Phoneme to Morpheme Linguistic Society of America. 1955. Vol. 31. No. 2. Pp. 190–222. DOI: 10.1007/978-94-017-6059-1_2 (In Eng.)

- Heigold G., Neumann G., Van Genabith J. An Extensive Empirical Evaluation of Character-Based Morphological Tagging for 14 Languages Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics: Vol. 1. Valencia: Association for Computational Linguistics, 2017. Pp. 505–513. DOI: 10.18653/v1/e17-1048 (In Eng.)
- Jayaweera A., Dias N. Hidden Markov Model Based Part of Speech Tagger for Sinhala Language *International Journal on Natural Language Computing*. 2014. No. 3(3). Pp. 9–23. DOI: 10.5121/ijnlc.2014.3302 (In Eng.)
- Kote N., Biba M., Kanerva J., Rönnqvist S., Ginter F. Morphological Tagging and Lemmatization of Albanian: A Manually Annotated Corpus and Neural Models Available at: <https://arxiv.org/pdf/1912.00991.pdf>. 2019. (accessed: 05 May 2025) (In Eng.)
- Kondratyuk D., Gavenciak T., Straka M., Hajic J. LemmaTag: Jointly Tagging and Lemmatizing for Morphologically Rich Languages with BRNNs Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Brussels: Association for Computational Linguistics, 2018. Pp. 4921–4928. DOI: 10.18653/v1/d18-1532 (In Eng.)
- Kondratyuk D. Cross-Lingual Lemmatization and Morphology Tagging with Two-Stage Multilingual BERT Fine-Tuning. Proceedings of the 16th Workshop on Computational Research in Phonetics, Phonology, and Morphology. Florence: Association for Computational Linguistics, 2019. Pp. 12–18. DOI: 10.18653/v1/w19-4203 (In Eng.)
- Koskenniemi K. Finite State Morphology and Information Retrieval Natural Language Engineering. 1996. No. 2(4). Pp. 331–336. DOI: 10.1017/s1351324997001587 (In Eng.)
- Kumar M. A., Dhanalakshmi, Soman K. P., Rajendran S. A Sequence Labeling Approach to Morphological Analyzer for Tamil Language *International Journal on Computer Science and Engineering*, 2. 2010. No. 2(6). Pp. 1944–1951 (In Eng.)
- Lindén K., Silfverberg M., Pirinen T. HFST Tools for Morphology — an Efficient Open-Source Package for Construction of Morphological Analyzers State of the Art in Computational Morphology. Vol. 41. Zurih, 2009. Pp. 28–47. DOI: 10.1007/978-3-642-04131-0_3 (In Eng.)
- Liu L. Computational Morphology with Neural Network Approaches Available at: <https://arxiv.org/pdf/2105.09404.pdf>. 2021. DOI: 10.48550/arxiv.2105.09404 (accessed: 05 May 2025) (In Eng.)
- McCarthy A. D., Vylomova E., Wu S., Malaviya C., Wolf-Sonkin L., Nicolai G., Kirov C., Silfverberg M., Mielke S. J., Heinz J., Cotterell R., Hulden M. The SIGMORPHON 2019 Shared Task: Morphological Analysis in Context and Cross-Lingual Transfer for Inflection. Proceedings of the 16th Workshop on Computational Research in Phonetics, Phonology, and Morphology. Florence: Association for Computational Linguistics, 2019. Pp. 229–244. DOI: 10.18653/v1/w19-4226 (In Eng.)
- Mueller T., Schmid H., Schütze H. Efficient Higher-Order CRFs for Morphological Tagging. Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Seattle: Association for Computational Linguistics, 2013. Pp. 322–332. DOI: 10.18653/v1/d13-1032 (In Eng.)
- Müller T., Cotterell R., Fraser A., Schütze H. Joint Lemmatization and Morphological Tagging with Lemming. Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. Lisbon: Association for Computational Linguistics, 2015. Pp. 2268–2274. DOI: 10.18653/v1/d15-1272 (In Eng.)

- Narasimhan K., Kulkarni T., Barzilay R. Language Understanding for Text-based Games Using Deep Reinforcement Learning Available at: <https://arxiv.org/pdf/1506.08941>. 2015. (accessed: 05 May 2025) (In Eng.)
- Special Interest Group on Computational Morphology and Phonology. Available at: <https://sigmorphon.github.io/workshops/2019/> (accessed: 05 May 2025) (In Eng.)
- Tamburini F. A BiLSTM-CRF PoS-tagger for Italian Tweets Using Morphological Information. Proceedings of the 5th International Workshop EVALITA 2016. Napoli, 2016. Pp. 2531–4548. DOI 10.4000/books.aaccademia.1899 (In Eng.)
- Wróbel K., Nowak K. Transformer-based Part-of-Speech Tagging and Lemmatization for Latin. Proceedings of LT4HALA 2022-2st Workshop on Language Technologies for Historical and Ancient Languages. Marseille: European Language Resources Association, 2022. Pp. 193–197. (In Eng.)
- Zueva A., Kuznetsova A., Tyers F. M. A Finite-State Morphological Analyser for Evenki Language Resources and Evaluation. Marseille: European Language Resources Association, 2020. Pp. 2581–2589. (In Eng.)
- Yıldız E., Tantuğ A. C. Morpheus: A Neural Network for Jointly Learning Contextual Lemmatization and Morphological Tagging. Proceedings of the 16th Workshop on Computational Research in Phonetics, Phonology, and Morphology. Florence: Association for Computational Linguistics, 2019. Pp. 25–34. (In Eng.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 391–405, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-391-405

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.32

UDC 398.32

Сюжетные мотивы в эпосах «Маадай-Кара» и «Бум-Эрдени»

Тамара Михайловна Садалова¹,
Янжиндулам Виктор²

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7984-2379. E-mail: sadalova-t[at]mail.ru

² Ховдский филиал Монгольского государственного университета (Р. О. Box 16/4300, 213500 Ховд, Монголия)

PhD, профессор

 0000-0003-3373-3414. E-mail: yanjinvictor[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2025

© Садалова Т. М., Янжиндулам Виктор, 2025

On Plot Motifs in the Epics “Maadai-Kara” and “Bum-Erdeni”

Tamara M. Sadalova¹,
Yanjindulam Victor²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Senior Research Associate

² Khovd branch of the Mongolian National University (P. O. Box 16/4300, 213500 Hovd, Mongolia)

Dr. Sc. (Philology), Professor

© KalmSC RAS, 2025

© Sadalova T. M., Yanjindulam Victor, 2025

Аннотация. Введение. Статья посвящена сравнительному анализу сюжетных мотивов алтайского и ойратского эпических текстов, принадлежащих двум эпическим традициям, которые имеют как общие черты, так и присущие каждой из них характерные особенности. Цель исследования заключается в актуализации традиции сравнительно-сопоставительного изучения тюрко-монгольского эпоса. Исследование продиктовано необходимостью анализа общих и особых черт двух разных

Abstract. Introduction. The article is devoted to the comparative analysis of plot motifs of the Altai and Oirat epic texts belonging to two epic traditions, each of which has both common features and characteristic features inherent in each of them. The purpose of the study is to update the tradition of comparative-contrastive study of the Turkic-Mongolian epic. The relevance of the study is dictated by the need to analyze the common and specific features of two different epic traditions that developed and existed for a long period in neighboring

эпических традиций, сложившихся и существовавших на протяжении долгого периода в соседствующих регионах Центральной Азии. *Материалы и методы.* Материалом для исследования послужили эпос «Маадай-Кара» из репертуара алтайского сказителя А. Г. Калкина (публикация 1973 г.) и эпос «Бум-Эрдени» ойратского сказителя Парчена (публикация 1923 г.). Для выявления общих черт тюрко-монгольской эпической традиции в период господства шаманских практик применялся синхронический метод исследования. С целью выделения особенностей, характерных для каждой эпической традиции, использовался диахронический метод, позволяющий проследить изменения, происходившие в особой этнокультурной ситуации. *Результаты.* Основные сюжетные мотивы (чудесное рождение, посвящение героя, преодоление препятствий, участие в брачных союзах, свадебный пир и др.), из которых слагалась сюжетно-содержательная модель каждого из двух текстов, являются свидетельством общих истоков их формирования в архаическое время. Характерные особенности, присущие той или другой эпической традиции, связаны уже с разными культурно-историческими обстоятельствами, в которых продолжалось развитие эпической традиции на более поздних этапах. В структурно-содержательной модели сказаний следует отметить явную мифологическую составляющую алтайского эпоса, сохранившуюся в мотиве отправления героя в потусторонний мир, и финальную часть сказания, в которой герой со своей суженой, обратившись в звездами, поднимаются на небеса. Для ойратского сказания характерна насыщенность содержания буддийскими элементами и заметный отход от мифологических представлений.

Ключевые слова: тюрки, монголы, эпическая традиция, сюжет, мотив, общие истоки, характерные особенности

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Эпический ландшафт

regions of Central Asia. *Materials and methods.* The material for the study was the epic “Maadai-Kara” from the repertoire of the Altai storyteller A.G. Kalkin (1973) and the epic “Bum-Erdene” of the Oirat storyteller Parchen (1923). To identify common features of the Turkic-Mongolian epic tradition during the period of dominance of shamanic practices, the synchronic method of research was used. To highlight the features characteristic of each epic tradition, the diachronic method was used, which made it possible to trace the changes that occurred in a specific ethnocultural situation. *Results.* The main plot motifs (miraculous birth, hero's initiation, overcoming obstacles, participation in marriage competitions, wedding feast, etc.), which formed the plot-content model of each of the two texts, are evidence of the common sources of their formation in archaic times. The characteristic features inherent in one or another epic tradition are already associated with different cultural and historical circumstances in which the further development of the epic tradition continued in later stages. In the structural and content model of the legends, it is necessary to note the obvious mythological component of the Altai epic, preserved in the motif of the hero's departure to the other world and the final part of the legend, according to which the hero and his betrothed, having turned into stars, ascend to the heavens. The Oirat legend is characterized by the saturation of the content with Buddhist elements and a noticeable departure from mythological ideas.

Keywords: epic text, epic tradition, plot, motif, common origins, characteristic features

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03026 “The epic

оиратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста» (№ 24-48-03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>).

Для цитирования: Садалова Т. М., Янжиндулам Виктор. Сюжетные мотивы в эпосах «Маадай-Кара» и «Бум-Эрдени» // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 391–405. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-391-405

landscape of the Oirats of Russia, Mongolia and China (from the archaic epic to the book text)”. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>

For citation: Sadalova T. M., Yanjindulam V. On Plot Motifs in the Epics “Maadai-Kara” and “Bum-Erdeni”. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 391–405. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-391-405

1. Введение

Анализируя в сравнительно-историческом плане героический эпос и изобразительное искусство тюрко-монгольских народов (в том числе алтайские и ойратские эпические сказания), исследователи приходят к выводу о том, что в первоначальных своих формах эпос сложился в эпоху ранних кочевников. Уже в то далекое время он обладал характерным для героического эпоса содержанием, что подтверждается упоминаниями старинных бытовых предметов и ювелирных изделий (фигурные бляшки, пряжки и др.), на которых изображены воинские сюжеты — борьба-поединок богатырей, поединок богатырских коней, смерть и оживление богатыря, охотничьи подвиги богатырей [Грязнов 1961: 30].

Приведенных данных, по мнению исследователей, достаточно для того, чтобы констатировать факт наличия героического эпоса у ранних кочевников Сибири и Монголии уже во второй половине I тысячелетия до н. э. и получить представления о некоторых особенностях древнего эпоса. Основные сюжетные мотивы (чудесное рождение, посвящение героя, преодоление препятствий, участие в брачных состязаниях, свадебный пир и др.), из которых слагалась сюжетно-содержательная модель эпических текстов, являются свидетельством общих истоков формирования тюрко-монгольской эпической традиции в эпоху ранних кочевников. Характерные особенности, присущие той или другой эпической традиции, связаны уже с разными культурно-историческими обстоятельствами, в которых развивался эпос в более поздние периоды.

Поэтическая модель эпоса сложилась в «дописьменную» эпоху, и эти эпические сказания пелись сказителями и передавались устным путем. Исполнительская традиция тюрко-монгольских народов, по всей видимости, представляла собой эпическую общность, характерную для всего тюрко-монгольского эпического ландшафта Центральной Азии. В устной передаче некоторые сюжеты сохранялись в мало измененном виде [Липец 1982: 190]. Подобными древними образцами эпической традиции тюркоязычных алтайцев и монголоязычных ойратов являются такие известные эпические сказания, как «Маадай-Кара» и «Бум-Эрдени».

Цель данной статьи заключается в актуализации традиции сравнительно-сопоставительного исследования тюрко-монгольского эпоса, что продиктовано необходимостью анализа общих и особых черт двух разных эпических традиций, сложившихся и существовавших на протяжении долгого периода в соседствующих регионах Центральной Азии.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для данного исследования послужили алтайский эпос «Маадай-Кара» из репертуара сказителя А. Г. Калкина (1925–1998) и ойратский эпос «Бум-Эрдени»¹, записанный от знаменитого ойратского сказителя Парчена (1855–1926). Два этих сказания, будучи известными образцами эпического творчества алтайцев и ойратов, принадлежат двум близких эпическим традициям, имеющим как общие, так и значительные различия.

Самый ранний вариант записи эпоса «Маадай-Кара» был опубликован В. В. Радловым в середине XIX в. [Радлов 1866: 59–85]. В 1915 г. текст этого сказания из репертуара сказителя Чолтыша Ютканакова был включен Г. Н. Потаниным в «Аносский сборник» [Аносский сборник 1915: 100–117]. В 1957 г. алтайский исследователь С. С. Суразаков опубликовал текст «Маадай-Кара», записанный от известного алтайского сказителя А. Г. Калкина [Маадай-Кара 1957]. В 1960 г. этот же текст в сокращенном варианте был опубликован в серии «Алтай баатырлар»² [Алтай баатырлар 1960].

Фрагментарные записи эпического текста «Маадай-Кара» от А. Г. Калкина производились И. П. Кучиаком [Очи-Бала 1951], П. К. Чакыровой³, а также членами I-й Алтайской Международной экспедиции⁴. Наиболее полный вариант текста объемом в 7 738 строк был записан С. С. Суразаковым и опубликован в 1973 г. в академической серии «Эпос народов СССР» [Маадай-Кара 1973]. В 2008 г. полный вариант текста на алтайском языке был издан в серии «Алтай баатырлар» [Алтай баатырлар 2008].

Один из первых анализов содержания «Маадай-Кара» в контексте других алтайских героических сказаний был сделан П. В. Пуховым во вступительной статье к академическому изданию этого текста [Пухов 1973: 8–60]. Обстоятельный анализ сюжета, мотивов, образов и вариантов этого эпического сказания дан в работах С. С. Суразакова [Суразаков 1982: 97–143; Суразаков 1985: 160–217].

Текст ойратского эпоса «Бум-Эрдени»⁵ (объем 5 165 строк) был записан от знаменитого сказителя Парчена и опубликован в русском переводе в 1923 г. Б. Я. Владимирцов, публикуя русский перевод ряда ойратских сказаний, отмечал, что перевод ойратских эпических тестов представляет огромные, иногда непреодолимые затруднения. «Предлагаемые впервые на русском, да и вообще на европейском языке переводы ойратских героических эпопей сделаны возможно близко к подлиннику. <...> Переводчик, хорошо сознавая, что его работа является лишь первым опытом, все-таки решился обнародовать свой перевод, потому что не имел никакой уверенности в том, что лучшие переводы появятся в ближайшем будущем» [Владимирцов 1923: 53].

¹ Ранее рассматривались конструктивные элементы ойратского эпоса «Бум-Эрдени» [Манджиева 2024].

² Многотомная серия «Алтай баатырлар» была основана в 1958 г. В серии издано 18 томов, в которых опубликовано 125 эпических произведений из репертуара 45 сказителей (в записях XIX в. указаны не все имена сказителей). На русский язык переведено 7 томов (58 сказаний).

³ Рукопись хранится в архиве Научно-исследовательского института алтайистики им. С. С. Суразакова [НА. Ед. хр. ФМ-33].

⁴ Материалы экспедиции хранятся в архиве Научно-исследовательского института алтайистики им. С. С. Суразакова [НА. Ед. хр. МНЭ-50].

⁵ Полное название русского перевода произведения — «Бум-Эрдени, лучший из витязей, сын Бурхан-хана и Бурам-ханши» [Владимирцов 1923: 55].

Несмотря на высказывание Б. Я. Владимирцова о трудностях перевода, следует отметить, что в тексте его перевода в полной мере отражены все сюжетные линии и мотивы эпического сказания ойратов. Надо отдать должное прозорливости Б. Я. Владимирцова, других переводов нет и поныне, а текст оригинала, хранящегося в Институте восточных рукописей РАН, опубликован только в виде фотографий в Монголии [Загдсүрэн 1972: 25–186]. Однако другие варианты более поздних записей этого эпического текста публиковались неоднократно [Цэдэнжав 1947; Лувсанбалдан 1997; Бурхан ханы хөвүүн 2009; Бурхан ханы хөвүүн 2016; Катуу 2017].

Монгольский исследователь Г. Ринчинсамбуу выделяет четыре периода в историческом развитии эпоса монгольских народов. По его мнению, с древнейших времен и вплоть до XIII в. эпическая традиция монголов основывалась на мифологии. С XIII по XVII вв. в эпической традиции монгольских народов доминировала воинская тема, связанная с идеей государственности. Именно к этому периоду, по его мнению, относится появление таких эпических текстов, как «Джангар», «Гесер», «Бум Эрдэни», «Кигийн Кийтюн Кэкэ Тэмюр Зеве» и др. Третий и четвертый периоды (XVII–XX вв.) эпического творчества у монгольских народов протекают в разных исторически сложившихся обстоятельствах, но с общей тенденцией снижения эпической традиции [Ринчинсамбуу 1964: 161–166].

Таким образом, алтайский эпос «Маадай-Кара» и ойратский эпос «Бум-Эрдени» не только являются известными образцами эпического творчества алтайцев и ойратов, но и представляют собой две эпические традиции, которые в синхроническом и диахроническом аспектах имеют определенные общие черты и в то же время свои отличительные особенности.

Для выявления общих черт тюрко-монгольской эпической традиции в период господства шаманских практик применялся синхронический метод исследования. С целью выделения особенностей, характерных для каждой эпической традиции, использовался диахронический метод, позволяющий проследить изменения, происходившие в особой этнокультурной ситуации.

3. Результаты и обсуждение сравнительного анализа героических сказаний «Маадай-Кара» и «Бум-Эрдени»

Для сравнительного анализа общего репертуара алтайских сказаний С. С. Суразаков привлекал монгольские эпические тексты, в том числе и эпос «Бум-Эрдени». Проанализировав содержание и сюжетные мотивы алтайских и ойратских сказаний, исследователь пришел к выводу, что между двумя эпическими традициями выявляется немало сходного, что восходит к общей тюрко-монгольской эпической традиции. Они оказались близки «не только по сюжетным линиям, но и многим эпизодам и мотивам, персонажам, образным выражениям, поэтическим приемам и т. п.» [Суразаков 1982: 15].

Анализ сюжетных мотивов алтайского и ойратского эпических сказаний показывает, что они развивались не изолированно, а в непосредственной связи друг с другом. Тем не менее в содержании этих эпических текстов имеются значительные различия, которые сложились на более позднем этапе в процессе их бытования в разных социокультурных условиях.

3.1. *О сказителях и сказительской традиции*

Обращаясь к анализу двух известных эпических произведений алтайской и ойратской эпических систем, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать обе сказительские традиции. Следует отметить, что алтайский сказитель-кайчи А. Г. Калкин и ойратский сказитель-туульчи Парчен, от которых были записаны эпические тексты «Маадай-Кара» и «Бум-Эрдени», прошли все этапы ученичества и становления, прежде чем стали признанными и авторитетными сказителями.

А. Г. Калкин (1925–1998), будучи потомственным сказителем, перенявшим репертуар своего отца, был учеником и других знаменитых алтайских сказителей: Оспынака, Тоолока Токтогулова, Дындылия, Д. Тобокова. В достаточно юном возрасте он самостоятельно стал исполнять усвоенные им сказания и получил благословение от знаменитого сказителя Н. У. Улагашева (1861–1946) [Алтайские героические сказания 1997: 582].

Подобным же образом складывался путь и ойратского сказителя Парчена (1855–1926). Он был представителем рода цорос и имел титул тайджи (князя). В детском возрасте был отдан в послушники в родовой монастырь. Тогда же Парчен встретился с известным сказителем героических былин Бурул-Сесрином (также известным как Сарысан) и получил от него благословение на исполнение эпопеи из его репертуара. Другим учителем Парчена был именитый западномонгольский туульчи Шериб-гелин. Парчен к своим 17 годам, будучи послушником в буддийском монастыре, стал известен как туульчи [Владимирцов 1923: 32–34].

Важным сходством двух эпических традиций являются восприятие сказительства как магического дара, ниспосланного свыше, и соответствующее этому отношение к сказителям. Ойратские туульчи, как и алтайские кайчи, считались людьми особого рода. Б. Я. Владимирцов подчеркивал, что певцов богатырских сказаний ойраты «считают людьми высшей породы, облюбованными сверхъестественными силами, чтобы поддерживать и хранить предания славного прошлого» [Владимирцов 1923: 25]. По мнению исследователей, алтайские сказители считались избранниками духов-хозяев Алтая и глубоко почитались в народе. «Наиболее талантливых сказителей называют ээлж кайчи — сказитель, который мог контактировать с духом сказаний и в которого может вселиться этот дух и устами сказителя исполнить сказание» [Садалова 2020: 138].

Как в алтайской, так и ойратской эпических традициях существовали незыблевые правила исполнения сказаний — не сокращать, не изменять сюжет, не опускать эпизоды из эпического текста. А. Г. Калкин и Парчен, строго соблюдая полноту эпического сюжета, проявляли необычайное импровизаторское дарование. Для исполнительской традиции А. Г. Калкина была характерна поэтическая импровизация. Поэтому у него при «канонизированной» последовательности эпических событий, связанных с экспозицией, развитием сюжета, кульминацией и развязкой, в содержательно-образной системе проявлялась своя наследуемая конкретно-собственная наполненность и сюжетная протяженность эпического текста [Каташев 1997: 27].

О подобном же явлении в исполнительской традиции ойратского сказителя Парчена пишет Б. Я. Владимирцов: «Сюжет эпопеи незыблем, его менять невозможно, но зато все остальное зависит от самого певца, от силы его вдохновения, от умения пользоваться поэтическими средствами» [Владимирцов 1923: 31].

Таким образом, можно констатировать, что исполнительская традиция алтайцев и ойратов представляла собой в некотором роде эпическую общность, по всей видимости, характерную для всего тюрко-монгольского эпического ландшафта Центральной Азии.

3.2. Общие сюжетные мотивы двух эпических сказаний

К общим элементам двух эпических сказаний следует отнести мотив благоденствия эпической страны героя, которая традиционно воспевается во вступительной части каждого эпического текста. Так, процветание страны хана-богатыря Маадай-Кара образно передается через многочисленность подданных и стад домашнего скота:

Светлоликие люди [его] племени
За пределы Алтая размножились...
Дыханье коней как белый туман,
Многочисленный разномастный скот.

[Маадай-Кара 1973: 251].

Другими важными элементами образной полноты эпической страны являются золотая коновязь и священный тополь, символизирующие сакральное единство трех миров. Широкая картина описания эпической страны сужается до изображения медного ложа хана Маадай-Кара, на котором спит сам богатырь:

В семьдесят семь слоев постель из хлопка под ним постелена,
В семь слоев хлопковые подушки под голову положены.

[Маадай-Кара 1973: 255].

Ойратский эпос «Бум-Эрдени» также начинается с мотива благоденствия эпической страны, в которой родился герой. «С тех пор как появился на свет, Бум-Эрдени до трехлетнего возраста все пировал, не упустив празднества ни одного дня, не упустив наслаждения ни одной ночи. А простой народ, его подданные ... знатные и простые, старые и молодые — все-все, кто там был, предавались забаве и наслаждению» [Владимирцов 1923: 58]. Этот эпический локус всегда обозначен как священная территория, окруженная цепью гор Хангая и Алтая.

Ойратский герой Бум-Эрдени имеет божественное происхождение. Он — сын Бурхан-хана (Будда-хана). Алтайский Маадай-Кара предстает как старый богатырь, но его сын Кёгюдей-Мерген получает божественное покровительство мифологического персонажа, духа-хозяйки Алтая — духа-посредника в среднем мире и верхнем мире божеств. При этом выясняется, что он «от духа горы зачат», а его богатырский конь «от духа воды родился» [Маадай-Кара 1973: 305]. В обоих сказаниях присутствуют мифологические элементы относительно чудесного рождения героев.

В двух эпических произведениях перекликаются и некоторые сюжетные мотивы. Герой Кёгюдей-Мерген — сын Маадай-Кара — по совету отца едет на поиски своей невесты Алтын-Кюсю, дочери Ай-каана (Месяц-хана). Здесь объединены мотив совета и мотив героического поиска невесты, после которых следует участие в брачных состязаниях. Герой побеждает в трех богатырских игрищах: конских скачках, стрельбе из лука и раздроблении скалы ударом ноги. По возвращении Кёгюдей-Мергена устраивается свадебный пир.

Трехлетний герой Бум-Эрдени сам решает, что наступил момент, когда он должен найти невесту и равного себе соперника. С такой просьбой он обращается

к своим подданным, но никто не решается ему ответить. В в ойратском сказании мотив совета обретает некую форму развернутого конфликта. Старый табунщик Ак-Сахал пытается отговорить юного героя от поездки, советует переждать один год, поскольку кости его еще не окрепли и кровь не загустела. Однако Бум-Ердени воспринимает отговор как оскорбление и настаивает на своей правоте. Тогда старик подсказывает ему, какой из коней является предназначенным ему конем и где ему искать свою суженую Тюк-Тюмен-Солонго, дочь хана Тэб-Джиргал [Владимирцов 1923: 59].

Герой ойратского сказания на время своего отсутствия оставляет управлять страной старого табунщика Ак-Сахала, который выступает покровителем героя, дарит ему конское снаряжение, воинское одеяние и боевое оружие [Владимирцов 1923: 60–63]. В алтайском «Маадай-Кара» эта роль возлагается на дух-хозяйку Алтая. Обычно в алтайских сказаниях безымянные старик или старуха участвуют при наречении героя. Если имя приносит ему удачу, то их щедро одаривают. Считается, что «зачастую многие родовые духи персонифицируются в облике старух, стариков» [Паштакова 2015: 212].

В ойратских сказаниях участие в брачных состязаниях состоит из трех мужских игрищ: конских скачек, борьбы и стрельбы из лука. Иногда, когда силы соперников оказываются равными, принимается обоюдное решение стать побратимами. В эпосе «Бум-Эрдени» мотив побратимства повторяется дважды. В первом случае герой после трудных состязаний становится побратимом богатыря Хара-Хаджира. Когда отец невесты поручает герою трудное задание — победить трех чудовищ-мангусов, герой вступает в борьбу с ними вместе с побратимом. Затем по совету Ах-Сахала он отправляется далеко на запад и там сражается с богатырем Кигийн Кийтен Кэкэ Тэмюр Зeve, после чего они становятся побратимами [Владимирцов 1923: 96–99].

В алтайских героических сказаниях мотив побратимства достаточно распространен, хотя в самом сказании «Маадай-Кара» он отсутствует. Например, в героическом сказании «Кан-Алтын» герой освобождает из вражеского плена хозяина Алтая (черного медведя) и хозяина земли (черного марала), которые становятся его побратимами. В дальнейшем у него появляется еще один побратим — Кан-Кёкюлен, малолетний сын врага, оставленный в живых богатырем Кан-Алтыном [Алтайские героические сказания 1997: 371–379].

Интересно, что и в «Маадай-Кара», и в «Бум-Эрдени» сохранились некоторые элементы древних представлений. Так, воинством антагонистов в алтайском эпосе руководит шаманка — Кара-Таады, дочь Эрлика, а в ойратском эпическом сказании — мать мангусов, шаманка Керинкей-Зандан. Другим общим мотивом является поиск души врага для его окончательного уничтожения. С. С. Суразаков отмечал, что в подобных эпических сказаниях «укоренился мотив о материализованной „внешней душе“, находящейся в какой-либо части тела или вне тела живого существа. До тех пор пока герой не отыщет душу противника, последний не может умереть» [Сураазков 1985: 185].

В строгой последовательности сюжета эпического сказания мотив поиска души врага связан с мотивом преодоления преград, возникающих на пути богатыря. В «Маадай-Кара» герой преодолевает три преграды в подземном мире, которые являются традиционными для алтайских сказаний: силачи-великаны, вооруженные чугунными колотушками и медным ломом; желтое ядовитое море,

«растянувшееся на семидесятичное расстояние»; «сходящиеся-расходящиеся скалы». С. С. Суразаков отмечал, что «образ ядовитого моря или реки не является чисто алтайским, он встречается в фольклоре самых различных народов, в особенности у тюрков и монголов» [Суразаков 1985: 179].

Мотив преодоления препятствия в двух сказаниях во многом близок. Кёгюдэй-Мерген по совету своего коня скачет обратно на «годичное расстояние», чтобы разогнаться и перелететь через ядовитое море. Бум-Эрдени и Хаджир-Хара, также проскакав день и ночь, перелетают через два желтых моря, одно из которых наполнено ядом молочной водки тройной перегонки (*хорон*), второе — ядом молочной водки двойной перегонки (*хорзо*). Интересно, что в алтайском сказании ядовитое море на обратном пути героя больше не встречается. Бум-Эрдени вместе с побратимом Хаджир-Хара при возвращении устраивают демонстрацию своих чудесных способностей. Хаджир-Хара черными заклинаниями замораживает море Хорзо, превратив его в лед, а Бум-Ердени горячими заклятиями высушивает море Хорон, превратив его в сухое место.

В алтайских сказаниях часто встречается мотив магического очищения героев после кровавых сражений и победы над демоническими существами подземного мира. В одном из сказаний А. Г. Калкина «Очы-Бала» дева-батырша после сражения купается в реке [Алтайские героические сказания 1997: 131]. В эпосе «Маадай-Кара» Кара-Таады, дочь подземного владыки Эрлик-бия, напустив колдовские чары из-за убийства своего супруга, забирает героя в подземный мир. Оттуда его вызволяет богатырский конь и для исцеления и очищения окунает в целебный источник:

Молодого богатыря Кёгюдэй-Мергена
В целебный чистый источник,
Под солнцем и луной находящийся,
[В воду] девяти молочных озер,
Под солнцем и луной находящихся,
Подняв, опустил...

[Маадай-Кара 1973: 379].

Мотив очищения, по всей видимости, является отражением древнего обряда омовения водой и очищения огнем людей и животных от злых сил и болезней. Элементы таких древних обрядов сохранились и в современных похоронных обрядах калмыков и алтайцев. До недавнего времени у калмыков практиковался обряд очищения огнем (*шур тэвх*) людей, животных и домашнего скарба перед первой после зимы кочевкой на весенне пастбище [Борджанова 1999: 26–27]. Все люди и домашний скот проходили между двумя разведенными кострами, в который добавлялся можжевельник. Реликты подобного обряда сохранились и в эпосе «Бум-Эрдени»: «После этого взошли они на условный серый холмик-горку и поставили там тринацать куреней, очистили себя и своих коней; ниспустили они нектарный чудесный дождь, обмыли себя и своих коней» [Владимирцов 1923: 93].

Таким образом, в эпических сказаниях «Маадай-Кара» и «Бум-Эрдени» существует явное сходство ряда сюжетных мотивов, что вполне объяснимо с точки зрения близости культур кочевых тюрко-монгольских народов, а также влияния общих религиозных культов тенгрианства и шаманизма, господствовавших на протяжении многих столетий на обширной территории Центральной Азии.

3.3. Своеобразие сюжетных мотивов

В числе явных отличий ойратских сказаний от алтайских эпических текстов С. С. Суразаков называл буддийские элементы, которыми насыщены тексты ойратских эпических сказаний [Суразаков 1982: 15]. Б. Я. Владимирцов отмечал, что с упадком шаманства и распространением буддизма появились изменения в текстах героических эпопей. Персонажи шаманизма стали заменяться гениями, духами и святыми буддийского учения. Происходит насыщение сравнениями и метафорами с буддийским содержанием и даже подмена традиционных действий эпических героев. Если, к примеру, в алтайских сказаниях герой в качестве приданого невесты традиционно забирает половину стада ее отца, то в ойратском сказании невеста ойратского богатыря везет в страну мужа писанные золотом главные книги буддизма — Ганджур и Данджур [Владимирцов 1923: 48]. Порой эпические богатыри высказывают желания переродиться в будущем листом священной сутры.

Тем не менее буддийское влияние не изменило традиционную сюжетную линию и образ героя эпических сказаний ойратов. Алтайские и ойратские богатыри продолжают сражаться с врагами под покровительством небесных божеств. Благоденствие богатыря Маадай-Кара в своей стране прерывается вторжением врагов. Его сын Кёгюдай-Мерген, с самого рождения оставленный в колыбели в тайге, вынужден выживать, несмотря на покровительство духа-хозяйки Алтая, сражаться и побеждать сильных и опасных противников.

Ойратский богатырь Бум-Эрдени сам ищет равного себе соперника, чтобы сразиться с ним. В ойратском эпосе противником героя, как правило, выступает мифологическое многоголовое чудовище-мангус. Даже обладая демоническим обликом, он не бывает лишен некоторых человеческих черт и обычно является владельцем кочевий, скота и подданных. В алтайском «Маадай-Кара» противостоят герою представители подземного мира, при этом в сказании присутствует мотив отправления его в подземный мир. Как отмечают исследователи, в архаических эпосах алтайцев и хакасов *«походы героя в подземный мир обычно предпринимаются в поисках души убитого врагами брата, сестры, отца и представляют своеобразную героическую параллель к шаманским легендам о возвращении души умершего»* [Мелетинский 2004: 346].

Мотив отправления эпического богатыря в подземный мир также встречается в сказаниях ойратов. Однако под влиянием буддизма отправление богатыря в подземный мир замещается походом эпического богатыря в буддийский ад. Это интересная тема, которая требует отдельного анализа. Отметим лишь то, что при замещении «шаманского» мотива отправления эпического героя в потусторонний мир мотивом похода эпического богатыря в буддийское чистилище сохранился ряд элементов, свидетельствующих о таком процессе. Во-первых, вынужденное отправление эпического богатыря в адскую обитель, будучи живым человеком; во-вторых, весьма двойственное отношение богатыря к владыке буддийского ада.

Согласно традиционной сюжетной линии, герои эпических сказаний после победы возвращаются домой. В алтайских и ойратских сказаниях они захватывают добычу у врага, при этом вернув захваченное ими имущество и скот их родителей.

В алтайском эпическом сказании «Маадай-Кара» сохранился мифологический финал, согласно которому богатырь со своей суженой обворачиваются

звездами и поднимаются на небо. В ойратском «Бум-Эрдени» герой, несмотря на божественное происхождение, остается благоденствовать в мире людей, в своей стране, объединившись с родителями и побратимами.

Несмотря на заметное сходство ряда сюжетных мотивов, что вполне объяснимо с точки зрения близости кочевых культур, а также общих религиозных культов тенгрианства и шаманизма, существуют и характерные, отличительные особенности. Прежде всего, следует отметить явную мифологическую составляющую алтайского эпоса, сохранившуюся в мотиве отправления героя в потусторонний мир, и финальную часть сказания, в которой герой со своей супружной, обратившись звездами, поднимаются на небеса. Для ойратского сказания характерны насыщенность содержания буддийскими элементами и заметный отход от мифологических представлений.

4. Заключение

Эпические сказания алтайцев и ойратов в своем первоначальном виде сложились в эпоху ранних кочевников и обладали характерным для героического эпоса содержанием. Благодаря поэтической форме героического эпоса и устной передаче, которая сложилась в бесписьменную эпоху, древние героические сюжеты сохранились до наших дней. Такими образцами эпических сказаний являются алтайский эпос «Маадай-Кара» и ойратский эпос «Бум-Эрдени». Это не только известные образцы эпического творчества алтайцев и ойратов, но и это две эпические традиции, которые имеют как определенные общие черты, так и отличительные особенности.

Анализ сюжетных мотивов алтайского и ойратского эпических сказаний свидетельствует, что они слагались и развивались не обособленно и изолированно, а в тесной связи с эпическим творчеством других тюрко-монгольских народов. Основные сюжетные мотивы (чудесное рождение, благоденствие страны, посвящение героя, преодоление препятствий, участие в брачных состязаниях, свадебный пир и др.), из которых слагалась сюжетно-содержательная модель каждого из двух эпосов, являются свидетельством общих истоков их формирования в архаическое время. Характерные особенности, присущие той или другой эпической традиции, связаны уже с разными культурно-историческими обстоятельствами, в которых продолжалось развитие эпической традиции на более поздних этапах.

Источники

		Sources
Алтай баатырлар 1960 — <i>Алтай баатырлар</i> (Алтайские богатыри). Т. 3 / сост. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1960. 482 с. (На алт. яз.)	Altai Bogatrys. Vol. 3. S. Surazakov (comp.). Gorno-Altaysk: Altaisk Book Publ., 1960. 482 p. (In Altai)	
Алтай баатырлар 2008 — <i>Алтай баатырлар</i> (Алтайские богатыри). Т. 14 / сост.: З. С. Казагачева, М. А. Демчинова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 2008. 271 с. (На алт. яз.)	Altai Bogatrys. Vol. 14. Z. Kazagacheva, M. Demchinova (comps). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaisk Book Publ., 2008. 271 p. (In Altai)	

- Алтайские героические сказания 1997 — Altai Heroic Tales: Ochi-Bala. V. Gatsak (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1997, 663 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 15). (In Altai and Russ.)
- Бурхан хааны хөвүүн 2009 — Бурхан хааны хөвүүн Балчир Бум-Эрдэнэ (= Бум-Эрдэнэ, малолетний сын Бурхан хана) (Ц.-Д. Номинхановын архиваас). IV—V дэвтэр). II боть. Удиртгал, тайлбар бичсэн: Ж. Цолоо, Э. Пүрэвжав; редактор: академич Д. Төмөртогоо (= вводная статья, коммент. Ж. Цолоо, Э. Пүрэвжав; редактор академик Д. Тумуртогоо). Улаанбаатар: СОДПРЕСС, 2009. 162 х. (На монг. яз.)
- Бурхан хааны хөвүүн 2016 — Бурхан хааны хөвүүн Балчир Бум-Эрдэнэ (= Бум-Эрдэнэ, малолетний сын Бурхан хана) // Ц.-Д. Номинхановын 1924—1925 онд Баруун Монголд хийсэн судалгаа (= Исследования, проведенные Ц.-Д. Номинхановым в 1924—1925 гг. в Западной Монголии). I боть. Bibliotheca OiratICA. LXI. Эрхлэн хэвлүүлсэн: На. Сүхбаатар; гар бичмэлээс цахим бичвэрт бичиж, хөрвүүлэг, орчуулга хийсэн На. Сүхбаатар, Т. Ганцогт. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2016. Х. 117—168.
- Загдсүрэн 1972 — Загдсүрэн У. Бум-Эрдэнэ. Аман зохиол судлал (= Бум-Эрдэнэ. Исследование фольклора). Studia Folklorica. Т. 7. Fasc. 10. Улаанбаатар: Хэл зохиолын хүрээлэн, 1972. С. 25—186. (На монг. яз.)
- Катуу 2017 — Катуу Б. Дөрвөд аман зохиолын чуулган (= Сборник дербетского фольклора). Улаанбаатар: Соёмбо, 2017. 563 х. (На монг. яз.)
- Лувсанбалдан 1997 — Лувсанбалдан Ха. Бурхан хаан автай, Бурам хатан ээжтэй эрийн сайн Бум-Эрдэнэйн есөн бөлөг (= Девять песен о лучшем из мужей Бум-Эрдэнэ, сыне Бурханхана и Бурам-хатан). Улаанбаатар: Шинжлэх Уханы Академийн Хэвлэл, 1997. (На монг. яз.)
- Маадай-Кара 1957 — Маадай-Кара: Кай чорчик. Зап. и подгот. текста С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: Ойротбланциздат, 1957. 149 с. (На алт. яз.)
- Balchir Bum-Erdene, the Young Son of Burkhan Khan (from the Archive of Ts.-D. Nominkhanov). Vol. 2. J. Tsoloo, E. Purevzhav (introd, comm.). D. Tomortoo (ed.). Ulaanbaatar: SODPRESS, 2009. 162 p. (In Mong.)
- Bum-Erdene, Studies Conducted by Ts.-D. Nominkhanov in 1924—1925 in Western Mongolia. Vol. 1. Bibliotheca OiratICA. LXI. Sukhebaatar Na. (comp.), Na. Sukhebaatar and T. Ganzogt (transcript. from handwritten text and transl.). Ulaanbaatar: Soyembo Printing, 2016. Pp. 117—168. (In Mong.)
- Katuu B. (comp.) Collection of Derbet Folklore. Ulaanbaatar: Soyembo, 2017. 563 p. (In Mong.)
- Luvsanbaldan Kha. The Best of the Men — Bum-Erdene, the Son of Burkhan Khan and Buram Khatun. In 9 Parts. Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia, 1997 (In Mong.)
- Maadai-Kara: Kai Chorchock. S. Surazakov (notes and text). Gorno-Altaisk: Oirot Regional National Book Publ., 1957. 149 p. (In Altai)

Маадай-Кара 1973 — Маадай-Кара: Алтай-
ский героический эпос. Зап. и подгот.
текста, пер., примеч. и прил. С. С. Су-
разакова; вступит. ст. И. В. Пухова. М.:
Наука, 1973. 466 с. (На алт. яз.)

Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 466 с.

НА — Научный архив Научно-исследова-
тельского института алтайстики им.
С. С. Суразакова.

Очы-Бала 1951 — Очы-Бала. Горно-Ал-
тайск: Ойротоблнациздат, 1951. 27 с.
(На алт. яз.)

Цэдэнжав 1947 — *Цэдэнжав Ц. Бум-*
Эрдэнэ. Баруун монголын ардын
баатарлаг тууль (= Бум-Эрдэнэ. На-
родное богатырское сказание западных
монголов). Улаанбаатар: [б. и.], 1947.
(На монг. яз.)

Литература

Аносский сборник 1915 — Аносский
сборник. Зап. от сказителя Чолтыша
Куранакова Н. Я. Никифорова / пер.
Н. Я. Никифорова, Г. Н. Потанина.
Предисловие и примеч. Г. Н. Потани-
на. Омск: Типография штаба Омского
военного округа, 1915. 262 с.

Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: иссле-
дование и материалы. Элиста: Калм.
кн. изд-во, 1999. 182 с.

Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. статья и прим. Б. Я. Владимира. Пг., М.: Гос. изд-во, 1923. 254 с.

Грязнов 1961 — *Грязнов М. П.* Древнейшие
памятники героического эпоса народов
Южной Сибири // Археологический
сборник Государственного Эрмитажа.
Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего же-
леза Сибири и Средней Азии. Л.: Гос.
Эрмитаж, 1961. С. 7–31.

Каташев 1997 — *Каташев С. М.* Алтай-
ский героический эпос // Алтайские
героические сказания: Очы-Бала.
Кан-Алтын / отв. ред. тома В. М. Гацак.
Новосибирск: Наука, 1997. С. 11–47.

Maadai-Kara: Altai Heroic Epic. S. Suraza-
kov (notes and text), I. Pukhov (introd.
article). M.: Nauka, 1973. 466 p. (In Altai)

Meletinsky E. M. The Origin of the Heroic
Epic: Early Forms and Archaic Monu-
ments. Moscow: Vostochnaya literatura,
2004. 466 p. (In Russ.)

Scientific Archive of the S. S. Surazakov
Research Institute of Altaistics.

Ochy-Bala. Gorno-Altaisk: Oirot Regional
National Book Publ., 1951. 27 p. (In
Altai)

Tsedenzhav Ts. Boom-Erdene. The Heroic
Epic of the Western Mongols. Ulaan-
baatar, 1947. (In Mong.)

References

The Anoss Collection. Notes from the Nar-
rator of Choltysh Kuranakov N. Ya. Niki-
forov. N. Nikiforov, G. Potanin (transl.).
G. Potanin (pref.). Omsk: Omsk Military
District Headquarters, 1915. 262 p. (In
Russ.)

Bordzhanova T. G. Magical Poetry of the
Kalmyks: Research and Materials. Elista:
Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In
Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. The Mongol-Oirat Heroic
Epic. B. Vladimirtsov (transl., introd. and
notes). Moscow: Gosudarstvennoe Izda-
tel'stvo, 1923. 255 p. (In Russ.).

Gryaznov M. P. The Most Ancient Monuments
of the Heroic Epic of the Peoples of
Southern Siberia. In: Archaeological Col-
lection of the State Hermitage Museum.
No. 3. The Bronze and Early Iron Age of
Siberia and Central Asia. Leningrad: State
Hermitage, 1961. Pp. 7–31. (In Russ.)

Katashev S. M. Altai Heroic Epic. In: Altai
Heroic Tales: Ochi-Bala. Kan-Altyn.
V. Gatsak (ed.). Novosibirsk: Nauka,
1997. Pp. 11–47 (In Alt. and Russ.)

- Липец 1982 — Липец Р. С. Проблема взаимосвязей тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40–50-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IX. М.: Наука, 1982. С. 186–208.
- Манджиева 2024 — Манджиева Б. Б. Конструктивные элементы «тууль-улигера» в ойратском эпосе «Бум-Эрдени» // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 4. С. 913–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-913-925
- Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. 466 с.
- Паштакова 2015 — Паштакова Т. Н. Напечатание имени героя // Филологические науки: взгляд молодого ученого. Сб. мат-лов Заочной Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) (г. Стерлитамак, 26 ноября 2015 г.) / отв. ред. З. И. Салаяхова. Уфа: Стерлитамакский филиал Башкирск. гос. ун-та, 2015. С. 211–215.
- Радлов 1866 — Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. СПб.: Тип. Академии наук, 1866. 419 с.
- Ринчинсамбуу 1964 — Ринчинсамбуу Г. Монгол туулийг улэх асуудалд (= К вопросу о периодизации монгольского эпоса) // Монголын судлалын зарим асуудал. Улаанбаатар: ШУА, 1964. (Studia Mongolica. Т. IV. Fase. 18). Х. 161–166. (На монг. яз.)
- Пухов 1973 — Пухов И. В. Алтайский народный героический эпос // Майдай-Кара: Алтайский героический эпос / отв. ред. Н. А. Баскаков. М.: Наука, 1973. С. 8–61.
- Садалова 2020 — Садалова Т. М. Алтайское эпическое наследие в системе современного сказительства евразийских народов // Аман зохиол судлал: Аман зохиол судлалын эрдэм шинжилгээний цуврал. Улаанбаатар: Соёмбо, 2020. Х. 136–144.
- Lipets R. S. The Problem of Interrelations of the Turkic-Mongolian Epic with the Visual Art of the Nomads of Eurasia (Works of Soviet Archaeologists of the 40s–50s). In: Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology. No. 9. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 186–208. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Oirat Epic of Bum-Erdeni: Structural Elements of a ‘Tuul-Uliger’. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 913–925. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-913-925
- Meletinskii E. M. The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments. Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 466 p. (In Russ.)
- Pashtakova T. N. Naming the Hero’s Name. Philology of Science: the View of a Young Scientist. In: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Ufa: Sterlitamak of the Bashkir State University, 2015. Pp. 211–215. (In Russ.)
- Radlov V. V. Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Part 1. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1866. 419 p. (In Russ.)
- Rinchinsambuu G. On the Question of the Periodization of the Mongolian Epic. In: Some Questions of Mongolian Studies. Ulaanbaatar: Academy of Sciences, 1964. (Studia Mongolica. Vol. 4. No. 18). (In Mong.)
- Pukhov I. V. The Altai National Heroic Epic. In: Maadai-Kara: Altai Heroic Epic. N. Baskakov (ed.). Moscow: Nauka, 1973. Pp. 8–61. (In Russ.)
- Sadalova T. M. Altai Epic Heritage in the System of Modern Storytelling of the Eurasian Peoples. In: Folklore Studies. Ulaanbaatar: Soyembo, 2020. Pp. 136–144. (In Russ.)

Суразаков 1982 — *Суразаков С. С. Из глубины веков. Статьи о героическом эпосе алтайцев / сост. З. С. Казагачева. Горно-Алтайск: Алтайское кн. отд., 1982. 144 с.* Surazakov S. S. From the Depths of Centuries. Articles about the Heroic Epic of the Altaians. Z. Kazagachev (comp). Gorno-Altaysk: Altai Book Department, 1982. 144 p. (In Russ.)

Суразаков 1985 — *Суразаков С. С. Алтайский героический эпос / под ред. В. М. Гацака. М.: Наука, 1985. 256 с.* Surazakov C. C. Altai Heroic Epic. V. Gatsak (ed.). Moscow: Nauka, 1985, 256 p. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2025. Т. 17. № 2

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 14.11.2025. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 18,9. Тираж 100 экз. Заказ 29-25.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8